

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

48

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2014 Issue 48

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2014 Выпуск 48

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЬГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук
ВЕДЮШКИНА И. В., научный сотрудник
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 48

М.: ИВИ, 2014. — 400 с.

«Диалог со временем» — научное периодическое издание, посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 48

Moscow: IWN, 2014. — 400 p.

“Dialogue with Time” is the first Russian periodical intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2014
- © Институт всеобщей истории, 2014
- © Журнал «Диалог со временем», 2014
- © Коллектив авторов, 2014

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ПАМЯТИ Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ МОГИЛЬНИЦКИЙ

19.04.1929 – 08.07.2014

Умер Борис Георгиевич Могильницкий. Не стало Ученого, для которого несуетное служение Истории было главным делом жизни. Он посвятил свое научное творчество сложнейшим проблемам методологии и историографии исторической науки в тот период, когда разрабатывать их решались лишь очень немногие. Благодаря его работам было выделено социально-экономическое направление в русской медиевистике. Он стал и крупнейшим знатоком зарубежной исторической мысли. Его исследования специфики развития исторической науки XIX – начала XX в. предопределили интерес к процессам, протекавшим в течение долгого XX века и историографической революции на рубеже XX–XXI вв. Закономерным стал и поиск корней более поздних процессов путем погружения в проблемы историографии XVIII века, к которым он обратился в последние годы.

Блестящие способности и высочайшая ответственность позволили Борису Георгиевичу стать не только крупным, известным в стране и за рубежом ученым, но и талантливым организатором, направлявшим развитие исторической науки в Томском государ-

ственном университете, на кафедре, которую он возглавлял. Проводившиеся под его руководством регулярные конференции по вопросам методологии и историографии позволили сделать Томск известным центром развития исторической науки, центром притяжения: сюда с удовольствием приезжали видные ученые, здесь атмосфера научных дискуссий, искусно провоцируемых и направляемых Борисом Георгиевичем, стала естественной средой. Защищаться в возглавляемом им совете стремились претенденты на ученые степени из разных городов, справедливо рассчитывая на заинтересованное и высокопрофессиональное обсуждение. Выпуски «Методологических и историографических вопросов исторической науки», изданию которых он отдавал так много сил, привлекали внимание исследователей, их ждали, в них стремились опубликовать свои статьи.

Талантливый педагог, Борис Георгиевич запомнился всем, кто у него учился, не эффектными пассажами, а умением вовлечь студентов в размышления над сложнейшими вопросами исторического познания, готовностью к сотворчеству, отказом от штампов, которые имели хождение в историографии, заставляя относить зарубежных исследователей к разряду фальсификаторов. Он с величайшим вниманием относился к процессу становления молодых исследователей, превращая студенческие конференции – самим фактом личного присутствия и активным участием – в мастерскую по выявлению и возвращению талантов. Его спецкурсы по методологическим проблемам, по истории исторической мысли античности, средневековья, эпохи Просвещения, XIX века, по немецкому историзму, по историографии XX века предопределили формирование историографической школы, по праву именуемой школой Могильницкого. Трехтомная «История исторической мысли XX века», ставшая итогом не только его исследовательской, но и преподавательской деятельности, еще долго будет определять историографическую подготовку специалистов-историков в университетах России.

Умер Борис Георгиевич Могильницкий. Осталась неоконченной его книга по историографии XVIII столетия. То, что завершат его ученики, он уже не прочтет. Эта невозможность «сверить часы» по Могильницкому – человеку, Ученому, чей интерес к науке никогда не угасал, чьи глаза до последнего молодо и пытливо вглядывались в происходящее вокруг и в научном сообществе – особенно болезненно ощущается всеми, кто его знал, кто учился у него, кто искал в его исследованиях ответа на тревожащие вопросы прошлого, настоящего и будущего нашей науки и нашего общества.

ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

О. С. НАГОРНАЯ

ГУМАНИТАРНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ НА ПЕПЕЛИЩЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА РЕПАТРИАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

На примере репатриации военнопленных Восточного фронта Великой войны в статье анализируется специфика транснациональной переработки опыта первой индустриальной войны: развитие идейного потенциала, норм и институтов международного гуманитарного права, трансформация наднациональных благотворительных организаций, закрепление новых дипломатических практик, появление особого типа международных посредников, которые в совокупности ознаменовали рождение современного международного гуманитарного дискурса.

Ключевые слова: Первая мировая война, международное гуманитарное право, репатриация военнопленных, транснациональная история, история идей, история международных организаций.

Знаковые даты крупных исторических событий являются поводом не только для публичных мемориальных мероприятий, но и для критической оценки состояния научного ландшафта. В истории изучения Первой мировой войны ключевым стал 1994 год, когда в мировой историографии проявились результаты антропологического поворота – внимание к индивиду, его переживаниям позволило наметить новый огромный пласт изучения конфликта. Продуктивного запала хватило на 20 лет – теперь мы знаем Великую войну совершенно с другой стороны, включая ее субъективное, эмоциональное и гендерное измерение. Несмотря на то, что эти исследовательские поля себя далеко еще не исчерпали (особенно это касается российского материала), 2014 год стал поводом для ревизии подходов и достижений, а также для оценки возможных направлений дальнейшего изучения. Обзор уже состоявшихся научных форумов и публичных мероприятий свидетельствует, что современные структуры коллективной памяти о Первой мировой войне демонстрируют национально концентрированный характер. Напротив, и здесь мы видим определенный диссонанс, в современной исторической науке в рамках стремительно развивающегося направления глобальной истории предпринимаются интересные и плодотворные усилия по преодолению этой сугубо национальной концентрации. В транснациональном ракурсе исследовательская формула Джорджа Ф.

Кеннана «Первая мировая война как катастрофа, породившая столетие», переживает сегодня своеобразное перерождение, поставив вопрос, какой опыт, выраженный в нормах, институтах и практиках, мировое общество перерабатывало и усваивало в послевоенный период.

Как известно, Великая война породила мощные, невиданные доселе миграционные потоки: не только солдаты регулярных армий, но и беженцы, депортированные, эвакуированные насильно вырывались из привычных жизненных миров и помещались в совершенно иной контекст, пересекая довоенные границы государств в различных направлениях, оказываясь в тех странах, о которых до войны они имели смутное представление. Одной из наиболее многочисленных категорий стали военнопленные армий воюющих сторон, в массовом порядке оказавшиеся к моменту окончания войны во враждебных странах. При этом для многих из них, прежде всего это касается Восточного фронта, понятие родной страны просто перестало существовать – многонациональные империи рухнули под натиском первой индустриальной войны. Де факто солдаты и офицеры в лагерях превратились в граждан без государства, де юре их положение вообще не было определено – международная правовая категория «лицо без гражданства» появилась значительно позже. Сформированное в довоенный и военный период правовое пространство, предполагавшее организованный порядок возвращения военнопленных сразу же по окончании военных действий, превратилось в нормативный вакуум, в котором были вынуждены двигаться не только сами актеры, но и лица, оказавшиеся у власти и в победивших, и в проигравших странах. Стоит оговориться, возвращение многомиллионной массы военнопленных Восточного фронта «домой» в ситуации европейской гражданской войны превратилось по сути дела в гуманитарную катастрофу¹, одновременно став и одной из ключевых вех развития гуманитарного права и гуманитарных институтов: в хаосе импровизации вырабатывались новые нормы и институты международного гуманитарного и национального права, отшлифовывались новые дипломатические и организационные практики, пробовали себя актеры, сыгравшие значимую роль в преддверии грядущего вооруженного противостояния.

* * *

Благодаря особому характеру ведения военных действий Восточный фронт Первой мировой войны стал выражением массовости феномена военного плена. Как известно, из 60 млн комбатантов 8 млн оказались за колючей проволокой, большинство из них были гражданами

¹ Подробнее см.: *Oltmer*. 2006; *Нагорная*. 2008.

воевавших на Востоке традиционных империй: России, Германии, Австро-Венгрии, Турции. Досрочное окончание войны на Восточном фронте не принесло многомиллионной массе военнопленных быстрого освобождения и столь желанного возвращения на родину. После окончания военных действий они превратились в козырную карту и жертву в игре противоборствующих сторон (большевиков, контрреволюционных правительств, Централных держав и стран Антанты), стремившихся использовать их для достижения собственных целей в установлении нового миропорядка. Борьба интересов, транспортный коллапс и советско-польская война затянули репатриацию на Востоке вплоть до 1922/23 г. Дипломатическая и политическая точка в этой акции была поставлена Рапалльским соглашением, в котором стороны констатировали завершение эвакуационных мероприятий и отказывались от взаимных претензий за содержание вражеских военнопленных.

В качестве основополагающих факторов в анализируемом процессе репатриации следует отметить подвижность государственных границ и неопределенность властных структур на отдельных территориях, разрушение институтов гражданства, устаревший характер прежних и отсутствие адекватных новых правовых и институциональных рамок, импровизационный характер миграционной политики, значимость идеологической и политической пропаганды, разрушение устойчивых экономических и политических связей.

Отсутствие адекватных санкций за нарушение норм довоенного международного права на случай войны привело к тому, что все стороны использовали безоружных солдат и офицеров противника в качестве заложников и инструмента давления, задерживали их под любым предлогом после окончания военных действий как дешевую рабочую силу, целенаправленно и часто насильственно вовлекали в вооруженные формирования, участвующие в гражданских войнах². Причем данные мероприятия были характерны не только для проигравших стран, но и для победивших стран Антанты, к примеру, для Франции. В целом, опыт использования дешевой рабочей силы, приобретенный в рамках содержания военнопленных в ходе войны и закрепленный во время репатриации, стал неотъемлемой частью миграционной политики практически всех государств. Социальная политика и мероприятия реабилитации возвращающихся из плена солдат и офицеров также носили импровизационный и противоречивый характер. Нарботанные в ходе стихийной и организованной репатриации нормы распространялись впоследствии на

² Подробнее см.: *Nachtigal*. 2005.

другие социальные группы. При этом на примере Советской России и Германии можно проследить заимствование опыта, включая правовые определения, практику мероприятий и медицинские новации³.

Анализ соглашений, оформленных в рамках репатриации, позволяет говорить о том, что необходимость возвращения военнопленных на родину стимулировала стороны к достижению договоренностей вне рамок традиционной дипломатии и иногда идеологически нежелательных для конкретных правительств. К примеру, задолго до дипломатического признания Советской России в качестве государства Великобритания и Франция были вынуждены подписать с ней соглашения о порядке возвращения отдельных групп военнопленных, находящихся на вверенных им территориях⁴. В свою очередь, представители новой власти в Советской России, несмотря на острый характер военного противостояния, развернувшегося на востоке бывшей империи, вступили в переговоры с колчаковским правительством о пропуске возвращающихся военнопленных в Сибирь⁵, ибо скопление их на линии фронта грозило социальным и политическим взрывом.

Феноменальным по своей сути является признанный в соглашениях, заключенных между правительствами отдельных стран и наднациональными организациями, добровольный характер репатриации: военнопленные могли вернуться на родину только по своему желанию. С разрешения взявшей их в плен страны, они получали возможность остаться на ее территории или отправиться в любое другое государство, согласное их принять. По сути, мы наблюдаем здесь обусловленное политическим целеполаганием сторон распространение принципов самоопределения народов на отдельного индивида. Понятно, что разные причины, например, нежелание создавать конкуренцию на рынке труда местному населению или антибольшевистская истерия, помешали последовательному воплощению этой правовой нормы. Но даже ее частичная реализация по отношению к русским военнопленным привела к значительному пополнению эмигрантских колоний в разных странах мира: от Германии и Франции до Китая, США, Аргентины, а также к возникновению процесса культурного трансфера в этих странах.

На примере процесса репатриации наглядно проявляется поворот в дипломатической практике от классических устоев кабинетной дипломатии к формированию более сложного поля с нетрадиционными ин-

³ См.: *Нагорная*. 2010. С. 353–354.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 340.

ститутами, подходами и деятелями. Окончание войны на Восточном фронте стало гротескным столкновением классической дипломатии как среды приложения сил наследственной аристократии, облеченной в жесткую форму соблюдения протокола мероприятий, с потребностями момента⁶. В сфере репатриации военнопленных универсальных доселе офицеров и дипломатов быстро сменили профессиональные революционеры, узкие специалисты или бывшие пленные, знакомые со спецификой лагерной жизни и организацией транспортировки.

Помимо смены лиц и традиций стоит отметить еще ряд примечательных тенденций: правовой и институциональный вакуум, в котором развивалась репатриация, способствовал повышению роли небольших нейтральных государств в качестве посредников между непримиримыми крупными противниками в целях предотвращения гуманитарных катастроф. К примеру, несмотря на установление дипломатических отношений между Советской Россией и Германией, положение военнопленных на территории Сибири, находившихся под властью антибольшевистских сил, контролировалось шведскими и датскими миссиями Красного Креста, местом массового скопления интернированных всех стран стали нейтральные Швейцария, Норвегия и Дания. Заинтересованность мировых держав в судьбе своих подданных привела к постепенной выработке механизмов международного посредничества, проявивших себя в полной мере уже в будущих конфликтах.

В рамках экспериментального поля репатриации возрастает значимость Международного комитета Красного креста. Как известно, гуманистические устремления данной организации в ходе Первой мировой войны во многом потерпели провал – национальные общества приобрели в угаре патриотического подъема роль проводника государственных интересов, утратив во многом свою первоначальную миссию⁷. Однако непосредственно после окончания войны этот дисбаланс удаётся несколько исправить: основание Лиги краснокрестных обществ, плодотворные усилия в работе с жертвами войны и ее последствий, сотрудничество с Лигой наций превратили Красный Крест в равного партнера с дипломатическими представительствами национальных государств. Ярким примером смены статуса становится важнейшая для развития международного гуманитарного права Женевская конференция 1929 г., где Красному Кресту дается право совещательного голоса⁸.

⁶ См.: *Schattenberg*. 2011.

⁷ Подробнее см.: *Hinz*. 2006. S. 216–236.

⁸ *Ebenda*.

Репатриация многомиллионной массы военнопленных способствовала формированию новых норм, институтов и организаций гуманитарного права. Наиболее яркий пример – создание Комитета помощи Фритьофа Нансена, трансформировавшегося со временем в институт Верховного комиссара Лиги наций по делам беженцев. В напряженной ситуации в Центральной и Восточной Европе после окончания войны и советско-польского конфликта он становится важнейшей посреднической инстанцией в вопросах содержания и отправки военнопленных, взяв на себя снабжение столь дефицитным в Германии и России топливом, а также переговоры с агрессивно настроенными к обеим странам Польшей и прибалтийскими государствами. Под знаменем МККК и Комиссариата Лиги наций в Центральной и Восточной Европе было репатрировано более 400 тыс. бывших пленных⁹. При этом для транспортировки военнопленных используется тоннаж бывшего германского флота, оказавшегося по условиям Версальского мирного договора в юрисдикции Англии¹⁰. Без посредничества транснациональных структур подобные совместные действия бывших противников были бы невозможны. Опыт работы с оказавшимися в условиях отсутствия юридической и материальной поддержки родины массами военнопленных способствовал выработке новых юридических практик – появлению нансеновского паспорта, признаваемого в качестве документа в 50-ти странах и предоставлявшего для граждан, лишившихся своего государства, уникальную возможность легального пересечения границ и трудоустройства.

Практика привлечения благотворительных организаций к осуществлению репатриации и их работа вне политических границ была распространена впоследствии и на другие кризисные зоны межвоенного периода. Так, структурный и практический опыт работы американских организаций помощи в ситуации гуманитарной катастрофы в немецких лагерях военнопленных в 1919 г.¹¹, наладивших там поставки и распределение продовольствия, сыграл значительную роль в голодающих районах Советской России. Около половины сотрудников Американской администрации помощи, оказавшей в рамках договоренностей с советским правительством масштабную помощь на Урале, работали ранее в ведомстве Герберта Гувера в Европе сразу после окончания войны. Именно этот опыт оказался ключевым фактором относительного успеха американского предприятия в Советской России в целом¹².

⁹ Willis. 1951. P. 62.

¹⁰ См.: *Нагорная*. 2010. С. 95–96.

¹¹ См.: Willis. 1951.

¹² См.: *Хмелевская*. 2007.

В рамках репатриации проявляется новая волна общественных и политических деятелей, сфера активности которых и их аффилиация с внациональными организациями однозначно позволяют характеризовать их как новое поколение транснациональных акторов – особых представителей международной общественности, которые вне традиционных дипломатических рамок пересекают границы и выполняют функции медиаторов. Таков, к примеру, Моритц Шлезингер – первоначально сотрудник лагеря для русских военнопленных Деберлиц, а с 1918 г. глава германского ведомства по делам гражданско- и военнопленных. Опыт работы по репатриации военнопленных и налаженные контакты позволили ему не только квалифицироваться в качестве консультанта Внешнеполитического ведомства по экономическим связям с Советской Россией, в должности которого он находился вплоть до 1933 г., но и работать в наднациональных структурах временным представителем Лиги наций по вопросам беженцев¹³. К этой же когорте относится и Густав Хильгер, в период отсутствия официальных отношений игравший роль посредника между Берлином и Москвой и одновременно выполнявший поручения комитета помощи Нансена. Несмотря на отсутствие доступа советских деятелей в новые наднациональные организации (Лигу наций), к фигурам нового типа можно отнести и советского представителя в Берлине Виктора Коппа. Особое место в этом ряду занимает Эльза Брендстрем – феномен военного и межвоенного периода. Как представительница Шведского Красного Креста она не только внесла огромный вклад в функционирование структур поддержки военнопленных Центральных держав в Сибири, включая процесс репатриации, но и благодаря своим поездкам с докладами по странам Европы и США, способствовала фокусированию внимания международной общественности на необходимости правовой защиты военнопленных, беженцев и их детей в случае будущего конфликта. Неслучайно, именно вокруг нее как символа гуманитарных устремлений формируется деятельность общественных союзов бывших военнопленных разных стран.

Их сфера активности также носит транснациональный характер: многочисленные союзы пленных в целях улучшения своего социального статуса стремились институционально закрепить совместные интересы и установить контакты с носителями опыта плена других национальностей. Активно в эту деятельность оказались вовлечены и бывшие русские пленные, оставшиеся в эмиграции, а также французы, англичане, немцы,

¹³ См.: *Schlesinger*. 1977.

австрийцы. Взывая к своему трагичному опыту в публикациях и петициях под лозунгом «Мы все – жертвы войны», бывшие военнопленные разных стран принимали активное участие в лоббировании пересмотра существующего международного права, а также выступили с инициативой создания Голубого креста – организации, которая бы в случае войны заботилась непосредственно о военнопленных¹⁴. В том числе благодаря их усилиям в текст Женевской конвенции 1929 г. вошли уже 97 статей, детально и адекватно регулирующих условия содержания военнопленных.

Изучение транснационального уровня переработки опыта Великой войны уводит нас от глорификации ее национального измерения, поиска виновников и патриотических акций к пониманию этого конфликта как человеческой трагедии, породившей экстремальное столетие, но и попытки международной общественности ограничить размах тотальной войны и способствовать закреплению гуманитарного дискурса в политической практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Hinz U.* Humanität im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* / hg. von J. Oltmer. Paderborn: Schöningh, 2006. S. 216–236.
- Leidinger H., Moritz V.* Der Sinn der Erfahrung. Gedanken über den Umgang mit Selbstzeugnissen ehemaliger Kriegsgefangener des Ersten Weltkrieges // *Leidinger H., Moritz V.* (Hg.) *In russischer Gefangenschaft. Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg*. Boehlau, 2008. S. 1–34.
- Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am M.: Lang, 2005.
- Oltmer J.* Repatriierungspolitik im Spannungsfeld von Antibolschewismus, Asylgewährung und Arbeitsmarktentwicklung. *Kriegsgefangene in Deutschland. 1918–1922* // Oltmer J. (Hg.) *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Schöningh, 2006. S. 267–294.
- Schattenberg S.* 1918 – Die Neuerfindung der Diplomatie und die Friedensverhandlungen in Brest-Litovsk // *Stadelmann M., Antipow L.* (Hg.) *Schlüsseljahre. Zentrale Konstellationen der mittel- und osteuropäische Geschichte*. Stuttgart, 2011. S. 273–293.
- Schlesinger M.* Erinnerungen eines Außenseiters im diplomatischen Dienst. Köln: Verl. Wiss. u. Politik, 1977.
- Willis E.F.* Herbert Hoover and the Russian prisoners of World War I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919. Stanford: Univ. Press, 1951.
- Нагорная О.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: советская практика репатриации русских военнопленных Первой мировой войны // *Вестник Челябинского государственного университета*, 2008. 15 (116). История. Вып. 24. С. 55–62.

¹⁴ *Leidinger, Moritz*. 2008. S. 34.

Нагорная О. Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922 гг.). М.: Новый Хронограф, 2010. С. 353–354.

Хмелевская Ю.Ю. «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921-1923) // Опыт мировых войн в истории России / под ред. И.Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 553–577.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, проректор Южно-Уральского института управления и экономики; nagornja.oxana@mail.ru

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

МЕЖДУ СФИНКСОМ И ФЕНИКСОМ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОВОРОТА ПО-ФРАНЦУЗСКИ*

Автор размышляет о метаморфозах исторического события во французской историографии последних десятилетий. Являясь стержнем историописания, событие – главное, с чем имеет дело историк. История, оформляясь в социальную науку, конституировала свою научность против события, однако событие всегда возвращалось. Новый виток интереса к событию, порожденный изменением режима историчности и потребностью понять современный мир, заставил историков переосмыслить содержание исторического времени, что позволило прояснить соотношение события со структурой и системой. В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет лучше описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбывной загадочности событийности. Кроме того, анализ события помогает показать сложное переплетение времен и миров действия.

Ключевые слова: историческое событие, рефлексивный поворот, режим историчности, эпистемологически ориентированная историография, нарратив, время события.

Являясь стержнем историописания, *событие* – главное, с чем имеет дело историк: рождения, смерти, сражения, войны, революции, дни, создавшие страну или потрясшие мир – все это постоянные сюжеты исторического исследования. Символические или памятные события организуют историческую память и исторический нарратив. Важнейшие события зафиксированы в школьных учебниках, а мысль о том, что исторический процесс – это цепь событий, прочно укоренена в массовом сознании. Не удивительно, что в разные исторические периоды историки, переосмысливая основы своего ремесла, неизбежно размышляли о природе событийности и содержании концепта *событие*.

Родоначальник «сложного мышления», французский социолог Эдгар Морен, учитывая непредсказуемость и загадочность *события*, сравнивал его со сфинксом¹. В новой книге Ф. Досса *событие* уподобляется фениксу, постоянно возрождающемуся из пепла². Воплощение этих об-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00357а.

¹ Morin. 1972. P. 173-192.

² Dosse. 2010.

разов – множество накопившихся в историографии интерпретаций разнородных событий и не прекращающиеся споры в науке и философии по поводу их природы. Особенно много для осмысления события сделали философы. Социальные науки всегда относились к событию весьма настороженно, но в последние десятилетия и они включились в активное обсуждение этого загадочного явления³. О возвращении события и его обновленном содержании в прошлом веке размышляли такие известные французские историки, как Жак Ле Гофф, Андре Бюргер, Жак Ревель, Арлет Фарж, Франсуа Досс. Тем не менее, до сих пор событие остается подлинным вызовом для историков, поскольку подавляющее большинство прочно усвоило редукционистскую версию события, представляющую последнее как часть реальности, простота и доступность которой не подвергается сомнению.

У такого подхода весьма глубокие корни. «Со времен Геродота и, в еще большей степени, Фукидида, – пишет Ж. Ревель, – проявляется убежденность в том, что за видимым беспорядком вещей стоит порядок причин, и историку надлежит его выявить. Он должен обнаружить оный порядок, поставив после обследования правильный диагноз на основании симптомов, явленных его взору событиями, что напоминает работу врача. Именно диагноз истинных причин того, что произошло, даст ему возможность воссоздать прошлое в требуемом виде повествования, способного убедить тех, кому оно предназначено»⁴. Однако уже в XVIII–XIX вв. история, оформляясь в научную дисциплину, конституировала свою научность против события: критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного, сингулярного считалось невозможным.

На протяжении всего прошлого века понимание *события* неуклонно усложнялось не только в истории, но и в философии, социологии, антропологии, лингвистике. Приведу мнение авторитетных отечественных специалистов по теории исторического знания: «событийная история в “чистом” виде, подразумевающим последовательное шествие событий в единой хронологической и каузальной связи, является весьма условной. Она может рассматриваться либо как простейшая форма исторического дискурса, либо, с современной точки зрения, как одна из крайних степеней абстракции исторического анализа»⁵.

³ См., например: Qu'est-ce qu'un événement?..

⁴ Ревель. 2003. Кн. 1. С. 238.

⁵ Савельева, Полетаев. 2007. С. 144.

Ученые настойчиво продолжают переосмысливать это явление, столь важное для историографической операции, нацеленной на производство исторического знания. Природа события, его содержание, место и роль в истории, включенность в цепочку причин/следствий, в исторический нарратив, соотношение истории и памяти, мифа и истины в событийном нарративе и дискурсе многократно обсуждались в разные исторические периоды с разной степенью интенсивности. Независимо от содержания дискуссий, ясно, что событие позволяет схватить время в ходе интенсивного сжатия, сгущения, придающего ходу истории новую тональность, но вопрос о том, что же собой представляет это «схватывающее время», остается открытым. Изучение проблематики события имеет междисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикер, А. Бадью и др.). Например, онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispertion*), множество. Это то, что проходит здесь и там, это многоголовое чудовище»⁶. Вслед за Ницше Фуко избегал поисков причин и истоков, подчеркивал важность исторических разрывов, связывая их с единичными событиями, в которых, по его мнению, и проявляются подлинные силы истории⁷.

П. Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: 1. Несигнификативное событие⁸; 2. Упорядоченность и торжество смысла, доходящие до бессобытийности; 3. Появление сверхсигникативных, сверхзначимых событий⁹. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на поло-

⁶ Foucault. 2011. P. 187.

⁷ Фуко. 1996. С. 74-97. «Существует целая традиция в исторической науке (телеологическая или рационалистическая), которая стремится растворить отдельные события в идеальной континуальности – телеологическом движении или естественной взаимосвязи. “Действительная” история заставляет событие вновь раскрыться в том, что в нем есть уникального и острого. Событие – а под этим следует понимать не решение, черту, проявление или битву, но меняющееся отношение сил, отнятую власть, отобранный и повернутый против своих пользователей вокабулярий; одно господство – ослабляющее и отравляющее само себя, и другое – подкрадывающееся, маскирующееся. Силы, действующие в истории, не подчиняются ни предначертанию, ни механизму... Они не выказывают себя последовательными формами первоначальной интенции, они не имеют значения результата. Они всегда проявляются в уникальной случайности события».

⁸ Significare – *лат.* значить, иметь смысл.

⁹ Ricoeur. 1991. P. 51-52.

жение вещей. При втором подходе уникальность события растворяется в соответствующей ему закономерности, вплоть до полного отрицания события. Третий уровень имеет интерпретационный характер, при котором событие исследуется как единичное явление, наделенное сверхсмыслом¹⁰.

Жиль Делез полагал, что событие – это и есть смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Правильнее, видимо говорить о времени во множественном числе, поскольку, размышляя о темпоральной природе событийности, Делез пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее¹¹.

Сегодня, когда «возвращение» *события* очевидно, историку важно понять, что собой представляет то, что «вернулось». Идти к такому пониманию можно разными путями. Я попытаюсь это сделать, опираясь на опыт французской историографии, в которой метаморфозы события органично встроены в непрерывный процесс трансформации представлений об истории и ремесле историка. Для начала коротко представим некоторые важные обстоятельства, характеризующие общее состояние этих трансформаций. Это поможет наметить ряд ориентиров, позволяющих понять природу «ренессанса события» на рубеже XX–XXI веков.

История пронизывает во Франции все: повседневность, политику, культуру. Однако судьба этой «французской страсти» отнюдь не случайность, но результат выбора: «бои за историю» – постоянная составляющая интеллектуальной и профессиональной жизни французского исторического сообщества. Драматургия этих «боев» во многом обусловлена природой исторического познания и свойственной историкам способностью улавливать суть происходящих изменений¹².

Что происходит сегодня с историей? Для чего она нужна? Кто такой историк? В чем смысл его профессиональной деятельности? Эти вопросы интенсивно обсуждаются не только в сообществе историков, но и в социуме не одно десятилетие. В итоге стало ясно, что в историю уже больше не верят так, как верили в XIX веке. Грандиозная историче-

¹⁰ См. также: Досс. 2013. С. 35–36.

¹¹ Делёз. 1998.

¹² «Способность к восприятию живого поистине главное качество историка», – писал Марк Блок. (Блок. 1973. С. 230).

ская теология, управляющая миром, ушла в прошлое. При этом историки первыми попали в зону подозрения уже потому, что сами проблематизировали статус истории как науки, убедительно обосновав апоритичность исторического познания. Одной из главных причин этой перемены называют изменение режима историчности¹³ и связанное с этим мемориальное движение, которое захлестнуло Францию в 1970–1980 гг.¹⁴ и заставило историков «ввязаться в драку»¹⁵.

Если до конца XVIII в. людей интересовало прежде всего прошлое, то на рубеже XVIII–XIX вв. темпоральной основой мировосприятия стал футуризм, пропитавший собой все, в том числе научную деятельность. Однако в XX в. вера в будущее вместе с верой в прогресс постепенно была вытеснена вездесущим и самодостаточным настоящим. Франсуа Артог, автор этой объяснительной схемы, подчеркивает, что она представляет собой вариант идеального типа, позволяющий прояснить кризисные моменты в «порядке времени», когда теряют очевидность привычные сочленения прошлого / настоящего / будущего. Однако историки приняли этот новый инструмент познания всерьез, и это позволяет многое понять в стремительно меняющемся мире. «Мемориальная волна», породившая в условиях презентизма конкуренцию между историей и памятью, – явление не только французское¹⁶, но именно французские историки на вызовы, связанные с ней, сумели найти убедительные ответы. В последние три десятка лет они пережили немало других потрясений, среди которых «эпистемологический шок» лингвистического поворота; утверждение гендерной истории; культурный, социологический, пространственный, прагматический повороты; трансформация культуральных исследований; реконфигурации истории глобальной. Наконец, поворот рефлексивный, одновременно эпистемологический и историографический. Все эти перемены привели к проблематизации в истории всего, что раньше казалось неоспоримым. В том числе центральных аксиоматических установок профессии и таких базовых понятий как истина, время, пространство, событие¹⁷.

Содержательный анализ этих перемен требует специального исследования. Я позволю себе сформулировать лишь некоторые наблюдения, опираясь на новый исторический словарь, который помимо прочего характеризует актуальное состояние французского академического

¹³ *Hartog*. 2003.

¹⁴ *Joutard*. 2013.

¹⁵ *Prochasson*, 2008.

¹⁶ *Нора*. 2005, Т. 2-3.

¹⁷ *Artoг*. 2005.

исторического знания¹⁸. Словарь не представляет никакой школы, не претендует на создание некоей синтетической панорамы достижений современной исторической науки, предполагающей подведение кумулятивного итога. По замыслу создателей он призван облегчить рефлексивное переосмысление исследовательской практики и письма историков. Французский взгляд на историю обогащен хорошим знанием мировых научных тенденций: историки во Франции осознают необходимость участия в «ускоренном глобальном открытии национальных историографий». Складывается ощущение, что «кризис» истории миновал. В прошлом осталось соперничество с другими социальными науками и недооценка связей с философией. Не очень волнует авторов дробление истории и состояние истории глобальной. Нет никакой установки выстраивать и диктовать какую-бы то ни было программу исследований. Важнее всего показать историю, вошедшую «в новый режим необходимого теоретического плюрализма».

Очевидно, что французские историки не склонны разделять сегодня историографию и эпистемологию. Правда, некоторые из них все еще осторожно относятся к последней, полагая, что это специальная область философии. Но все их тексты свидетельствуют, что «чистая» эпистемология и историография здесь практически не существуют раздельно друг от друга. Чаще всего речь идет об эпистемологически ориентированной историографии или исторической эпистемологии, повышающих эффективность поисков нового исторического знания. Центральной проблемой исторической эпистемологии является, наряду с проблематикой памяти, вопрос о «порядке времени» как философской и исторической категории, необходимой для понимания исторических трансформаций и того, как эти трансформации воспринимают люди. Погружаясь в темпоральную проблематику, французские историки перешли, по словам Ф. Артога, от «вопросов ко времени» к «времени как вопросу»¹⁹. Они озабочены поиском таких способов историописания, которые позволили бы преодолеть тиранию прошлого / настоящего и найти подходы к овладению будущим. Историков интересует «не столько генезис, сколько дешифровка того, кем мы больше не являемся»; не столько ушедшее гомогенное прошлое, сколько прошлое, изломанное памятью, которая оттеняет

¹⁸ Historiographies. 2010. Т. 1-2. Подготовка таких словарей в последние тридцать лет стала традицией. Самые известные из них: *Le Goff, Nora*. (dir.). 1974; *Le Goff* (dir.). 1978; *Burguière* (dir.) 1986. Эти «настольные книги историков» могут многое рассказать о состоянии исторического сообщества и исторического познания во Франции. См.: *Picard*. 2011.

¹⁹ См. подробнее: *Чеканцева*. 2011.

ся в прерывностях истории. В таких способах написания истории, учитывающих субъектность историка, на первом плане оказывается историография как практика, позволяющая удовлетворить потребность в историческом познании и вместе с тем избежать ловушек наивного реализма по отношению к тому, что познается. Важнейшей составляющей исторической дисциплины во Франции сегодня является то, что не вытекает непосредственно из эмпирического материала, но от чего парадоксальным образом зависит его изучение. Это дискурс о практике, позволяющей историку решать исследовательские задачи. В историографических студиях и в преподавании вопрос о том, *как это сделано*, является ключевым: история как дисциплинарное знание конституируется во многом таким рефлексивным и перформативным дискурсом.

А теперь вернемся к *событию* и попытаемся представить, как его изучают сегодня. В позитивистской традиции событие с конца XIX века было, по сути, идентично историческому факту, который в строгой методической системе исторической науки являлся таким же базовым элементом, как клетка в биологии или атом в физике. Подчиняясь принятым тогда критериям научности, французские историки смешивали социальную память с памятью национальной и государственной. Любой феномен, не проявлявшийся в социальной сфере, просто не замечали, поскольку он не считался фактом историческим. Основные сюжеты событийной истории были связаны с биографиями выдающихся личностей, политической, дипломатической и военной историей. Однако уже в начале прошлого века Франсуа Симиан, Анри Берр, Люсьен Февр жестко раскритиковали установки «историзирующей» историографии. Напомню главные из них: исторический факт – это некая данность, которую историк способен найти в источнике, используя критический метод; главная задача историка заключается в том, чтобы привести совокупность таких фактов в некую «правильную» хронологическую систему; итогом такой эрудитской процедуры будет объективная история. Аргументы критиков хорошо известны: исторический факт – это не атом реальности, но конструкт, создаваемый ученым; правила этого конструирования надо осваивать; уникальное, единичное не содержит привилегированной информации о реальности, напротив, только повторяющиеся факты, которые можно поместить в серию и сравнивать, могут стать настоящим объектом исторического анализа; хронологическое упорядочивание конкретного материала неизбежно приводит к упрощению – наслоению разнородных элементов, разворачивающихся во времени, лишенном качественных характеристик.

В период триумфа структурализма и семиотики событие вкупе с субъектом подмяла под себя структура. Тем не менее, уже в середине 1950-х гг. историки и философы заговорили о необходимости переосмысления события и событийности (Альфонс Дюпрон, Мишель Фуко, Мишель де Серто, Пьер Нора, Андре Бюргер, Поль Рикёр и др.).

Самые знаменитые, сразу обратившие на себя внимание тексты о «возвращении события» были созданы Пьером Нора²⁰. Размышляя о демократии в эпоху модерности, историк обратил внимание на появление новой событийности и выявил специфический тип события. Последнее он назвал «событием-монстром». Такое событие стало детищем средств массовой информации, которые, поставив производство событий на поток, постепенно лишили их традиционно понимаемой историчности. Включенное в информационный ряд событие индивидуализировалось, одновременно смешиваясь / сближаясь с определенной совокупностью фактов. Такое сближение делало его доступным для массового потребителя информации, но при этом событие утрачивало свое рациональное содержание. На первом плане оказывалась эмоциональная составляющая произошедшего. Метаморфозы события в информационную эпоху изменили историческое сознание значительной массы населения. Интерпретация «горячих» событий стала частью повседневности, органично вливаясь в сами события. Эта коллективная работа по превращению недавно минувшего в историческое создавала почву для становления «истории недавней современности» или «непосредственной истории» (*histoire immediate*). Институциональным воплощением последней во Франции стало открытие в 1978 г. Института настоящего времени. Легитимация такой истории заняла несколько десятилетий и внесла значительную лепту в историографическую революцию, поскольку заставила историков переосмыслить основы дисциплины, ее возможности и важнейшие эпистемологические процедуры. Работа с источниками нового типа стала важным средством обновления дисциплинарной аксиоматики, расширения «территории истории» и нового понимания роли историка как познающего субъекта²¹.

Заметно изменило восприятие события также новое понимание роли языка историка, исторического письма и нарратива. Французские историки всегда экспериментировали с текстуализацией материала. Но теоретическое осмысление проблематики нарратива во Франции позд-

²⁰ Nora. 1974. P. 210-228 (это обновленная версия статьи, появившейся в журнале *Communications*, 1972, № 18 под названием «Событие-монстр»).

²¹ Garcia. 2013; Poirrier 2010. P. 69-87.

нее, чем в других странах, инициировал философ П. Рикёр²². Впрочем, рецепция его трехтомного исследования «Время и рассказ»²³ была подготовлена полемикой первой половины семидесятых годов между П. Веном и М. де Серто²⁴. Вен в своем эссе по исторической эпистемологии представил историографию как «правдивый роман»²⁵. Серто противопоставил его номиналистской позиции историографию как совокупность культурных практик, предложив называть все, что делают историки, «историографической операцией». Свое материальное воплощение эти практики находят в пространстве письма, которое стало предметом специальных исследовательских усилий. В частности, небольшая группа историков уже в начале 1970 гг. приступила к изучению исторических текстов и событий на пересечении истории и лингвистики в русле дискурсивного анализа²⁶. Несмотря на трудоемкость, исследования такого рода постепенно меняли отношение к слову и действию исторического актора, к дискурсу историка и событию²⁷. Придуманное Серто в 1970 г. словосочетание *faire de l'histoire* стало не только названием известной трилогии²⁸, но и эмблемой «новых историков». В этом названии, помимо признания значительной роли исследователя в производстве исторического знания, воплощено понимание перформативности письменной фазы историографической операции. Иными словами, этим историкам было свойственно характерное для литературной теории понимание слова как дела.

Традиционно мыслящий историк, реконструируя то или иное событие, озабочен преимущественно доказательством объективности фактов и выяснением их места и связей в причинном поиске. То, что историографическая операция была помещена между языком прошедшего и языком исследователя, по мысли Ф. Досса, стало «своеобразным уроком совершеннолетия для историков», который способствовал радикальному изменению традиционной концепции события. Например, когда де Серто писал по горячим следам по поводу мая 1968 года, что это «событие не является тем, что можно увидеть или узнать о нем, но тем, чем оно становится (в первую очередь для нас)», он тем самым приглашал обращать внимание на «следы» события, оставленные с момента его

²² Revel. 1995. P. 43-70.

²³ Рикёр 2000. (Le Seuil, 1983-1985).

²⁴ Certeau. 1973.

²⁵ Вен 2003 (Le Seuil, 1971).

²⁶ Robin. 1973.

²⁷ Guilhaumou. 2000. P. 105-118; 2006.

²⁸ Le Goff, Nora (dir.). 1974.

возникновения, выясняя каким образом они конституировали его смысл²⁹. По сути, это было предложение подумать, как включить в исследование события память и историю, привычное разделение которых, идущее от Хальбвакса, к тому времени уже было проблематизировано.

Одним из первых по этому пути пошел Альфонс Дюпрон в докторской диссертации, защищенной в 1956 г. и опубликованной лишь спустя сорок лет³⁰. «Событие достойное этого наименования, – писал историк, – это событие, всегда открытое: оно не перестает жить в коллективной памяти... Каждое событие продолжает жить: оно есть уже потому, что было. И оно всегда готово появиться вновь (уже не такое, как было, но в чем-то то же самое)»³¹. В историографии инициатором такого подхода к событию обычно называют Ж. Дюби, который в книге о Бувинском сражении 27 июля 1214 г.³² показал, что произошедшее в это воскресенье стало значительным событием лишь благодаря тем волнам памяти, в которые оно оказалось вовлечено. Метаморфозы этой памяти в книге Дюби – такой же объект изучения, что и однодневное сражение французских войск с немецкими, о котором сообщают источники. Через несколько лет Ф. Жутар установил существование нескольких традиций восприятия травматического опыта восстания камизаров в Севеннах и его жестокого подавления³³. В частности, начатая историком в 1967 г. историко-этнографическая анкета коллективной памяти североальпийского крестьянства, выявила наличие глубоко укорененной, хотя и подавляемой, устной традиции рецепции этих событий. Жутар показал, что «историографический поиск не может быть отделен от исследования коллективной ментальности»³⁴. Эти конкретно-исторические исследования справедливо считают предвестниками известного проекта П. Нора о «местах памяти»³⁵, который, по общему мнению, стал одним из самых интересных ответов историков на мемориальный бум. Назвать исторический объект «местом памяти» означало дать слово настоящему времени как реальному пользователю прошлого. Память, как и историк, всегда в настоящем, хотя и предполагает воскрешение отсутствующего в этом настоящем прошлого. Поэтому проект Нора открывал путь к другой истории: «не истории прошлого, которое прошло, но истории последова-

²⁹ *Dosse*. 2003.

³⁰ *Dupront*. 1997.

³¹ *Dupront*. 1997. Т. III. Р. 1662.

³² *Duby*. 1973.

³³ *Joutard*. 1977.

³⁴ *Ibid*. Р. 356.

³⁵ *Nora*. (dir.). 1984-1992.

тельного использования уже прошедшего». Речь шла об истории, принимающей во внимание мемориальную слоистость объекта изучения, позволяя историкам осмысливать его темпоральную форму, с тем, чтобы это прошедшее понять / присвоить / преодолеть. Такой способ мышления способствовал тому, что историческая критика трансформировалась в критическую историографию³⁶.

Показав важность следов события и метаморфозы его смыслов в ходе длительного существования, историки радикально изменили перспективу исторического исследования. Если раньше очень разные историки стремились объяснить настоящее с помощью прошедшего, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, в которой событие интерпретируется в свете породивших его причин и обращаются к герменевтике события, фокусируя свое внимание на следах того, что произошло. В этой связи историка интересует уже не только содержание события в момент, когда оно «имело место», но прежде всего тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в поле зрения исследователя попадают не только лежащие на поверхности факты, но и нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками. В этих условиях проблематика памяти, в том числе памяти исторической приобретает новое значение и с этим связан историографический поворот конца XX века. Огромное количество исследований написано сегодня именно в такой перспективе.

Несмотря на критику и споры, событие никогда не исчезало из исторических работ. Вкус историка к событию, по мнению Арлет Фарж, отчасти объясняется беспокойством по поводу «молчания источников»; это не значит, что историк всегда способен понять происходящее; но конечно, моменты, легко схватываемые, служат красной нитью, помогая выстроить рассказ, сформулировать гипотезы вокруг возникновения события и его последствий³⁷. Важно также учитывать инерционность исторического мышления и то обстоятельство, что все историки разные, и каждый работает так, как считает нужным. К примеру, в 1973 г. была прочитана знаменитая лекция Ле Руа Ладюри о «неподвижной истории», и тогда же вышла уже упоминавшаяся книга Ж. Дюби о Бувинском сражении, которая с некоторым опозданием была признана шедевром, содержащим в себе элементы глубокого эпистемологического

³⁶ Nora. 1992. P. 24, 30.

³⁷ Farge. 2002. P. 73.

обновления доминирующих в историческом сообществе представлений о событийности. Еще в период структурализма историки вновь обратились к политической истории и биографии, переосмыслив соотношение структуры и события. Важную роль при этом сыграло новое понимание масштаба как исследовательского инструмента: микроистория позволила по-новому понять значение контекста и открытость системы. А также антропологический поворот, в ходе которого историки стали обращать внимание на деятельность исторических акторов, их слова, поступки, жесты, эмоции. В середине 1980-х годов Ф. Доссе писал о том, что «возвращение» к событию может стать «лекарством» от кризиса, в котором оказалось включенное в структуралистскую парадигму историописание: переосмыслив статус события, историография сможет вновь стать наукой об изменениях, ибо событие – это всегда становление³⁸.

Постепенно историки осознали, что ни контекстуализация, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождает их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Например, внимательное изучение современных событий, привело к выводу, что СМИ способны восстановить лишь «материальную» форму события³⁹. Но помимо нее у события есть еще и форма идеальная. Как быть с ней?

Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удается адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Ж. Делезом ученые поняли, что событие и случай – это разные вещи. Случай – это то, что происходит, случается, Событие – воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершённому прошлому, потому что постоянно переосмысливается, переопределяется в актуальном настоящем и выполняет определенную роль в нем. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Все это вместе погружено в историко-культурный контекст,

³⁸ *Dosse*. 1987. Rééd. 2010.

³⁹ *Bensa et Fassin*. 2002. P. 5-20.

имеющий свое собственное прошлое, свою генеалогию, свою форму настоящего и определенное видение будущего. Носителями событийной темпоральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки хорошо знают, как сложно согласовать различные свидетельства об одном и том же событии. Получается, что «событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей»⁴⁰. Но и такое понимание будет лишь интерпретацией, более или менее убедительной, но всегда незавершенной.

«Переоткрыв время» в конце 1980-х гг. историки стали изучать и осмысливать «время» событий: время бунта, праздника, ритуала, сражения, время политических выборов, революций, политических переворотов и проч. Линеарное время традиционной историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические и пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя самые разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности.

Событие, прочно закрепившееся в традиционной событийной и социально-экономической истории (именно его критиковал Ф. Бродель), Поль Рикёр назвал «эпистемологическим скандалом»⁴¹. Современные аналитики считают такой подход к событию продуктом «ленивого» исторического мышления, способного работать с историческим материалом лишь на уровне арифметики младшей школы, в то время как философская и социальная мысль уже предложила множество интересных идей и вариантов осмысления сложной событийной реальности без редукционистских упрощений. В историческом познании обновленное понимание события демонстрируют многочисленные исторические исследования, выполненные в русле истории «снизу», истории повседневности, истории ментальностей, микроистории, казусного подхода, новой биографии, новой политической истории, новой интеллектуальной истории.

⁴⁰ *Farge*. *Op. cit.*

⁴¹ *Ricoer*. 1992. P. 29-35.

Современность множит события, создавая и воссоздавая их непрерывно. Однако *событие* сегодня интересует не только публику, но и журналистов, политиков, философов, ученых. Анализ исторического события, его структуры и механизмов больше не означает изучение «пены истории», но попытку понять функционирование общества через частные и деформированные репрезентации, порождаемые вездесущей событийностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 236 с.
- Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
- Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-56.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (дата обращения: 25.01.2012).
- Ревель Ж.* Возвращение к событию: Пути историописания // Номо Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1-3. М., 2000. (Le Seuil 1983-1985).
- Савельева И.М., Поletaев А.В.* Теория исторического знания. СПб., 2007. 523 с.
- Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74-97.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 55-74.
- Artog F.* Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. Edit. de l'ENESS. Paris. 2005.
- Bensa A. et Fassin E.* Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. N 38, mars 2002. P. 5-20.
- Burguière A.* (dir.) Dictionnaire des Sciences Historiques, Paris: PUF, 1986.
- Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1973.
- Dosse F.* L'Histoire en miettes. Des Annales à la "nouvelle histoire". Paris: La Découverte, 1987 (Rééd. 2010).
- Dosse F.* Michel de Certeau: un historien de l'altérité. Texte inédit, conférence à Mexico, septembre 2003. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/Dosse_Certeau_historien_de_l_alterite.
- Dosse F.* Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010.
- Duby G.* Le Dimanche de Bouvins. Paris: Gallimard, 1973.
- Dupront A.* Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Farge A.* Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des actrices sociales // Terrain. 2002. N. 38, pp. 69-78.
- Foucault M.* Leçons sur la volonté de savoir. Paris, Hautes Études, Seuil/Gallimard, 2011.
- Garcia P.* Les lieux de mémoire, une poétique de la mémoire? // Espace Temps, n°74/75. 2000.
- Guilhaumou J.* De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.

- Guilhaumou J.* Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F.* Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. Paris; Seuil. 2003; Points, 2012.
- Historiographies. Concepts et débats. Sous la direction de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. Paris: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1–2.
- Joutard Ph.* Histoire et mémoires, conflits et alliance. La Découverte. Collection Ecriture de l'histoire. Paris, 2013.
- Joutard Ph.* La légende de camisards, une sensibilité au passé. Paris: Gallimard, 1977.
- Le Goff J., Nora P.* (dir.). Faire de l'histoire. T. 1-3. 1974.
- Le Goff J.* (dir.). La Nouvelle Histoire, Retz-CEOL, Paris, 1978.
- Morin E.* L'événement-sphinx // Communications. 1972. N 18. P. 173-192.
- Nora P.* (dir.). Les Lieux de mémoires. Paris: Gallimard. 7 tomes. 1984-1992.
- Nora P.* Le retour de l'événement // J. Le Goff et P. Nora (eds). Faire de l'histoire. Paris: Gallimard, 1974. P. 210-228.
- Picard N.* Des nouvelles écritures de l'histoire au seuil du XXIe siècle // Acta fabula. 2011. 12. No. 06. URL :<http://www.fabula.org/revue/document6401.php>
- Poirrier Ph.* L'histoire contemporaine // Cauchy P., Gauvard C. et Sirinelli J.-F. (dir.). Les historiens français à l'œuvre, 1995-2010, Paris: PUF, 2010, p. 69-87.
- Prochasson Ch.* L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. P.: Demopolis, 2008. Qu'est-ce qu'un événement? // Terrain. Revue d'ethnologie de l'Europe. No.38, mars 2002.
- Revel J.* Ressources narratives et connaissance historique. Enquête. 1995. No.1. P. 43-70.
- Ricoeur P.* Le retour de l'Événement // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. T. 104. N 1. 1992, pp. 29-35.
- Ricoeur P.* Événement et Sens // Raisons Pratiques. 1991. N 2. L'événement et perspective. P. 51-52.
- Robin R.* Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973.
- Чеканцева Зинаида Алексеевна**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

О. В. ВОРОБЬЕВА

О СОБЫТИИ И СОБЫТИЙНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ*

В статье предпринята попытка осмыслить событие и событийность как категорию современного научно-философского анализа. Отталкиваясь от философских трактовок данного понятия, автор старается понять специфику его использования в современной исторической науке и приходит к выводу, что провозглашаемый сегодня «ренессанс события» опосредован глубоким сдвигом в поле неклассической и постклассической рациональности. Событие, его переживание и концептуализация все больше начинают осмысливаться как фокус, в котором актуализируются разные уровни темпоральности, воплощающие разный человеческий опыт, в том числе опыт и действия историков.

Ключевые слова: историческое событие, категории исторической науки.

Категория «события» является, с одной стороны, одним из центральных понятий исторической науки, с другой стороны, одним из самых сложных для понимания. Эта сложность обусловлена целым рядом моментов. Сначала достаточно длительным периодом преобладания так называемой событийной истории, где событие было возведено в ранг основных категорий исторической науки, а сама история мыслилась как наука о событиях в их связи и последовательности¹. Соответственно, основной задачей историка в рамках этой позиции считалось правдивое описание и объяснение событий прошлого, т.к. все, что случилось в прошлом имеет свою структуру и зафиксировано в источниках. Затем довольно длительным периодом развенчания данной категории, что было связано с переключением внимания с единичного на закономерное, повторяющееся; актуализацией структурной истории в ущерб событийной, а также потеснением в маргинальность политической истории, традиционно базирующейся на парадигме различения несущественной обыденной жизни и существенных событий (хорошо известна растиражированная цитата Л. Февра: «События – это “поверхностный слой истории”». Пена. Гребешки волн, рябь на поверхности мощных дыхательных движений океана... Мелкая пыль индивидуальных поступков, судеб, происшествий»². Историкам следует «привыкнуть ко времени,

* Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ № 14-01-00418а «Исследовательские стратегии и практики историков России (начало XXI века)».

¹ См. например: Гумилев. 2002.

² Февр. 1991. С. 185.

текущему медленно, настолько медленно, что оно показалось бы почти неподвижным», и тогда: «...все взрывы исторического времени предстанут вырастающими из этой полунеподвижной глубины, центра притяжения, вокруг которого вращается все»³, – вторил ему Ф. Бродель).

Существенную лепту в отказ историков от рассмотрения исторической событийности внесли и представители неклассической парадигмы. Еще на заре XX века президент Американской исторической ассоциации К. Беккер заявил о том, что историк не способен представить в целостности никакого события, даже простейшего, он всегда неизбежно выбирает некоторые утверждения о событиях прошлого, причем не только потому, что источники не содержат полной информации о них, но и вследствие обусловленности деятельности историка его целями, взглядами и предрассудками, являющимися продуктами настоящего⁴. Распространение релятивизма и презентизма очень сильно подорвали тогда веру историков в строгость и научность своей профессии. Еще сильнее это сделали представители лингвистического поворота, заявившие о невозможности постижения реальности иначе, чем через знаки. Если же историк исследует не реальность, а только высказывания о ней (событие – это то, о чем говорится), встает не только проблема достоверности информации об исследуемом событии, но и вопрос о том, кто, собственно определяет его историчность: «если дискурс историка – тогда историк является творцом исторической событийности, которую он внушает своим читателям. Если дискурс исторического деятеля – тогда деятель авторитарно определяет историчность события, тогда деятель внушает потомкам событийность своей деятельности, которая без этого “раздувания” совсем не была бы событийной»⁵. Вследствие распространения подобных представлений многие историки постарались максимально уйти от событийности и ограничиться исключительно описанием исторических состояний, избегая любой формы рассказа о них.

Наконец, в качестве затрудняющего момента осмысления события следует отметить отсутствие профессиональной рефлексии по этому поводу вплоть до начала XX века. Но даже в XX веке «территория» события гораздо интенсивнее обживалась философами, нежели историками, и это несмотря на то, что статус научного понятия и даже более – категории – «событие» получило именно в исторической науке. К проблеме события обращались практически все крупные философы, заявившие о

³ Бродель. 1997. С. 127.

⁴ См об этом: Гуревич. 1969. С. 72-73.

⁵ Фрайзе. 2011.

провале экспериментов историков по поводу вычленения общих законов в истории и предпринявшие попытки понять специфику этой науки в рамках неклассического и постклассического научного знания: А. Уайтхейд и Ж. Делез, Л. Витгенштейн и Г.Х. Вригт, М. Хайдеггер и А. Бадью, Р. Арон и П. Рикер и другие. Список историков, увы, не столь представительен: прежде всего, это представители третьего и четвертого поколения Школы «Анналов» (Э. Ле Руа Ладюри, Р. Шартье, Ж. Ревель), немецкие теоретики Р. Козеллек и Питер Хун; российских же историков и того меньше – М.А. Барг, А.Я. Гуревич, И.М. Савельева, А.В. Полетаев. Гораздо более устойчивая традиция осмысления события как лексико-семантической категории существует в лингвистике. Этой проблеме посвящены работы Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, Ф.И. Дретцке, Д. Дэвидсона, Дж. Кима Т.М. Николаевой⁶ и других. К сожалению, весь этот наработанный лингвистами и философами багаж остается практически невостребованным историками.

Среди ученых, так или иначе обращающихся к проблеме события, философы по-прежнему преобладают⁷. Немного больше в этом отношении повезло понятию «факт», что, впрочем, понятно, т.к. именно эта категория занимала центральное место в классической парадигме и именно через нее лучше всего просматривается ограниченность этой парадигмы (приоритет эмпирического знания над теоретическим). Неудивительно поэтому, что Леопольд фон Ранке предпочитал говорить именно о фактах, а не о событиях (изучать нужно то, что *было* на самом деле, т.е. является фактом). Справедливости ради следует сказать, что отсутствует оно и во многих пособиях по методологии истории⁸. И только успехи историографии последних нескольких десятилетий (особенно зарубежной историографии) показали ту роль, которую категория события играет при осмыслении исторического процесса, а также в новой познавательной парадигме. В этом отношении вполне можно утверждать, что «событие» и «факт» поменялись местами⁹.

⁶ См., напр.: Арутюнова. 1988; Демьянков. 1983; Dretske. 1979; Davidson. 1969; Kim. 1969; Kim. 1979; Николаева. 1980.

⁷ Киселева. 2007; Книгин. 2002; Еременко. Понятие «факт» и «событие»...; Воронина. 2003; Шильман. 2002; Оришева Событие мысли и философия события...

⁸ См., например: Методология истории. 1996.

⁹ Все больше подчеркивается процессуальная и онтологическая природа события (события происходят, разворачиваются) в отличие от непроцессуальной и гносеологической природы факта (факт констатируется). «Эти имена относятся к сущностям разных миров. Имя факт ориентировано на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя событие ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени». – Арутюнова. 1988. С. 168.

Чем обусловлено возрождение интереса к событию и какова роль, которую событийность играет в современной историографии?

Прежде чем обратиться к рассмотрению этого вопроса, определимся с терминами. В современной науке «событие» трактуется и как концепт, и как понятие, и как категория. Чаще всего их употребляют как синонимичные, не вдаваясь в смысл подобного употребления; реже осознанное предпочтение отдается чему-то одному. В данном случае, говоря о событии, я буду оперировать терминами «категория» и «понятие». В качестве категории событие следует понимать как предельно общее родовое понятие исторической науки, которое при этом обладает минимальным содержанием, но таким, которое отображает фундаментальные, наиболее существенные связи и отношения действительности и познания; термин «понятие» является более общим по отношению к категории и рассматривается как один из специфических объектов научной рефлексии¹⁰.

Итак, если говорить о большинстве философских подходов к категории «события», то мыслители чаще всего связывают это понятие с понятиями «вдруг», «внезапно», в результате чего появился некий новый результат. Так, Ж. Делез характеризовал событие как «поворотный пункт и точку сгиба», «складку», «точку времени, от которой линия времени одновременно расходится в двух направлениях: в прошлое и будущее»¹¹. «Событие – это то, что произошло, сбылось, *стало быть*, а до того времени не было быть, – вторит ему В. Буданов¹². А.Н. Книгин вслед за Г.Х. Вригтом полагает, что, если говорить на языке чистой логики, событие представляет переход от одного положения дел к другому¹³. Кроме того, философам свойственно противопоставлять *событие бытию*. Так, если для М. Хайдеггера последнее и есть событие¹⁴, то для большинства современных интерпретаторов бытие скорее является почвой, из которой данное событие произрастает, ибо, как заявляет современный французский философ А. Бадью, «бытие есть то, с чем событие радикально порывает»¹⁵.

¹⁰ Что касается концепта «события», то, являясь актом схватывания смысла проблемы в единстве речевого высказывания, он предельно субъектен и предполагает вписывание рассуждения в контекст учения, мысли определенного исследователя. *Неретина*. 2010. Т. II. С. 306-307.

¹¹ Делез 1997; История философии. Энциклопедия. 2002. С. 546.

¹² Буданов. 1999. С. 44.

¹³ Вригт. 1986. С. 120; Книгин. 2002. С. 51.

¹⁴ Хайдеггер. 1993.

¹⁵ Цит. по: Филатенко. 2012. С. 214.

Историки в целом согласны с подобной трактовкой. «Вещь, событие, о которой или о котором говорят или что-то написано, не есть ли во всех случаях своего рода срыв, своего рода нарушение непрерывности? – задавался вопросом Т. Карлейль. – Ведь даже когда происходит какое-то радостное событие, оно все-таки несет с собой изменение, несет с собой убыток... – так было всегда, и раньше, и теперь, – оно несет с собой нерегулярность...»¹⁶. По мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, событие представляет собой разрыв исторического времени, перерыв в постепенности. И именно этот разрыв позволяет историкам маркировать и организовывать время, производить «опространствление» временной длительности¹⁷.

Здесь следует отметить, что и обыденным сознанием событие интуитивно мыслится как свершающееся в короткое время и часто неожиданно. Однако для ученого важна не столько констатация этого разрыва, сколько критерии, позволяющие интерпретировать нечто именно как разрыв, а не простое изменение. Для того чтобы понять разницу, обращусь опять к философам.

Согласно Бадью, реальность есть невидимое для субъекта множество, внутри которого выделяется некий регион доступного в опыте – множества второго порядка, внутри которых можно выделить единицы и установить между ними порядок и композицию. Такой комплекс Бадью называет «ситуацией» (например, политическая ситуация во Франции накануне Французской революции), а совокупность этих ситуаций – «позитивным порядком бытия», в котором существует человек. Однако всякая ситуация, по Бадью, о чем-то умалчивает – о чем-то, что вписано в механизм ее функционирования, но до определенного времени никак не явлено, никак символически не обозначено. Когда это умалчиваемое о себе заявляет, обнажая те элементы общественной жизнедеятельности, которые выходят за рамки *нормального* течения жизни, мы и имеем дело с событием¹⁸. «События – это сингулярности, имеющие место вопреки законам и правилам ситуации, но эффективно меняющие порядок вещей»¹⁹. Сходной точки зрения придерживался и Поль Рикёр, полагавший, что событие – это то, что противостоит закону, это отклонение от всякой сконструированной модели, от любого инварианта²⁰.

¹⁶ Карлейль. 1991 [1837]. С. 25.

¹⁷ Савельева, Полетаев. 1997. С. 143, 154; Подорога. 2001. Т. III. С. 582-584.

¹⁸ Бадью. 2003.; см. также: Оришева О. Указ. соч.

¹⁹ Шурпина. 2000.

²⁰ Рикер. 1998. С. 238-258; см. также: Куайн. 1998 С. 302-342.

Другими словами, событие – это не просто происшествие, а такое, которое связано с резким и неожиданным смещением семантического поля. «Событие – это то, что разрывает связи значений и знаков в подручном мире обжитого»²¹. А стало быть, обязательно нужен некто, кто способен отметить и зафиксировать это отклонение или разрыв значений, в чьей голове это смещение значений должно произойти. Другими словами, нужен *субъект*, способный увязать в своем опыте старое и новое, то есть то, что было до события и стало после него. Событие – не вне наблюдателя, но осуществляется через него и им²².

Можно зайти к роли субъекта в «рождении» события с другой стороны. Социальная жизнь может быть перегружена новостями и происшествиями, но происходящее в ней при этом не обязательно будет восприниматься как события. Ибо событийность определяется не интенсивностью происходящего (количеством), а его *качеством*, и в этом роде оно тоже связано с субъектом. Только индивид является местом сращивания, «схватывания» разного рода элементов социальной жизни и интерпретации их взаимодействия как события. Как говорил Ж. Делез, событие есть узел подобных «схватываний», некий фильтр, сито, которое просеивает хаос ситуации и организует его в некие комбинации, идентифицируемые нами как события²³. Таким образом, категория события как бы дает новое сечение универсуму, поворачивает его к мыслящему субъекту – к его сознанию и его памяти.

Собственно, понимание роли субъекта в рождении события и стала одной из причин недавнего ренессанса данной научно-философской категории, причем не только в сфере гуманитарного знания, что свидетельствует в пользу парадигмальных основ этого ренессанса. Так, например, в классической физике модель события выглядела как пространственно-временной фрагмент (пространство + время), при этом время и пространство воспринимались изолированно друг от друга²⁴. А вот в неклассической физике, возникшей с появлением теории относительности, сформировалась иная модель события, в которой событие только тогда становится событием, когда за ним кто-то наблюдает²⁵, а время мыслится как четвертое измерение пространства. В гуманитарном знании все обстоит еще сложнее, потому что здесь историческое

²¹ Гиренок. 1999. С. 68.

²² Подорога. Указ. соч.

²³ Делез. 1997. С. 134-135.

²⁴ Мостепаненко. 1966.

²⁵ Руднев. 2007. С. 53; Рассел, Норвиг. 2006. С. 460.

событие мыслится как «действие, совершаемое индивидуальным или групповым актантом, изменяющее существующие условия и обладающее относительной самостоятельностью в системе событий, целостностью и значимостью для хода исторического процесса»²⁶. Последнее («значимость для исторического процесса») показывает, что помимо самого действия, совершаемого индивидуальным или групповым субъектом, событие нуждается в истолковании, которое никогда не может быть полным, исчерпывающим и единственно верным. И в этом отношении оно тесно связано со временем, являясь своего рода его концентрацией и воплощением.

Одним из первых это блестяще продемонстрировал Ж. Дюби в своей знаменитой книге «Бувинское воскресенье. 27 июля 1214 г.» (1973). Через анализ одной-единственной битвы он фактически показал не только специфику отношения к войне в XII–XIII вв., но и роль времени / памяти в интерпретации этого события: в XIV в., когда французский король стал союзником императора Священной Римской империи, о Бувинском воскресенье благополучно забыли и вспомнили лишь в 1870 г., после поражения французов в битве при Седане, сделав это событие способом «подогревания» французского патриотизма. Впоследствии о роли времени / памяти в осмыслении события писали Пьер Нора, П. Рикёр, Мишель де Серто, Ф. Досс и др., показывая тесную взаимосвязь событийной маркировки на шкале времени от историка и от опыта действующих лиц (Р. Козеллек)²⁷. «События, которые являются значащими по одному <временному> коду, не остаются таковыми по другому», – соглашался с Козеллеком К. Леви-Стросс²⁸. Одно и то же событие может восприниматься или не восприниматься в качестве такового современниками события и потомками / историками. И это естественно, потому что, в отличие от современников, историк обладает другой перспективой – «он знает, что случилось потом», он способен соотнести происходящее с определенным социально-историческим контекстом и усмотреть в происшедшем качество события, которое современниками таковым могло и не казаться²⁹. Кроме того, событие может трактоваться как значимое или нет – в зависимости от задач исследования, масштабов исследуемого периода, а также от целого ряда других факторов: принадлежности исследователя к определенной научной парадигме, научному направлению, историогра-

²⁶ Еременко. 2006. Ч. 1. С. 44.

²⁷ Koselleck. 1985. P. 234.

²⁸ Леви-Стросс. 1994. С. 319.

²⁹ Савельева, Полетаев. 1997. С. 147.

фической традиции и т.д. (например, хорошо известна значимость событий библейской истории для христианской историографии). Вероятно, можно и проигнорировать событие, отнеся его к разряду проходных. Наконец, и это очень хорошо демонстрирует современность, событие может искусственно продуцироваться как таковое, являясь продуктом средств массовой информации, и в этом качестве им можно манипулировать, превращая нечто в факт события. В этом смысле можно утверждать, что современность порождает события³⁰.

Итак, «событие – это не то, что мы можем видеть или знать, а то, чем оно становится» (М. Серто). Осознание этого факта заставило историков и философов ввести в словарь современного гуманитария еще одно понятие – событийность, которое фиксирует в своем содержании отказ от рассмотрения последовательности событий как однозначной принудительной каузальности (линейная концепция времени), заменяя ее открытой для плюральной интерпретации множественностью причинно-следственных событийных рядов (событийная темпоральность). Например, можно сколь угодно рассуждать о предпосылках того или иного события (Французская революция, мировая война и т.п.), но закономерным последствием этих предпосылок данное событие все равно не станет (нельзя заглянуть в момент «до»³¹). При всей естественной взаимосвязи события с историческим контекстом (контекстами), о которой писали Р. Дж. Коллингвуд и Г. Зиммель³², его невозможно обусловить только им: оно вырастает в недрах этого контекста, но напрямую не выводится из него. Для этого нужна другая перспектива, другой ракурс, другое видение, которое и позволит увидеть ситуацию по-своему, оказаться по отношению к ней как бы «по ту сторону»³³. Другими словами, опять-таки нужен субъект, который и сплетет в один узел множество самых разнообразных ситуаций и осуществит эту самую констелляцию события³⁴. Уместно еще раз вспомнить Ж. Делеза, который

³⁰ Ревель. 2003. С. 242-243.

³¹ Мамардашвили. 1993.

³² Коллингвуд. 1980. С. 203; Зиммель. 1996. Т. 1. С. 522.

³³ В открытом пространстве событий не действует ставшая, заранее (до события) установленная, полная и неделимая необходимость, а действует странная «необходимость» и странные законы, дающие место каждому новому событию, каждый раз устанавливающиеся, «приходящие потом», и оставляющие пространство открытым. См. об этом: Воронина. 2003.

³⁴ Как пишет А. Бадью, «Я называю вмешательством любую процедуру, посредством которой множественное опознается как событие». – Цит. по: Оришева. Событие мысли и философия события...

трактовал событие как смысл, который не существует вне выражающего его предложения, но в то же время и не сливается с ним. Событие «подает нам знаки и ожидает нас»³⁵. Поэтому если раньше при осмыслении события преобладала схема каузального объяснения (вверх по течению времени), то сегодня мысль историков движется как бы в обратном направлении (вниз по течению), открывая, неисчерпаемый резервуар интерпретации события.

Сказанное открывает для историков ряд интересных и эвристических исследовательских перспектив. Первая, учитывающая роль СМИ в современном обществе, вероятно, находится на пересечении анализа системы значений и системы форм³⁶. Вторая, учитывающая роль «системы наблюдения, типа наблюдения, контекста»³⁷, позволяет использовать событие как призму, через которую просматривается некая культурная и социальная система, другими словами, некая структура.

Все это дает основание для критики свойственного традиционной историографии противопоставления событийной и структурной истории. Сегодняшняя рефлексия обоих способов, которые современная историография выработала для написания якобы бессобытийной истории (микроистория и история снизу), показывает, что событийность все равно никуда не исчезает. Микроскопическое событие, имеющее, на первый взгляд, сугубо индивидуальную релевантность, в другом контексте вполне может приобрести релевантность историческую. История «снизу», опирающаяся на подсознательную основу народного быта, на проверку тоже оказалась не такой уж неподвижной, как казалась вначале³⁸. Более того, именно событие, как метко заметил Дюби, «поднимает со дня истории ценную тину быта и случайностей». Таким образом, несмотря на принадлежность событий и структур к разным порядкам темпоральности, структуры, с одной стороны, проявляются и постигаются через события, с другой стороны, дают возможность существовать событию, идентифицировать его как таковое, дать ему состояться³⁹.

Так, например, Поль Рикёр⁴⁰, анализируя работы Броделя, одного из самых ярких противников событийной истории, обнаруживает, что материал броделевского текста буквально вскормлен событийными

³⁵ Делез. 1995. С. 199.

³⁶ Ревель. Указ. соч. С. 243.

³⁷ Буданов. 1999. С. 44.

³⁸ К тому же воссоздание подсознательной основы этого народного быта тоже возможно только путем интерпретации. Да и народна ли эта народная история?

³⁹ Koselleck. 1985. P. 105.

⁴⁰ Рикер. 1998. С. 238-258.

данными: «Событие постоянно влияет на структуры изнутри. Причем, двояким образом: с одной стороны, все структуры изменяются не в одном и том же ритме. Когда “разные скорости жизни”... больше не совпадают, их несогласие создает событие. С другой стороны, историка, исследующего структуры, интересуют ...точки их разрыва, их внезапное или медленное разрушение, – короче, перспектива их угасания»⁴¹, которая также проявляется в событии. Возможность такого исследования была блестяще продемонстрирована и в уже упоминавшемся нами «Бувинском воскресеньи» Ж. Дюби («следы, которые оставил этот день, способны поведать нам о способах думать и чувствовать... С другой стороны, эти следы просвещают нас относительно культурной среды, в лоне которой событие возникает и продолжает жить»), и в «Карнавале в Романе» Ле Руа Ладюри, (который «событийной бороздой врежется в структурную стратиграфию», демонстрируя «ментальные и социальные слои, составляющие Старый порядок»), и в «Возвращении Мартина Герра» Н.З. Девис (где одно дело становится своего рода призмой общинных структур XVI века)⁴². Как метко заметил Жак Ревель, «событию придается статус показательного случая, чтобы с его помощью найти или попросту оправдать тот или иной взгляд на какой-либо феномен, каковой располагается вне события и имеет иной масштаб»⁴³.

Осознание постоянной открытости событийного статуса прошлого, в свою очередь, привело к реабилитации нарративности. Тем более что описательные тексты, которые одно время считались действенной альтернативой наррации, оказались не менее конструктивными, чем нарративные: только в одном случае речь идет о конструкции дискурса, а в другом – о наборе элементов описания. Поэтому представители нового историзма уверены – история невозможна без ее рассказывания⁴⁴. Следует ли из этого признание историка единоличным творцом события? Если следовать логике вышесказанного, нет, ибо событие – это всегда встреча настоящего с прошлым, и, будучи результатом диалога двух разных времен, его историчность не может авторитарно определяться ни историком, ни деятелем / деятелями события, она всегда состоит в диалоге между ними. Без деятеля, без субъекта в событиях истории не было бы непредсказуемости, и без его деятельности, которая направлена на какой-либо результат, в истории не было бы результативности.

⁴¹ Там же. С. 250.

⁴² См. об этом: Ревель. С. 243.

⁴³ Там же. С. 244.

⁴⁴ «Событие – это то, о чем рассказывают». – *Janet*. 1928. P. 288.

Наконец, действия историка обусловлены современными ему познавательными возможностями. Таким образом, нарративизация истории не является делом одного историка.

Очевидно, что по воле исследователя и в соответствии с решаемыми им задачами события могут вступать друг с другом в самые разнообразные отношения (причинность, последовательность, взаимозависимость, создание цепи событий и т.д.). Данное обстоятельство можно использовать, например, при создании контрфактической истории, в ходе которой конструируется хронологическая цепочка событий, которая могла бы стать следствием отсутствия интересующего их события, и тем самым проверяется основательность общепринятой интерпретации. Как писал в свое время Р. Арон, «картина непрерывности, картина необходимости стихийно рождаются из исторической перспективы, потому что мы исходим из цели, потому что мы знаем то, что было, а не то, что могло бы быть». А еще потому, что «...прошлое историка было будущим исторических персонажей». И «если будущее несет отпечаток значительной непредвидимости, то объяснение должно уважать природу события»⁴⁵. И это делает «прошлое открытым, как будто оно еще не прошло, изменяет будущее, как будто оно уже наступило, производит из себя все три времени»⁴⁶.

Подобное понимание события подвигает нас к пониманию его отличия от того, каким оно мыслилось в прежней историографической топике. Думается, что провозглашаемый сегодня «ренессанс события» опосредован глубоким сдвигом в поле неклассической и постклассической рациональности, который подводит историков к иному пониманию историчности, исторического времени, истории как формы научного знания, роли опыта исторических акторов и самого историка. История сегодня уже не воспринимается как наука, занимающаяся только изучением прошлого. Скорее, она является вневременной категорией, включающей в себя разнообразные аспекты человеческой действительности: «одновременность неодновременного» или же «неодновременность одновременного»⁴⁷. Историческое становление как непрерывное развертывание сменилось пониманием дискретности времени, опыта, множественности и многослойности темпоральности, а также переплетением времен разной длительности. При этом, сопоставляя пространственную и темпоральную (распределенную во времени) сложности, мы говорим

⁴⁵ Арон. 2000. С. 374.

⁴⁶ Воронина. Указ. соч.

⁴⁷ Буллер. Райнхарт Козеллек о человеческих горизонтах...

не столько об устройстве мира, сколько о формах его восприятия и даже, что точнее, о способах описания⁴⁸.

В таком контексте изменилось и отношение к событию. Событие, его переживание и концептуализация все больше начинают осмысливаться как фокус, в котором актуализируются разные уровни темпоральности, воплощающие разный человеческий опыт⁴⁹, в том числе опыт и действия историков, но, естественно, не только их. «В такой перспективе лучше понимаешь неустранимость события. Оно зависит не только от ограничений, налагаемых высказыванием, но также и от обусловленностей когнитивного типа, поскольку формируется клубком различных темпоральностей, актуализированных в данный момент»⁵⁰. И в этом смысле «возвращение к событию» можно считать своеобразным маркером, указывающим на попытки осмыслить место и задачи истории в обществе путем анализа тех «интеллектуальных тупиков», в которых она оказалась, и возможных перспектив ее развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р.* Введение в философию истории [1938] // Избранное: Введение в философию истории: пер. с фр. М.: ПЕРСЭ; СПб.: Унив. кн., 2000. С. 213-524.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Бадью А.* Манифест философии / сост. и пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
- Болдачев А.* От вещей к событиям. URL: <http://philosophystorm.org/novyi-tekst-sobytiinaya-ontologiya>
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1997. С. 115-142.
- Буданов В.* Когнитивная психология и когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и смысл. М., 1999.
- Буллер Андрес.* Райнхарт Козеллек о человеческих горизонтах восприятия прошлого. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Rajnhart-Kozellek-o-chelovecheskih-gori-zontah-vospriyatiya-proshlogo>.
- Воронина Н.Ю.* Концепт «события» у М. Мамардашвили и Ж. Делеза // Философия: в поисках онтологии: Сб. ст. / Самар. гуманит. акад.; отв. ред. Н.Ю. Воронина. Самара, 2003. URL: http://www.phil63.ru/kontsept-sobytiya-u-m-mamardashvili-i-zh-deleza#_edn10.
- Вритт Г.Х.* Логико-философские исследования. Избр. труды / пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
- Гиренок Ф.* Археография события // Событие и смысл. М., 1999.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М., 2002.

⁴⁸ См.: *Болдачев.* От вещей к событиям...

⁴⁹ *Козеллек.* 1994. Вып. 5. С. 171-184.

⁵⁰ *Ревель.* Указ. соч. С. 251.

- Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59-88.
- Делез Ж. Логика смысла. М.: Издат.центр «Академия», 1995.
- Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / посл. В.А. Подороги; пер. Скуратова. М.: Логос, 1997. 264 с.
- Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320-329.
- Еременко А.М. Структурно-событийный и ценностно-смысловой подход к истории // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. СПб., 2006. Ч. 1.
- Еременко А.М. Понятие «факт» и «событие»: смысловое сходство и различие. URL:http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Phd/2011_14/24_Yer.pdf (дата обращения – 22.07.2013).
- Зиммель Г. Проблема исторического времени [1917] // Зиммель Г. Избранное: в 2-х т.; пер. с нем. М.: Юрист, 1996. Т. 1. С. 517-529.
- История философии. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
- Карлейль Т. Французская революция. История / пер. с англ. М.: Мысль, 1991 [1837].
- Киселева Н.А. Историческое событие – факт или феномен? // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. Вып. 33. С. 115-118.
- Книгин А.Н. Учение о категориях: учебное пособие для студентов философских факультетов. Томск, 2002.
- Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище в историографии [1979] // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 171-184.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории [1946] // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. с англ. М.: Наука, 1980.
- Куайн У. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 302-342.
- Леви-Стросс К. Неприрученная мысль [1962] // Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер. с фр. М.: Республика, 1994. С. 111-336.
- Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс: Культура, 1993.
- Методология истории: Учебное пособие для студентов вузов / А.Н. Нечухрин, В.Н. Сидорцов, О.М. Шутова и др.; под ред. А.Н. Алексеева и др. Минск, 1996.
- Мостепаненко А.М. Четырехмерность пространства и времени. М.: Л., 1966.
- Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. II. С. 306-307.
- Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 198-210.
- Оришева О. Событие мысли и философия события. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-304841.html>
- Подорога В. Событие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 582-584.
- Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / пер. с англ. и ред. К.А. Птицына. М., 2006.
- Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.

- Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Руднев В.П.* Философия языка и семиотика безумия. М., 2007.
- Савельева И.М., Полетаев А.Н.* История и время в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Февр Л.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II // Бои за историю / пер. с фр. М.: Наука, 1991.
- Филатенко И.А.* Понятие «событие»: философские основы интерпретации // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 212-216.
- Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина М.: Республика, 1993 447 с. – С. 391–406.
- Шильман М.* Событие и Исторический факт: попытка разведения понятий // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія “Філософія”. 2002. № 561.
- Шурпуна С.* Случайная мобилизация // Синий диван. 2000. URL: <http://sinijdi.van.narod.ru/sd3rez1.htm>
- Davidson D.* The individuation of events // Essays in honor of C.G. Hempel. Dordrecht, 1969. P. 216-234.
- Dretske F.I.* Referring to events // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minnesota UP. – Minneapolis, 1979. S. 361-374.
- Janet P.* L'Évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chachine, 1928.
- Kim J.* Causation, emphasis, and events // Contemporary perspectives in the philosophy of language; Minnesota UP. – Minneapolis, 1979.
- Kim J.* Events and their descriptions: some considerations // Essays in honor of C.G. Hempel. Dordrecht, 1969. P. 198-215.
- Koselleck R.* Futures Past: The Semantics of Historical Time / Trans. from German. Cambridge, Mass., 1985.
- Воробьева Ольга Владимировна***, кандидат исторических наук, доцент, рук. Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН, e-mail: vorobushek1@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

А. С. МОХОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ ТЕОРИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В статье рассматривается история изучения византийского военного искусства и военной организации в трудах военных историков и теоретиков XVIII–XX вв. Автор отмечает, что в течение длительного времени военно-административная система Византии характеризовалась как крайне консервативная, однако современная историография отвергает данные теории, так как они противоречат реалиям византийской истории. Помимо этого, рассматривается проблема использования современной военной терминологии в исследованиях по истории византийских вооруженных сил. По мнению автора, модернизация терминологии является неоправданной, и не способствует выработке единой концепции византийской военной истории.

***Ключевые слова:** Византия, византийская военная история, военное искусство, историография, терминология.*

Характеристика армии любого государства – древнего или современного – предусматривает, в первую очередь, определение ее типологической принадлежности. Существенными признаками, которые позволяют отнести вооруженные силы того или иного государства к определенному типу, являются: система военной организации, способ комплектования и форма материального (тылового) обеспечения. Несмотря на огромный военный опыт, накопленный человечеством, известны только две принципиально отличающиеся друг от друга системы военной организации – постоянная и иррегулярная. Однако исторических примеров, когда военная система страны состояла бы только из постоянных или иррегулярных военно-организационных единиц, очень мало. Для большинства древних, средневековых и современных государств характерна смешанная система военной организации, включающая в себя компоненты первых двух систем.

Способов комплектования вооруженных сил известно значительно больше: милиционный, наемный, добровольческий, регулярный, массовый, кадровый. Как правило, для каждой исторической эпохи характерны свои способы комплектования армий. Организационные принципы тылового обеспечения вооруженных сил также весьма разнообразны. Однако большинство из них появились только в XX в., а для средневе-

ковой эпохи известны две формы материального обеспечения военных контингентов – централизованная (через государственные структуры) и децентрализованная (войско обеспечивает себя самостоятельно).

Для вооруженных сил Византийской империи VII–XI вв. была характерна смешанная система военной организации, централизованная форма материального обеспечения, а также милиционный, регулярный и наемный способы комплектования воинских контингентов. Несмотря на то, что типологическая характеристика византийской армии на протяжении нескольких столетий оставалась неизменной, военно-административные структуры империи неоднократно подвергались значительной трансформации под воздействием различных внутри- и внешнеполитических факторов.

В большинстве специальных работ по военной истории Византии VII–XI вв. предметом исследования являются не организационные структуры вооруженных сил или провинциального управления, а социальные группы, связанные со службой в армии и провинциальной администрации. Десятки фундаментальных трудов посвящены, например, проблеме стратиотского землевладения, юридическому статусу военно-служащих, многочисленным сюжетам, связанным с «социальной историей»¹. Несомненно, изучение данных проблем является необходимым. Однако преобладание социально-экономической и юридической тематики отодвигает на второй план главную проблему – проблему эволюции организационных структур.

В любой военной системе главную роль играют люди: именно они сражаются, осуществляют руководство, обеспечивают воинские формирования необходимыми ресурсами. Иными словами, люди – это одновременно самая сильная и самая слабая часть любого войска. С древнейших времен известна очень простая истина: для победы в войне необходим хорошо подготовленный, обеспеченный всем необходимым и вооруженный качественным современным оружием солдат. Однако победу в войне или сражении одерживает не отдельный воин, победы добиваются организационные структуры. Чем они эффективнее, тем больше возможностей для реализации потенциала каждого солдата или командира. Архаичные или слишком сложные организационные структуры могут привести государство к военной катастрофе. По словам русского военного теоретика А.В. Геруа, «военная организация не может претендовать на существование, раз не отвечает общим политическим

¹ См., например: *Schreiner*. 1997. P. 74-94; *Haldon*. 1999. P. 234-274; *Sullivan*. 2010. P. 149-161.

условиям данной страны и эпохи»². Для того, чтобы вооруженные силы соответствовали экономическим и социальным возможностям государства, проводятся военные реформы.

При проведении военной реформы, в первую очередь, создаются новые или серьезно видоизменяются старые организационные структуры. Потом эти структуры наполняются людьми (определяется способ комплектования воинских формирований), материальными ресурсами и вооружением (определяются формы снабжения войск). В древности и средневековье организационные структуры были достаточно консервативны. История почти не знает примеров, когда вооруженные силы одной страны на протяжении короткого промежутка времени могли бы с одинаковой эффективностью вести наступательные и оборонительные войны. По сути, каждая военная система в эти исторические эпохи создавалась либо как оборонительная, либо как наступательная. Изменение внешнеполитического курса государства, как правило, приводило к необходимости модернизации военно-организационных структур.

Еще раз обратим внимание на то, что преобразование организационных структур является отправной точкой и ключевым моментом любой военно-административной реформы. Наполнение их людьми и ресурсами – задача крайне важная, но вторичная. В истории известны немногочисленные случаи, когда события развивались в обратном порядке: сначала появлялись значительные военные ресурсы (человеческие и материальные), а потом для их эффективного применения формировались организационные структуры. Речь идет о так называемых революционных армиях (войско парламента в Англии в середине XVII столетия, «армия колонистов» в период Войны за независимость в Северной Америке и пр.). Однако очень быстро организационные структуры «революционных армий» приводились в соответствие с традиционной военной системой. Как правило, это происходило после первых поражений и осознания того, что масса готовых воевать за определенные идейные или религиозные установки людей должна иметь четкую организационную структуру.

С учетом сказанного отметим, что византийские вооруженные силы VII–XI вв. должны рассматриваться, прежде всего, как сложная организационная структура. За несколько столетий существования она прошла через несколько кризисов, неоднократно реформировалась, подвергалась частичной модернизации. Вопросы, связанные со стратиотским землевладением или социальным статусом военнослужащих императорской

² Геруа. 1923. С. 10.

армии, вне всякого сомнения, важны. Однако изучение данных вопросов должно лишь способствовать разностороннему исследованию главной проблемы – эволюции византийской военно-административной системы. Иная постановка проблемы будет, как минимум, противоречить военно-историческому опыту, накопленному человечеством.

До середины XIX в. военно-административная система Византии особого внимания историков не привлекала. Только в трудах по военной истории средневековья содержались краткие очерки, посвященные византийскому военному искусству. Проблемам, связанным с эволюцией французской, британской или российской военных систем в Средние века, уделялось гораздо большее внимание. История же Восточной Римской империи воспринималась как «история тысячелетней деградации и упадка». Подобное отношение к Византии сформировалось в историографии под влиянием трудов деятелей французского Просвещения и английского историка Эдварда Гиббона³. В XIX в., несмотря на формирование и быстрое развитие византиноведения как самостоятельного направления медиевистики, аналогичные суждения о византийской цивилизации продолжали оставаться *locus communis* в исторической литературе. Например, У.Э. Лекки писал: «Из того приговора истории, которого заслуживает Византийская империя, следует упомянуть, что она составляла, без единственного исключения, наиболее полную низкую и презренную форму, которую все же приняла цивилизация. Не было никакой другой стабильной цивилизации, столь полностью лишенной любых форм и элементов величия... история империи является монотонной историей интриг священников, евнухов и женщин, отравлений, заговоров и неблагодарности»⁴. Следует отметить, что восприятие истории византийского государства как «длительного регрессивного процесса» характерно и для некоторых современных исследователей⁵.

В обобщающих работах по истории средневекового военного искусства Византии традиционно отводилось незначительное место. Как правило, авторы ограничивались констатацией следующих постулатов: на протяжении всей византийской истории армия была слаба, военное искусство империи постепенно деградировало, а немногочисленные попытки исправить положение оказывались неудачными⁶. Из специаль-

³ См.: *Монтестье*. 1955. С. 49-156; *Гиббон Э.* 2008. С. 181-182.

⁴ *Lecky*. 1890. Vol. 2. P. 13.

⁵ Критику «черной легенды» о Византии в историографии XIX–XX вв. см.: *Haldon*. 2009. P. 205-254.

⁶ См.: *Oman*. 1885. P. 28-48; *Delbrück*. 1923. S. 194-209; *Пузыревский*. 1884. С. 22-23; *Михневич*. 1896. С. 110-116.

ной литературы эти положения были заимствованы в учебные пособия для военных училищ и академий, а также представлены в военных справочниках и энциклопедиях. Позволим себе привести несколько цитат: «В Восточной империи, после падения Западной, изнеженные и развращенные римляне могли выставять лишь сравнительно незначительные силы. Лучшим и надежнейшим войском считалась наемная конница, которая обыкновенно решала участь битв»⁷; «Византийские императоры Лев VI, Константин Порфирородный и Никифор Фока написали ряд регламентов о формировании войск и упражнении их, а также – как поступать в различных случаях войны; но дела не поправили: пехота дошла до положения бесполезного обоза. <...> Самостоятельно действовала лишь кавалерия, а пехоту она таскала за собою, как бесполезную ношу»⁸; «В Византии военное искусство постепенно приходило в упадок: развращенность администрации привела к ухудшению состояния войск и к упадку воинской доблести; тактическое искусство основано было только на метательном бое, пехота обратилась как бы в прикрытие метательных машин, употреблявшихся в большом числе, конница и та, главным образом, действовала метательным оружием, а византийские полководцы не решались принимать сражения в открытом поле. Вообще стратегическое искусство утратило главное средство для решения участи войны – решительный бой – и заключалось в маневрах, и разных ухищрениях и стратагемах... Византия отжила свой век и хотя существовала до половины XV в., но более благодаря своей политике, нежели искусству в ведении войн»⁹.

Следует отметить, что военных историков и теоретиков, прежде всего, интересовали вопросы, связанные с тактикой, различными способами боевого построения, организацией военного похода и вооружением византийских войск. Основными источниками, на которые опирались историки военного искусства, были «Стратегикон» Маврикия, «Тактика Льва» и, отчасти, «Стратегика императора Никифора»¹⁰. Именно на основании этих текстов они «реконструировали» боевые порядки императорских войск, прослеживали «постепенную деградацию» византийской военной системы и пр. Например, Г. Дельбрюк писал: «Маврикий, со свойственным ему доктринерским направлением

⁷ Шимановский. 1888а. С. 480.

⁸ Шимановский. 1888б. С. 493.

⁹ Пузыревский. 1888. С. 435.

¹⁰ Об истории изучения этих византийских военных трактатов см.: Strategikon des Maurikios. 1981. S. 24-27; Leonis VI Tactica. 2010. P. IX-XIV; Стратегика императора Никифора. 1908. С. IV-IX.

ума, пробовал придать диким бандам наемников определенную военную организацию, и по возможности действительно вербовал их у себя в стране, а не за рубежом»¹¹. При этом под «военной организацией» немецкий исследователь подразумевал поддержание жесткой дисциплины, одинакового численного состава боевых подразделений и унификацию вооружения у кавалеристов. Существование в византийской армии пехотных контингентов Г. Дельбрюк категорически отвергал. За отрицание своего постулата «пехоты не существовало» он достаточно жестко критиковал сэра Чарльза Омана, хотя и признавал «образцовой» предложенную британским военным историком «реконструкцию византийской кавалерийской турмы» на основании данных «Тактики Льва» и *Praecepta militaria* Никифора Фоки¹².

Образ Византии, как слабого и беспомощного государства, которое было не в состоянии защитить себя от многочисленных врагов, постепенно укоренился не только в исследованиях по истории военного искусства. В художественной литературе, публицистике, в общественном сознании представления о Новом Риме сводились к достаточно простой схеме – «изнеженные и развращенные» греки не могли и не хотели защищать себя от варваров, они набирали для этого наемные войска. Пока империя была в состоянии содержать многочисленные иноземные военные силы, она отбивалась от внешних врагов; когда же внутренние ресурсы государства иссякли, турки без особого труда сокрушили Византию. Показательно, что мнение о Византии, высказанное, например, профессором Николаевской Академии генерального штаба Н.А. Орловым¹³, по сути, мало отличается от слов философа В.В. Розанова¹⁴.

Военно-историческая наука XIX в. была чрезвычайно консервативна и элитарна. Это привело к тому, что уже к середине столетия наметился значительный отрыв военно-теоретических построений от реальной боевой практики. Военная теория продолжала медленно эволюционировать в направлении, избранном еще в XVII – первой половине

¹¹ *Delbrück*. 1923. S. 194-195.

¹² *Ibid*. S. 204-205, 207-208; см. также: *Oman*. 1885. P. 44-46.

¹³ См.: *Орлов*. 1913. С. 85: «Восточная Римская империя (Византия) хотя и существовала тысячу лет после падения Западной, но лишь благодаря политическим обстоятельствам; военное искусство находилось в упадке, империя изнемогала в борьбе с германскими и славянскими племенами, новоперсидским государством, арабами и др.».

¹⁴ *Розанов*. 2005. С. 291: «Весь Рим крушился извне и подтачивался внутри... Таял, как холодный снег при восхождении нового солнца. Чары Востока сокрушили его...».

XVIII в. Русский военный теоретик Н.П. Михневич писал: «Военная история подразумевает, что человек, как элемент комплектования армии, оружие и известные взгляды на военное дело определяют состояние военного искусства данной эпохи. <...> Основные положения военного искусства (принципы) во все эпохи были одни и те же, только применение их изменялось, в зависимости от разнообразных условий»¹⁵. Михневич и его единомышленники, не только в России, но и в других европейских государствах, продолжали создавать многочисленные труды по тактике, наставления по обучению войск, инструкции об организации больших военных походов и пр. При этом постоянно подчеркивалось, что опыт предыдущих поколений военачальников необходимо изучать, этот опыт бесценен и может оказаться востребованным в любое время. Тот же Михневич во введении к книге «История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия» цитировал Наполеона: «Читайте и перечитывайте кампании Александра, Аннибала, Цесаря, Густава Адольфа, Тюрення, Фридриха и образуйтесь по ним; это – единственный способ сделаться полководцем и постигнуть тайны военного искусства»¹⁶. Действительно, военные теоретики продолжали мыслить категориями «наполеоновской эпохи» – эпохи регулярных армий Нового времени, основанных на централизованной системе организации, управления и снабжения войск, типовом вооружении, типовом способе комплектования, типовом порядке прохождения службы и т.д.

Однако во второй половине XIX в. в большинстве индустриально развитых государств происходит переход к так называемым массовым армиям. В связи с этим кардинальным образом меняется не только система организации вооруженных сил, но также стратегия и тактика ведения военных действий. Основными отличительными чертами массовых армий индустриальной эпохи являлись: 1) всеобщая воинская повинность, обеспечивающая почти неисчерпаемую возможность пополнения воинских формирований человеческими ресурсами; 2) организация вооруженных сил по территориальному принципу (военные округа); 3) централизованная система материального снабжения и тылового обеспечения войск. К концу XIX в. в России, Германии, Франции, Великобритании, США, Италии, Австро-Венгрии и других странах были проведены военные реформы, в ходе которых были сформированы массовые национальные армии¹⁷.

¹⁵ Михневич. 1896. С. XVII.

¹⁶ Михневич. 1896. С. XVIII.

¹⁷ Подробнее см.: Редигер. 1900.

Стремительные изменения в организационных структурах вооруженных сил еще более усугубили кризис военно-теоретической и военно-исторической науки. Накопленный за столетия боевой опыт, включавший опыт «Величайшего Мастера», ничем не помог генералам Второй империи во время франко-прусской войны 1870–1871 гг.¹⁸ Констатируя кризис военной науки, генерал-лейтенант Н.А. Орлов писал: «В настоящее время вокруг нас – все еще мертвая зыбь, оставленная высокой волной наполеоновского военного искусства, но наступит момент, когда родится новая волна, и понесет нас все выше. И никто не знает – далеко ли от нас это время или оно уже близко»¹⁹.

В разных странах военные теоретики начали поиск исторических аналогий, а именно – военных систем, которые по своим принципиальным характеристикам совпадали бы с массовыми армиями рубежа XIX–XX вв. Особого труда данные разыскания не составили. Византийские вооруженные силы VIII–XI вв. основывались на: 1) воинской повинности; 2) территориальной военной организации (фемы); 3) централизованной системе снабжения войск. Однако связать византийскую военную систему с западноевропейской, обосновать какую-либо преемственность военных институтов «латинского Запада» от «греческого Востока» оказалось невозможно. Кроме того, влияние традиции, восходящей к Э. Гиббону, было слишком велико, и большинство исследователей предпочитали придерживаться привычных характеристик византийской военной системы: «Римские военные теории были известны грекам до времен Юстиниана и Маврикия. Еще дольше они владели старым искусством изготовления оружия, строительства морских судов и металлических военных машин... И при всем том варвары постоянно и везде побеждали греков, потому что, при крайнем нравственном упадке их, все эти внешние, пустые формы, без надлежащего одушевления, были как тело без души»²⁰. В целом ряде работ по истории военного искусства, опубликованных в начале XX в., о Византии вообще не упоминается²¹.

¹⁸ См.: *Геруа*. 1923. С. 11–12.

¹⁹ *Орлов*. 1913. С. 109.

²⁰ См.: *Neumann*. 1905. P. 99. Следует отметить, что в данном отрывке К. Нейманн почти дословно цитирует Э. Гиббона. Ср.: *Гиббон*. 2008. С. 181.

²¹ Например, в российской «Военной энциклопедии» (СПб., 1910–1915. Т. I–XVIII) нет отдельной статьи, посвященной Византии или византийскому военному искусству. А.А. Свечин, автор известного учебника по истории военного искусства, ограничился лишь упоминанием о том, что «...история Византии представляет калейдоскопическую смену блестящих успехов и катастроф». *Свечин*. 1927. С. 140.

При общем негативном отношении к византийской военной истории редким исключением следует считать слова британского историка права, «апостола позитивизма», Ф. Харрисона: «Историки старшего поколения, среди которых был и сам Гиббон, ошибались, считая византийскую армию лишенной мужества, дисциплины и организации. Напротив, на протяжении всего раннего средневековья это была единственная профессиональная армия в мире. Она достигла совершенства в военном искусстве, и в теории, и на практике. В некоторых случаях достигнутый ею уровень стал доступен остальным странам только в недавние времена, как, например, в мобилизации и в снабжении... Значительно изменив старые римские армейские порядки, византийская армия сохранила римскую дисциплину, моральный дух и основательность»²².

Таким образом, первые специальные работы по истории византийской военно-административной системы появились в то время, когда военно-историческая наука переживала глубокий кризис. В этой связи византинисты никогда не ориентировались в своих исследованиях на какие-либо труды военных историков. Более того, примитивная и не соответствующая исторической действительности схема развития вооруженных сил Византии, предложенная в военно-исторической литературе, была отвергнута уже в работах А. Рамбо, Г. Финлея и Н.А. Скабалановича²³. Главная заслуга этих исследователей состоит в том, что они сумели аргументировано опровергнуть концепцию о «тысячелетнем упадке» византийской армии.

Отвергая предложенную историками военного искусства схему исторического развития византийских вооруженных сил, византинисты, тем не менее, постоянно использовали специальную военную терминологию. На эту «обратную связь» с военно-теоретической наукой следует обратить особое внимание. Уже в ранних работах по истории византийской армии авторы пытались охарактеризовать реалии VII–XI вв. при помощи оперативно-тактической терминологии своего времени, т.е. конца XIX – первой половины XX века. Например, Н.А. Скабаланович писал: «Таким образом, еще до VII в. положено было начало той системе, которая потом названа техническим термином по имени греческих полков – фем»²⁴. Русский византинист Ю.А. Кулаковский, пытаясь определить численность армии, которая описывается в военном трактате

²² *Harrison*. 1900. P. 22.

²³ *Rambaud*. 1962. P. 175-208; *Finlay*. 1906. P. 3-14; *Скабаланович*. 2004. С. 315-326.

²⁴ *Скабаланович*. 2004. С. 318.

те De castrametatione, отмечал: «Дивизия пехоты и десять драгунских полков (т.е. отряд, приблизительно равный по численности той византийской армии, какая имеется в виду в нашем памятнике)»²⁵. Английский историк Дж. Бьюри считал, что «военные силы фемы состояли, как минимум, из трех бригад»²⁶.

Важным событием в попытке выработать единую терминологию для обозначения различных составных частей византийской военно-административной системы стало издание монографии Г. Гельцера «Развитие византийского фемного устройства»²⁷. Немецкий исследователь отмечал, что к модернизации древних терминов он прибегает вынужденно, так как их точное значение не всегда понятно. Далее он фактически отождествил внутреннюю структуру византийской фемы со структурой германского армейского корпуса рубежа XIX–XX вв.: «Командующего войсками фемы можно приравнять примерно к командиру армейского корпуса, затем турмарха – к дивизионному, а мерарха к бригадному командиру»²⁸. Кроме того, в монографии Г. Гельцера впервые появились термины, которые впоследствии стали использовать многие исследователи: Themenordnung («фемная система») и Themenverfassung («фемное устройство, фемный строй») ²⁹.

Сложно определить, по какой причине, но именно термин «армейский корпус» (Armeekorps, Army corps, corps d'armée) стал в византиноведческой литературе XX в. синонимом термина «фема». Возможно, это объясняется тем, что армейские корпуса были в составе вооруженных сил всех стран, принимавших участие в Первой и Второй мировых войнах. Соответственно, в обыденном сознании это воинское соединение воспринималось как основная боевая единица действующих армий³⁰.

²⁵ Кулаковский. 1903. С. 65, примеч. 1.

²⁶ Bury. 1911. P. 42.

²⁷ Gelzer. 1899. S. 19-33.

²⁸ Ibid. S. 118.

²⁹ См. например: Diehl. 1899. P. 677: «...безусловно, это одна из лучших и наиболее значительных работ, которые появились в последние годы по теме административного устройства Византии, о котором еще столь плохо знают». Ср.: Васильев. 1903. С. 202-203: «Гельцера занимают экскурсы по очень интересным предметам, но не имеющим к областному управлению империи никакого отношения... нельзя также одобрить совершенно ненужную резкость тона и неподходящие для ученого сочинения сравнения, например, из современной военной жизни Германии». Отметим, что А.А. Васильев являлся, пожалуй, единственным из византинистов начала XX в., который специально избегал использования современной военной терминологии.

³⁰ Латинское слово corpus имеет множество значений, среди которых «единое целое», «организованная система». С формальной точки зрения, можно принять так-

Еще один современный термин, который получил значительное распространение в специальной литературе, посвященной византийским вооруженным силам, – это «военный округ» (*Militärbezirke*, *Military district*, *Région militaire*)³¹. Соотнесение византийских фем с военными округами начала XX в. объясняется тем, что в большинстве европейских государств подобное военно-территориальное деление появилось во время перехода к массовым армиям.

В классической работе Г.А. Острогорского «История Византийского государства» термины «армейский корпус» и «военный округ» применительно к фемам были впервые объединены: «Слово фема обозначало армейский корпус и было перенесено на новые военные округа»³². Казалось бы, после этого можно было говорить о формировании некой общей терминологии, с помощью которой представилась возможность давать характеристику различным элементам византийской военно-административной системы, используя современные военные термины. Однако этого не произошло.

Основная причина заключается в том, что византийская фема, вне всякого сомнения, не являлась подобием ни армейского корпуса, ни военного округа первой половины XX века. Никаких сходных характеристик, помимо того, что фема и армейский корпус – это воинские формирования, а фема и военный округ – это некая территория, больше не существует. Восходящая к Г. Гельцеру традиция модернизации византийской военной терминологии является искусственной и совершенно неоправданной. Следует также учитывать, что в армиях XX века существовали не одна, а две принципиальные схемы организации командования: «континентальная» и «англо-саксонская». Первая из них предусматривала четырехступенчатое управление войсками: военный округ – армия – дивизия – полк. Вторая состояла из трех звеньев: военный округ – оперативное командование – бригада.

В последние десятилетия как в России, так и за рубежом значительно возрос интерес к истории византийской цивилизации. В связи с этим

же значения «воинская часть» или «часть армии». В юридических текстах V–VI вв. термин *corpus militum* означал «военное сословие», «люди военного звания», «военные». Однако если в современных исследовательских работах, вслед за упоминанием термина «армейский корпус» (в значении термина «фема»), указаны его составные части – «бригады», «полки», «батальоны», «роты» – принять подобную терминологию невозможно, она не имеет никакого отношения к реалиям византийской военной истории.

³¹ См.: *Bury*. 1911. P. 19, 68, 89.

³² *Ostrogorsky*. 1963. S. 80.

было опубликовано большое число научно-популярных книг, в которых рассматриваются различные периоды и сюжеты из истории Нового Рима. Немаловажное место среди них занимают издания, посвященные военно-исторической тематике. К сожалению, на высоком профессиональном уровне написана лишь небольшая часть подобных работ³³.

Большинство научно-популярных текстов представляют собой «реконструкции» хода военных кампаний или византийского вооружения. Авторы некоторых работ сознательно преувеличивают роль наемных формирований в составе императорской армии или же, напротив, представляют Византию «щитом», охранявшим латинский Запад от вторжений с Востока. Византийская военная терминология в этих сочинениях, как правило, специально модернизируется. Чаще всего авторы отказываются от объяснения читателю сложной иерархической системы Византии, смешивая командные должности и придворные титулы: патрикий, магистр, протоспафарий (= офицер, военачальник); domestik schol, стратиг, дука (= офицер, военачальник). В итоге создается картина громоздкого и плохо управляемого войска, в котором многочисленные «офицеры» весьма неумело командовали наемными отрядами³⁴.

Подводя итоги, отметим, что использование современной военной терминологии затрудняет исследование византийских военно-административных структур. Так как в исследовательской литературе не была выработана единая терминология для обозначения различных элементов военной системы Византии, представляется возможным использовать для этих целей некоторые позднеантичные военные термины. Речь идет, в первую очередь, о терминах «полевая армия» или «мобильная армия» (field Army, Feldarmee, campagne d'armée). Как и в позднеримское время, под этими терминами подразумевается совокупность воинских формирований (милиционных или регулярных), не предназначенных для постоянной обороны границ. Высокая степень мобильности позволяла использовать данные контингенты на всей территории империи для ведения, в основном, наступательных действий. Кроме того, приемлемым и необходимым мы считаем использование технических терминов «армия», «вооруженные силы», «войско», «формирование», «контингент», «отряд». По отношению к другим элементам византийской военной системы, а также титулам, должностям и наименованиям воинских формирований использование современной терминологии, по нашему мнению, недопустимо.

³³ См., например: *Nicolle*. 1992; *Haldon*. 2003.

³⁴ Подробнее см.: *Мохов*. 2013. С. 23-24.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильев А.А.* Рец. на: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899 // Византийский временник. 1903. Т. 10. С. 194-203.
- Геруа А.В.* Полчища. София: Российско-болгарское изд-во, 1923. 434 с.
- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. М.: Терра, 2008. Т. 5. 592 с.
- Кулаковский Ю.А.* Византийский лагерь конца X века // Византийский временник. 1903. Т. 10. С. 63-90.
- Михневич Н.П.* История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. 2-е изд. СПб.: Тип. П. Яблонского, 1896. 520 с.
- Монтескье Ш.* Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье Ш. Избранные произведения / под ред. М.П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. С. 49-156.
- Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 278 с.
- Орлов Н.А.* История военного искусства // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого. СПб., 1913. Т. 11. С. 80-109.
- Пузыревский А.К.* История военного искусства // Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г.А. Леера. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1888. Т. 3. С. 412-478.
- Пузыревский А.К.* История военного искусства в средние века (V–XVI вв.). СПб.: Тип. Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1884. Ч. 1. 239 с.
- Редигер А.Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. 3-е изд. СПб.: Военная типография, 1900. 576 с.
- Розанов В.В.* В военном лагере римлян // Розанов В.В. Собр. соч. / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2005. Т. 20. С. 285-291.
- Свечин А.А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М.; Л.: Гос. изд-во. Отдел военной литературы, 1927. Т. 1. 383 с.
- Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойды до воцарения Алексея I Комнина. 2-е изд. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. Кн. 1. 448 с.
- Стратегика императора Никифора / изд. Ю.А. Кулаковский // Зап. Имп. Академии наук по ист.-филол. отд. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1908. Т. 8, № 9. 59 с.
- Шимановский Е.С.* История кавалерии // Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г.А. Леера. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1888. Т. 3. С. 478-489.
- Шимановский Е.С.* История пехоты // Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г.А. Леера. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1888. Т. 3. С. 489-498.
- Brownworth L.* Lost to the West: the forgotten Byzantine Empire that rescued Western civilization. New York: Crown Publishers, 2009. 329 p.
- Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London: H. Frowde, 1911. 179 p.
- Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. 2. Aufl. Berlin: Stille Verlag, 1923. 3. Teil: Das Mittelalter. 708 s.
- Diehl Ch. Rev.*: Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899 // Byzantinische Zeitschrift. 1900. Bd. 9. P. 677-679.
- Finlay G.* History of the Byzantine Empire from 716 to 1057. L.: J.M. Dent, 1906. 432 p.
- Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig: B.G. Teubner, 1899. 133 s.

- Haldon J.F.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. London: UCL Press, 1999. 389 p.
- Haldon J.F.* Byzantium at war, A.D. 600–1453. New York: Osprey Publishing, 2003. 95 p.
- Haldon J.F.* The Byzantine Empire // Dynamics of ancient empires: state power from Assyria to Byzantium / ed. by I. Morris, W. Scheidel. Oxford University Press, 2009. P. 205-254.
- Harrison F.* Byzantine history in the early middle Ages. The Rede lecture, delivered in the Senate House, Cambridge, June 12, 1900. London: Macmillan, 1900. 63 p.
- Lecky W.E.H.* History of European morals from Augustus to Charlemagne. 3 ed. New York: D. Appleton, 1890. Vol. 2. 407 p.
- Leonis VI* *Tactica* / ed. by G.T. Dennis // *Corpus fontium historiae Byzantinae*. Vol. 49. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Research Library and Collection, 2010. 690 p.
- Neumann C.* La situation mondiale de l'empire byzantin avant les croisades. Paris: E. Leroux, 1905. 115 p.
- Nicolle D.* Romano-Byzantine armies 4th – 9th centuries. L.: Osprey Publishing, 1992. 47 p.
- Oman C.W.C.* The Art of War in the Middle Ages, A.D. 378–1515. Oxford: B. Blackwell, 1885. 134 p.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München: C.H. Bessersche Verlags Buchhandlung, 1963. 514 s.
- Rambaud A.* L'empire grec au dixième siècle Constantin Porphyrogénète. Repr. ed. 1890. New York: B. Franklin, 1962. 544 p.
- Schreiner P.* Soldiers // Byzantines / ed. by G. Cavallo. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 74-94.
- Strategikon des Maurikios* / hrsg. von G.T. Dennis, E. Gamillscheg // *Corpus fontium historiae Byzantinae*. Vol. 17. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 557 p.
- Sullivan D.F.* Byzantine military manuals. Prescriptions, practice and pedagogy // *The Byzantine World* / ed. by P. Stephenson. London; New York: Routledge, 2010. P. 149-161.
- Мохов Антон Сергеевич**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); Институт гуманитарных наук и искусств, департамент «Исторический факультет»; *rkb2004@yandex.ru*

Л. В. ЛЯХОВИЧ

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОНЯТИЙНЫЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В современной новистике проблема абсолютизма остается одной из наиболее дискуссионных. В статье выявлены причины сложившейся ситуации и высказаны предложения по ее оценке и разрешению. Особое внимание уделено интерпретации понятия «абсолютизм» в современных условиях, предложены критерии для его определения и терминологический ряд аналогов.

Ключевые слова: историография, методология, понятие, термин, новистика, абсолютная монархия, абсолютизм, Старый порядок.

Абсолютизмом, в соответствии с историографической традицией, принято называть характерную для Европы раннего Нового времени форму государственного управления. Проблемы же государства, во всей их многогранности, всегда были и остаются среди приоритетных для исторического исследования. Новоевропейское «регулярное государство» определяло, организовывало и контролировало все сферы жизни общества – от всемерного утверждения принципа «государственного интереса» до регулирования частной жизни подданных. В этом плане, невозможно переоценить важность проблематики абсолютизма для собственно новистики. Однако осмысление проблемы абсолютизма может и должно быть значительно шире. В Новое время были заложены и развиты многие политические, культурные и ментальные основы современной Европы, включая различные типы политической культуры, которые в большей или меньшей степени проявляются и в наши дни. Таким образом, четкое понимание того, что есть абсолютизм, и адекватное его определение важно, как непосредственно для новистики, так и для всего комплекса социальных наук и понимания ряда современных реалий.

Между тем, на протяжении уже не одного десятилетия проблема дефиниции абсолютизма остается нерешенной. Более того, по ряду причин, неприятие вызывает сам термин «абсолютизм». Разумеется, есть общепринятые формулировки, приводимые в первую очередь в учебной литературе для высшей школы¹. Они являются базовыми, и в связи с этим необходимо хотя бы кратко на них остановиться. Так, в учебной

¹ Ляхович. 2013.

литературе 2000-х гг. мы читаем следующие характеристики. «Абсолютизм – особая социально-политическая система, складывающаяся в период перехода от традиционного к индустриальному обществу и отражающая временный баланс социальных сил»². Изменения, приведшие к абсолютной монархии, связываются с процессом модернизации и трансформации социальной структуры, экономических основ общества, социальной мотивации. Возникновение абсолютизма стало отражением временного баланса формирующихся буржуазных и разлагающихся феодальных социальных сил³. «Новые классы – новое государство», – так можно охарактеризовать этот подход⁴. Приведенные дефиниции, таким образом, основываются на социологической модели абсолютизма и значительно трансформированной концепции «равновесия», бывшей единственной принятой в советской историографии.

С другой стороны, абсолютизм понимается как «политическая система, при которой в высшей степени централизованная государственная власть обладает значительным контролем над обществом»⁵, для которого характерны «централизация, унификация и регламентация» управления и состояния сословий⁶. Выводя абсолютизм из сосредоточения власти в руках коронованных правителей, его характеризуют как особую форму правления, при которой монарху принадлежит верховная и неделимая власть в государстве. Вместе с тем отмечается, что номинальное сосредоточение суверенной власти в руках одного человека было недостижимо на практике, власть сохраняла правовой характер⁷. Несмотря на использование термина «абсолютизм», ни одна монархия не была в действительности неограниченной, король обязан был соблюдать «естественные законы», ограничивающие его полномочия⁸. В приведенных определениях виден в первую очередь правовой подход, дополненный концептуальными инновациями рубежа 1980-х – 1990-х гг.

Таким образом, современная учебная литература для высшей школы применяет и правовой, и социологический подходы, дополняя и корректируя их, что в сумме дает более-менее адекватное представление о таком явлении, как абсолютизм. Данная позиция является правильной, так как соблюдается необходимый для преподавания баланс между

² Пономарев, Смирнова. 2004. С. 93.

³ Новая история стран Европы и Америки. Ч.1. 2005. С. 92.

⁴ Евдокимова. 2004. С. 29.

⁵ Отечественная история / С.Н. Полторак и др. 2005. С. 127.

⁶ Отечественная история / И.Ю. Заорская и др. 2002. С. 541.

⁷ Ревякин. 2007. С.75.

⁸ История Нового времени: 1600–1799 годы. 2007. С. 32.

устоявшимся предметным полем и новыми интерпретациями. И все же расплывчатость в определениях дает о себе знать: абсолютизм выступает и как социально-политическая система, и как политическая система, и как особая форма правления, что, как известно, разные вещи. К этому необходимо добавить и осознание того факта, что при абсолютизме ни одна монархия не была в реальности неограниченной. Приведенных замечаний достаточно, чтобы уже на учебном уровне почувствовать сложность ситуации.

Значительно более серьезное положение уже не одно десятилетие существует в научной среде. Более того, можно констатировать наличие нерешаемой проблемы в историографии. Так, начиная дискуссию 1968–1972 гг., посвященную российскому абсолютизму, советский исследователь истории России начала XX в. А.Я. Аврех писал: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность. Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии»⁹. Через три десятилетия, уже в постсоветских методологических реалиях, исследователь российского абсолютизма Ю.А. Сорокин в своей монографии так оценивает результаты отмеченной дискуссии: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик, историки так и не смогли договориться об определении термина “абсолютизм”... Историки довольно заметно разошлись во мнениях при решении вопроса о социальной опоре абсолютизма... после 1972 г. изучение теоретических проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным»¹⁰.

Почти через сорок лет от начала дискуссии об абсолютизме, в 2007 г., один из ведущих российских исследователей раннего Нового времени П.Ю. Уваров, отметил, что «наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином “абсолютизм”. Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина “абсолютизм”, а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях»¹¹. В 2012 г. Л.И. Ивонина, известный специалист по политической истории раннего

⁹ Аврех. 1968. С. 82.

¹⁰ Сорокин. 1999. С. 29.

¹¹ Уваров. 2007. С. 237.

Нового времени, вновь обратила внимание на то, что «дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего нового времени никогда не кончится, и это вполне нормально, как считают историки. Исследователями Старого порядка системное понятие “абсолютизм” перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов»¹². Наконец, в 2014 г. исследователь российской монархии К.С. Чернов, аргументируя свое приглашение к дискуссии об абсолютизме, утверждает применительно к его российскому варианту: «До сих пор не дано четкого определения абсолютизма, не определены ни критерии, ни хронологические рамки этого явления, не предложена его периодизация»¹³.

Такое положение выглядит парадоксальным, учитывая немалую историографическую традицию в рефлексии проблемы абсолютизма. Только двадцать лет постсоветского периода представлены такими авторами, как А.Н. Медушевский¹⁴, Ю.А. Сорокин¹⁵, О.А. Омельченко¹⁶, в работах которых освещены теоретические основы изучения абсолютизма, происхождение самого понятия, подходы к его определению как российских, так и зарубежных исследователей. Событием в историографии абсолютизма стал выход в 2005 г. специально посвященного французской абсолютной монархии выпуска «Французского ежегодника». В нем нашли отражение все существующие на тот момент концептуальные новации¹⁷, в первую очередь в статьях В.Н. Малова¹⁸, Л.А. Пименовой¹⁹, А.В. Чудинова²⁰. И все же в настоящее время, как и два десятилетия назад, «центральной проблемой продолжает оставаться вопрос об определении понятия “абсолютизм”, критериях его изучения»²¹.

Почему сложилась и продолжает существовать такая ситуация? Факторы, породившие ее, разномасштабны и различны во времени их действия. Тем не менее, их можно ранжировать по принципу возрастания интенсивности воздействия. Кроме того, на примере возникновения проблемы абсолютизма можно наглядно проследить ряд процессов не только советской и российской, но и европейской историографии.

¹² Ивонина. 2012. С.105.

¹³ Чернов. 2014. С. 128.

¹⁴ Медушевский. 1993.

¹⁵ Сорокин. 1999.

¹⁶ Омельченко. 2002.

¹⁷ Французский ежегодник. 2005.

¹⁸ Малов. 2005.

¹⁹ Пименова. 2005.

²⁰ Чудинов. 2005.

²¹ Медушевский. 1993. С.16.

Первым фактором, создавшим теоретическую базу для дальнейших споров, были методологические предпочтения советской историографии, сложившиеся еще в 1930–1940-е гг., т.е. известная концепция «равновесия». Важно помнить, что они носили императивный характер и обуславливались официальной идеологией. Данный сюжет достаточно полно и образно раскрыт в монографии С.В. и Т.Н. Кондратьевых «Наука “убеждать”, или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг.»²² Здесь уместно лишь добавить, что концепция «равновесия» имела более глубокие корни и ее принятие было вряд ли только делом идеологического руководства. Тем не менее, на протяжении нескольких десятилетий она была единственно признанной. В наиболее полном виде она была сформулирована в известной статье академика С.Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме»²³. Условием существования абсолютной монархии и значительной самостоятельности королевской власти считалось равновесие сил укрепляющейся буржуазии и еще достаточно сильного дворянства в период перехода от феодализма к капитализму²⁴. Таким образом, была построена жесткая социологическая модель абсолютизма. Вписанная в формационную схему, она отождествляла западноевропейский и российский абсолютизм. В соответствии с задачами советской историографии, это было еще одним примером демонстрации общности развития России и Европы, закономерности буржуазных революций, универсальности и практической значимости марксизма.

Реалии «Оттепели» и критическое осмысление материала источников привели к тому, что данная схема оказалась непригодной для характеристики российского абсолютизма, так как теоретическое построение не сочеталось с эмпирическим материалом источников. Это обстоятельство и вызвало известную дискуссию об абсолютизме рубежа 1960–1970-х гг.²⁵ Впоследствии, в научном сообществе, дискуссия оценивалась скептически, делался акцент на ее, как утверждалось, неэффективность. Однако нельзя согласиться со столь категоричными суждениями. Во-первых, дискуссия не только привела к отказу от концепции «равновесия» применительно к России, но и показала ошибочность ее упрощенного понимания вообще. Была предложена оптимальная по тем временам дефиниция абсолютизма, данная А.Н. Чистозвоновым. Согласно

²² Кондратьев, Кондратьева. 2003.

²³ Сказкин. 1941.

²⁴ Там же. С. 12–13.

²⁵ Ляхович. Дискуссия... 2013. С.221–229.

ей, абсолютизм «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь»²⁶. Во-вторых, было доказано, что даже в условиях концептуального монизма историки, желавшие высказать альтернативную точку зрения, делали это, подкрепляя свои тезисы ссылками на классиков марксизма, цитирование которых давало возможность методологического маневра. В-третьих, дискуссия на примере определения сущности абсолютизма продемонстрировала границы не только марксистской методологии, но и возможности социально-экономического подхода вообще²⁷. Важно иметь в виду, что данные события происходили еще в условиях безраздельного господства марксистской методологии, имманентной критики буржуазной историографии, без выхода советских историков в европейское научное пространство. Тем не менее, проблема абсолютизма выявилась в полной мере.

Следующим фактором, сопряженным с вхождением советской историографии в европейское пространство, стал методологический перелом рубежа 1980–1990-х гг., уже подготовленный в период перестройки, когда был сформулирован ряд новых тезисов относительно абсолютной монархии. В этот период концептуальные изменения приобрели необратимый характер, что проявлялось как в направленности, так и в оформлении работ. Например, знаковые изменения устоявшихся подходов были сделаны исследователем французского абсолютизма Н.Е. Копосовым в статье «Абсолютная монархия во Франции»²⁸. Утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые концепции XIX – начала XX в., когда формулировалось понятие абсолютизма, на реалии XVI–XVIII вв., автор, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений²⁹. Характеристика абсолютизма как феодаль-

²⁶ Чистозвонов. 1968. С. 62.

²⁷ Ляхович. Там же. С. 221–222.

²⁸ Копосов. 1989.

²⁹ Там же. С. 42–44.

ного государства, по мнению Копосова, является упрощенной, – и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу³⁰. Среди причин возникновения абсолютной монархии автор вовсе не упоминает концепцию «равновесия». Он утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности³¹. Принятая прежде трактовка абсолютизма не укладывалась в реалии источников. Ранее цельная канва исторического материала стала разрушаться, наступил этап исследования частных проблем, и постсоветская историографическая реальность демонстрировала это множеством примеров.

Наконец, причиной глобального плана, включающей и описанные выше факторы, был кризис социальной истории, охвативший европейскую историографию в 70-х–80-х гг. XX в. Нужно сказать, что и советская марксистская, и европейская историография этого периода, исследуя социальные процессы, группы и тенденции, в равной степени были подвержены конструированию теоретических моделей. То, что советская и западноевропейская историография были различными по идейному наполнению, в данном случае не имело большого значения. Тем более это потеряло смысл в связи с включением российской исторической науки в европейскую и с адаптацией методологии и проблематики последней. В обоих случаях произошел разрыв между идеальной конструкцией и ее эмпирическим содержанием. Объекты, демонстрируя свою индивидуальность и логику взаимодействий, не соответствовали теоретической схеме. В результате, как отмечал Н.Е. Копосов, «история распалась “на кусочки”, причем неизвестно, как соотносить их между собой. Казалось бы... более мелкий объект познания не менее сложен, чем крупный. Но на практике это оказалось не так... Микроисторику редко удастся сконструировать объект познания, сопоставимый как по важности, так и по сложности с объектом макроистории... в профессиональном смысле распад истории обернулся застоєм...»³².

Последствием описанных процессов стала ревизия понятий, которые перестали адекватно отражать реальные явления. Так, под сомнения были поставлены такие понятия, как «феодализм», «абсолютизм», «революция», «средние века», «раннее новое время» и т.д. Некогда цельная

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ Там же.

³² Копосов. 2005. Р. 5–6.

и логичная (хотя бы относительно) канва истории стала распадаться. Для научной среды «игры ума» в условиях кризиса традиционных понятий, конечно, полезны. Однако «конец истории», утратившей внутреннюю логику и целостность, а, следовательно, и возможность познания, заставлял серьезно задуматься. Не случайно П.Ю. Уваров указывал, что «нужно найти определения хотя бы для преподавания, иначе курс истории вновь превратится в перечень фактов политической истории и сборник анекдотов»³³. Далее он анализирует ситуацию: «Происходит не вполне честная операция: берут обветшавшее понятие как минимум пятидесятилетней давности и накладывают его на эмпирический материал, добытый с помощью всей палитры современных подходов... И затем с радостью констатируют, что понятие к данной реальности неприменимо, поскольку эта реальность обладает, как оказалось, некими признаками, в него не укладываемыми... Вроде бы все знают слова “идеальный тип” и даже “исследовательская утопия”, все уже слышаны о том, к каким ошибкам может привести приписывание объективного существования этим “исследовательским утопиям”»³⁴. Выходов из этой ситуации, с точки зрения П.Ю. Уварова, может быть три. Первый – признать, что время общих понятий и больших нарративов ушло, и настала эпоха узких специалистов и микросюжетов. Второй путь – отбросить устаревшие понятия и придумать новые. Наконец, третий путь, на котором и предлагается сконцентрировать усилия – подумать о том, можно ли приспособить старые понятия в современных условиях, и если можно, то как это сделать³⁵. Эта заключительная фраза открывает возможность обсуждения и поиска, что и будет предложено ниже. Представленная далее интерпретация проблемы абсолютизма не претендует на окончательное разрешение. Это – поиск решения в условиях историографической ситуации сегодняшнего дня.

Действительно, в научной среде наступила эпоха узкой специализации и микросюжетов. Такова историографическая ситуация, одной из характеристик которой выступает вполне объяснимое описанными выше причинами нежелание историков создавать масштабные конструкции. Об этом свидетельствуют и названия работ, и то внимание, которое уделяется в настоящее время уникальному в истории, структурам повседневности во всем их многообразии, отдельному человеку, семье, социальной группе и т.д. Данные обстоятельства обусловлены всем

³³ Уваров. 2006. С. 6.

³⁴ Там же. С. 9.

³⁵ Там же.

комплексом современных подходов – от антропологического поворота до дискурс-анализа в сочетании с психоисторией. Но разве эти методологические предпочтения делают невозможным или ненужным написание масштабных работ, в том числе охватывающих большие периоды? Было бы неверным утверждать, что время больших нарративов ушло. Они просто необходимы – как систематизированное, панорамное, имеющее внутреннюю логику историческое повествование, в первую очередь для того, чтобы, имея общее представление, читатель мог в дальнейшем воспринимать более узкие сюжеты. Превратившись в совокупность специальных работ для узких профессионалов, история перестанет выполнять свои социальные функции со всеми выходящими из этого последствиями. Обобщающие работы, кроме того, выполняют функции справочной и, в определенной мере, учебной литературы, что нельзя переоценить в деле транслирования исторических знаний. Большие нарративы к тому же несут и ценностное содержание – формируют относительно цельную, логичную, следовательно, познаваемую историческую картину. Разумеется, приведенные аргументы выглядят традиционно и в условиях постмодерна и «конца истории» могут оспариваться со значительной долей скептицизма. Другое дело, каков результат подобных споров на сегодняшний день.

Что касается отбрасывания устаревших понятий и введения новых, то это естественный процесс и, скорее, не сознательно выбираемый путь историка, а условие его работы. Говоря об упразднении одних понятий и введении других, необходимо иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, новое понятие и его определение должны «снимать» вопросы, возникшие ранее. Если этого не происходит, введение нового термина не имеет смысла – кроме терминологической путаницы оно ничего не даст. Во-вторых, появление и исчезновение терминов – это естественный, зачастую долгий процесс, где вряд ли уместны форсирование и волевые усилия. В-третьих, следует задуматься о том, что мало поддающийся формализации понятийный аппарат исторической науки формировался не одно столетие, значения многих терминов трансформировались без упразднения последних, часто многие понятия и их определения демонстрируют проверенную временем устойчивость. Наконец, нельзя сбрасывать со счета и конвенциональный фактор в науке, и устоявшиеся традиции восприятия.

В отношении понятия «абсолютизм», не единожды отвергаемого, но имеющего, тем не менее, устойчивые коннотации, велико желание найти адекватную замену. Терминологический ряд возможных аналогов

может быть представлен «деспотизмом», «самодержавием», «цезаризмом», «автократической монархией», «неограниченной монархией» – из уже известных терминов, но почти все они несут достаточно конкретную смысловую нагрузку, не указывающую в должной мере на западноевропейскую специфику того, что обозначается как «абсолютизм». Кроме того, можно ли отождествлять европейский абсолютизм в привычном понимании этого явления с «деспотизмом», отражающим, прежде всего, отсутствие правовых гарантий у подданных, или «самодержавием», указывающим в первую очередь на специфику российской монархии, этапом развития которой был абсолютизм? «Автократическая» переводится с греческого как «самодержавная». Не создаст ли терминологической путаницы «самодержавие» и «самодержавная монархия»? «Цезаризм» акцентирует внимание на узурпации власти как ее основном признаке, но в новоевропейском контексте выдвигать этот критерий на первое место – значит, в большинстве случаев, игнорировать исторические факты. «Неограниченная монархия» выступает как синоним «абсолютной монархии» и может быть принята как ближайший по смыслу к «абсолютизму» термин. Такая ситуация и установилась в историографии, но терминологической ясности не внесла. Вновь социально-политическая система, политическая система, тип государственной власти, форма правления, политический режим, государственный строй, форма государства смешались из-за смысловой близости терминов.

Характеризуя новоевропейскую монархию, можно обратиться и к применяемым в то время определениям. Абсолютная монархия – «совершенная», «суверенная», «единовластная». Она могла быть «законной» и «деспотической» в зависимости от соблюдения монархом прав подданных. В связи с обоснованием суверенности королевской власти Жан Боден вел речь о монархии совершенного могущества³⁶. Приведенные, характеристики, несомненно, лучше передают суть определяемого ими явления, но в существующей ныне историографической ситуации, когда историки и правоведы выработали определенные терминологические стандарты, они все же будут порождать дополнительные вопросы. Если монархия «совершенная», то что имеется в виду под «несовершенной монархией»? Суверенный монарх может быть и конституционным, а словосочетание «единовластная монархия» вообще является тавтологией. Отмеченное не означает, что устоявшаяся система терминов – наилучшая и неизменяемая, но все же нововведения предполагают адекватную аргументацию.

³⁶ Омельченко. 2002. С. 8.

Таким образом, из существующих аналогов остается три: «неограниченная монархия», «абсолютная монархия» и весьма скептически воспринимаемый «абсолютизм». Следуя по предложенному П.Ю. Уваровым «третьему пути» адаптации старых понятий к новым условиям, представляется наиболее реальным выбирать из названного терминологического ряда.

Нужно отдельно сказать о возвращенном ныне в науку термине «Старый порядок». Следует, однако, оговориться, что и он – «ancien régime», отнюдь не свободен от негативного подтекста. Так, например, в известной работе «Миф абсолютизма» британский историк Н. Хеншелл отмечает, что в 1789 г. революционеры давали определение «ancien régime», чтобы вынести ему приговор³⁷, а далее либеральным историкам XIX века «нравилось изображать эпоху «ancien régime» пыльным складом устаревших идей и учреждений, сопротивлявшихся живительному влиянию Просвещения»³⁸. В российской либеральной историографии «абсолютизм» и «Старый порядок» применялись параллельно, но если под первым подразумевалась преимущественно система управления, то под вторым – система общественных отношений. Так, крупнейший представитель российской дореволюционной новистики Н.И. Кареев, определяя абсолютизм как политический и социальный строй Европы Нового времени, акцентирует внимание на следующем терминологическом оттенке. Когда в 1789 году, с началом Французской революции, начался период крушения абсолютизма, появился термин «Старый порядок», обозначающий учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции, а также им аналогичные и продолжавшие еще существовать в других странах. Так, крушение «Старого порядка» в России Н.И. Кареев относит к 1905 г.³⁹ Учитывая как смысловые акценты, так и существующие интерпретации, нет оснований отказываться от проведенных Н.И. Кареевым терминологических граней. Представляется, что замена «абсолютизма» на «Старый порядок» правомерна только в широком смысле, если под абсолютизмом понимать весь комплекс социальных отношений, имевший место в Европе до Французской революции.

Сам термин «абсолютизм», действительно, достаточно экспрессивен, с жесткими коннотациями. Не случайно его введение сначала в публицистику, а затем в науку связано событиями 1820-х гг. в Испании,

³⁷ Хеншелл, 2003. С. 235.

³⁸ Там же. С. 217.

³⁹ Кареев. 1908. С. 1, 4–5.

когда в 1823 г. контрреволюционный режим был назван «абсолютизмом». Это слово, как считает Н. Хеншелл, являло собой «изошренную пародию на позицию консерваторов: нет конституции, нет парламента, нет прав... “Абсолютизм” первоначально и был карикатурой, которую создали, чтобы охарактеризовать современные, и не исторические явления. Однако этот стереотип прижился и был спроецирован на прошлое, а именно на *ancien régime*. Поэтому мягкая, пастельная окраска последнего приобрела новые резкие оттенки эпохи Меттерниха и Карла X... Абсолютная и разделенная власть, действовавшие рука об руку при *ancien régime*, теперь стали означать противоположные виды управления...»⁴⁰. Как видно, согласно Хеншеллу, то, что впоследствии стало называться «абсолютизмом», на самом деле было такой формой монархии, в которой одновременно присутствовали абсолютная и ограниченная власть: абсолютной в сфере осуществления королевских прерогатив и ограниченной соблюдением прав подданных⁴¹. «Абсолютный» же и «конституционный», по мнению Хеншелла – это термины XIX столетия, которые не создавали ничего, кроме путаницы в случае, если применялись для описания политических теорий раннего Нового времени.⁴² В таком случае, каким термином назвать форму управления новоевропейским государством? Более того, как охарактеризовать доминирующую тенденцию усиления, имевшую место в европейской монархии на протяжении, по крайней мере, трехсот лет?

Книга «Миф абсолютизма» вышла на английском языке в 1992 г., на русский была переведена в 2003 г. Аргументируя необходимость отмены термина «абсолютизм», Хеншелл исходил из утверждений, на сегодняшний день уже в значительной мере утративших свою актуальность. По мнению Хеншелла, «термин “абсолютизм” неразрывно связан с четырьмя утверждениями. Во-первых, “абсолютизм” по сути своей деспотичен. При нем ущемляются права и привилегии подданных... “Абсолютизм” – враг свободы. Во-вторых, “абсолютизм” автократичен. Он не обращается к консультативным механизмам... принятие решений централизовано. Государи отодвигают на второй план сословные представительства и корпоративные организации. В-третьих, “абсолютизм” бюрократичен... абсолютные правители отделяют себя от общества. В-четвертых, “абсолютизм” никак не связан с Англией»⁴³. На сегодняш-

⁴⁰ Хеншелл. 2003. С. 236–237.

⁴¹ Там же. С. 144–145, 147.

⁴² Хеншелл. С. 167.

⁴³ Там же. С. 8.

ний день приходится констатировать, что указанные Хеншеллом характеристики абсолютизма значительно уточнены и откорректированы. Это составляло задачу исследований последних десятилетий и не потеряло своей значимости и сегодня.

Уточнения, при всей их важности, тем не менее, не сняли основной проблемы – несоответствия термина определяемому объекту. Как показали исследования последних лет, власть монарха при абсолютизме на практике, фактически, имела ряд ограничений – от «естественных законов» и традиционных корпоративных прав до установленного порядка престолонаследия⁴⁴. Само же слово «абсолютизм» происходит от латинского «*absolutus*», что значит «неограниченный», «безусловный». Таким образом, налицо противоречие между понятием и реальным объектом. Это и стало одной из основных причин уязвимости понятия «абсолютизм» для критики. В то же время, необходимо задаться таким вопросом: даже если принять во внимание силу местных традиций, суверенных судов или общественного мнения, например, во Франции, был ли в этой стране социальный институт или орган управления, который мог легитимно оспорить права короля и тем более их реально ограничить или нарушить независимо от того, шла речь о королевских прерогативах или правах подданных? Отрицательный ответ на данный вопрос дает возможность утверждать, что как раз в формально-юридическом аспекте власть монарха и была неограниченной. Введение оговорки «формально неограниченная власть» позволит «снять» одно из главных противоречий, дававших очевидный повод для ревизии понятия «абсолютизм».

Все же, несмотря на указанные выше уточнения и корректировки, приходится признать, что применительно к «абсолютизму», термину с достаточно негативным подтекстом, их оказывается слишком много. Если же вести речь о замене термина «абсолютизм» на какой-либо другой, то на сегодняшний день представляется уместным перейти к более нейтральной в стилистическом плане «абсолютной монархии». Данная замена оправдана, тем более, что указанный термин и соответствующее понятие вписываются в узнаваемый логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия, в котором ранжирование проведено по критерию баланса сил монархии и сословно-представительных институтов. Терминологическая замена, кроме того, имеет и прецеденты – из постсоветской историографии достаточно быстро исчезли вызывающий негативные ассоциации термин «царизм», характеризовавший российскую монархию, а также аналогич-

⁴⁴ См., например, *Копосов*. 1989, *Малов*. 2005, *Пименова*. 2005, *Чудинов*. 2005.

ный по отрицательному подтексту «феодално-абсолютистский строй», применявшийся для характеристики социально-политического развития Западной Европы.

Понятие есть выражение сущностных черт предмета. Какие же критерии являются базовыми для понимания сути абсолютной монархии? На первое место выступает правовой критерий и, соответственно, правовой подход в определении, проявивший свою устойчивость на протяжении столетий. Это четко прослеживается, начиная с обоснования неограниченной власти римским правом и европейскими легистами, деятельность которых в позднесредневековой Западной Европе была повсеместной⁴⁵.

Жан Боден, обосновывая абсолютную власть суверенных правителей, утверждал, что необходимо, «чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей, и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать»⁴⁶. Вместе с тем, что важно для понимания западноевропейской политической культуры, «абсолютная власть государей и суверенных властителей никоим образом не распространяется на законы бога и природы... все государи на земле подчинены законами бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам»⁴⁷.

Н.И. Кареев, крупнейший представитель российской либеральной новистики, также делает акцент на правовом аспекте. Абсолютизм и абсолютная монархия, по Карееву, тождественны. Это неограниченная монархическая власть, аналогичная власти фараонов в Древнем Египте, эллинистическим монархиям, римской империи и монархии в Византии. Эпоха же абсолютной монархии на европейском Западе была в известном смысле возвращением к политическим формам императорского Рима⁴⁸. Правовой подход, показавший свою устойчивость и на протяжении всех методологических трансформаций историографии XX века, несомненно, должен стать базовым.

Представляется рациональным, во избежание терминологической неясности, разграничить термины «абсолютная монархия» и «абсолютизм». Абсолютная (неограниченная) монархия есть форма государственного управления. Что же касается «абсолютизма», то он может

⁴⁵ Андерсон. 2010. С. 23–28.

⁴⁶ Боден. 1970. С. 146.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кареев. 1908. С. 2–4.

определяться и как тип государственной власти, и как форма правления, и как политический режим и, наконец, как социально-политическая система.

Фундаментальность правового подхода, однако, не локализует абсолютную монархию во времени и пространстве, а предельно обобщенного определения Н.И. Кареева совершенно недостаточно для понимания сути этого понятия применительно к Европе Нового времени. Необходимы хронологический, географический и социокультурный критерии. Соответственные признаки могут быть внесены, как вариант, в определение абсолютной монархии. Тем не менее, для обозначения специфики этого явления как определенного социокультурного феномена, присущего Европе Нового времени, соответствующий термин необходим. На сегодняшний день выступать таковым может, при условии постепенного отхода от термина «абсолютизм», только «Старый порядок». Таким образом, если «абсолютная монархия» указывает на форму государственного управления, то «Старый порядок» комплексно характеризует общество. В силу этого, при рассмотрении общества и государства Европы раннего Нового времени востребован социологический (или социально-психологический) подход, сформировавшийся в XX веке и дополняющий правовой. Сочетание обоих подходов, акцентированных в соответствующих областях, будет продуктивным при изучении ряда проблем новистики и даст возможность избежать терминологической путаницы.

Предложенные терминологические изменения, возможно, послужат одним из вариантов решения создавшейся в историографии проблемы, а ситуацию, сложившуюся в связи с понятием и термином «абсолютизм» вряд ли стоит считать методологически безвыходной. Во-первых, приемлем постепенный отход от термина «абсолютизм». В значении «форма государственного управления» его можно заменить на более нейтральную в экспрессивном плане «абсолютную монархию». Во-вторых, необходимо внести уточнения в определение последней, снимающие противоречия между «абсолютной монархией» как термином и практикой королевской власти согласно материалам источников. Наконец, оправданно заменить термин «абсолютизм» в широком его значении «Старым порядком». Возможно, в перспективе сформируется термин для обозначения того, что ныне определяется как «абсолютизм», но без негативных коннотаций и требуемых в отношении последнего оговорок.

Как известно, любое понятие и определяющий его термин являются целенаправленно созданными теоретическими моделями, отражаю-

щими материальные объекты лишь с максимально возможной в конкретной ситуации точностью. Задача исследователя – по возможности сделать расхождение между идеальной конструкцией и реальным объектом минимальным. В гуманитарных науках, рассматривающих плохо поддающиеся формализации индивидуальные явления, расхождение между теоретической моделью и эмпирическим материалом может достичь такого масштаба, который позволит говорить о методологическом кризисе. Историографическая же практика показывает, что за кризисом обычно следует выработка новых подходов и решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврех А.Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.
- Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. И. Куриллы. М.: Изд. дом «Территория будущего». 2010. 512 с.
- Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль. 1970. 776 с.
- Евдокимова А.А.* История раннего Нового времени. Эпоха Реформации. Ростов-на-Дону. ФЕНИКС. 2004. 288 с.
- Ивонина Л.И.* Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 104–117.
- История Нового времени: 1600–1799 годы: Учеб. пособие для студ. вузов / А.В. Чудинов, П.Ю. Уваров, Д.Ю. Бовыкин. М.: АСТ; Астрель. 2007. 508 с.
- Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1908. 452 с.
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень: Мандр и К°. 2003. 272 с.
- Копосов Н.Е.* Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 42–57.
- Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! М.: Новое литературное обозрение. 2005. 245 с.
- Ляхович Л.В.* Дискуссия 1968–1972 гг. и разработка проблемы абсолютной монархии в российской историографии второй половины XX века // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. Сб. науч. ст. / Под ред. докт. фил. наук, проф. В.Ф. Беркова. Вып. 12. Ч. 1. С. 211–229.
- Ляхович Л.В.* Проблема сущности и определения понятия «абсолютизм» в современной научной и учебной литературе // Гісторія і грамадазнаўства. 2013. № 8. С. 3–7.
- Малов В.Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршневца (1905–1972). М.: КомКнига. 2005. С. 86–128.
- Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст. 1993. 320 с.

- Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: Учеб. пособие для студ. Вузов. В 3 ч. / Под ред. А.И. Родригеса, М.В. Пономарева. М.: Гуманитар. Центр ВЛАДОС. 2005 – 2008. Ч. 1. 2005. 528 с.
- Омельченко О.А.* Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. ...докт. юрид. наук. Моск.госуд. индустриальный ун-т. Москва. 2002. 42 с.
- Отечественная история / С.Н. Полторац, В.А. Бунаков, С.Б. Ульянова. 2-е изд. М.: Гардарики. 2005. 288 с.
- Отечественная история / И.Ю. Заорская и др. М.: Логос. 2002. 559 с.
- Пименова Л.А.* Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М.: КомКнига, 2005. С. 195–222.
- Пономарев М.В., Смирнова С.Ю.* Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Учеб. пособие. В 3 ч. М.: Гуманит. Центр ВЛАДОС. 2004. 288 с.
- Сказкин С.Д.* Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1941, Т. 3. Вып. I. С. 3–25.
- Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск: ОмГУ. 1999. 322 с.
- Уваров П.Ю.* В поисках «феодализма» // Одиссей. 2006. М.: Наука, 2006. С. 5–10.
- Уваров П.Ю.* Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) // Искусство власти. Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя. 2007. С. 236–257.
- Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М.: КомКнига. 2005. 304 с.
- Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова, отв. ред. С.Е. Федоров. СПб.: Алетейя. 2003. 272 с.
- Чернов К.С.* Абсолютизм в России // Вопросы истории. 2014. С. 128–136.
- Чистозвонов А.Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.
- Чудинов А.В.* «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М.: КомКнига. 2005. С. 259–293.
- Ляхович Лариса Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств; г. Минск, e-mail: larisa-hist@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

В. В. ВЫСОКОВА

«СВЕТСКАЯ» И «ДУХОВНАЯ» ИСТОРИЯ В БРИТАНИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Когда в результате научной революции рубежа XVII–XVIII вв. на повестку дня остро встал вопрос о достоверности исторических и естественнонаучных сведений, содержащихся в Библии, в британском интеллектуальном поле сложилось три позиции: ортодоксальные представители англиканской церкви; «вольнодумцы» или деисты; и те, кто обосновал различие между Библией как историческим источником и морально-этическим заветом. Автор приходит к выводу, что в результате обсуждения этих вопросов складывается рациональное отношение к религии и церкви, и происходит секуляризация исторического письма.

Ключевые слова: *«Бангорианский спор», Г. Барнет, британское Просвещение, К. Миддлтон, секуляризация историописания.*

Какова «воля Бога»? Кто может знать «Его волю»? Какими средствами она осуществляется? Эти вопросы лежат в самой сердцевине британского Просвещения. Надо заметить, что конфессиональной специфике британского исторического письма до сих пор не уделено достаточного внимания в историографии. Впрочем, это замечание применимо к истории историописания «переходной эпохи» в целом. Здесь во главе угла находится вопрос: каким образом средневековая «церковная» история трансформировалась в «светскую» гражданскую историю Нового времени. Ее становление в различных национальных традициях, несомненно, определялось особенностями конфессионального развития. Британская историческая традиция в этом контексте заслуживает особого внимания уже в силу того, что здесь приверженность англиканскому вероисповеданию являлась доминантой историографии Нового времени. Как писал в 1790 г. Э. Берк: «Мы знаем, более того, мы чувствуем душой, что религия – основа гражданского общества, источник добра и утешения; мы в Англии в этом настолько убеждены, что можем утверждать, что у нас девяносто девять человек из ста выступают против безбожия. Если догматы нашей религии потребуют дальнейших объяснений, мы не призовем атеизм, чтобы прояснить их. Мы не станем

освещать наш храм ложным светом. <...> Из всех религий мы выбрали протестантизм и исповедуем его не равнодушно, но с рвением»¹.

Исторически веку Просвещения в Британии предшествовала пуританская революция XVII в. Англиканская церковь окончательно утвердилась в качестве государственной. Это означало, что главой церкви является король, и церковь в значительной степени находится на содержании государства. В эпоху Просвещения образованному человеку без титула англиканская церковь (наряду с университетом и судом) сулила успешную карьеру, как с точки зрения социального, так и материального статуса. Церковники, духовные лорды имели высокое положение и большое влияние в обществе. В историографии пока еще не дана оценка их включенности в политическую жизнь страны, но скажем, что важнейшие прелаты англиканской церкви являлись по статусу членами палаты лордов. Вклад «духовников» в развитие британского историописания в эпоху Просвещения и будет в центре внимания данной статьи.

В раннее Новое время историописатели в массе своей выходили из церковной среды. Справедливо это и для Британии. Установившаяся религиозная терпимость в британском обществе XVIII в. изменила сами поведенческие практики священнического сословия. Их повседневное платье и образ жизни мало чем отличались от простых граждан. Особенно это поражало путешественников с континента. Швейцарец Сезар де Соссюр в конце 1720-х гг. писал: «Иностранец удивляется, находя духовенство в публичных местах, в тавернах, в харчевнях, где они курят и пьют совсем, как и миряне; но, так как ни один из них не скандалит, вы быстро привыкаете к этому зрелищу»². И многие из священников стали активными участниками бурного процесса развития научного знания. Физик, викарий Уильям Дерем/Derham (1657–1735) и натуралист и орнитолог, дьякон Гильберт Уайт/White (1720–1793) внесли вклад в изучение «естественной истории» и натурфилософии. Доктор богословия, эллинист Ричард Бентли/Bentley (1662–1742), епископ Глостера Уильям Варбуртон/Warburton (1698–1779) и его товарищ, епископ Вустера Ричард Хард/Hurd (1720–1808) заложили основы современной классической филологии. Философ Джордж Беркли/Berkeley (1685–1753), поэт Томас Перси/Percy (1729–1811) и писатель Лоуренс Стерн/Sterne (1713–1768), наконец, автор теории народонаселения Томас Роберт Мальтус/Malthus (1766–1834) – все они были священниками. Однако самым известным в этом ряду является декан собора святого Патрика в Дублине Дж. Свифт.

¹ Берк. 1991. № 6. С. 116.

² Saussure. 1995. P. 132.

Процесс секуляризации сознания британского общества со всей очевидностью проявился в правление последних Стюартов. Об этом свидетельствовали активные нападки на доктринальные основания Библии, прежде всего в среде самого англиканского духовенства, а также со стороны так называемых *free thinkers*, или «вольнодумцев». В свете научной революции И. Ньютона и Р. Бойля в центре внимания оказалось изучение исторического и космогонического контекста Библии, что с неизбежностью ставило под сомнение божественность миссии Христа, а также доктрину «триединства». Все эти вопросы не были новыми, но встали остро перед решительно меняющимся британским обществом рубежа XVII–XVIII вв. Что более важно, они породили новый ответ в среде британских мыслителей эпохи Просвещения.

Дискуссия о «Religion of Nature», «естественной религии» была начата рационалистически мыслящим философом, католиком, перешедшим в англиканство и ирландцем по происхождению Джоном Толандом (1670–1722). В 1696 г. он издал книгу «Христианство без тайн»³, имевшую красноречивый подзаголовок «Трактат, в котором показывается, что в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или недоступного, и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом смысле слова»⁴.

Идеи Толанда были подхвачены и развиты, прежде всего, в среде «free thinkers», где особенно активно протекал процесс рационалистического осмысления христианского вероучения⁵. Среди них, несомненно, выдающимся мыслителем был Энтони Коллинз/Collins (1676–1729). Друг и последователь Дж. Локка, он в сочинении «Рассуждение о свободомыслии»⁶ 1713 г. писал: «Если люди или пренебрегают мышлением, или позволяют убедить себя, что они не имеют права свободно мыслить, они не только не смогут достичь совершенства в науках, они дойдут до самого большого абсурда, какой только можно себе представить, как в принципе, так и на практике. Сколько их, абсурдных представлений о божестве не только у язычников, но и у христиан!»⁷ Сочинение Коллинза вызвало острую полемику. Отповедь ему дали два самых ярких полемиста эпохи, причем из разных лагерей. Из лагеря «новых» взял на себя труд Ричард Бентли, написав сочинение «Заметки

³ См.: Toland. 1696.

⁴ Английское свободомыслие... 1981. С. 116.

⁵ Именно эти авторы подробно изучались в советской историографии: Меевский. 1979; Английские материалисты...; Английское свободомыслие.

⁶ Коллинз. 1967. С. 162.

⁷ Цит. по: Антисери, Реале. 2002. С. 334.

о новейшем рассуждении о свободомыслии» в 1713 г.⁸ Из лагеря «старых» в этом же году откликнулся Дж. Свифт небольшим эссе «Рассуждения о свободомыслии Коллинза, изложенном простыми словами». Оба священнослужителя разносили в пух и прах сочинение Коллинза, первый обвинял его в незнании текста Библии, другой доказывал, что «человеческий род в массе так же приспособлен думать, как и летать»⁹.

Вольнодумство достигло своего пика в 1730 г. в работе английского философа Мэттью Тиндела/Tindal (1657–1733). Его работа имела название «Христианство так же старо, как сотворение мира, или Евангелие – восстановление естественной религии» и получила среди современников статус «библии деизма»¹⁰. Христианство и прочие религии Тиндел относил к области суеверий, полагая, что «естественная религия», соответствующая законам природы, стара как мир. Работа получила большую популярность и вызвала резкую реакцию со стороны теологов. Хотя эта и другие работы «вольнодумцев» наделали много шума, Эдмунд Берк пятьдесят лет спустя в «Размышлениях о Французской революции» писал: «...у нас были писатели, на шумевшие в свое время, которых можно характеризовать подобным образом (Берк имеет ввиду французских атеистов – В.В.). Сейчас они пребывают в полном забвении. Кто из теперешних сорокалетних прочел хоть одно слово Коллинза, Толланда, Тиндела, Моргана и прочих, некогда называвших себя свободными мыслителями? И вообще, читал ли их кто-нибудь? Спросите лондонских книгопродавцев, где сейчас эти светочи мира? Очень скоро за ними в небытие отправятся и их немногие последователи»¹¹.

Одной из задач данной статьи является привлечь внимание исследователей к личности и творческому наследию доктора богословия (Doctor of Divinity) и классициста из Тринити-колледж в Кембридже Коньерса Миддлтона / Conyers Middleton (1683–1750), сыгравшего решающую роль в низвержении «free thinkers» (хотя за ними в историографии прочно закрепился статус основателей европейского деизма). Первоначальную известность Миддлтон получил многолетним ожесточенным спором с главным участником «битвы книг» Ричардом Бентли, правда, по другому поводу – в дискуссии о проекте Бентли «нового» перевода Нового завета¹². Миддлтон, несомненно, испытывал интерес к истории.

⁸ См.: Bentley. 1713.

⁹ Swift. 1824. P. 184.

¹⁰ См.: Tindal. 1798.

¹¹ Берк. 1993. С. 70.

¹² См.: Middleton. 1721.

Посетив Рим в компании и по приглашению антиквара барона Колрейна / 3rd Baron Coleraine (1693–1749) в 1724 и 1725 гг., он собрал коллекцию античных рукописных древностей (позже опубликовал и продал своему другу Хорасу Уолполу). На обратном пути в Англию Миддлтон посетил «мастерскую» мавристов в Сан-Жермен-де-Пре и имел личную беседу с Бернаром Монфоконом. Посещение «священного города» и встречи с «папистами», и, в частности, с будущим папой Бенедиктом XIV, неизбежно вели его к переосмыслению раннего христианства и раздумьям об истоках «идолопоклонства» «папистов». В небольшом эссе «Письмо из Рима», опубликованном в 1729 г., он показывал, что отличительные черты «папизма» (ладан, святая вода и пр.) были заимствованы ранней Христианской церковью из языческих традиций Древнего Рима и были распространены уже в первые века христианства¹³. Его критицизм так же ярко проявился в суждениях о Великом потопе, где он опирался на исследования своего товарища, антиквара и натуралиста Джона Вудворда / Woodward (1665–1728) об ископаемых животных¹⁴.

Небезынтересным является факт его участия в дискуссии по поводу появления первого печатного станка на Британских островах. В то время было распространено мнение, что первый печатный пресс и соответствующее оборудование в Оксфорд привез из Германии в годы правления Генриха VI один из работников типографии Гутенберга Фредерик Корцеллис / Corsellis. Распространению этого мнения в эпоху Реставрации способствовал большой патриот Оксфорда Ричард Аткинс¹⁵. Когда в 1732 г. вышло основанное на этом суждении трехтомное издание «Всемирная история книгопечатания»¹⁶, Миддлтон досконально разобрал происхождение этого «ложного мифа»¹⁷ и убедительно показал, что первопечатником по праву должен быть назван дипломат и торговец середины XV в. Уильям Кекстон / Saxton (1415–1492). Кекстон познакомился с печатным делом в Брюгге и в 1476 г. установил печатный пресс в Вестминстере. Первой книгой, напечатанной на его станке, были «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера. Осведомленность и Миддлтона в этом вопросе объяснялась тем, что он долгие годы исполнял должность библиотекаря в Кембридже. Кроме того, как замечает Х. Тревор-Ропер, эта дискуссия определила в дальнейшем более строгое

¹³ Dr. Middleton's letter...P. 33–44.

¹⁴ См.: The Letter to Dr Waterland. 1745.

¹⁵ См.: *Atkyns*. 1664.

¹⁶ См.: *Palmer*. 1732.

¹⁷ См.: *Middleton*. 1735.

отношение к технике библиографического оформления. Это был малый, но очень важный вклад в развитие исторического знания¹⁸.

Героем Миддлтона, как философ, оратор, и в какой-то степени, как государственный деятель был Цицерон. В 1741 г. популярность получила написанная Миддлтоном книга о нем¹⁹. Цицерон, как Миддлтон, в свое время противостоял двум крайним позициям – строгим стоикам (ортодоксальному духовенству) и бескомпромиссным скептикам (открытым деистам). Книга была написана прекрасным стилем, и историками нашего времени оценивается как одна из самых важных по римской истории первой половины XVIII в.²⁰ Кроме того, в ней была предложена новая форма исторического письма – документированная биография²¹. Книга принесла Миддлтону славу как ученому, но, в очередной раз, ясно продемонстрировала его приверженность «естественной религии». К этому времени ему исполнилось 60 лет. Его патрон лорд-хранитель малой королевской печати (1740–1742) Джон Херви / Hervey умер в 1743 г. Годом ранее, в 1742 г. политическая конъюнктура начала меняться в связи с отставкой Роберта Уолпола. И многолетние надежды Миддлтона получить «доходное место» (епископа Вестминстера, или главы частной школы Чатерхаус) были похоронены.

Итогом жизненного пути и квинтэссенцией скептицизма Миддлтона стало последнее, опубликованное еще при его жизни, сочинение «Свободное исследование чудодейственных сил, которыми, как предполагается, наделена христианская церковь» (1749)²². Это был его «завет» – ответ как «свободным мыслителям», так и «ревностным защитникам» христианства. В этом сочинении выдвинуты два тезиса: 1) церковные чудеса должны быть приняты на веру, либо отклонены в массе своей вообще; 2) есть различие между сообщениями отцов ранней христианской церкви по вопросам веры и их сообщениями в качестве очевидцев исторических событий. Книга вызвала бурю эмоций и справа, и слева. И спустя несколько месяцев после смерти Миддлтона его друзья и недруги сокрушались о провале карьеры столь блестяще образованного человека.

¹⁸ *Trevor-Roper*. 2010. P. 92.

¹⁹ См.: *The History of the life of M.T. Cicero... 1741*.

²⁰ *Trevor-Roper*. 2010. P. 98.

²¹ Что впоследствии будет заимствовано другими авторами XVIII в.: викарием Уильямом Мейсоном / *Mason* (1725–1797), который создаст в 1775 г. биографию своего товарища и известного поэта-сентименталиста Томаса Грея / *Gray* (1716–1771); Джеймс Босуэлл / *Boswell* напишет двухтомную работу «Жизнь Самюэля Джонсона» в 1791 г.

²² См.: *Middleton*. 1752.

Однако в исторической ретроспективе, стало ясно, что именно он своими сочинениями и неподражаемым стилем разрушил остатки суеверий в отношении христианства в британском образованном обществе. И хотя он заслужил среди современников репутацию неверующего человека, он всегда оставался искренним христианином. Таким образом, Коньерс Миддлтон был одним из тех гигантов, кто расчистил поле для создания секулярной истории. И именно его труды, а не Болингброка, как показал американский историк Норман Терри, оказали влияние на исторические воззрения Вольтера²³. По большому счету это означало резкое снижение статуса теологии в общественном пространстве.

Важно отметить, что в основании критического метода Миддлтона лежал не дедуктивный подход Рене де Карта, а индуктивный метод И. Ньютона, первое правило которого гласит: «не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений<...> природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей»²⁴. Но Миддлтон пошел дальше Ньютона с его анализом физического мира, и приложил этот метод к области теологии. Работы этого английско-го клирика заложили основания для формирования утилитарной концепции религии – ее понимания как столпа в организации общества и государства. Это начинание было подхвачено в работах представителей следующего поколения клерикальных мыслителей. В частности, в сочинении вышеупомянутого епископа Глочестерского Уильяма Варбуртона «Альянс между Церковью и Государством»²⁵.

И что совершенно определено, так это влияние Миддлтона на основателя британской исторической традиции Эдварда Гиббона, который будучи студентом Оксфорда в 1752 г. познакомился с работой Миддлтона о «чудодейственных силах». В «Истории моей жизни» он пишет: «Прогресс моих изменений можно показать, по крайней мере, историей моего умственного созревания. Прошло совсем немного времени с тех пор как доктор Миддлтон “Свободным исследованием” посеял тревогу в богословском мире: много чернил и много желчи было излито в защиту первоначальных (христианских – *В. В.*) чудес; и два наиболее скучных их поборника были увенчаны академическими почестями в Оксфорде. Имя Миддлтона было непопулярно; и запрет на него, что

²³ Terrey. 1963. P. 173–174.

²⁴ Ньютон. 1989. С. 502.

²⁵ См.: Warburton. 1736.

естественно, заставил меня внимательно прочитать его сочинения и тех его противников. Его смелая критика, которая приближает к пропасти неверия, произвела на мой разум удивительное воздействие; <...> Элегантность стиля и свобода аргументов были отбиты щитом предрассудков. Я все еще поклонялся репутации, или скорее именам, святых и отцов церкви, которых доктор Миддлтон развенчивал; не мог он один уничтожить мою благочестивую веру в то, что способность чудодейственных сил была присуща церкви первые четыре или пять веков христианства. Но я был не в состоянии противостоять весомости исторических свидетельств <...> мой вывод не был уж таким абсурдным, что чудеса являются проверкой истины, и что церковь должна быть праведной и чистой, что становится видимым проявлением божественности»²⁶.

Обратим внимание читателя на то, что главным сочинением Гиббона стала книга под названием «История упадка и гибели Римской империи», где сюжет-интерпретация первых веков христианства является главным и наиболее удачным. Здесь Гиббон, как историк, стремящийся к достоверному знанию, вынужден игнорировать канон церковной истории как малодостоверный. История первоначального христианства лишена у него всякой святости, поэтому первый том, вышедший в 1776 г., сразу был осужден официальной церковью, а его автор объявлен «язычником». В целом же христианство Гиббоном интерпретируется как новая культура, погубившая культуру великого Рима и предопределившая установление «темных» средних веков. И, как замечает Х. Тревор-Ропер, Миддлтон стал путеводной звездой для Гиббона, он постоянно присутствует в его переписке и работах, находится ли «этот последний деист» в Риме, Париже или Лондоне²⁷.

Как можно видеть, историзм, в первую очередь, формировался в историографически насыщенной и самой актуальной интеллектуальной плоскости XVIII в. – классике, за что восемнадцатый век и получил название «неоримского»²⁸. В центре внимания мыслителей был период перехода от язычества к христианству. Самые острые дискуссии разворачивались по вопросам текстологии Библии и античных авторов. Неизбежно это историографическое «поле» меняло ситуацию в изучении и национального прошлого. И, что понятно, Реформация церкви на Британских островах стала самой острой темой политических и теологических дискуссий на рубеже XVII–XVIII вв.

²⁶ The Miscellaneous Works... 1914. V. 1. P. 60–61.

²⁷ Trevor-Roper. 2010. P. 114–115.

²⁸ См.: Скиннер. 2006; Skinner. 2002.

Завершившаяся «пуританская революция» сформировала по крайней мере две интерпретации событий церковной Реформации в Англии²⁹. Родоначальником первой был ярый поборник протестантизма Джон Фокс / Foxe (1516–1587), который в сочинении «Книга мучеников» сформулировал идею богоизбранности английского народа³⁰. Вторая – о праведности и исключительности англиканской церкви – восходила к архиепископу Лоду и его последователям. Самым значимым текстом в этой интерпретации была «История Реформации в Англии» Питера Хейлина / Heylin (1599–1662)³¹. И в том, и в другом случае, с точки зрения техники исторического письма – это была, заданная еще Полидором Вергилием, эрудитская обильная цитация в «англиканском» теологическом духе. Новая эпоха требовала светской интерпретации событий Реформации, понятной читающей публике. И наряду с политическим и теологическим контекстом осмысления событий Реформации формируется рационалистически осмысленная история этого периода, основанная на исторических источниках и их интерпретации.

Справедливо будет открыть эту новую страницу изучения Реформации в Англии именем богослова и влиятельного человека эпохи правления Вильгельма Оранского Гилберта Барнета / Gilbert Burnet (1643–1715), епископа Солсбери (с 1689). Основной работой Барнета стало трехтомное сочинение «История Реформации церкви в Англии»³². Первый том вышел в 1679 г. и был посвящен правлению Генриха VIII, второй – в 1681 г. и покрывал правление Елизаветы Тюдор. Третий том появился на свет в 1714 г. и содержал дополнительные и корректирующие материалы к первым двум.

Несколько слов об авторе. Шотландец Гилберт Барнет родился в Эдинбурге и уже в тринадцать лет получил степень магистра в университете Абердина. В смутные годы Протектората молодой человек принял традиционный гранд-тур: Кембридж, Оксфорд, Соединенные провинции, Франция. В Амстердаме он изучил древнееврейский. Будущий епископ Солсбери свободно говорил на голландском, французском, греческом, латинском и древнееврейском языках. Вернувшись в Шотландию в 1665 г., Барнет был рукоположен в сан и вел небольшой сельский приход. В 1669 г. без его инициативы он был избран в качестве главы кафедры богословия в университете Глазго, которую покинул в

²⁹ Ерохин. 2008. С. 58–59.

³⁰ См.: Foxe. 1563.

³¹ См.: Heylin. 1661.

³² См.: Burnet. 1865.

1674 г. и обосновался в Лондоне, активно включившись в придворную и политическую жизнь. Это был блестяще образованный и повидавший мир человек, потенциально готовый к решению экстраординарных исследовательских задач.

И скоро такая возможность скоро представилась. В середине 1670-х гг. Гилберт Барнет с большим желанием откликнулся на предложение своих друзей дать отповедь только что появившемуся французскому переводу книги «Возникновение и развитие Англиканского раскола»³³. Ее автором был не принявший Реформацию английский католический священник Николас Сандерс / Sanders (1530–1581). Впервые работа была опубликована на латинском языке в 1585 г. в Кельне. Эта была римско-католическая интерпретация «схизмы», в которой история отпадения Англии от «матери-церкви» представала как политический акт алчного и жадного до денег Генриха VIII. Уже в следующем поколении Сандерс получил прозвище «Доктор Клеветы / Dr Slanders», а появившийся французский перевод 1674 г. просто взывал к серьезному разбору тенденциозности его сочинения с «англиканских» позиций. Выполнение этой непростой миссии и взял на себя Барнет.

К моменту создания «Истории Реформации в Англии» Барнет уже имел некоторый опыт историописания. В 1678 г. вышло его первое сочинение «Жизнь и деяния Джеймса и Уильяма герцогов Гамильтонов»³⁴. Во введении к этому сочинению он дал свою оценку ремеслу историка. Одни сочинения-истории похожи на «романсы», пишет Барнет, другие переполнены ошибками и ложью, и это вызывает недоверие ко всем сочинениям о прошлом. В действительности только два вида историков достойны общественного доверия. Первые – те, кто помогает понять историю. «Это все те люди, которые сами были вовлечены в события, и способны писать историю, так как знают лучше как дело показать и преподнести». Вторые – те, кто «пишет историю по подлинным документам, находящимся в их распоряжении – документам кабинета министров, публичным актам – квалифицируются наилучшим образом, так как дают миру правдивую информацию о событиях»³⁵. Гилберт Барнет относит себя ко вторым. В его распоряжении был архив семейства Гамильтонов, однако история шотландских герцогов была историей совсем недавнего прошлого и показывала неоднозначность отношений Карла I Стюарта с ковенанторами в событиях конца 40-х гг. XVII в.

³³ См.: Sanders. 1877.

³⁴ См.: Burnet. 1852.

³⁵ A Life of Gilbert Burnet... 1907. P. XII.

Поэтому рукопись, после просмотра Карла II, подверглась редакции. Казалось бы, история Реформации, за которую намеревался взяться Барнет, была историей отстоящей на век и не имела такого острого политического контекста. Но здесь он столкнулся с трудностью другого рода. Британский музей еще не был создан, как и каталог Бодлеанской библиотеки. Документы архива Офиса государственных бумаг / State Paper Office (в будущем Паблик рекорд офис), созданного в годы правления Якова I, были в полном хаосе, а потому, несмотря на то, что Барнет получил туда свободный доступ, это ему не помогло. Несомненную помощь для его дела могла оказать коллекция манускриптов библиотеки сэра Джона Коттона, но здесь возникла трудность иного рода. Сэр Джон затребовал две рекомендации – одного из государственных секретарей и архиепископа Кентерберийского. Последний отказал Барнету.

Важно, что в опубликованном первом томе Барнет перечисляет все манускрипты и книги, которые он смог добыть и скопировать для своего сочинения. И более того, он обращается к читателям: «всех людей, кто имеет хоть какие-нибудь бумаги, относящиеся ко времени Реформации церкви в Англии, правлению Эдварда VI, королевы Марии и королевы Елизаветы, самым убедительным образом прошу дать знать о них м-ру Ричарду Чисвелу, книгопродавцу, ... для того, чтобы они внимательным образом были изучены автором первой части этой истории, чтобы уже ... завершить необходимую работу»³⁶. Надо обратить внимание на то, что документы служат Барнету не только основой для его нарратива – он помещает их в конце каждого тома. И делает это не столько для подтверждения своих суждений, сколько для самостоятельной оценки публики и для того, чтобы они послужили будущим историкам. Один из самых известных английских историков XIX в. Генри Галлам впоследствии скажет: это «было большим достижением, впервые в Англии, насколько я знаю, к тексту прикреплялся большой аппендикс документов, хотя нередко на латыни...»³⁷.

Сочинение Барнета «История Реформации в Англии», как скоро отметили его критики, имело много неточностей, ошибок и носило следы спешки. «Нет работы, которая бы столь строго критиковалась <...>, – пишет историк церкви Р. Диксон в конце XIX в., – что касается меня, я далек от того, чтобы разделить эту беспредельную критику... Необходимо помнить, что это была первая работа по общей истории (work of nature of general history), основанная на аутентичных источниках, появившаяся в

³⁶ A Life of Gilbert Burnet... 1907. P. XVIII.

³⁷ Hallam. 1881. P. 846.

этой стране. Автор был очень трудолюбив, и учился быть точным... Это была первая попытка написать критическое суждение об Английской Реформации на основе источников той эпохи. Позиция Барнета откровенно протестантская; но Барнет имел достаточно широты ума и достаточно уверенности в своем вопросе, чтобы быть выше вульгарных уловок умолчания и искажений. Он исследовал свой предмет в философском ключе. Реформация была в его сознании работой Провидения, осуществляющегося через человеческих и несовершенных агентов»³⁸.

Несмотря на то, что характер его истории провиденциальный, Барнет фактически продемонстрировал новый исторический метод. Он совершенно отбрасывает нарратив «цитат» Питера Хейлина и концентрируется на объяснении происхождения идей в круговороте событий, а не на мучениках или святых. Он стремится увидеть контраст между ситуацией, которая формировала идею Реформации, и результатом преобразований – реформированной церковью. И не удивительно, что книга стала популярной, несмотря на множество ошибок – ее автор демонстрировал новый исследовательский подход, широту ума и честность. Немалую роль в его новом видении истории играло знакомство с произведениями лучших историков его времени. Он знал и восхищался сочинением Паоло Сарпи / Paolo Sarpi (1552–1623) «История Тридентского собора» и считал ее лучшей из известных ему по церковной истории»³⁹.

Под влиянием сочинения французского историка Жака Де Ту / Jacques de Thou (1553–1617) «История моего времени» Барнет пишет, начиная с 1683 г., другое свое сочинение «История моей жизни»⁴⁰. Первый том выходит в 1724 г. и завершается событиями Славной революции. Второй том – уже после его кончины – в 1734 г. и завершается заключением Утрехтского договора 1713 г. «История моей жизни» была попыткой засвидетельствовать эпоху глазами историка. В отношении второго тома эта попытка в значительной степени удалась. Но первый том Барнета неизбежно сравнивали с сочинением лорда Кларендона «История мятежа», вышедшим в 1702 г. Сравнение было не в пользу «Джибби», и это понятно уже в силу вовлеченности двух людей в события Революции. Исторические сочинения Гилберта Барнета позволили уже современникам говорить о его особом стиле. И оценки «старых», классицистов были суровыми. Вердикт Дж. Свифта был таков: «Я никогда не читал такого плохого стиля <...> грубый, полный непристойно-

³⁸ Dixon. 1885. P. 359.

³⁹ Цит. по: A Life of Gilbert Burnet... 1907. P. XVIII.

⁴⁰ См.: Burnet. 1724; 1734.

стей, в выражениях часто шотландских, используемый в просторечье»⁴¹. И это понятно, Кларендон подражает античным авторам великолепием стиля, драматизмом повествования. Перед Барнетом стояла совсем другая задача – реализм и точность воспроизведения.

Надвигающаяся ситуация смены престолонаследника в связи с бездетностью королевы Анны, а также осознание скорого собственного конца заставили Барнета позаботиться о внесении дополнений и изменений в первые два тома «Истории Реформации церкви в Англии». В 1714 г. – в последний год правления королевы Анны и начала правления Ганноверской династии – вышел третий том его «Истории». Напряженность ситуации также задавалась выходом в этом году второго тома работы богослова Джереми Коллиера / Collier (1650–1726). Первый том его сочинения «Церковная история Великобритании»⁴² вышел в 1708 г. и покрывал период до Реформации. Второй том был посвящен XVI в. и по времени издания совпал с выходом третьего тома Барнета. Несомненно, это были две самостоятельные и конкурирующие интерпретации событий Реформации в Англии.

Коллиер, в отличие от Барнета, был англичанином. Он закончил Кайюс-колледж в Кембридже, был епископом, не присягнувшим Вильгельму и Марии Оранским, и якобитом, настаивавшим на божественном происхождении королевской власти. Коллиер стоял на проторийских, консервативных позициях. Его слог ласкал слух изысканного читателя, подобного Свифту. К слову сказать, Коллиер, молодость которого пришлось на период Реставрации, был еще и заметным театральным критиком⁴³. Барнет, напротив, был обласкан Вильгельмом и Марией, получив доходное епископство Солсберийское в 1689 г. Он был сторонником вигов, и оказался в сложном положении в последние годы жизни, т.к. виги получили отставку в 1710 г., а пришедшие к власти тори заключили в 1713 г. мир в Утрехте с католической Францией. Виги, не без основания, опасались, что престол займет Претендент, существовала реальная опасность нового «папистского заговора». И действительно, в 1715 г. вспыхнуло неудавшееся восстание якобитов.

В напряженной и состязательной атмосфере авторы обсуждали вопрос взаимоотношений церкви и государства. И тот, и другой тексты отражали сложный процесс отделения церкви от государства. Реакция на них ясно указывает на изменения, произошедшие в английском об-

⁴¹ Цит. по: A Life of Gilbert Burnet... 1907. P. XXXIX.

⁴² См.: Collier. 1852.

⁴³ Starkie. 2005. P. 335-351; The Uses of History... 2006. P. 329–346.

пешестве за тридцать лет, последовавших за изданием второго тома Барнета в 1681 г. Сама тема попала в центр ожесточенной полемики в прессе первых лет правления новой династии Ганноверов. Это было открытое обсуждение, где каждый желающий мог выражать свое мнение в «Evening Post», «London Magazine» и пр. И то, что последовало далее, получило название Бангорианского спора, или контroversы / Bangorian Controversy, хронологически затянувшейся до 1717 г.

Непосредственное начало контroversы связывают с посмертной публикацией в 1716 г. книги священника Джорджа Хикса / Hicke (1642–1715) «Конституция Католической церкви, природа и последствия Раскола»⁴⁴. Хикс был неприсягнувшим священником, как Коллиер, и написал свою работу с позиций этой группы священников, которые в 1689 г. сочли себя не свободными от клятвы, данной Стюартам. В ту пору их было около 400, из них – девять высших иерархов церкви, в том числе архиепископ Кентерберийский Томас Санкрофт⁴⁵. Церковный «раскол» 1689 г. не был доктринальным, хотя в центре его был постулат о божественности королевской власти. Этот политический вопрос касался совести англиканских священников. Таким образом, неприсягнувшие священники номинально стали якобитами, хотя, как правило, активно не поддержали восстания якобитов 1715 и 1745 гг. И, сразу скажем, что впоследствии вопрос был закрыт со смертью «молодого претендента» в 1788 г.

В 1716 г. в атаку против Хикса пошел молодой, только начинающий свою карьеру, епископ Бангора Бенъямин Хэдди / Hoadly (1676–1761) с работой под названием «Предостережение против принципов и практики неприсягнувших священников, как по отношению к Церкви, так и Государству»⁴⁶. В «Истории английской мысли XVIII в.» Лесли Стивен характеризует Хэдди как самого неприятного священника в истории англиканской церкви XVIII в. «Хэдди ненавидели по многим причинам... он был неряшлив, неуклюж, чрезвычайно упрям, часто неясный, по-видимому, в конце концов, уклончивый; в некоторых случаях... с затаенной персональной злобой»⁴⁷. Он претендовал на поддержку вигов и преуспел в этом. Позже Хэдди будет писать корреспонденции по заказу Роберта Уолпола под псевдонимом «Британикус» в «Лондонский журнал» / London Journal⁴⁸. Хэдди сделает успешную карьеру, будет любителем театра и покровителем искусств (например, художника Уильяма Хогарта).

⁴⁴ См.: *Hicke*. 1716.

⁴⁵ *Non-Jurors*. 1913.

⁴⁶ См.: *Hoadly*. 1716.

⁴⁷ *Stephen*. 1876. P. 152–153.

⁴⁸ *The Uses of History...* 2006. P. 344.

По существу, сочинения Дж. Хикса и Б. Хэдди, написанные казалось бы на историко-религиозную тематику, были двумя конкурирующими представлениями об основах правления в Англии. Неприсягнувшие священники, в том числе Хикс, выстраивали «линию» соподчинения сверху вниз: Бог избирает короля и епископов как лидеров государства, наделяя их «божественной благодатью». Именно на такое представление о божественном праве королей и прелатов опиралась традиционная земельная аристократия и партия тори. Другая точка зрения – Хэдди и виггов – заключалась в том, что источник власти зиждется в народе и передается священникам и королю, таким же простым людям, как все прочие. И «божественное откровение» доступно каждому. Политическая ситуация в стране благоприятствовала этой точке зрения: Георг I поддерживал партию виггов и их расширительное толкование королевских прерогатив с целью сломить силу аристократии, палаты лордов, а также якобитов. Существенным препятствием для всех английских королей, и в особенности для первых Ганноверов, было присутствие епископов в палате лордов.

Кульминацией и разрешением спора стала проповедь Хэдди 31 марта 1717 г. «Сущность царства Христова» / *The Nature of the Kingdom of Christ*, произнесенная перед самим королем Великобритании. В этой известной и не раз потом издававшейся проповеди, Хэдди, опираясь на фразу из Евангелия от Иоанна (18:36): «Царство Мое не от мира сего», выводил тезис об отсутствии какого-либо библейского обоснования наделения церкви властью. Он соотнес церковь с царством небесным, т.е. «не от мира сего», и указал, что, исходя из текста Евангелия, Христос не делегировал свои полномочия каким-либо представителям на земле⁴⁹. Проповедь вызвала бурю эмоций среди англиканского духовенства. В дискуссии приняли участие епископ Карлайла Уильям Николсон / *Nicolson* (1655–1727); декан Или / *Ely* Роберт Мосс / *Moss* (1666–1729); Томас Шерлок / *Sherlock* (1678–1761), с 1728 г. епископ Бангора (впоследствии епископ Лондона); священник и преподаватель Эммануил-колледжа Кембриджа Уильям Лоу / *Law* (1686–1761) и многие другие. Всего на сегодняшний день выявлено по этому вопросу около двухсот памфлетов 53 авторов⁵⁰. В мае 1717 г. высшие иерархи церкви были созваны на съезд/*Convocation* с целью изучения проповеди Хэдди. Но король распустил его королевским указом. Больше съездов-конвокация не созывалась в течении последующих 130 лет, а некоторых из оппонентов Хэдди Георг I лишил церковных постов.

⁴⁹ *Starkie*. 2007. P. 133.

⁵⁰ *Hoadly*. 1953. P. 301.

После бангорианской контрверзы теологические споры велись исключительно в лоне «матери-церкви», а вопросы веры окончательно переместились в сферу частной жизни представителей английского общества. Государство возвысилось над церковью. Но именно ее представители и вступят в бой с другой надвигающейся опасностью и крайностью – деизмом. Именно священники станут передовым отрядом цеха историков, антикваров, мыслителей. Случай Коньерса Миддлтона тому красноречивый пример. В философском плане вышеизложенное привело к формированию агностицизма в Англии – доктрины о невозможности познания абсолютных основ реальности через субъективный опыт. Скептицизм и агностицизм – вот ключевые понятия становления британского исторического письма в Августинианскую эпоху⁵¹.

В конце наших рассуждений о секуляризации исторического знания в Англии эпохи Просвещения, в качестве лакмусовой бумажки используем «Историю Англии» Дэвида Юма как первое историческое сочинение, выдержанное в духе светской истории. Третий том «Истории» посвящен правлению Генриха VIII. Для анализа нами была взята глава XXXI, охватывающая период с 1534 г., от Акта о супрематии до 1538 г., что увязано Юмом с появлением наследника мужского пола – будущим Эдуардом VI. Гилберт Барнет для Юма самый полезный автор, он занимает первое место по частотности цитат в этой главе – около 20 раз на 45 страницах. Другие авторы появляются с большим отрывом, в частности, Джереми Коллиер – 4 раза. В отношении Юма также можно сказать, что именно под влиянием К. Миддлтона⁵² он написал и опубликовал в 1748 г. эссе «О чудесах», в 1757 г. работу «Естественная история религии»⁵³, а также изданные посмертно «Диалоги о естественной религии»⁵⁴.

Таким образом, к середине XVIII в. в британском историописании провиденциальная церковная «духовная» история уступает место «светской». При том, что Эдмунд Берк совершенно обоснованно мог заявлять в 1790 г.: «Мы знаем и гордимся знанием, что человек религиозен изначально; что атеизм противен не только нашему разуму, но и нашим инстинктам и поэтому не может долго служить их подавлению. Но если в момент мятежа или в состоянии пьяной горячки, вызванной паром, вырвавшимся из адского котла, который сегодня яростно кипит во Франции, мы откроем нашу наготу, отбросив христианскую веру, которая до сих пор была нашей славой и утешением, великим источником цивили-

⁵¹ Clark. 2000. P. 200–232.

⁵² Porter. 2000. P. 124–129.

⁵³ См.: Hume. 1757.

⁵⁴ См.: Hume. 1779.

зации для нас и для других народов, то можно опасаться (ибо известно, что ум не выносит пустоты), как бы грубое, пагубное и унижительное суеверие не заняло ее места»⁵⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Английские материалисты XVIII века. В трех томах. М., 1967.
- Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М.: Мысль, 1981. 301 с.
- Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. От Возрождения до Канта. СПб.: «Пневма», 2002. 880 с.
- Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 114–121.
- Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 144 с.
- Ерохин В.Н.* Методологические подходы к изучению истории религиозной реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного ун-та, 2008. 227 с.
- Коллинз А.* Рассуждение о свободомыслии / Английские материалисты XVIII в. Т. 2. М.: Мысль. 1967. 405 с.
- Мееровский Б.В.* Джон Толанд. М.: Мысль, 1979. 190 с.
- Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
- Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 120 с.
- A Life of Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury by T. E. S. Clarke.* Cambridge: University press Warehouse, 1907. 656 p.
- Atkyns R.* The Original and Growth Printing. L.: Printed by John Sweater for the author, 1664. 147 p.
- Bentley R.* Remarks on a late Discourse of Freethinking. L.: Morphew, 1713. 294 p.
- Burnet G.* History of My Own Time. L., 2 vols. Oxf.: Clarendon press. 1724; 1734.
- Burnet G.* The History of the Reformation of the Church of England. A new ed., carefully rev., and the records collated with the originals, by Ed. Pocock. 7 Vols. Oxf.: Clarendon press. 1865.
- Burnet G.* The memoirs of the lives and actions of James and William, dukes of Hamilton and Castle-Herald. Oxford: Oxford University Press. 1852. 596 p. URL: <https://archive.org/details/memoirsoflivesac00burn>
- Clark J. C. D.* English Society, 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancient Regime. Cambr.: Cambridge University Press, 2000. 585 p.
- Collier J.* Ecclesiastical History of Great Britain. New ed. with the controversial tracts connected with the History. L.: Printed for William Straker. 9 vols. 1852.
- Dixon R.W.* History of the Church of England from the Abolition of the Roman Jurisdiction. V. II. L.: George Routledge and Sons, 1885. 572 p.
- Dr. Middleton's letter from Rome.* N.Y.: American Protestant society, 1847. 208 p. URL: <https://archive.org/details/drmiddletonslett00midd>
- Foxe J.* Actes and Monuments of these Latter and Perillous Days, Touching Matters of the Church. L.: Printed by John Daye, 1563. URL: <http://www.johnfoxe.org/>

⁵⁵ *Берк.* 1991. № 6. С. 117.

- Hallam H.* Literary of Europe. Vol. II. L.: Ward, Lock & Co., 1881. 847 p. URL: <http://www.gutenberg.org/files/43869/43869-h/43869-h.htm>
- Heylin P.* History of the Reformation. Ecclesia restaurata; or, the history of the reformation of the Church of England. Michigan: University of Michigan, 2005. 168 p. URL: <http://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A43528.0001.001?view=toc>
- Hickes G.* Constitution of the Catholic Church, and the Nature and Consequences of Schism. L.: Published by Thomas Deacon, 1716. 350 p.
- The History of the life of M. T. Cicero, by Dr. C. Middleton. 2 v., L.: Printed for Innys, 1741.
- Hoadle Benjamin / New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge. Michigan: Baker Book House, 1953. Vol. V. P. 301–302. URL: http://www.ccel.org/ccel/schaff/encyc05/Page_301.html
- Hoadly B.* Preservative against the Principles and Practices of Non-Jurors both in Church and State. L.: Printed for James Knapton, 1716. 102 p.
- Hume D.* Dialogues Concerning Natural Religion. London, 1779. 270 p. URL: <https://archive.org/stream/dialoguesconcern1779hume#page/n3/mode/2up>
- Hume D.* The Natural History of Religion. L.: A. & H. Bradlaugh bonner, 1757. 72 p.
- The Letter to Dr Waterland, 1730 / Middleton C. Miscellanies Works, L.: Printed for Manby, 1745. V. III. 1–66 p.
- Middleton C.* A Dissertation concerning the Origin of Printing in England. Cambr.: Printed for W. Thurlbourn. 1735. 129 p.
- Middleton C.* A Free Inquiry into the Miraculous Powers, which are Supposed to Have Subsisted in the Christian Church / Miscellaneous works of C. Middleton. Vol. 1. L.: Printed for R. Manby & H.S. Cox, 1752. 188 p.
- Middleton C.* Remarks, paragraph by paragraph, upon the Proposals lately publ. by Richard Bentley for a new Edition of the Greek Testament and Latin Version. L.: J. Roberts, 1721. URL: http://books.google.ru/books?id=EpNHAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
- The Miscellaneous Works of Edward Gibbon, Esq: With Memoirs of His Life. 5 vol. L.: Printed for John Murray, 1914. V. 1. 635 p.
- Non-Jurors / Catholic Encyclopedia. Vol. 11. New York, 1913. URL: [http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_\(1913\)/Non-Jurors](http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_(1913)/Non-Jurors)
- Palmer S.* A General History of Printing. L., 1732. 200 p.
- Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L.: Penguin, 2000. 752 p.
- Sanders N.* Rise and growth of the Anglican schism. L.: Ballantyne, Hanson and Co., 1877. URL: http://archive.org/stream/riseofschism00sandoft/riseofschism00sandoft_djvu.txt
- Saussure de C.* A Foreign View of England in 1725–1729. L.: Caliban Books, 1995. 237 p.
- Starkie A.* Contested Histories of the English Church: Gilbert Burnet and Jeremy Collier // Huntington Library Quarterly. Vol. 68, No. 1–2, March, 2005. P. 335–351.
- Starkie A.* The Church of England and the Bangorian Controversy, 1716–1721. Boydell Press, 2007. 261 p.
- Stephen L.* History of English Thought in the Eighteenth Century. L.: Smith, Elder & co., 1876. 499 p.
- Swift J.* Abstract of Collins's «Discourse of freethinking» / The works of Jonathan Swift, containing additional letters, tracts, and poems, with notes, and a life of the author, by W. Scott. Vol. 8. L.: Hurst, Robinson & Co., 1824. P. 168–198.
- Skinner Qu.* A Third Concept of Liberty. Proceedings of the British Academy. L., 2002. P. 237–268.

- Terrey L. N.* Voltaire and the English Deists. Oxf. : Marston Press, 1963. 224 p.
- Tindal M.* Christianity as old as the creation; or the Gospel, a republication of the religion of nature. NewBurgh: Printed and Sold by David Denniston, 1798. 382 p.
- Toland J.* Christianity Not Mysterious: A Treatise Shewing, That there is nothing in the Gospel Contrary to Reason, Nor Above It: And that no Christian Doctrine can be properly called A Mystery. L.: Sam. Buckley, 1696. 174 p.
- Trevor-Roper H.* History and Enlightenment. Yale: University Press, 2010. 352 p.
- The Uses of History in Early Modern England. Ed. Paulina Kewes. San Marino, CA: Huntington Library Press. 2006. 459 p.
- Warburton W.* Alliance between Church and State / The Works of the Right Reverend William Warburton. In 7 vols. L.: Printed for John Nochs, 1788. Vol. 4. 331 p.
- Высокова Вероника Витальевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета; (Екатеринбург). vyssokova@mail.ru

Л. Е. МАРГАРЯН

МЕСТО РИМСКОЙ ИСТОРИИ В ГЕНДЕРНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ БРИТАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается место римской истории в гендерных воззрениях британских просветителей XVIII в. Проводится гендерный анализ главного труда Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи», а также работы «Мемуары Агриппины» Елизаветы Гамильтон, которая была написана в пику Гиббону.

Ключевые слова: Э. Гиббон, Е. Гамильтон, эпоха Просвещения, цивилизация и варварство, римская матрона, римское право, германские племена, христиане.

Отличительной чертой второй половины XVIII в. было заимствование некоторых римских республиканских базовых идей и политических символов. Стремление англичан сохранить и приумножить свои достижения в области гражданских свобод, а также войны 1756–1763 и 1775–1783 гг., делали актуальным опыт Римской республики, воспринимаемой как образец государства, свято соблюдавшего права и свободы граждан, расширявшего свою территорию совместными усилиями граждан-воинов. История Рима стала для британцев, с одной стороны идеалом, примером для подражания, с другой же – предостережением для современников. Британские моралисты постоянно напоминали о том, что в период расцвета республики граждане Рима добровольно отказывались от комфорта и роскоши, жены их были безукоризненны и воплощали безоговорочное подчинение общепринятым нормам морали, а общественное благо было превыше личных желаний.

В то же время бытовало мнение, что в конце концов Рим стал жертвой собственного могущества. Легкая нажива и изобилие сделали римлян надменными и спесивыми, а безудержное расширение границ стало причиной потери прежней сплоченности и монолитности общества, возможного только в небольшом по размерам государстве. Попав под влияние восточных эллинистических монархий, Рим позабыл о старых республиканских традициях, о пренебрежении к богатству и роскоши, были отринуты завещанные отцами-основателями города исконные римские *virtus*: стойкость, скромность, суровая сдержанность и добронравие, на смену классической риторике пришло «азианическое краснобайство»¹,

¹ См.: Маргарян. 2013. С. 15-39.

общественное благо отошло на задний план, уступив место стремлению к личной выгоде. Установление принципата, по мнению историков-просветителей, стало началом конца старого образа жизни и провозвестником затяжного периода тирании, деградации и упадка нравов.

Подобное видение римской истории особенно ярко проявилось в таких исторических трудах, как «Размышления о причинах величия и падения римлян» (*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*, 1734) Монтескьё, «Мемуары суда Августа» (*Memoirs of Court of Augustus*, 1753–1763) Томаса Блэкуэлла (Thomas Blackwell), академический труд Томаса Бивера (Thomas Beaver) «История юридического общественного строя Римского государства» (*History Of legal Polity of the Roman State*, 1781), а также «История прогресса и падения Римской республики» (*The History of the Progress and Termination of the Roman Republic*, 1783) Адама Фергюсона (Adam Ferguson). Большое влияние на умы современников имели изложенная легким слогом, но концептуальная «История Рима» Шарля Роллена (Charles Rollin) и другой великолепный образчик занимательной «Истории Рима» Оливера Голдсмита (*Goldsmith's History of Rome*, 1769).

Среди символов римской истории в XVII–XVIII вв. особое место занимает образ римской матроны. Британский исследователь Филипп Хикс (Philip Hicks) отмечает большую популярность этого образа в изобразительном искусстве эпохи Просвещения², примером чему могут послужить картины Бенджамина Уэста (Benjamin West) и Гевина Гамильтона (Gavin Hamilton), Веджвудские медальоны и, конечно же, знаменитое изображение Сары Сиддонс (Sarah Siddons) в роли Виктории из шекспировской пьесы «Кориолан».

В исторических трудах просветителей второй половины XVIII века женщина обычно рассматривалась как жена и мать, иначе и быть не могло, но, наряду с этим, большинство просветителей были убеждены, что знатные римлянки, помимо традиционных женских добродетелей, обладали и гражданской доблестью. Ф. Хикс отмечает интересную закономерность: в работах историков-просветителей и памфлетистов чаще можно встретить типаж республиканки, готовой на героические поступки и самопожертвование, нежели образ скромной рачительной матроны, хранительницы домашнего очага и традиционных семейных устоев. Исследователь приводит имена римских героинь, наиболее часто упоминаемых в британской исторической литературе рассматриваемого периода. Среди них Лукреция, совершившая самоубийство, дабы

² Hicks. 2005. P. 38-39.

в суровую годину воодушевить свой народ (Гэвин Гамильтон «Смерть Лукреции»), Ария, показавшая мужу пример того, как достойно уйти из жизни, сохранив лицо и верность республиканским ценностям. Ей, и двум другим матронам, Порции и Октавии, посвятил свои «Диалоги мертвого» (Dialogues of the Dead, 1760) Джордж Литтелтон (George Lyttelton). Еще одним примером римской доблести считалась Гортензия, чье имя Кэтрин Маколей использовала в качестве вымышленного адресата в «Письмах об образовании» (Letters on Education, 1792). Нарушив римские традиции, она произнесла речь с Форума против предложения триумвиров установить новый налог на женщин. Весьма популярной в Британии была и Порция (ее имя в качестве псевдонима использовала известная республиканка Мэри Робинсон), которая узнав об участии своего мужа Брута в заговоре против Цезаря, в знак солидарности с ним, покончила жизнь самоубийством. Октавия, сестра Августа, бывшая для римлян воплощением традиционных женских добродетелей, беспрекословно подчинилась постановлению сената и вышла замуж за Марка Антония (будучи беременной от недавно скончавшегося мужа и зная о любовной связи Антония и Клеопатры), тем самым способствовав примирению мужа и брата. Ее образ нашел воплощение в работе Сары Филдинг. А образ Агриппины-старшей, внучки Августа, выступавшей против тирании Тиберия, вдохновил сразу трех авторов – Гевина Гамильтона, Бенджамина Веста и Елизавету Гамильтон, посвятившую Агриппине свои «Мемуары», о чем подробнее будет сказано ниже. Таким образом, все эти историки и публицисты второй половины XVIII века отмечали, что патриотизм был отличительной чертой не только мужчин, но и большинства римских женщин, которые, несмотря на ограничения в правах и свободе, внесли огромный вклад в величие Рима. По этому поводу Роллен восторженно восклицает: *«История Рима демонстрировала и еще не раз продемонстрирует многочисленные примеры самоотверженности дам на благо своей страны»*³.

Самым важным, с точки зрения британских просветителей XVIII века, условием процветания страны был моральный климат республиканского Рима, главными охранителями которого считались знатные римлянки. В любом возрасте они должны были являть собой пример для подражания представителям всех сословий, воспитывать подлинных республиканцев и граждан. Блэкуэлл не без зависти писал, что римские женщины были *«последовательными и воздержанными: они не пили вина, были ограничены в визитах, не ходили на спектакли без*

³ Rollin. 1750. P. 279.

позволения мужей», а римская молодежь была «соткана из благопристойности и умеренности»⁴. Обращение к таким примерам было осознанным и концептуальным – римлянами восхищались и им подражали.

Однако, по мнению тех же историков, женщины, бывшие стержнем римского общества на заре и взлете республики, позднее стали причиной ее деградации и падения. Вторя Катону, Овидию и другим римским авторам, многие британские историки XVIII в. главной причиной этой деградации считали женскую распущенность и стремление к роскоши. Того же мнения придерживались историки эпохи Ренессанса: яркий пример – Макиавелли, который посвятил разработке этой темы одну из глав своих «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», озаглавив ее «Как из-за женщин рушились государства». Британские просветители также считали причиной упадка республики и установления тирании в Риме отсутствие мужества и дисциплины у мужчин и потворство капризам женщин⁵. Рим, писал О. Голдсмит в своей «Римской истории», был государством, «которое возвысилось сдержанностью, пало роскошью»⁶.

Тем не менее, не все британские историки-просветители разделяли подобный взгляд на причины падения Рима. Сказанное, прежде всего, относится к А. Фергюсону и Э. Гиббону. Оба считали, что причины падения Римской империи кроются гораздо глубже, и искать их следует не в испорченной натуре женского пола, женской тяге к роскоши и излишествах, а в экономических, социальных и политических изменениях, которые произошли в римском социуме⁷. Фергюсон считал, что наступившие после правления Тиберия дурные времена, падение нравов, сексуальная распущенность, вседозволенность аристократии, коррупция, интриги, заговоры и проч. были не причиной, а следствием длительной экономической и политической стагнации Рима⁸.

Сходных взглядов придерживался и Гиббон, уделивший в своем труде «История Заката и падения Римской империи» немало внимания роли женщин, степени их влияния на политическую и юридическую сферы жизни римского общества.

Большое внимание в своей «Истории» Гиббон уделяет юридическим ограничениям прав римских женщин. В 44-й главе V книги этого

⁴ *Blackwell*. 1755. P. 81.

⁵ Правда, многие авторы (особенно Д. Юм в трактате «О роскоши») подчеркивали разницу между разъедающей классической роскошью и роскошью, которая является порождением развитой экономики.

⁶ *Goldsmith*. 1769. P. 115.

⁷ *O'Brien*. 2010. P. 116.

⁸ *Ferguson*. 1783. P. 565.

труда представлена монументальная история римского права, начиная с примитивных законов царей и заканчивая Кодексом, Пандектами, Новеллами и институциями Юстиниана. Это собрание законов стало квинтэссенцией более чем тысячелетней истории Рима. Вдыхая аромат древнеримского права, Гиббон выказывает неподдельное восхищение ясностью, стройностью и законченными формами республиканской юридической системы. Вместе с тем он рассматривает ее в динамике, на фоне тех структурных изменений, которые происходили в римском обществе на протяжении тысячелетия. Менялась жизнь, менялись законы. Немало места в своей «Истории» Гиббон уделил либерализации юридического статуса женщин в Риме и Византии, показал поэтапную трансформацию статуса женщин – от полурабского, характерного для эпохи республики, к юридическому равноправию в Византийской империи, где, благодаря реформам Юстиниана, женщины обрели несравненно больше прав, нежели современные Гиббону англичанки⁹.

Особо интересовали Гиббона юридические аспекты супружеской жизни в Риме и Византии. По его мнению, выходя замуж, римлянки меняли беспрекословное дочернее подчинение на супружеское рабство: *«Чтобы она ни приобрела или наследовала, все обращалось в исключительную собственность ее господина и положение женщины, как вещи, а не как личности, было так ясно установлено, что в случае утраты подлинного документа, на нее можно было предъявить свои права, как на всякую движимость, на основании продолжавшегося целый год пользования и обладания ею»*¹⁰. Такое типичное для эпохи Просвещения отношение к вопросу о женских правах и свободах у Гиббона сформировалось главным образом под влиянием шотландских просветителей. Он пишет: *«Опыт доказал, что дикари обычно бывают тиранами по отношению к женскому полу и что положение женщин, как правило, облегчается с улучшением социальной жизни»* (С. 44).

Столь же дикой Гиббон считал тираническую власть отцов над сыновьями, которые в Риме, так же как дочери и жены, фактически находились в рабском положении. Отец имел право карать их по своему усмотрению, применяя самые суровые формы наказания за незначительные проступки, вплоть до убийства. Он имел право продавать своих детей в рабство, отдавать в качестве платы за недоимки и пр. При жизни отца сыновья юридически не могли иметь своей собственности, а формально хозяином дарованной кем-либо или нажитой их трудом соб-

⁹ O'Brien. 2010 P. 117.

¹⁰ Гиббон. Кн. V. 2008. С. 45.

ственности был глава семейства. Сын не мог вступить в полное владение собственностью вплоть до смерти отца. При жизни отец мог перераспределить имущество сына между остальными членами большой римской фамилии, законом также не предусматривалось наказание за растрату отцом имущества своего сына. По сути, все имущество сына де-юре принадлежало отцу, как имущество раба принадлежало его хозяину. Положение женщин было хуже вдвойне, так как, выходя замуж, девушка становилась женой «подневольного» своему отцу человека, по сути, превращалась в рабыню раба. Фактически сын приобретал независимость, право на собственность и становился полноправным мужчиной и гражданином лишь после смерти отца семейства. Со временем, начиная с правления Августа, правовое положение детей начало улучшаться; сыновья получили частичное право собственности, родители лишились права на продажу своих детей, а позднее и отчуждения их имущества.

Особенно нелепой Гиббон считал систему опеки, согласно которой взрослой женщине для проведения какой-либо юридической сделки было необходимо заручиться одобрением *pater familias* или мужа, а в случае их отсутствия, одного или нескольких родственников мужского пола – *агнатов*. Эта система делала женщину абсолютно неправомочной, так как на деле добиться подобного разрешения было невозможно. В период ранней Республики к женщине зрелого возраста относились как к несовершеннолетнему ребенку. По этому поводу Гиббон язвительно отмечает: *«легальная фикция, и не остроумная, и не изящная, придавала матери семейства (таково было ее настоящее название) характер сестры ее собственных детей, дочерей ее супруга или господина, который был облечен отцовскою властью во всей ее полноте»* (С. 45). Все это обрекало женщин на жалкое существование, невозможность развивать свои интеллектуальные и лучшие душевные потенции: *«Женщины приговорены к родительской опеке родителей, мужей или опекунов: пол, созданный для удовольствия и подчинения, никогда не достигнет возраста разума и жизненного опыта. Так, по крайней мере, было согласно строгому высокомерному духу античного закона, который постепенно был смягчен до правления Юстиниана»* (С. 47). Однако в эпоху Империи положение женщин, как и совершеннолетних сыновей, хоть и медленно, но стало улучшаться. Женщины получили право на наследование и владение собственностью. Юстиниан же отменил Закон Вакония 169 года, который лишал женщин права на наследство. Им был принят закон о равных правах на владение имуществом.

В той же 44-й главе историк уделяет внимание теме разводов в римской республике. Его забавляли наивные высказывания Блэкуэлла о

том, что в республиканскую эпоху римляне хоть и имели право на развод, но не пользовались им, поскольку были целомудренны и руководствовались высокими моральными принципами. Со свойственной ему иронией Гиббон отмечает: *«добродетель римлян был предметом самых горячих похвал, оттого, что они не пользовались этим соблазнительным правом, в течение пятисот лет; но этот же самый факт ясно доказывает, как были не равны условия связи, в которой раба не имела возможности отделиться от своего тирана, а тиран не имел желания выпустить на волю свою рабу»* (С. 47). По мнению Гиббона, тот факт, что римские мужчины в течение столетий предпочитали не пользоваться своим правом официального расторжения брака, свидетельствовал не столько об их высокой нравственности, сколько о том, что их неверность женам была ненаказуема. Когда же женщины получили право на развод и стали «равнозначными и добровольными спутниками своих хозяев», они сами стали подавать на развод. При условии приличного поведения женщины в период замужества и виновности супруга в разводе, особенно если инициатором расторжения брака был он сам, жена могла сохранить все свое наследство. Однако в случае, когда причиной развода было непотребное поведение жены, она лишалась трети своего наследства. Конечно Гиббон не был сторонником разводов, считая, что это крайняя мера и злоупотреблять ею нельзя, так как она подрывает основы брака и негативно влияет на моральные устои супругов, порождает безответственность и легкомысленность. *«Матрона, которая в течение пяти лет могла восемь раз перейти из объятий одного супруга в объятия другого, должна была утратить уважение к своему собственному целомудрию»* (С. 48). Гиббон отмечал, что с тех пор, как римляне стали пользоваться правом на расторжение брака, развод получил широкое распространение и вызвал пагубные последствия, так как поводом для развода часто становились супружеские ссоры, себялюбие или простая прихоть. Опыт римлян доказывает, что *«свобода развода не доставляет счастья и не располагает к добродетели»* (С. 47).

Таким образом, отношение Гиббона к положению женщин в Римской империи и реформам, изменившим его, было неоднозначным. Для него было абсолютно неприемлемым бесправное положение женщин. Он считал, что в цивилизованном обществе женщина должна иметь право на собственность и уважительное отношение к своей личности, а в случае отсутствия такового, право подать на развод и избавиться от оков брака, делающих ее несчастной. В то же время, по его мнению, римский опыт показывает, что утончение манер и либерализация нравов влекут за собой ослабление семейных уз и падение нравов. Со временем брак в

Риме стал больше походить на проживание под одной крышей. Право собственности супругов так охранялось законом, что в случае растраты имущества одного из них, другой, как потерпевший, мог подать в суд за кражу, хоть это и называлось по-другому (С. 48). Таким образом, по мнению Гиббона, в императорскую эпоху римское право из одной крайности, характерной для республиканского периода, впало в другую.

Анализируя особенности римского права и юридический статус римских женщин, Гиббон не мог избежать сравнений и параллелей между римским правом и современной ему британской юридической системой. По его мнению, британское право значительно уступает праву римскому, даже раннереспубликанского периода. До Закона Вако-ния, изменившего действующие правила «Одиннадцати таблиц», сыновьям и дочерям предоставлялись равные права наследования после смерти отца. По этому поводу Гиббон замечает, что *«юриспруденция Рима отклонилась от равенства природы намного меньше, чем английское общество»* (С. 49), доказательством чему служит то обстоятельство, что римлянам *«оскорбительная привилегия первородства была неизвестна; оба пола были поставлены на один уровень; все сыновья и все дочери имели право на равную долю отцовского имущества»* (С. 50). В Англии же дело обстояло иначе: мужское право первородства – позорный пережиток феодализма было защищено конституцией. Закон изначально ставил детей в неравное положение, что особенно болезненно сказывалось на представителях знатных семей. Рассуждая об ущемлении прав римлян в эпоху республики, Гиббон отмечал, что положение современных ему британских женщин было отнюдь не лучше.

Критикуя римские нравы, Гиббон, в отличие от многих своих современников, не восторгался строгостью нравов германских и готских племен. Обсуждению этой темы Гиббон посвятил IX главу «Истории упадка и крушения Римской империи». Он называл готов и германцев варварами и считал, что подходить к ним с морально-оценочными критериями цивилизованных людей наивно и некорректно. Германцы, согласно Гиббону, *«...вели пассивный образ жизни в невежестве и нищете»* (С. 370). В этом вопросе Гиббон сходится во мнении с Миллером и Робертсоном, которые считали, что проживающие по ту сторону лимеса германские племена находились на ранней и примитивной стадии развития. Основными занятиями германцев были собирательство и охота, с земледелием и ремеслами они были едва знакомы. Следствием всего этого были нищета и невежество, которые, по мнению Гиббона, и были основной причиной их бесстрашия и безразличного отношения к смерти. Германских мужчин Гиббон описывал как храбрых на войне, но ле-

нивых и никчемных в мирное время, что, в целом, соответствовало распространённому в эпоху Просвещения представлениям о мужчинах варварских народов: Согласно Гиббону, германские мужчины были также склонны к пьянству и часто бражничали дни напролет, кичась этим, считая попойки и дебоширство истинно мужским занятием (С. 373). А когда запасы еды и питья заканчивались, либо голодали, либо сбивались в ватаги и совершали набеги на приграничные области Римской империи, промышляя грабежом и мародерством.

Иное дело – германские женщины: со ссылкой на Тацита, Гиббон отмечал их сдержанность и целомудрие. Прелюбодеяние среди германцев, как мужчин, так и женщин, наказывалось как самое страшное преступление. Разводы воспрещались не столько законом, сколько нормами морали. *«Тацит, – замечает Гиббон, – с удовольствием противопоставляет добродетели варваров легкому поведению знатных римлянок»* (С. 378). Однако, по его мнению, всему виной цивилизация, которая способствует смягчению нравов и утончению манер, потакает человеческим страстям и пагубно сказывается на целомудрии: *«Вечера, на которых царствует роскошь, танцы, которые продолжаются за полночь, театральные зрелища, в которых нарушаются правила благопристойности, – все это служит соблазном и поощрением для слабостей женской природы. От таких опасностей необразованные жены варваров были ограждены и своей бедностью, и одиночеством, и тяжёлыми условиями домашней жизни»* (С. 379). Вместе с тем, хотя это и противоречило традиционным взглядам шотландских просветителей, Гиббон со всей серьёзностью относился к сообщениям Тацита относительно высокого статуса женщин в германском обществе. Гиббон неоднократно отмечал, что германцы относились к своим женам с доверием и уважением, советовались с ними по самым важным вопросам и *«охотно верили, что в их душе таится сверхъестественная святость и мудрость»*. В «Истории» упоминается некая Веледа, которая во время войны с батавами от имени божества управляла *«самыми гордыми галлами»*. Германские женщины, по словам автора, больше смерти боялись рабства и унижения и при опасности попасть в плен лишали себя и своих детей жизни, чтобы умереть свободными, не потеряв достоинства и целомудрия (С. 379-380).

По мнению Гиббона, германские женщины не воспринимались мужчинами как рабыни или сексуальные прислужницы, но в то же время, в отличие от современных ему дикарей (к примеру, коренных жителей Нового Света), ни германки, ни, тем более, мужчины-германцы, не были лишены мужественности (более того, на полях сражения, германские воины были предельно отважны и самоотверженны). По сути, опи-

сание Гиббоном германцев не вписывается в теоретические схемы шотландских просветителей. Ведь согласно Робертсону, Смиуту, Бёрку, Юму и другим британским, в особенности шотландским просветителям (из перечисленных просветителей только Бёрк был англичанином), бесправие женщин – характерная особенность всех диких и варварских народов, и, наоборот, галантное отношение к женщинам, либерализация нравов – порождение цивилизованного сообщества, в то же время – это один из главных инструментов смягчения их нравов – вовлечение мужчин в светскую жизнь, где тон задают леди.

И все же, несмотря на описание целомудрия, героизма и жертвенности германских женщин, отношение Гиббона к ним весьма двусмысленно, что во многом объясняется отвращением, которое он испытывал к первобытной дикости, и особенно к войне и военным нравам¹¹. Это было присуще многим мыслителям Просвещения и красной нитью прослеживается в работах Юма, Болингброка, Бёрка, Робертсона и др. Чрезмерную маскулинность и воинственность Гиббон считал недостатком не только у женщин, но, с некоторыми оговорками, и у мужчин.

С другой стороны, противоречивое отношение к германским женщинам можно объяснить безразличием историка к женскому целомудрию. Германские женщины, как и мужчины, были подчеркнута маскулинными, чрезмерно, не по-женски мужественными, но вся их отвага могла быть лишь *«тусклой и несовершенной имитацией мужского героизма. <...> героини этого закала имеют полное право на уважение, но они, конечно, не могли ни внушать любви, ни увлекаться этим чувством. Заимствуя от мужчин их суровые добродетели, они неизбежно должны были отказаться от той привлекательной нежности, в которой главным образом заключается прелесть и слабость женщины»* (С. 380).

Закончив описание нравов германцев, главных врагов Римской империи, сопоставив их мужество и суровые нравы, в том числе женские, с нравами цивилизованных римлян, Гиббон переходит к подробному описанию завоевания варварами Римской империи, начиная с середины III века. Он считает, что падение империи было неизбежным и закономерным, несмотря на численное превосходство римлян и высо-

¹¹ Гиббон последовательно выступал против всех войн, противопоставив романтизации войны тезис о том, что *«пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет порочной склонностью самых возвышенных характеров»*. В то же время, он считал, что влияние войн на историю человечества необычайно велико, и именно войны, как правило, обозначают переломные этапы в жизни государств. См.: Рудковская. 2007. С. 28.

коразвитую экономику, им было не выстоять против натиска полупервобытных германцев, ибо те превосходили римлян силой духа или, выражаясь современным языком, пассионарностью.

Одной из причин падения Римской империи Гиббон считал подрывную деятельность первых христиан, с которыми империя, по сути, вела необъявленную войну. Христиане, как и варвары по ту сторону лимеса, отличались самоотверженностью, принципиальностью, верностью идеалам, целомудренностью и пассионарностью. Однако жизненные идеалы адептов молодой, но стремительно набирающей мощь религии, как и сам их облик, были столь же чужды и неприемлемы для британского историка, как и облик варваров. Половую воздержанность христианских мужчин и женщин он считал чистой воды ханжеством и лицемерием. Гиббон иронично относился к представлениям ранних христиан о браке: *«они охотно верили, что, если бы Адам не вышел из повиновения Создателю, он жил бы вечно в состоянии девственной чистоты, а какой-нибудь не оскорбительный для целомудрия способ размножения населил бы рай породой невинных и бессмертных существ»*; *«чувствительная супружеская связь была доведена до такой чистоты, которая делала ее похожей на мистическую связь Христа с его церковью»*, а свое отношение к религиозному «аскетизму» высказал в анекдотической истории о том, как на заре христианства некие *«девы, родившиеся в жарком климате Африки», «допускали священников и дьяконов разделять свое ложе и среди любовного пламени гордились своей незапятнанной чистотой»*¹².

Гиббон всегда отдавал предпочтение энергичным и страстным людям – мужчинам и женщинам. К униженным и угнетенным он относился равнодушно, а иногда и презрительно, к фанатичным же аскетам, даже к святым и монахам – с еще большей долей недоверия, при том, что сам он вовсе не был атеистом. Точно так же невозможно обвинить Гиббона в ханжестве, особенно когда речь заходит о женщинах. Он был истинным просветителем и всегда желал видеть вокруг себя лишь образованных, умных, гармонично развитых дам, даже намеревался жениться на выдающейся интеллектуалке своего времени, хозяйке знаменитого солончака Сьюзен Никер. Как верно подметила Карен О'Брайен, Гиббон выражал восхищение женщинами-философами и учеными и выказывал терпимость, а то и симпатию даже к тем умным женщинам, кто, по тогдашним понятиям, имел весьма сомнительную репутацию¹³.

¹² Там же. Т. IV. С. 46-47.

¹³ O'Brien. 2010. P. 119. Гиббон был не одинок в своей терпимости к ветрености женщин: еще Макиавелли и Монтескье иронизировали по поводу женского целомудрия. Монтескье находил, что куда лучше жить под властью современной просвещен-

И все же некоторые из современных Гиббону поборниц женских прав сочли отдельные его высказывания о женщинах несправедливыми. Известная интеллектуалка своего времени Елизавета Гамильтон, возмущенная некоторыми сексистскими высказываниями историка, в пику ему написала так называемые «Мемуары Агриппины» (*Memoirs of the Life of Agrippina, the wife of Germanicus* (1804)), весьма претенциозную и тенденциозную работу, больше смахивающую на политический памфлет, чем на историческое исследование. Свой опус она предварила следующим пояснением: «Автором “Истории упадка и крушения Римской империи” было заявлено, что “мужество у женщины обыкновенно бывает искусственное, поэтому оно редко соединяется с устойчивостью и последовательностью”. Агриппина – один из многих тысяч примеров, которые доказывают, что это утверждение необоснованно, а сам вывод ложный». Далее Гамильтон развивает свою идею: «Деятельная отвага нетипична для женской природы; когда она случается, это происходит усилием воли и заслуживает эпитет неестественного; но благородная добродетель силы духа кажется даром, которым природа больше обычного наделила этот пол»¹⁴. Для обоснования этих идей Гамильтон написала своего рода «житие республиканки» – квазибиографическое произведение, призванное показать стойкость духа Агриппины, ее страстное негодование против тирании и несправедливости. В ее трактовке, Агриппина отказалась от безвольного существования и бросила Тиберию вызов, вступив с ним в пассивную конфронтацию в духе христианских мучениц. Гамильтон описывает стойкость Агриппины: даже когда ее заключили в тюрьму, «ни единый вздох или слеза не выдали муки ее души», и ничто не изменило ее героического решения покончить жизнь самоубийством¹⁵. Обращаясь к теме патриотизма и преданности республиканским идеалам римских женщин, Гамильтон пишет: «Страна так же дорога для нее [Агриппины], как и для ее мужа... Сила мысли, вдохновленная этими принципами, не соответствует нашей идее о женской мягкости..., мы должны скорее аплодировать, чем осуждать

ной монархии, где легкий женский флирт не осуждается строго, а стремление женщин к комфорту и роскоши оказывает позитивное воздействие на развитие экономики, особенно коммерции, и даже на политику, чем в республике. В античной республике, по мнению Монтескье, мужчины рассматривали женщин как свою собственность, поэтому они не могли иметь личной жизни, а посягательство на честь и целомудрие женщины, прежде всего, воспринималось как посягательство на честь и достоинство опекающего ее мужчины. Более того, многие историки XVIII в. отмечали, сколь высокую цену запрашивала Римская империя у женщин за их вовлечение в *res publica*.

¹⁴ Hamilton. Vol. I. 1804. P. 19.

¹⁵ Ibid. III. P. 35, 252.

героизм, который научил ее воздействовать на разум своих сыновей, внушая, что лучше умереть с честью, чем жить без цели»¹⁶.

Таким образом, в представлении Е. Гамильтон, фигура Агриппины воплощала остатки республиканских свобод в эпоху империи. А самопожертвование Агриппины и других римских матрон, согласно Гамильтон, вовсе не противоречит сути женского естества, а вытекает из нее, поэтому современные ей британки должны равняться на римлянок, стараться во всем походить на них. Говоря о героической стойкости женщин, Гамильтон, вместе с тем, не настаивала на их обязательной и непосредственной вовлеченности в политическую деятельность.

В эпоху Просвещения многим мужчинам и женщинам была присуща, возможно не всегда осознанная, но безусловно искренняя тоска по самодисциплине римских матрон, их сдержанности, рачительности, домовитости, целомудрию, жертвенности, а порой суицидальному бесстрашию. Однако римская матрона, даже когда речь идет о таком ее идеальном олицетворении как Агриппина (чей образ, безусловно, был интересен как для историков, так и для моралистов разного толка), в конечном счете, не соответствовала образцовому типу британской леди. В представлениях британских просветителей истинную леди должны были отличать такие качества как женственность и утонченность, слабость и уязвимость, и – почему бы нет – легкомысленность и взбалмошность. Сила и стойкость, республиканские *virtus* и жертвенность, стремление своим примером вдохновлять мужей и сыновей на выдающиеся подвиги не приветствовались в высших кругах британского общества, которое основательно устало от напряжения и потрясений, вызванных экстенсивным и интенсивным ростом империи. Британские интеллектуалы стремились к эстетическим наслаждениям и гедонизму, совсем в духе имперского Рима.

Возможно, именно поэтому фоном для биографии своей героини Гамильтон выбрала эпоху принципата, своего рода порубежный период между республикой и империей, точнее имперский период, в котором были возможны рецидивы республиканизма, вроде гражданской позиции Агриппины. История жизни этой образцовой республиканки давала возможность показать конфликт эпох и конфликт миров. Причем не только мира уходящего республиканского патриотизма и мира имперской тирании, но и PAX BARBARICA, мира варваров, с которым Агриппина встречалась, когда сопровождала своего мужа Германика в военный поход. При этом представления радикальной республиканки

¹⁶ Ibid. I. P. 19.

Гамильтон о германских племенах разнятся со взглядами Гиббона, который не разделял восторгов по поводу строя мыслей и образа жизни германцев и других варварских народов. Гамильтон же, наоборот, восхищалась элементами военной демократии у германцев, во многом напоминающих ей римские *virtus* эпохи ранней республики.

Таким образом, произведение Гамильтон построено по принципу бинарной оппозиции к «Истории» Гиббона. Сам Гиббон, как и большинство его современников, считал падение нравов в Риме одной из основных причин падения империи: цивилизация рано или поздно приводит к упадку нравов, а утончение манер – к потере целомудренности¹⁷. Поэтому в его произведении нередко можно встретить выражения типа: «*Во времена республики, когда нравы были более чисты*» или «*...в те времена республики, когда нравы были самые чистые*»¹⁸. Однако, в отличие от Руссо, он никогда не предлагал отказаться от цивилизации ради сохранения целомудрия и древних традиций.

В отличие от Гамильтон и многих ее современников, окружающий мир и историческое прошлое для Гиббона сложны и многогранны, они не выкрашены в черный и белый цвета. Поэтому в его «Истории» нет абсолютно «плохих» и абсолютно «хороших» эпох, как и абсолютно хорошего и абсолютно плохого общественного строя или экономического уклада. Гиббон был противником консервации какого-либо государственного устройства, даже республиканского. Историю он рассматривал как процесс, осознавая, что она развивается по своим правилам, и ее ход можно замедлить или ускорить, но остановить невозможно. Поэтому каждый народ неизбежно должен пройти через все ступени развития, добродетели и порока. Для Гиббона также очевидно, что мораль и этикет изменчивы, их нельзя втиснуть в некие искусственные идеологические, политологические или гендерные схемы последующих эпох и рассматривать в отрыве от конкретного исторического контекста. Подобная интерполяция нелепа и контрпродуктивна.

В то же время представления Гиббона о цивилизации и цивилизующей роли женщины-леди во многом совпадают со взглядами современных ему шотландских авторов. Гиббон, в частности, разделял на светскость и женственность как необходимые и важные составляющие облика леди, отвергая, однако, утверждение о том, что лишь с помощью этих качеств леди может добиться влияния в семье, обществе и даже

¹⁷ Характеризуя греков периода римского владычества, он пишет: «*[греки] давно уже были цивилизованны и нравственно испорчены*» (Гиббон, 2008. Т. I. С. 87).

¹⁸ Цит. по: Рудковская. 2010. С. 95.

политике. По его мнению, источником женской власти могла быть не столько сила женщины, ум, образование и привлекательность, сколько ее слабость, умение пристроиться за спиной мужчины и в то же время помочь ему обрести уверенность в своих силах, направлять его, ненавязчиво оберегать от просчетов и ошибок. И хотя он опасался, что обрета власть, женщина может начать ею злоупотреблять, ему и в голову не приходило, что можно ограничить влияние женщин, низвести ее до уровня служанки и наложницы мужчины-хозяина: без женского участия цивилизованное общество состояться не может.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Т. 1-5. М.: Терра. 2008.
Blackwell T. Memoirs of the Court of Augustus. Vol. II. London, 1755.
Ferguson A. History of the Progress and Termination of the Roman Republic. Vol. III. London, 1783.
Goldsmith O. The Roman history, from the foundation of the City of Rome, to the Destruction of the Western Empire. Vol. II. London, 1769.
Hamilton E. Memoirs of the Life of Agrippina, the Wife of Germanicus. Bath, 1804.
Rollin Ch. The Roman History, from the Foundation of Rome to the Battle of Actium. Vol. II. London, 1750.

Литература

- Hicks Ph.* The Roman matron in Britain: Female political influence and republican response ca. 1750–1800 // *Journal of Modern history*. 2005. Vol. 77. No. 1. 2005.
O'Brien K. Woman and Enlightenment in Eighteenth-Century Britain. Cambridge, 2010.
Маргарян Е.Г. Риторика на вершинах Тавра // *Критика и семиотика*. Вып. 15. Новосибирск–Москва: Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет, РГГУ, 2013. С. 15-39.
Рудковская И.Е. Диалог о добре и зле в историографической традиции позднего Просвещения (от Д. Юма до Н.М. Карамзина) // *Вестник ТГПУ*. 2010. Вып. 9 (99). С. 95-97.
Рудковская И.Е. Мир и война в англо-шотландской историографической традиции второй половины XVIII в. // *Вестник ТГПУ*. 2007. Вып. 1 (64).
Маргарян Лусине Ервандовна, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института философии и истории Российского государственного гуманитарного университета; lyusya-margar@mail.ru

О. Н. ШЕВЦОВА

КОМПОЗИЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПО НОВОЙ
РУССКОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА
ТРУД Н. Г. УСТРЯЛОВА
«ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Автор анализирует труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» с точки зрения наличия в нем признаков литературного произведения, прежде всего композиции. Композиция произведения соответствует взглядам историка на Петра I и его деятельность. Особое место в рамках этой композиции занимает образ царевны Софьи и дело царевича Алексея.

Ключевые слова: композиция, Н.Г. Устрялов, Петр Великий, сюжет, кульминация, культурно-историческая традиция, демонизация, царевна Софья, царевич Алексей.

В исторической мысли и в критической литературе не раз указывалось на близость между исследованием историка и литературным произведением¹, прежде всего исторической направленности. Одним из признаков такой близости является наличие в труде историка, как и в произведении писателя, особой композиции. С одной стороны, композиция предполагает обязательное структурирование произведения, при котором оно, в соответствии с авторским замыслом, делится на определенные составные части. Такими частями могут быть крупные разделы или отдельные главы. Но композиция не может сводиться к структуре произведения. Внутренний смысл этой категории несравненно глубже. И если структура произведения относится к его форме, то композиция включает в себя признаки и формы, и содержания. Известный литературовед В.В. Кожин подчеркивал, что композиция – это «членение и взаимосвязь разнородных элементов, или, иначе, компонентов литературного произведения», в которой можно видеть «структуру художественного содержания». Она при этом всегда проявляется «не в отдельных элементах, но в их взаимодействии»². Композиция произведения связана с его сюжетом, который включает в себя такие важнейшие его стороны, как завязка, ход действия, кульминация и конечная развязка.

Наличие подобной композиции имело место в крупнейших произведениях русских историков, созданных в эпоху романтизма, например, в трудах Н.М. Карамзина «История государства Российского» или донско-

¹ Нечкина. 1982; Биск. 1996.

² Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. Стб. 694, 695.

го историка В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли войска Донского». Они посвящены отечественной истории, относящейся к далекому прошлому. В то же время во второй четверти XIX в. имел место значительный интерес к отечественной истории нового времени, особенно к царствованию Петра I, с которого началась активная европеизация России, продолжившаяся в следующем столетии. Кроме того, в официальной идеологии русской монархии при Николае I Петр Великий занимал особое место, и сложился его своеобразный культ, который всячески поддерживался самим императором. Не случайно поэтому в таких условиях появляется большой труд известного историка того времени Н.Г. Устрялова, посвященный истории царствования Петра I.

Существование композиции в этом труде подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, особенностями его исторического мышления, основой которого он сам считал прагматизм, в рамках которого предполагается теоретическое обоснование исследуемого процесса. Заключался прагматизм в том, что в нем должно быть выявлено, «какие были главные общие явления, как одно явление уступало место другому, как переходила Русь постепенно из известного положения в другое, отличное»³. Такая характеристика прагматизма давалась историком применительно к работе над трудом «Русская история». Но освещение прошлого в другом крупном его труде, «История Петра Великого», также основано на авторском прагматизме. В рамках прагматической истории, по оценке Гегеля, изложение событийной истории строится таким образом, что «общее и внутреннее в них, их связь едины»⁴. Такое внутреннее единство в труде Устрялова о Петре I очевидно. Структура его весьма сложна, в ней линейно-хронологический принцип репрезентации материала сочетается с проблемным. Поэтому изложенные во времени события, связанные лично с царем, находятся в единстве с характеристикой разных сторон его деятельности и жизни государства, такими, как армия и флот, дипломатия и войны, массовые движения, церковь и борьба с консервативной оппозицией, другие стороны жизни государства и общества. Кроме того, Устряловым проделан обстоятельный историографический анализ посвященной Петру I литературы, с ее классификацией и оценками того, что писали его предшественники об этом монархе, а также дана подробная систематизация источников. Все это позволяет рассматривать его труд как исследование, закладывавшее традиции научного анализа истории жизни и деятельности Петра.

³ Устрялов. 1836. С. 40.

⁴ Гегель. 2000. С. 61.

Во-вторых, существование композиции заключалось в особой близости этого труда к литературному произведению. На такую близость указывал еще Н.А. Добролюбов. По его оценке, труд Устрялова – произведение «биографическое» и «летописное». Но и летопись, и биографический жанр относятся к литературе ничуть не меньше, чем к истории как к способу познания прошлого. На наличие литературных достоинств в этом труде указывает характеристика Добролюбова, который, как выдающийся литературный критик, мог глубоко судить о художественном уровне произведения. Литературные качества способствовали читательскому восприятию изложенных Устряловым событий. Н.А. Добролюбов считал, что «из "истории" его вышла весьма живая картина деяний Петровых»⁵. Это давало ему основание для высокой оценки труда Н.Г. Устрялова: «Этот труд его достойно стоит возле творения Н.М. Карамзина, полный неоспоримых достоинств»⁶. Но, по оценке критика, такая литературность иногда отрицательно сказывалась на качествах труда Устрялова как исторического сочинения. Тем не менее, благодаря несомненным литературным качествам композиция этого труда становится вполне заметной.

Сочинение Н.Г. Устрялова о Петре I вызвало интерес русского общества благодаря тому, что в нем прагматическая история с ее глубокой рефлексией над событиями и явлениями прошлого и литературный талант автора нашли весьма прочное соединение. Интерес к этому труду также определялся тем, что его проблематика и содержание были исключительно тесно связаны с современной автору культурой, что характерно вообще для рефлексий над прошлым в рамках прагматической истории. Это и годы царствования Николая I с его официозным почитанием Петра Великого, и первые годы царствования Александра II, когда стремившаяся к освобождению от стереотипов прошлого русская общественная мысль была склонна искать не только положительные, но и темные стороны петровского времени. «От духа самого автора зависит, будут ли такие рефлексии в самом деле интересны и жизненны»⁷, – подчеркивал Гегель, говоря об особенностях восприятия современниками прагматической истории. В этой связи «духа» Устрялова как историка-прагматика в полной мере хватило для того, чтобы привлечь читателя.

Наличие сюжета предполагает демонстрацию автором движения, взгляда на излагаемые события и явления как на развивающийся про-

⁵ Добролюбов. 1962. Т. 3. С. 16.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Гегель. 2000. С. 61.

цесс. Этот процесс должен иметь свои предпосылки, проходить определенные стадии и приходиться к определенному завершению. В литературном произведении при этом повествование может идти на уровне отдельного человека, который является его героем, либо отдельной семьи или рода. Для исторического труда такой сюжет относится прежде всего к макрообъекту исследования, которым может являться государство или сообщество. Если же объектом исследования является историческая личность, которая может быть выдающимся деятелем вроде Петра Великого или человеком второго плана, наподобие людей из окружения Петра I или из круга его противников, то посвященный такому лицу сюжет произведения должен демонстрировать ее развитие. Но развитие личности в рамках сюжета в таком историческом труде должно быть выражено в тесной связи с макрообъектом исследования, с которым связана эта личность. Так, личность Петра Великого неразрывно связана с историей России, государства и общества, в развитие которых он внес очень значительный вклад.

Такая связь в полной мере проявляется в сюжете, созданном Устряловым для задуманного им произведения, посвященного истории царствования Петра Великого. В изданной историком части этого произведения четко проявляются такие необходимые части, как вступление с объяснением предпосылок излагаемых событий. Далее в центре сюжета оказывается непосредственно Петр I. Личность своего героя историк представил в ее развитии. В качестве этапов на пути этого развития и, соответственно, жизненного пути царя Устрялов выделил его детство, начало государственной деятельности и ее продолжение. Что касается начала государственной деятельности, то этапами его историк видел свержение стоявшей у власти старшей сестры, царевны Софьи, а затем взятие им турецкого Азова и участие в Великом посольстве в западноевропейские страны. По сюжету, все эти события являлись подготовкой к главному делу Петра – преобразований России по европейскому пути и войне за выход в Балтийское море со Швецией, которая была тесно связана с этими преобразованиями и служила ускорителем для них.

Сюжет всякого произведения предполагает наличие кульминации. Что касается данного труда Н.Г. Устрялова, то на пути четкого выделения его кульминации стоит незавершенность произведения. Во всяком случае, несомненно, что, в соответствии с историографической традицией, такой кульминацией должна была стать Полтавская битва и достигнутая в ней полная победа над шведами. Вместе с тем внутренний смысл произведения Устрялова предполагал необходимость еще одной кульминации сюжета. Определялась она тем, что, с его точки зрения,

более опасными врагами России, чем шведский король, являлись темные консервативные силы внутри страны. Отсюда выходило так, что почти через десять лет после Полтавской виктории такой второй кульминацией стало дело царевича Алексея Петровича, поскольку дело это представляло для Петра определенную опасность, а вокруг опального царевича оказались сосредоточены враждебные ему силы.

Развязкой сюжета должна была, в соответствии с традицией, стать смерть Петра. Но в труде Устрялова эта трагедия не могла исключить исторический оптимизм, который основывался на том, что движение страны в Европу, с большой силой заданное Петром Великим, остановить было невозможно. В этом, как и в исторической необходимости такого движения, историк был совершенно уверен. Действительно, мысль царя-преобразователя о вхождении в европейский мир была в полной мере воспринята русской монархией, а в то время, когда Устрялов работал над историей царствования Петра, русский престол занял, как был совершенно уверен историк, достойный его наследник, император Николай I, прямо заявлявший о продолжении его дела. Маркиз А. де Кюстин, сообщал о том, что Николай I будто бы говорил ему: «мы продолжаем дело Петра Великого»⁸. О стремлении императора походить на Петра I было хорошо известно в русском обществе того времени, что и отразилось в книге Устрялова и сказалось на ее композиции.

Вступление, помещенное в обширном введении, содержало обстоятельное объяснение причин проведения Петром I реформ как дела, жизненно необходимого для России. Историк сумел сделать это объяснение интересным для читателя, поскольку построил его путем демонстрации и анализа конфликта большой исторической значимости. Заключался же он, согласно Устрялову, в противоречии между культурной традицией, исключительно глубокой и сильной, и новыми потребностями страны и русского общества, определявшимися особенностями эпохи, на которую пришлось царствование Петра. С одной стороны, подчеркивал историк, Россия за века своего существования накопила ко времени вступления на престол Петра I большой позитивный опыт. Более того, по его словам, «Россия не уступала ни одному благоустроенному государству в том, что составляет главную пружину благоденствия общественного: она имела крепкое правление, утвержденное временем, опытом, согласием с духом народным, равно отличное и от бурного разновластия, и от произвольного деспотизма»⁹. Особенно высоко оценивал он самодержавие. Он

⁸ Кюстин. 1991. С. 481.

⁹ Устрялов. 1858. Т. 1. С. XV.

указывал, что «эта власть безусловная не была безотчетным произволом, как хотят уверить нас иностранцы. Трудно найти другую страну, где бы самодержавие пользовалось своим правом с такой осторожностью, с таким уважением святости закона, с такою заботливостью о выгодах и благосостоянии каждого сословия, как в нашем отечестве, по воцарении дома Романовых»¹⁰. Казалось бы, «стародавняя Россия заключала в недрах своих главные начала государственного благоустройства: она имела правление крепкое, единодержавное, заботливо охранявшее неприкосновенность закона; церковь, в наилучших отношениях к миру и к верховной власти, определенную в правах и обязанностях своих служителей; дворянство знаменитое, блестящее, не уступавшее никакому другому доблестью и заслугами; законы, сообразные духу народному, самобытные, освещенные опытом, мудростью веков. Единство веры, языка, управления скрепляли все части ее в одно целое, в одну могущественную державу»¹¹. Но отставание России при всех ее достоинствах было для Устрялова совершенно очевидным фактом: в стране «не развивалась ни одна отрасль промышленности, знания или искусства». «Все необходимое для жизни мы покупали из-за границы»¹², – отмечал он. Не менее резко характеризовал он умственный и морально-нравственный уровень русского общества: «Грубое невежество, господствуя в высших и низших слоях общества, разливало тлетворный яд свой на нравы и обычаи, которые представляли странную смесь добрых качеств, свойственных русскому народу, с предрассудками, суеверием, даже с отвратительными пороками»¹³. Не удивителен поэтому и общий его вывод: «Мы коснели в старых понятиях, которые переходили из рода в род, из века в век; мы спесиво и с презрением смотрели на все новое, и в каком-то чудном самозабвении воображали, что "православный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а святая Русь первое государство". Бесспорно, привязанность к родному, национальному, также необходима для благоденствия общества, как и само образование. Но если это благородное чувство переходит в закоренелый предрассудок, отвергающий всякую новую мысль, ужели государство, ими зараженное, может благоденствовать?»¹⁴, – задавал он риторический вопрос.

Этим Устрялов объяснял необходимость проведения в России принципиальных изменений, что хорошо понимал Петр I, который, по

¹⁰ Там же. С. XVI.

¹¹ Там же. С. XXI.

¹² Там же. С. XXIV.

¹³ Там же. С. XXV.

¹⁴ Там же. С. XXIV.

словам историка, «хотел преобразовать полуазиатскую Россию в государство цветущее промыслами, искусствами, науками, с необходимым политическим весом в Европе». Вместе с тем возникал вопрос о методах преобразований, или о возможности добиться результатов без резких изменений и потрясений в стране. Устрялов считал, что без этого вывести Россию из состояния отсталости в европейский мир было невозможно. Ради убеждения в этом своего читателя он опять использовал такой сильный литературный прием, как риторический вопрос. Могла ли Россия «выйти из своего тягостного положения постепенным, хотя и медленным образованием своего гражданского порядка, вследствие внутреннего стремления к усовершенствованию, без крупного переворота, которым так сильно потряс ее Петр Великий?»¹⁵. Такой прием способствовал принятию читателем авторской точки зрения.

По оценке Н.А. Добролюбова, восторженное отношение Устрялова к русской культурно-исторической традиции и в то же время его исключительно резкие высказывания об отсталости страны не просто «противоречат друг другу», но и «взаимно друг друга уничтожают»¹⁶. Противоречия, несомненно, имели место. Но эти противоречия были характерны для определенного направления русской исторической мысли времени царствования Николая I, концентрированным выражением которой была теория официальной народности. В данном случае историк проводил идею, согласно которой государственная мысль российского самодержавия, носителем которой выступал гений Петра Великого, была способна поставить задачу преодоления негативных последствий прошлого, традиций, оставлявших Россию в стороне от мирового развития, и включения страны в круг европейских государств, добившихся больших успехов в своем развитии. В той части своих рассуждений, где говорилось о ценности русской культурно-исторической традиции, он был близок к своим современникам-славянофилам. В том же, что касается резкой критики некоторых существенных сторон этого прошлого и вывода о необходимости преодоления отсталости и вступления страны в европейский мир, имелись черты сходства с воззрениями других его современников, западников. Ни к одному из этих известных направлений русской исторической мысли николаевского времени труд Устрялова о Петре I не примыкал. Несомненно, что эти противоречия, которые были выражены автором во вступлении, он видел в самой исторической реальности России до Петра I.

¹⁵ Там же. С. XXV.

¹⁶ Добролюбов. 1962. С. 22.

После вступления историк разворачивал повествование о жизни Петра. «Радостно и весело» царевич «встретил... жизнь», но уже в раннем детстве ему пришлось испытать первый «жизненный удар», когда умер отец, царь Алексей Михайлович, и затем второй удар, когда был сослан фаворит царя Алексея, боярин А.С. Матвеев¹⁷. Новое тяжкое испытание последовало для царевича в десятилетнем возрасте. После смерти старшего брата, царя Федора Алексеевича, последовал бунт стрельцов и бурные события, связанные с борьбой за власть. Ко времени работы Устрялова тема стрелецкого бунта для русской исторической мысли была уже не новой. Исключительно яркое ее поэтическое выражение давал в произведении «Петр Великий» М.В. Ломоносов, жанр которого он обозначил как «героическая поэма». В формирувавшейся в эпоху Просвещения русской исторической науке ход этих событий и их оценку представил И.И. Голиков в фундаментальном труде «Деяния Петра Великого».

Как и для предшествовавших сочинений, для текста, созданного Устряловым, была характерна художественная образность. К началу бунта были созданы все предпосылки: «Всякое повиновение исчезло; буйство заразило все умы. Слободы кипели вооруженными толпами, пьяными и непокорными; ожесточение выражалось на свирепых лицах. Требовалось одной искры, чтобы воспламенить кровавый бунт»¹⁸. Не менее ярко и резко подавал он действия бунтовщиков, стрельцов и раскольников, в разгар бунта. По словам Устрялова, в других условиях распространение «раскольничьих бредней» обошлось бы «без дальнейших последствий, ограничившись тесным кругом немногих сумасбродов; но при тогдашнем фанатическом расположении умов, вышло противное»¹⁹.

Уже один из первых историков Петра I, новгородский дворянин П.Н. Крекшин, подчеркивал, что царю постоянно угрожала какая-то опасность. Он писал, что когда Петр вместе с Великим посольством по пути в Западную Европу проезжал через Ригу, принадлежавшую Швеции, то шведский генерал-губернатор Риги граф Делберт даже «искал случая Царское Величество убить, или всю свиту посольства арестовать»²⁰. Не случайно исследователь сочинений Крекшина, М.Б. Плюханова, отмечала, что «юность Петра представлена Крекшиным прежде всего как ряд опасных для его жизни ситуаций». Помимо эпизода в Риге, она указывала на еще один описанный Крекшиным случай, когда

¹⁷ Устрялов. 1858. Т. 1. С. 10-11.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Крекшин. 1787. С. 20.

еще в первом Азовском походе было раскрыто намерение «Яшки Янсена», перешедшего к туркам голландского матроса-наемника, убить Петра и тем самым «светильник... угасить». Однако ему удалось выйти живым из всех этих ситуаций. Конечно же, Крекшин был, по справедливой оценке самого Устрялова, «собиратель трудолюбивый, но бездарный и безграмотный»²¹. Тем не менее, определенную традицию в изложении начала петровского царствования он заложил.

В то же время, начиная с «Деяний Петра Великого» И.И. Голикова, в историографии была заложена другая традиция, по которой историком формировался образ главного врага царя, его своеобразный антипод. Для Голикова таким антиподом выступал гетман Мазепа. Устрялов в своем труде также вывел образ известного украинского гетмана. Но, поскольку в своей «Истории царствования Петра Великого» он не успел довести изложение до вторжения шведов на Украину и до перехода Мазепы на сторону шведского короля, образ гетмана не занимал в этом труде сколько-нибудь значительного места. И если Голиков доводил негативный образ Мазепы до уровня его демонизации, то в труде Устрялова Мазепа отмечен как бы мимоходом, хотя историк показал, что черты личности будущего изменника у гетмана уже имелись, и что измена его была далеко не случайной. Так, еще в 1689 г., после торжественного приема его Петром, Мазепа, «осыпанный царскими милостями, отправился в Малороссию», как добавлял Устрялов, «с мрачным замыслом в душе»²², но не приводил доказательств существования таких замыслов. Однако это не значило, что Устрялов отказался от создания сильного и демонического образа главного противника Петра. В той части его труда, которая успела выйти в свет, в этой роли выступала старшая его сестра, царевна-регентша Софья. Этот образ Устрялов вполне довел до уровня демонизации. Так, он создал яркий литературный образ искры, от которой загорелся пламенем «кровавый бунт», причем эту «искру бросила невидимую искусною рукою молодая царевна»²³. В ходе стрелецкого бунта, отмечал он, Софья овладела положением. Стрельцы желали видеть ее правительницей при малолетних государях. Когда же бунт закончился, то ответственность за кровопролитие Софья сумела возложить на начальника стрелецкого приказа князя И.А. Хованского²⁴. «Мысль о царской короне не давала царевне покоя ни днем, ни ночью», – отмечал Устрялов²⁵.

²¹ Устрялов. 1858. Т. 1. С. XV.

²² Устрялов. 1858. Т. 2. С. 99.

²³ Устрялов. 1858. Т.1. С. 25.

²⁴ Там же. С. 85.

²⁵ Устрялов. 1858. Т. 2. С. 45.

Как результат срыва замыслов Софьи и подавления стрельцов Устрялов рассматривал последовавшие вскоре после этого победы в Северной войне против Швеции. Вместе с тем на первом этапе этой войны царю пришлось вести борьбу не только с силами шведского короля, но и по-прежнему с темными силами, которыми в 1705 г. стали восставшие астраханцы. Как отмечал историк, этому содействовало широкое распространение в русском обществе раскола: «В Астрахани между стрельцами, солдатами, людьми торговыми и черными издавна завелся раскол разных толков и обрядов. Туда стекались старoverы... Новые меры правительства распалили умы»²⁶. В конечном счете восстание было подавлено, с мятежниками расправились. Об этом Устрялов писал со строгой ссылкой на документальный материал: «30 человек обезглавлены, 60 повешены, многие сосланы в Сибирь»²⁷.

Четвертый том «Истории царствования Петра Великого» был доведен до 1707 г. В следующий том должны были войти решающие события Северной войны: победы при Лесной и Полтаве, морская победа при мысе Гангут, Прутский поход, образование Сената и другие важные реформы. Однако в 1859 г. был издан не пятый, но следующий за ним шестой том, темой которого был «Царевич Алексей Петрович» и его трагическая судьба. Пропуск пятого тома и публикация тома, следующего за ним, едва ли было случайным. Как полагал Н.Я. Эйдельман, связано это было с важными общественными изменениями после смерти Николая I. Когда «начиналось освобождение крестьян, когда повеяло более свободным, теплым воздухом и заговорила герценовская Вольная печать в Лондоне, – тогда-то Устрялов решился и выпустил в свет целый том, посвященный делу Алексея»²⁸. Кроме того, выход в свет этого тома был ускорен публикацией в 1858 г. письма гвардии капитана Александра Румянцева некому Дмитрию Ивановичу Титову. Письмо было написано 27 июля 1718 г., через месяц после гибели царевича. Появилось оно в четвертой книге «Полярной звезды» под заголовком «Убиение царевича Алексея Петровича», напечатанной в Вольной русской типографии А.И. Герцена в Лондоне.

Сюжет о жизни и гибели царевича Алексея Петровича в полной мере вписывается в композицию труда Н.Г. Устрялова о царствовании Петра Великого. Если ранее разные противники Петра и его преобразований объединялись вокруг царевны Софьи, то после ее заточения в

²⁶ Устрялов. 1858. Т. 4. С. 486.

²⁷ Там же. С. 508.

²⁸ Эйдельман. 1993. С. 62.

монастырь, по мере взросления царевича, таким центром стал он. К этому, как показывал историк, вели особенности формирования его личности, начиная с детства и юности. Он, по существу, не был занят делом, к семнадцати годам «жил постоянно в селе Преображенском без всякого занятия, получая на содержание 12000 рублей, и только посещал токарного мастера Людвиг де-Шепера»²⁹. Царь виделся с сыном очень мало. Устрялов обстоятельно характеризовал, каким было влияние на царевича в отсутствие Петра. Основываясь на материалах допросов царевича Алексея, он указывал, что «попы и чернецы были его собеседниками; в кругу их он возненавидел все, что ни любил его отец; новая столица была ему ненавистна; иногда он воображал, что Петербург провалится; иногда говаривал, что оставит его немедленно, как скоро будет царем. Царевна Мария Алексеевна, суеверная и неприязненная брату, распяляла ум племянника тайными видениями. Царица-мать также действовала на сына чрез своих родственников и друзей, в особенности чрез брата своего Авраама Лопухина. Но главным виновником несчастного настроения его был Александр Кикин, некогда любимый денщик Государя, впоследствии адмиралтеец, человек умный и бойкий, он из видов любостяжания втерся к царевичу и представлял дела отца в ненавистном виде»³⁰.

История царевича Алексея из шестого тома не только вписывалась в композицию общего труда историка, но имела и собственную композицию. Воспитание Алексея противниками царя выступало завязкой этой композиции. Ход событий составляла его дальнейшая жизнь вплоть до бегства в пределы Священной Римской империи, где он рассчитывал укрыться от отца. Кульминацией было возвращение Алексея, обеспеченное тайным советником П. Толстым и гвардии капитаном А. Румянцевым. Следствие по делу царевича в Москве и в Санкт-Петербурге и его гибель представляли собой развязку истории его жизни.

Попытка царевича Алексея укрыться от отца в габсбургских владениях, в том числе в последнем его прибежище, которым был замок в Неаполе, его возвращение и смерть давали материал для литературного произведения, пронизанного романтическими мотивами. Немало этому могло бы способствовать признание достоверности письма А. Румянцева Титову и привлечение его в качестве источника. Но Устрялов в отношении этого письма выступал не как художник-романтик, но как историк и источниковед, для которого вопрос о достоверности источника имел ис-

²⁹ Устрялов. 1859. Т. 6. С. 17.

³⁰ Там же. С. 18.

ключительную важность. Приведя в приложении к шестому тому текст этого письма, он, однако, решительно отвергал его достоверность и подчеркивал, что письмо «было наполнено грубейшими ошибками историческими». Так, указывал историк, если в письме А. Румянцева говорилось о том, что любовница царевича Ефросинья «в монастырь на вечное покаяние отослана», то на самом деле ей «как единственному лицу, склонившему царевича возвратиться из Неаполя» оказали «большую милость»³¹. В письме сообщалось о возможности прихода царевича «с войском в Россию». Об этом будто было указано в его посланиях. На самом деле, указывал историк, ничего подобного в бумагах Алексея из государственного архива в Вене и в бумагах, привезенных Ефросиньей, не было³². Вывод Н.Г. Устрялова о недостоверности письма А. Румянцева встретил возражение молодого историка М.И. Семевского, которого письмо привлекало совершенно очевидным разоблачением Петра и самодержавного деспотизма. В самом деле, речь шла в письме о прямом приказе Петра, данном царем Румянцеву и Толстому, а также генерал-поручику Бутурлину и лейб-гвардии майору Ушакову. В нем царь будто бы говорил им: «слуги мои верные, спешно грядите убо к одру преступного Алексея и казнити его смертию, яко же подобает казнити изменников Государю и отечеству. Не хочу поругать царскую кровь всенародною казнию, но да совершится сей предел тихо и неслышно, яко бы ему умершу от естества, предназначенного смертию. Идите и исполните; так обо хочет законный ваш Государь и изволит Бог»³³. И далее приводились подробности того, как был удушен ими Алексей.

Несомненно, что письмо отражало глубокий драматизм в отношениях между царем и царевичем, отцом и сыном. Письмо могло послужить основой для литературного сюжета о гибели царевича Алексея. В труде Н.Г. Устрялова о Петре I имели место ярко выраженные признаки литературного повествования, в том числе такой, как композиция. Однако Н.Г. Устрялов, по справедливой характеристике Н.Я. Эйдельмана, был «человек весьма благонамеренный и верноподданный, но притом усердный, дотошный исследователь»³⁴. Историк в его творческой личности брал верх над писателем, и это не позволило ему признать письмо гвардии капитана Румянцева достоверным. Эйдельман признавал правомерность скепсиса в отношении письма, который демонстрировал

³¹ Там же. С. 294.

³² Там же. С. 628.

³³ Там же. С. 623-624.

³⁴ Эйдельман. 1993. С. 62.

Устрялов, и разделял его. Он при этом добавлял, что в пользу версии о поддельности письма свидетельствовало время его появления в печати. В самом деле, обращал внимание он, все списки письма относятся к концу сороковых – началу пятидесятих годов XIX в. «Где же пролежал этот документ почти полтора столетия, почему о нем никто прежде не слышал?»³⁵, – задавал Н.Я. Эйдельман риторический вопрос.

«История царствования Петра Великого» Устрялова закончена не была. Тем не менее, этот труд является важной вехой в историографии петровского царствования, в изучении личности и деятельности самого царя. В то же время в нем, как и в некоторых других крупных исторических трудах первой половины – середины XIX в., проявляются черты литературного произведения, с ярко выраженными художественными образами царя и лиц его времени. В этом произведении присутствует композиция, которая соответствует историческим взглядам Устрялова как историка официального направления общественной мысли в России при Николае I. Особенностью композиции является две кульминации, из которых первая, связанная с решающими успехами войны против Швеции, не получила завершения. Более четко проявилась вторая, которая относится к борьбе с темными силами внутри страны, со стрельцами и старообрядцами, и олицетворением которой выступали царевна Софья и царевич Алексей. При этом образ Софьи доведен до уровня ее демонизации, примерно так, как значительно раньше сделал это И.И. Голиков в отношении гетмана Мазепы. Что же касается тома шестого, содержащего историю царевича Алексея, то он имеет свою собственную композицию, с трагическим финалом, не только для царевича, но и для царя.

Как крупное явление историографии и культуры своего времени, труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» нес в себе выражение восприятия современным русским обществом того времени эпохи и личности царя-преобразователя и служил предпосылкой для дальнейшего ее научного и литературно-художественного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- [Голиков И.И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1.
- Добролюбов Н.А. Первые годы царствования Петра Великого // Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-ти т. М.; Л: Гослитиздат, 1962. Т. 3. С. 7-132.
- [Крекиш П.Н.] Краткое описание Славных и Достопамятных дел Императора Петра Великого, его знаменитых побед и путешествий в разные Европейские государства со многими важными и любопытства достойными происшествиями, пред-

³⁵ Там же. С. 67.

ставленными разговорами в царстве мертвых Генерал-Фельдмаршала и кавалера Российских и Мальтийских орденов Графа Бориса Петровича Шереметева, боярина Федора Алексеевича Головина и самого сего Великого Императора с Российским царем Иоанном Васильевичем, Шведским королем Карлом XII, Израильским Царем Соломоном и Греческим Царем Александром. СПб., 1787.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С.421-660.

Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи. С. 584-612.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1-4. СПб., 1858.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859.

Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

Литература

Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1996. 144 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 479 с.

Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 3. Стб. 694, 695.

Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М.: Наука, 1982. 320 с.

Плюханова М.Б. История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1981. Вып. 513. С. 17-39.

Эйдельман Н.Я. Розыскное дело // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII – XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. С. 50-82.

Шевцова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, доцент кафедры речевых коммуникаций и издательского дела; oksana_shevtsova@bk.ru

М. П. ВАЛЬЦ

«ЛОГИКА» В. ВУНДТА В КОНЦЕПЦИИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Анализируется трансформация концепции В. Вундта в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Рассматривается рецепция идей, изложенных в многолетнем труде В. Вундта «Логика: изучение принципов познания и методов научного исследования» и касающихся как гуманитарной области, так и области естествознания. Выделяются сходства и различия между естественнонаучными и гуманитарными методами. Рассматривается возможность применения методов из других сфер знания к области истории и то, какую трансформацию они могут претерпеть в данном случае. Уделяется особое внимание таким ключевым проблемам как интерпретация, сравнительный метод, критика, а также их применение как в науке в целом, так и конкретно в поле истории.

Ключевые слова: рецепция, интерпретация, А.С. Лаппо-Данилевский, В. Вундт, методология истории, «Логика», историческая критика, сравнительный метод.

В научном сообществе постоянно происходит обмен новыми теориями и построениями. Зачастую идеи одного автора могут стать основой для идей другого, и не обязательно, чтобы они работали в одной сфере знания и писали на одном языке. Такой феномен прослеживается при исследовании работы А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», в которой российский историк активно рецепирует идеи своих коллег¹. Одним из них является В. Вундт (Wilhelm Wundt) – немецкий психолог, построения которого сыграли заметную роль в концепции А.С. Лаппо-Данилевского. В данной статье мы рассмотрим рецепцию идей Вундта, а также их трансформацию в «Методологии истории».

Одним из трудов В. Вундта является многотомная «Логика: изучение принципов познания и методов научного исследования»². Первый труд претерпел несколько изданий, в «Методологии истории» Лаппо-Данилевский пользуется вторым и третьим. Второе издание «Логики» состояло из двух томов: первый был посвящен теории познания (1893), второй, состоящий из двух частей, – методологии: логике математики и естественных наук (1894) и логике гуманитарных наук (1895). В третьем издании последняя часть была переработана и стала отдельным томом³. В каждом томе несколько разделов. В подавляющем большинстве случа-

¹ Лаппо-Данилевский. 2010.

² Wundt. 1893-1895.

³ Wundt. 1908.

ев российский историк черпал идеи именно из «Логики», поэтому мы будем основываться только на данном исследовании⁴. Вундт известен и как автор других упомянутых Лаппо-Данилевским работ, таких как многотомный труд «Психология народов»⁵ и «Система философии»⁶.

Итак, в своем рассуждении о сравнительном методе А.С. Лаппо-Данилевский использует исследование Вундта «Логика». Часть первая второго тома данного труда, на которую ссылается российский историк, называется «Общее учение о методах. Логика математики и естественных наук». То есть, исходя из названия, можно сразу заметить, что речь пойдет не о гуманитарных науках. Далее Лаппо-Данилевский рассматривает третий раздел «О логике естественных наук» и в нем четвертую главу «Общие методы и вспомогательные материалы исследования природы». Здесь Вундтом рассматриваются такие методы как экспериментальный, сравнительный, описание природы и разъяснение природы. Таким образом, сразу становится понятно, что материал о разбираемом сравнительном методе Лаппо-Данилевский брал из исследования, касающегося не истории, и даже не гуманитарных наук, а наук естественных. Но Вундт утверждает, что общие методы исследования природы соответствуют во всех важных пунктах методам научного исследования вообще, поэтому, на первый взгляд, Лаппо-Данилевский может правомерно использовать результаты работы немецкого психолога в рамках своего исследования по историко-методологической тематике⁷. Хотя эти аспекты российским историком не оговариваются вообще.

Рассуждая о сравнительном методе, Лаппо-Данилевский призывает читателя не путать его со сравнением как таковым: т.е. необходимо устанавливать только сходство в рассматриваемых объектах, не отвлекаясь на различия. Немецкий психолог и его заключения в данном случае становятся «эталоном», так как Лаппо-Данилевский придает им оттенок общепринятости следующими пояснениями: «И действительно, такое именно значение обыкновенно приписывается вышеназванному термину: говорят, например, что он применяется “для достижений общих результатов”»⁸. Заметим, что в данном случае российский историк приводит только исследования Вундта, не называя других ученых, несмотря на то, что данные взгляды, по словам Лаппо-Данилевского, об-

⁴ Перевод с немецкого языка ниже приводимых цитат выполнен мною – М. В.

⁵ Wundt. 1900; Wundt. 1905.

⁶ Wundt. 1889.

⁷ Wundt. 1894. S. 333.

⁸ Имеются ввиду слова Вундта «zur Gewinnung allgemeiner Ergebnisse». Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 508.

щеприняты. В подтверждение своих мыслей он приводит цитату Вундта на языке оригинала: «Сущность сравнительного метода состоит в том, чтобы сравнительное наблюдение, сбор соответствующих друг другу признаков и градация несоответствующих по степени их различия были использованы для получения обобщающих выводов (zur Gewinnung allgemeiner Ergebnisse)»⁹.

Здесь необходимо подробнее остановиться на проблеме перевода. Можно заметить, что используемый Лаппо-Данилевским русский вариант перевода «zur Gewinnung allgemeiner Ergebnisse» как «для достижения общих результатов», и предложенный нами – «для получения всеобщих выводов» – различаются. Вообще немецкое слово «die Gewinnung» переводится на русский как «добыча», «получение», «добывание»¹⁰. Вариант «достижение», предложенный Лаппо-Данилевским, имеет другое значение и по-немецки оно звучало бы, скорее, как «die Erreichung». Die Gewinnung, как и однокоренное слово das Gewinn, связано не с достижением какой-либо цели, а с получением чего-либо (выгоды, прибыли и т.д.). Следующее слово – allgemeiner – имеет также другой оттенок значения, чем предлагает Лаппо-Данилевский. Он переводит его как «общий», и, судя по дальнейшим рассуждениям, придает ему значение сходства, в то время как по-русски данное слово будет звучать как «всеобщий» в смысле обобщения (например, всеобщая история). То есть главное здесь – не поиск сходных черт, а «взгляд сверху», получение всеобщей картины. Таким образом, сущность сравнительного метода, по мнению Вундта, состоит в использовании сравнительного наблюдения, выявления соответствующих друг другу признаков и градации несоответствующих по степени их различия для «Gewinnung allgemeiner Ergebnisse», т.е. для получения обобщающих выводов, а не для «достижений общих результатов». Целью является не определение того, что между объектами сходно, а выводы об объектах вообще. И кстати, Вундт не предлагает отказаться от различий, он предлагает эти различия структурировать.

Неточный перевод, смысл которого, вероятно неосознанно, был изменен Лаппо-Данилевским, стал основой одного из главных тезисов в его рассуждении. Автор, видимо, прочитал в тексте Вундта то, что хотел бы прочитать, тем более что слова на самом деле очень похожи и отличаются оттенками, но значение в конечном итоге совершенно разное. Этот неточный перевод Лаппо-Данилевский использует для подтверждения своего тезиса о том, что сравнительный метод ищет сходства, а не различия.

⁹ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 508. Примечание.

¹⁰ Здесь и далее – по данным словаря ABBY Lingvo и Duden.

Рецепция как таковая уже является сложным процессом, но когда она сопряжена с восприятием идей с языка, не являющегося родным, этот процесс становится еще более сложным. Зачастую автор может стать заложником своей идеи и прочесть в тексте иностранного автора не совсем то, что имелось в виду. Кроме восприятия идей происходит еще и восприятие смысла изучаемого текста и отдельных слов, перевод на родной язык. С одной стороны, это открывает простор для рецепции идей, для создания нового знания, но с другой, – может привести к тому, что те мысли, которые хотел донести иноязычный автор, были уже изначально немного неверно поняты. В данном случае механизм рецепции усложняется: чтобы понять мысли, исследователь должен понять и ту форму, в которую они заключены.

Рассмотрим, что говорит о сравнительном методе Вундт. Он считает, что этот метод необходимо использовать наряду с экспериментальным. Последний в несравненно большей степени применим для того, чтобы изучать каузальные условия явлений, поэтому, по мнению немецкого психолога, его надо использовать в первую очередь везде, где это возможно. Но сравнительный метод его дополняет. Во-первых, сравнительный метод подготавливает проблемы для экспериментальной обработки путем сбора достаточного количества относящихся друг к другу точных наблюдений, а во-вторых, он дополняет экспериментальные результаты путем их применения к большому количеству отдельных, данных наблюдению явлений. Примеры, использованные психологом, также касаются естественных наук. Он заключает, что, несмотря на различие стадий, логический характер метода остается тем же. Любое сравнение сочетает в себе выявление совпадающего и отделение различного. Вундт выделяет индивидуальное (*individuel*) и родовое (*generisch*) сравнение. Индивидуальное сравнение собирает наблюдения, представляет отдельный предмет или явление природы по отношению ко всем сосуществующим составным частям и следующим друг за другом состояниям, чтобы получить полную картину объекта наблюдения. Применимыми здесь вспомогательными методами являются анализ и синтез, изоляция и коллигация. Родовое же сравнение, напротив, использует наблюдения, полученные из разных, но, тем не менее, относящихся друг к другу предметов или явлений, и систематизирует их по родственным друг другу областям (*Erscheinungsgebieten*). Здесь помимо анализа и синтеза, изоляции и коллигации привлекаются методы генерализации и спецификации, и чаще, чем при индивидуальном сравнении, проверка наблюдений дает возможность реализации более или менее обширных индукций. Индивидуальное сравнение более служит чистому описанию

и относится к подготовительной стадии исследования. Родовое сравнение имеет тенденцию к попытке каузального объяснения явлений¹¹.

Таким образом, Вундт говорит, и он повторяет это не один раз, не только о выявлении совпадающих элементов, но также и о классификации несовпадающих. Лаппо-Данилевский же подчеркивает необходимость установления только сходства: «Последнему [сравнительному методу – *М.В.*] можно, хотя бы условно и в узком смысле слова, придать значение метода, устанавливающего преимущественно сходство, а не различие сравниваемых объектов»¹². Лаппо-Данилевский критикует своего немецкого коллегу и рассматриваемый им в рамках естествознания сравнительный метод: «Автор, однако, лишь мимоходом упоминает об этой познавательной цели, с точки зрения которой, казалось бы, и нужно определять самую “сущность” метода, а потому и не выясняет соотношения между установлением сходства и установлением различия»¹³. Но в данном случае, по-видимому, Вундт не ставил перед собой подобной задачи ни в разделе, посвященном логике естественных наук, ни в разделе, посвященном логике наук гуманитарных.

О логике гуманитарных наук, а также о применении в них сравнительного метода рассуждает Вундт в четвертом разделе своего труда. Как и в случае с естествознанием, логика этого метода заключается в установлении соответствий и различий. Последние все так же могут заключаться либо в имеющихся или отсутствующих признаках, либо в классификации по степени, т.е. в таких различиях, которые имеют не только качественный, но и количественный характер. Разделение сравнений на индивидуальное и родовое также повторяется без существенных изменений. Далее Вундт называет отличия метода в данной сфере знания от естественнонаучной сферы. Немецкий ученый утверждает, что объекты гуманитарных наук, которые подвергаются сравнительному методу, являются, в конечном счете, всегда духовными процессами, предметами – только поскольку они есть произведения духовных процессов, так что конечная цель метода будет направлена не на предметы, а на необходимые для их произведения процессы.

Следующая особенность сравнительного метода в рамках гуманитарных наук в отличие от наук естественных заключается в том, что индивидуальное сравнение здесь не является всего лишь способом, подготавливающим более обширный родовой метод, оно всегда имеет свою

¹¹ *Wundt*. 1894. S. 339-344.

¹² *Лаппо-Данилевский*. 2010. Т. 2. С. 508.

¹³ Там же. С. 508. Примечание.

собственную ценность и нередко окончательное значение. Продукты духовного развития принципиально отличаются от продуктов природы тем, что произведения истории имеют повсюду единичное значение: два исторических процесса никогда не будут идентичными¹⁴. То есть различия в логике наук о природе и наук о духе все-таки есть, несмотря на то, что многое в общих чертах совпадает.

В своих рассуждениях Вундт концентрирует внимание на разделении сравнительного метода на индивидуальный и родовой, а также рассматривает их в контексте других наук. Лаппо-Данилевский же, несмотря на апелляцию к немецкому коллеге, о данном разделении не говорит. Вместо этого он продолжает указывать на необходимость установления сходства в рамках сравнительного метода и утверждает, что, изучая различия в предметах, ученый «преследует подчиненную познавательную цель или получает простой результат вышеуказанного применения сравнительного метода, подлежащий обработке путем собственно исторического метода»¹⁵. Именно установление сходства лежит, по мнению Лаппо-Данилевского в основе таких дисциплин как сравнительное языкознание, сравнительная анатомия, сравнительное правоведение и т.д. Вундт же говорит о сравнительных науках в другом ключе, о котором Лаппо-Данилевский вовсе не упоминает.

Вундт тоже проводит разделение наук на исторические и сравнительные, но суть разделения заключается в том, какое из сравнений – индивидуальное или родовое – преобладает в исследовании. Он считает, что в зависимости от того, какую цель преследует отдельное исследование, на передний план выходит тот или иной сравнительный метод. Различие становится особенно видно тогда, когда один и тот же объект разбирается с обеих позиций. Так как в индивидуальном сравнении логический процесс в некоторой степени отстает перед историческими фактами, то обычно говорят о сравнительном методе тогда, когда на передний план выходит родовое сравнение. В этом смысле разделение на историческую и сравнительную трактовку становится господствующим для всей области знания. Так, например, наряду с историей языка есть сравнительное языкознание, наряду с исторической мифологией – мифология сравнительная и т.д. Но, конечно, здесь всегда идет речь лишь о перевесе, а не о полном господстве одного или другого метода¹⁶. Как видим, некоторая связь мыслей Лаппо-Данилевского и Вундта все

¹⁴ *Wundt*. 1895. S. 64-66.

¹⁵ *Лаппо-Данилевский*. 2010. Т. 2. С. 508.

¹⁶ *Wundt*. 1895. S. 69.

же есть. Российский историк более четко формулирует данные взгляды, отказываясь от, видимо, лишнего в этом случае в его построении разделения на индивидуальное и глобальное, которое так важно для Вундта.

Лаппо-Данилевский отмечает недоработки в построениях Вундта, теперь уже касающиеся гуманитарной области. Он указывает на недостаточную обоснованность и развитость общей характеристики сравнительного метода, предложенного немецким коллегой, и называет имена других ученых, которые, по его словам, занимались данной проблемой с большим успехом¹⁷. Вспомним еще раз, что Вундт рассматривал сравнительный метод в рамках как естественных, так и гуманитарных дисциплин, и основой его исследования являлось разделение сравнительного метода по типу сравнения на индивидуальное и родовое, что также является общим как для наук о природе, так и для наук о духе. Возможно, как раз в этом и заключалась специфика исследования немецкого психолога, и к тому же, он в главе про сравнительный метод в гуманитарных науках не раз сопоставляет их с естественными, указывает на их сходства и отмечает некоторые различия. Лаппо-Данилевский же, в свою очередь, использует данные построения для выработки лишь исторических методов, что является совсем другой задачей.

Говоря о критике, Лаппо-Данилевский рассуждает о ее возникновении и разновидностях. Отталкивается он, судя по всему, от рассуждений Вундта, получивших впоследствии дальнейшее развитие, которое было направлено Лаппо-Данилевским в другое русло. Вундт утверждал, что последним источником критики, равно как и интерпретации, является душевное состояние исследуемого, которое находит свое выражение в характерном для каждого из этих процессов чувстве: в одном случае – в чувстве интереса к предмету, в другом – в чувстве сомнения его выражения. Каждое стремление к пониманию направлено интеллектуальным интересом. Как только к этому интересу добавляется сомнение в содержании или ценности изученного предмета, вызывается критическая проверка. Сомнение может иметь два направления. В первом случае оно относится к содержанию предмета как такового либо его отдельной части, тогда оно побуждает критическую проверку фактического содержания объекта познания, раскрытого посредством предшествующей интерпретации. Во втором случае сомнение касается ценности предмета, тогда оно вызывает критическое изучение его ценностного содержания. Первая является более низкой формой критики, лишь служащей усовершенствованию интерпретации, поэтому Вундт обозначает ее как герменев-

¹⁷ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 509. Примечание.

тическую критику. Вторая – это более высокая, окончательная форма, где критика, направленная на распознавание внутреннего содержания познавательного объекта, является самоцелью; Вундт обозначает ее как критику ценности. Автор называет эти два вида критики ступенями критического метода, которые могут формально совпадать друг с другом при наличии различных материальных целей¹⁸.

Лаппо-Данилевский, отгалкиваясь от построений Вундта и применяя их к области истории, сокращает объяснение происхождения критики и углубляет ее значение, утверждая, что «историческая критика источника появляется при сомнении в исторической ценности или фактическом значении источника для научного построения исторической действительности»¹⁹. То есть, в отличие от своего коллеги, российский историк, во-первых, не упоминает про влияние интереса к предмету на возникновение критики, эту ступеньку он опускает, переходя сразу к сомнению. Во-вторых, сомнение в ценности, выделенное Вундтом, превращается у Лаппо-Данилевского в «сомнение в исторической ценности», а сомнение в содержании – в «сомнение в фактическом значении». То есть данное разделение было конкретизировано применительно к исторической области.

Лаппо-Данилевский так же, как и Вундт, указывает на связь сомнения в фактическом значении с предшествующей ему интерпретацией: «Историк, не устранивший своего сомнения путем внимательной интерпретации источника, стремится выйти из него, установив посредством критики положительное или отрицательное значение данного источника для такой именно цели»²⁰. Вундт более увлекся разделением двух форм критики, в то время как Лаппо-Данилевский более подробно и применительно к исторической области рассуждает о природе сомнения, ведущего к критике, которую Вундт назвал низшей. Российский ученый перечисляет то, чем данное сомнение могло бы быть вызвано: «Историк испытывает, например, потребность в критике источника, когда он не получает цельного впечатления от него; когда он замечает более или менее резкие отклонения от общепринятых или свойственных данному автору и уже известных его мыслей и форм изображения или речи; когда он усматривает действительные противоречия между его показаниями или заметную их односторонность; когда он вскрывает его тенденциозность или пристрастие; когда он наталкивается на разногла-

¹⁸ *Wundt*. 1908. S. 113-114.

¹⁹ *Лаппо-Данилевский*. 2010. Т. 2. С. 160.

²⁰ Там же.

сие между показанием данного источника и показаниями других источников...»²¹. Вундт же, в свою очередь, не углубляется в подобные вопросы, имеющие для историка практический характер.

Здесь Лаппо-Данилевский затрагивает такой вопрос как подлинность источника и то, как критика может способствовать выявлению фальсификации, т.е. он добавляет к представленной Вундтом схеме еще один блок. Об этом сообщает и сам автор «Методологии истории», указывая на данную недоработку: «Автор [В. Вундт – М.В.] говорит о “сомнении в содержании и ценности изучаемого предмета”, но можно сомневаться и в подлинности источника, а самый факт его существования и содержания тоже могут представлять “ценность” для историка, только не ту, которую понимает автор, говоря об оценке человеческих “мотивов и действий”»²². Именно на основе рассуждений Вундта об интерпретации и сомнении в фактическом содержании Лаппо-Данилевский установил, что данные сомнения могут касаться и подлинности источника, о чем немецкий психолог не упоминает в своей работе.

В рассуждениях об интерпретации Лаппо-Данилевский также использует некоторые идеи Вундта. Само определение данного понятия у российского ученого выражено более конкретно: «Интерпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника»²³, в то время как его немецкий коллега под интерпретацией понимает совокупность методов, которые должны нам добыть понимание духовных процессов и духовных произведений. Вундт не ставил своей непосредственной задачей рассмотрение данной проблемы в области истории и начал с сопоставления методов интерпретации естественных наук и наук гуманитарных. Он пришел к выводу, что они не являются сходными, т.е. методы интерпретации, применяемые в естественнонаучной области, не могут быть успешно применены в области гуманитарной²⁴. Лаппо-Данилевский в своем исследовании не останавливается на подобном рассуждении, а сразу переходит к интерпретации в сфере исторической науки и применяет полученные Вундтом выводы к данной области: «Вообще, приступая к рассмотрению главнейших принципов исторической интерпретации источников, можно сказать, что всякая интерпретация исторического источника исходит из понятия о некоем единстве чужого сознания, обнаружившегося в нем, а также должна принимать во внимание и

²¹ Там же.

²² Там же. С. 160. Примечание.

²³ Там же. С. 65.

²⁴ *Wundt*. 1908. S. 79-82

то целое, к которому он относится, и ту индивидуальность, через посредство которой он получил свое существование. Такая интерпретация состоит в построении заключений частью субсумирующего, частью аналогизирующего характера: при помощи интерпретации историк или подводит под известные ему понятия свои представления о фактах, подлежащих познанию, или данные знания распространяет на новое аналогичное с ними и обогащающее их содержание; в обоих случаях он пользуется и гипотетически-дедуктивным методом, проверяемым опытом и наблюдением, и эмпирически-индуктивным методом, подготавливающим дальнейший анализ и синтез источника»²⁵.

Сравним с тем, что пишет Вундт: говоря об индуктивном и дедуктивном методах интерпретации в гуманитарных науках, он считает, что они неотделимы один от другого. Автор различает две формы интерпретации – низшую и высшую. Низшая занимается тем, что осуществляет перевод с незнакомого языка на язык, знакомый интерпретатору: неизвестные слова и словосочетания находят понятные эквиваленты. Высшая интерпретация направлена на то, чтобы разъяснить те новые духовные содержания, которые не могут быть просто подведены под имеющиеся понятия. Автор называет две фундаментальные логические операции, на которые опирается метод интерпретации: заключение по аналогии и заключение по отнесению (*Subsumtion*)²⁶.

Таким образом, мы видим, что Лаппо-Данилевский, с одной стороны, отказался от иерархичной структуры интерпретации в целом, не переняв ее деление на высшую и низшую, но с другой – оставил разделение операций на субсумирующую и аналогизирующую, используя терминологию Вундта. Преимущество определения субсумции также не вызывает сомнения, так как соответствует переводу с немецкого.

Методы исторической интерпретации, предложенные Лаппо-Данилевским, также схожи с методами интерпретации в сфере гуманитарных наук, предложенными Вундтом, но последний уделяет данной проблеме больше внимания. Немецкий психолог утверждает, что конечной целью любой интерпретации является связанное с объяснением понимание объекта, а средством для достижения этого является психологический анализ. Присущий интерпретации логический характер заключается в том, что она является одновременно и индукцией, и дедукцией. Вундт утверждает, что естественные науки все более стремятся к дедуктивному развитию, а гуманитарные, напротив, – к индуктивному. Последние ни-

²⁵ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 66-67.

²⁶ Wundt. 1908. S. 82-85.

когда не смогут утратить своей индуктивной основы. И если история времен Фукидида являлась почти полностью дедуктивной наукой, то сегодня она все более стремится к индуктивности. Но гуманитарным наукам в общем, за исключением психологии, приписывается дедуктивный характер²⁷. Вундт опять сравнивает науки естественные с науками гуманитарными в целом, не рассматривая историю в частности.

Вундт считал, что метод интерпретации распадается на два направления: на индуктивный сбор и обработку фактов и на окончательную психологическую дедукцию. Интерпретацию в целом можно понимать как собранный из обоих методов процесс, в котором в силу особых обстоятельств то одна его составляющая перевешивает вторую, то другая. Индуктивная стадия исследования тоже, в свою очередь, состоит из двух отдельных методов: из сравнительного метода (и его обеих, как правило следующих друг за другом форм индивидуального и родового сравнения) и из последующего психологического анализа, который состоит из разбора индивидуальных и родовых фактов, полученных благодаря наблюдению и сравнению, на их отдельные физические и психические составные части. Дедуктивная же стадия данного метода ограничивается толкованием явлений, подготовленным этим (психологическим) анализом и абстракцией²⁸.

Сбор и обработку фактов можно отнести к техническому методу интерпретации, выделенному российским ученым, а психологическую дедукцию – к психологическому. Лаппо-Данилевский, как и его немецкий коллега, указывал на взаимосвязь обоих методов: «Различая психологический метод истолкования источника от технического метода его интерпретации, не следует забывать, что в действительности, т.е. в самом процессе работы, они постоянно переплетаются: в исторической интерпретации каждый из них прилагается, конечно, лишь в комбинации с другим и самый порядок их приложения и чередования может отчасти изменяться в зависимости от данного конкретного случая»²⁹. В рамках своей теории Лаппо-Данилевский выделил следующие методы интерпретации исторических источников: психологический, технический, типизирующий, индивидуализирующий. Они подобны тем, которые выделил Вундт: психологическая дедукция, индуктивный сбор и обработка фактов, сравнительный метод индуктивной стадии (родовое и индивидуальное сравнение). Но если у немецкого исследователя инди-

²⁷ Ibid. S. 95-97.

²⁸ Ibid. S. 98.

²⁹ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 68.

видуальное и родовое сравнение являются частью индуктивного метода (т.е., по сути, ученый выделил два метода: индуктивный сбор и психологическую дедукцию), то у Лаппо-Данилевского индивидуальное и родовое приобретают самостоятельность. Несмотря на увеличение количества методов интерпретации, российский историк продолжает утверждать, что они все взаимосвязаны и перекликаются между собой.

Лаппо-Данилевский указывает на то, что немецкий ученый умаляет значение психологического метода: «Впрочем, автор едва ли не слишком широко пользуется терминами “индуктивный” и “дедуктивный”: и, хотя сам придает основное значение в науках о духе “психологическому объяснению”... предварительно рассматривает “сравнительный” метод, а затем уже психологический анализ и психологическую “абстракцию”. Само собою разумеется, что и в психологическом методе истолкования чувственное восприятие подготавливает материал, подлежащий интерпретации; но с познавательной точки зрения можно сказать, что в области социальных и исторических наук ученый приступает к ней не иначе, как при помощи психологического метода»³⁰. Этот метод, напрямую связанный с принципом признания чужой одушевленности, занимал одну из основных позиций в теории Лаппо-Данилевского.

Вообще Вундт в своих построениях не говорит только об исторической интерпретации: он сначала рассуждает об интерпретации в общем, позже переходя к области гуманитарных наук. Лаппо-Данилевский же сразу применяет полученные коллегой выводы к конкретной области – области исторического знания. Вундт постоянно сравнивает естественнонаучную и гуманитарную интерпретацию, все время проводит между ними параллели, хотя стремится проанализировать именно область гуманитарного знания. Лаппо-Данилевский говорит только об исторической интерпретации, используя в основе своих построений обобщающие идеи, разработанные Вундтом.

Подведем итоги. Идеи Лаппо-Данилевского о сравнительном методе, в конечном счете, имеют не так много общего с идеями Вундта. Несмотря на то, что российский историк взял за основу тезис своего коллеги, переведен на русский язык он был все же не совсем верно, в силу чего дальнейшие рассуждения Лаппо-Данилевского развивались в другом ключе. В ходе своих построений он не раз акцентировал внимание на том, что сущностью сравнительного метода является установление сходства, а не различия, он пошел по иному пути, и из двух методов – индивидуального и родового – в его рассуждениях остается только один

³⁰ Там же. С. 67.

– родовой, хотя подобный термин автор не употребляет. Сравнительный метод для российского ученого имеет более узкое значение и лучше всего проявляется в сравнительных дисциплинах.

В зависимости от того, какую именно цель преследует исследование, по мнению Вундта, на передний план выходит тот или иной сравнительный метод – или индивидуальный, или родовой. Таким образом, один источник можно изучать с разных позиций. Подобное разделение схоже с тезисом Лаппо-Данилевского о возможности и номотетической, и идиографической точек зрения, в зависимости от целей исследования.

Построения немецкого психолога о критике были более эффективны адаптированы Лаппо-Данилевским для поля истории, рассуждения сокращены, добавлена такая важная форма критики как критика подлинности источника, а также подчеркнута важное историческое значение даже фальсифицированного источника, даны некоторые критерии его выявления. Лаппо-Данилевский выдвинул более широкое понятие исторической ценности источника, чем предложенное Вундтом. Российский историк рассматривает больше не различия между формами критики, а возможности ее применения, т.е. ему важнее практическое значение.

Лаппо-Данилевский также использует терминологию Вундта: в рассуждениях об интерпретации он делит ее на подсуммирующую и аналогизирующую – именно так, как предлагает и немецкий психолог. Рассуждая о методах интерпретации, оба ученых выделяют психологический и технический методы (психологическая дедукция и индуктивный сбор фактов в терминологии Вундта), но в схеме Лаппо-Данилевского типизирующий и индивидуализирующий методы сравнения, предложенные Вундтом в рамках индуктивного метода, приобретают самостоятельное значение. Для Лаппо-Данилевского психологический метод, напрямую связанный с принципом признания чужой одушевленности, играл одну из главных ролей в историческом исследовании. Вундт же уделял ему не так много внимания.

Таким образом, «Логика» В. Вундта дала богатый материал для размышления, а также переосмысления его построений. А.С. Лаппо-Данилевский перенес многие идеи в область истории, предлагая более конкретные и эффективные методы работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1-2.
Wundt W. Logik: Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1. Erkenntnislehre. 2., umgearb. Aufl. Stuttgart: Enke, 1893. XIV, 651 S.

Wundt W. Logik: Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 2, Abt. 1: Methodenlehre. Allgemeine Methodenlehre. Logik der Mathematik und der Naturwissenschaften. 2., umgearb. Aufl. Stuttgart: Enke, 1894. XII, 590, [1] S.

Wundt W. Logik: Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 2, Abt. 2. Logik der Geisteswissenschaften. 2., umgearb. Aufl. Stuttgart: Enke, 1895. VII, 643 S.

Wundt W. Logik: Eine Untersuchung der Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 3. Logik der Geisteswissenschaften. 3., umgearb. Aufl. Stuttgart: Enke, 1908. XII, 692 S.

Wundt W. System der Philosophie. Leipzig: Engelmann, 1889. X, 669 S.

Wundt W. Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 1: Die Sprache. Teil 1. Leipzig: Engelmann, 1900. XV, 627 S.

Wundt W. Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 2: Mythos und Religion. Teil 1. Leipzig: Engelmann, 1905. XI, 617 S.

Вальц Мария Павловна, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; m_walcz@outlook.com

Ю. С. НИКИФОРОВ

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТЫ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена коммуникативному уровню культуры российского историка. Автор анализирует коммуникацию внутри исторического сообщества и особенности взаимодействия историков с чиновниками и студентами в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: культура, коммуникация, сообщество историков, конфликт, письмо, «русская историческая школа», П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Луцицкий, М.С. Корелин.

Питер Берк с долей иронии замечал, что «мы на пути к культурной истории всего на свете: снов, еды, эмоций, путешествий, памяти, жестов, юмора, экзаменов и т.д.»¹. Перспективными представляются и исследования, связанные с изучением интеллектуальной культуры, в том числе анализ «механизмов функционирования интеллектуальных сообществ разных типов в отдельных сегментах культурного пространства»². В связи с этим теоретически корректным кажется выделение особого феномена *культуры историка*, которую можно определить как «систему компетенций, ценностей и представлений, способов научно-педагогической деятельности и взаимодействия внутри исторического сообщества», включающей в себя исследовательский, педагогический и коммуникативный уровни»³. Наиболее интересным для изучения представляется *коммуникативный уровень культуры историка*.

Важно отметить, что последние годы отмечены появлением ряда ярких исследований, посвященных особенностям коммуникации и функционирования российского сообщества историков: коммуникативному полю современной исторической науки, формированию ученого историка начала XX века, поколенческой идентичности историков конца XIX века, моделям историографического исследования, сетевому анализу интеллектуального сообщества, карьере профессора в провинциальном университете первой половины XIX века, межличностным коммуникациям советских историков, выдающимся региональным ис-

¹ Берк. 2005.

² Ретина. 2011. С. 5.

³ Никифоров. 2010. С. 19.

торикам⁴. Стоит выделить работы о диссертационной культуре, межличностных коммуникациях в региональной профессиональной корпорации, коммуникативном пространстве отечественной исторической науки, поколениях в сообществе российских историков, опубликованные на страницах специального выпуска «Диалога со временем», посвященного европейской интеллектуальной культуре и ученым сообществам Нового времени, в том числе университетской культуре России⁵. Анализ научных коммуникаций историков особенно рельефно представлен в публикациях Н.Н. Алеврас, В.П. Корзун, М.А. Мамонтовой, М.П. Мохначевой, Т.Н. Поповой⁶.

Ярким проявлением коммуникативной культуры историка является многообразная деятельность представителей «русской исторической школы» или «русской школы» историков («*école russe*»). Среди крупнейших ее представителей выделяются П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, М.С. Корелин, И.В. Лучицкий⁷.

В советской историографии научно-педагогическим и общественно-политическим взглядам историков «русской школы» было уделено немало внимания⁸. Из крупных работ 1980-х гг. отметим фундаментальные монографии В.П. Золотарева и Г.П. Мягкова⁹. В конце 1990-х гг. жизнь и творчество историков «русской школы» получили новое прочтение в трудах С.Н. Погодина и Г.П. Мягкова¹⁰. В работе С.Н. Погодина были представлены неизвестные биографические страницы из жизни Кареева, Ковалевского и Лучицкого, их взгляды на проблемы истории и философии. Монографию Г.П. Мягкова отличает высокий уровень анализа коммуникативных аспектов «русской школы» историков. Заметный вклад в изучение отдельных представителей «русской исторической школы» внесли работы Л.Г. Моисеенковой и О.В. Бодрова. В фундаментальной монографии Л.Г. Моисеенковой подробно рассмотрены основные вехи жизненного и творческого пути П.Г. Виноградова – видного

⁴ См., к примеру: Корзун, Рыженко. 2011; Гришина. 2012; Серых. 2011; Мягков. 2011; Беляева. 2011; Колесник. 2008; Костина. 2007; Сидорова. 2008; Кузнецов, Григорьева. 2012.

⁵ Алеврас, Гришина. 2011; Бушуева. 2011; Мамонтова. 2011; Серых. 2011.

⁶ Мохначева. 1999; 2002; 2005; Корзун. 2012; Корзун, Мамонтова, Коновалова. 2011; Корзун, Рыженко. 2011; Корзун, Бернгардт. 2013; Корзун, Колеватов. 2010; Алеврас, Гришина. 2008; 2011; 2014; Алеврас. 2012; Попова. 2007; 2012; 2013; Мамонтова. 2001; 2002; 2011; Мамонтова, Корзун. 2005.

⁷ Мягков. 2000.

⁸ См., к примеру: Зезегова. 2008.

⁹ Золотарев. 1988; Мягков. 1988.

¹⁰ Погодин. 1997; Мягков. 2000.

ученого-медиевиста «русской школы». Монографию О.В. Бодрова отличает глубокий анализ творчества М.М. Ковалевского как историка-англоведа¹¹. Методологические взгляды историков «русской школы» рассматривались и в обобщающих историографических работах¹². Таким образом, творчество ученых «русской исторической школы», привлекало значительное внимание исследователей. В то же время изучение этого вопроса проходило преимущественно или с историографических позиций, или в плане анализа теоретико-методологических взглядов, а культурно-исторический аспект находился несколько в стороне.

Прежде чем говорить о конкретных аспектах коммуникативной культуры историков «русской школы», важно определить само понятие *коммуникативная культура историка*. Под этим термином понимается «совокупность ценностных отношений ученых-историков с коллегами, студентами и слушателями, руководством и представителями общественности в процессе официального и неформального, непосредственного и опосредованного взаимодействия на уровне университета и других коммуникативных каналов»¹³. Исходя из указанного определения и руководствуясь логикой научного исследования, далее будет предпринята попытка рассмотреть некоторые составляющие коммуникативной культуры историка: во-первых, взаимодействие внутри исторического сообщества; во-вторых, особенности взаимодействия историков с университетской администрацией и министерскими чиновниками.

Для понимания коммуникативной культуры историка, в первую очередь, представим *аксиологическую характеристику значения общения* в жизни историка. Показательным в смысле реконструкции роли общения для историка является письмо Н.И. Кареева к М.С. Корелину из Варшавы в Москву от 30 сентября 1884 г. В этом письме Н.И. Кареев жаловался на дефицит общения, который он периодически испытывал во время своего пребывания в Варшаве и тяжело переносил: «Одно только печально: приходится вести изолированную жизнь. Не с кем видаться, не у кого бывать, некого принимать у себя. Кое-кто из знакомых людей есть, но все домоседы, нелюдимы»¹⁴. В Польше, вне привычного круга общения, Н.И. Кареев чувствовал, что его «широкая российская натура» заключена в жесткие рамки формальных отношений с коллегами, которые он характеризовал как «довольно кисло-сладкие». Тяжело

¹¹ Моисеенкова. 2000; Бодров. 2006.

¹² См., к примеру: Репина, Зверева, Парамонова. 2004; Соколов. 2007.

¹³ Никифоров. 2010. С. 19.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

приходилось в Польше и жене Н.И. Кареева Софье Андреевне: «Жена читает, играет на рояле, еще меньше меня видит людей». «Спасением» для четы Кареевых были, по словам историка, театр и ежедневные прогулки¹⁵. Несколько с более утилитарной стороны, значимость коммуникативной стороны в деятельности историка обрисовал В.А. Вагнер, характеризуя другого историка «русской школы» – М.М. Ковалевского: «Ему хотелось видеть всех сотрудничающими и помогающими друг другу выполнять обязанности и научные задачи»¹⁶.

Обратимся к *формальной стороне взаимодействия внутри исторического сообщества*. Главным коммуникативным центром профессиональной группы историков был, конечно же, университет¹⁷. По словам М.М. Ковалевского, *университет*, являлся «центром всех интересов»¹⁸ и нередко *влият на стиль взаимоотношений историков*. В Московском университете, по воспоминаниям Ковалевского, «самой отрадней стороной жизни» было отсутствие «всякой розни» с товарищами по преподаванию, а «мимолетные трения» (на университетских диспутах, факультетских заседаниях) не портили отношений¹⁹. В Санкт-Петербурге, по мнению Ковалевского, общение с профессорами разных факультетов было менее «деятельное», чем в Москве²⁰. В Варшаве, где Н.И. Кареев был профессором в начале 1880-х гг., взаимоотношения профессоров были не столь идиллическими, что объяснялось межнациональной рознью с поляками: «некоторые русские профессора не здоровались с польскими из других факультетов»²¹. Кареев подчеркивал, что был «врагом национальной исключительности, розни и квасного патриотизма»²². Профессорские нравы в Варшаве он характеризовал как странные. Нормой были взаимные колкости в товарищеских отношениях (остроты профессора Ришави над коллегами на тему машинок для обрезания языков, особого прибора мерзавцемера и др.)²³. Сходная ситуация была в 1870-е гг. в Киеве, где преподавал И.В. Лучицкий. По словам его жены, в университете «шла ожесточенная борьба» между старшим поколением профессоров (немецкая партия) и младшим (русская партия),

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-2.

¹⁶ М.М. Ковалевский. Ученый... 1917. С. 99.

¹⁷ О роли университета в жизни ученого и общества см.: *Посохов*. 2011; *Носков*. 1999.

¹⁸ *Ковалевский*. 2005. С. 207.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. С. 207.

²¹ *Кареев*. 1990. С. 163.

²² Там же. С. 171.

²³ Там же. С. 168.

к которой принадлежал Лучицкий²⁴. Судя по некоторым письмам историка, в университетской жизни Н.И. Кареева в Варшаве было мало приятного. В письме к М.С. Корелину он сообщал об «избирательной горячке» в университете (деканские выборы) и формальном характере голосования, которое вызывало резкое неприятие историка: «На нашем факультете и декан, и секретарь останутся прежние... мой голос влияния на выборы иметь не может, ибо это голос единичный. Я могу, зажмуривши глаза, бросать шары и туда и сюда»²⁵.

Близкий контакт историков налаживался под влиянием участия в общих мероприятиях профессионального характера. Благодаря общению на семинаре В.И. Герье сформировались не только научные интересы, но и личные контакты Н.И. Кареева и П.Г. Виноградова. Кареев отмечал, что после вечернего семинария у Герье они вместе «заходили в ресторан закусить и побеседовать»²⁶. Но университет не был единственным местом коммуникации ученого сообщества историков. Подобную роль выполняли также *неформальные кружки историков, журфуксы*. Дом М.М. Ковалевского в Москве был культурным центром, в котором историк принимал по четвергам большой круг знакомых. Участниками были люди разные и по профессиональному статусу, и по характеру: «Были здесь и ласковый Чупров, и грубоватый Янжул»²⁷. Постоянными посетителями были профессора, журналисты, иностранные ученые, путешественники, общественные деятели, писатели, и художники²⁸. Длительному пребыванию способствовала теплая атмосфера, которую создавал Ковалевский: «Умел поставить на обсуждение интересную научную или политическую тему»²⁹. Н.И. Кареев в силу более скромных (в сравнении с Ковалевским) финансовых возможностей редко мог позволить себе собирать масштабные журфуксы. Тем не менее, и его дом был часто полон друзей. Этот факт подтверждают воспоминания Н.П. Корелиной: «По вечерам у Кареевых собиралось много друзей и знакомых (Гревс, Вейнберг и др.)»³⁰. Раз в месяц в квартире П.Г. Виноградова в Москве собирались его ближайшие коллеги: Ключевский, Милуков, Виппер, Петрушевский, Кизеветтер, Богословский и

²⁴ Лучицкая. 2003. С. 89.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

²⁶ Кареев. 1990. С. 129.

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Е.К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М.М. Ковалевский. Ученый... 1917. С. 23.

²⁹ Там же. С. 24.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 4.

др. В тесном кругу читались рефераты, «разбирались новинки научно-исторической литературы», после чаепития обсуждались доклады³¹. В гостеприимном доме И.В. Лучицкого в Киеве не было дня, «чтобы кто-нибудь не навещался, а прием всегда был естественный и сердечный», частыми были музыкальные журфиксы³².

Самым ярким явлением в коммуникации историков были *личные беседы ученых в процессе неформального непосредственного дружеского общения*. На совместных прогулках историки говорили по вопросам науки, литературы и общественности. Н.П. Корелина приводила в воспоминаниях эпизод, касающийся одной из прогулок историков в Химках в 1877 г.: «У Николая Ивановича [Кареева] с Михаилом Сергеевичем [Корелиным] происходили бесконечные горячие споры о категорическом императиве... гуляли и беседовали, кто более счастлив: эгоисты или альтруисты». Манеру беседы Кареева автор воспоминаний характеризовала как спокойную и уверенную³³. Одной из составляющих неформального общения историков было *обсуждение научных трудов* друг друга. Корелина упоминала в мемуарах, что однажды Кареев читал ей новый труд: «Н.И. читал мне свою новую брошюру «История социологии в России»³⁴. То же было характерно и для М.М. Ковалевского. В письме к А.И. Чупрову он просил друга дать критический отзыв на работу: «Ответь правду и составь веское суждение о книге “Экономический строй России”»³⁵.

Научные интересы историков чаще всего определяли *круг их общения*, но нередко наблюдалась и обратная ситуация. Н.И. Кареев писал, что новые знакомые, «составившие сплоченную компанию, были юристы или экономисты», что соответствовало его интересу к социальной истории французского крестьянства³⁶. Под влиянием И.В. Лучицкого, старейшего по возрасту из представителей «русской исторической школы», М.М. Ковалевский начал заниматься изучением французских административных учреждений, а санскритологу В.С. Миллеру он был «обязан указаниями, позволившими расширить круг чтений по вопросам первобытной культуры»³⁷. Ковалевский писал, что в общении с историками литературы он проводил времени больше, чем среди коллег³⁸.

³¹ Кизеветтер. 1926. С. 71.

³² Лучицкая. 2003. С. 148.

³³ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 2005. С. 493.

³⁶ Кареев. 1990. С. 142.

³⁷ Ковалевский. 2005. С. 204.

³⁸ Там же. С. 213.

Частью коммуникативной культуры историков был *взаимный обмен научными произведениями*, который нередко способствовал *международному научному сотрудничеству*. Благодаря пересылке М.М. Ковалевским экземпляра магистерской диссертации Н.И. Кареева К. Марксу произошло заочное знакомство немецкого философа с творчеством русского историка. Маркс ответил Карееву в письме «весьма сочувственным отзывом»³⁹. В письме к В.Ф. Миллеру из Нью-Йорка от 5 июня 1881 г. можно увидеть роль Ковалевского *в международном взаимодействии ученых*: «В Вашингтоне познакомился с директором Этнографического музея. Он высказал желание установить обмен изданий с Антропологическим обществом в Москве. Я дал ему Ваш адрес [Миллера]»⁴⁰. В письме Ковалевского к Миллеру от 3 мая 1893 г. можно увидеть другой подобный пример: «Не откажи выслать в Софию в Высшую школу два экземпляра обоих вопросников, изданных нашим этнографическим обществом»⁴¹. Сохранилось письмо Кареева к Ковалевскому за 1886 г., в котором первый благодарил второго за «присылку «Современного обычая и древнего закона» и выражал надежду на скорый выход следующей книги автора. Кареев же обещал выслать книги, готовящиеся к выпуску: «Литературную эволюцию на Западе» и «Реформацию и католическую реакцию в Польше» («своевременно Вы получите обе»)»⁴².

Регулярные поездки за рубеж были важнейшим способом профессиональной коммуникации историков с выдающимися учеными Европы. После переезда в Петербург Н.И. Кареев, начиная с 1889 г., совершал периодические поездки за рубеж. Заграничным контактам историк посвятил целую главу в воспоминаниях⁴³. Отметим его встречи с такими учеными, как чех Т. Масарик, болгарин И. Шишманов, немец К. Лампрехт, швейцарец А. Штерн. Особенно близок Кареев был с такими французскими историками, как А. Олар, А. Берр, А. Рамбо, А. Матъез, Ш. Сеньобос, Г. Тард. М.М. Ковалевскому жизнь в эмиграции открыла богатые возможности для общения с учеными и общественными деятелями Запада – Г. Мэном, К. Марксом, Г. Спенсером, Ф. Куланжем, Ф. Гаррисоном, Э. Тэйлором, Э. Фриманом, М. Мюллером, русскими эмигрантами, жившими в Европе. Из автобиографии Ковалевского известно о его широких научных связях за рубежом. В Англии он сотрудничал в «Археологическом обозрении», читал рефераты на съезде Бри-

³⁹ Там же. С. 140.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 12.

⁴² Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 2. Д. 107. Л. 1.

⁴³ Кареев. 1990. С. 210-221.

танской ассоциации наук в Оксфорде, выступал на конгрессе религий в Оксфорде⁴⁴, во Франции принимал участие в Конгрессах сравнительной истории права в Париже и съездах Международного института социологии. Ковалевский стремился помочь иностранным коллегам в случае затруднений. Если историк сам не мог оказать помощь, то обращался с просьбой к друзьям. В письме от 1 июля 1890 г. он просил В.Ф. Миллера помочь английскому профессору, приехавшему в Россию в командировку: «Просьба снабдить английского профессора всеми нужными рекомендациями и познакомить с русскими славистами и историками»⁴⁵.

Освещая коммуникацию историков с коллегами как центральное звено культуры историка, следует выделить особую роль источников личного происхождения (прежде всего писем). М.С. Корелин в письме к Н.И. Карееву от 17 января 1879 г. очень точно выразил роль писем в коммуникации историков: «Постараюсь быть аккуратным и доставлять Вам, Николай Иванович, не только определенные сведения, но и делиться впечатлениями, мыслями, чувствами»⁴⁶. Можно сказать, что письмо для историков имело тройную функцию: информационную, интеллектуальную и эмоциональную. Рассматривая более подробно особенности опосредованного (эпистолярного) общения историков как формального (служебного), так и неформального (дружеского) характера, проанализируем переписку Н.И. Кареева и М.С. Корелина.

Упомянутые выше в воспоминаниях Н.П. Корелиной споры на философские темы между учеными продолжались в письмах, которые «представляли собой целые тетрадки»⁴⁷. Некоторые из этих писем носят информационный характер. В одном из писем от 8 мая 1876 г. Корелин сообщал Карееву о том, какие лекционные курсы В.И. Герье предоставил на выбор для Кареева, и выражал готовность слушать его курс⁴⁸. Корелин рассказывал другу о занятиях иностранными языками («немецкий язык идет довольно споро»⁴⁹), «амбициозных» научных планах («зубрю, собираюсь двигать науку!»⁵⁰), выполнении поручений друга («Ваша брошюра получена и передана по назначению»⁵¹). В письме от 9 февраля 1878 г. к Карееву в Париж Корелин делился последними новостями:

⁴⁴ Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 3. Д. 1. Л. 7.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 8.

⁴⁶ Архив РАН СПб. Ф. 103. Оп. 3. Д. 1. Л. 48.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 2.

⁴⁸ Архив РАН СПб. Ф. 980. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 64.

«Историческая библиотека еще не появилась... В Москве упорно носят слухи, что на средства Ковалевского будет издаваться журнал»⁵² [вероятно, речь шла о журнале «Критическое обозрение»]. В письмах историков часто обсуждались публикации в журнале «Отечественных записки»⁵³. Значительная часть рассмотренных писем историков была посвящена полемике по философским проблемам. Поднимались вопросы о счастье и удовольствии, необходимости уяснения мирозерцания и «в особенности нравственных взглядов», совести и идее долга, природе эмоций и симпатий, альтруизме и идее справедливости⁵⁴. Интересны риторические обороты, используемые друзьями-историками в *эпистолярной полемике*: «постараюсь, насколько возможно, отстоять от ваших нападок», «позвольте с Вами потолковать вот о чем», «два пункта, в которых я теперь никак не могу согласиться»⁵⁵.

Иной была переписка Н.И. Кареева с другим историком, профессором Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платоновым. Письма Кареева к Платонову⁵⁶ носили в большей степени *служебный характер*. В письме от 17 сентября 1888 г. Кареев поздравлял Платонова с юбилеем, посылал вырезку из «Русских ведомостей» с заметкой о диспуте, информировал о переносе лекций на женских курсах и возникшем в связи с этим «пересечением» их лекционных часов⁵⁷. Этой же теме – «путанице» с распределением лекций – посвящено и письмо от 19 сентября 1888 г.⁵⁸ Два письма, датированные ноябрем 1889 г., были связаны с обсуждением историками проблем Исторического общества в Петербурге⁵⁹. Кареев обращался с просьбой к Платонову: «Историческое общество утверждается министром. Не будет ли вы столь любезны приехать ко мне на предварительное совещание»⁶⁰. В письме от 21 ноября 1891 г. Кареев информировал коллегу о приглашении Платонова на лекции в пользу голодающих⁶¹. Внешне (по объему и содержанию) письма Кареева к Платонову напоминали больше телеграммы (особенно, если сравнить их с перепиской Н.И. Кареева с М.С. Корелиным).

⁵² Там же. Л. 42.

⁵³ Там же. Л. 13.

⁵⁴ Там же. Л. 6; Л. 8; Л. 12; Л. 13; Л. 14.

⁵⁵ Там же. Л. 6, Л. 8, Л. 12.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3083.

⁵⁷ Там же. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ Там же. Л. 5-8.

⁶⁰ Там же. Л. 8.

⁶¹ Там же. Л. 10, Л. 12.

Рассмотрим некоторые письма М.М. Ковалевского к его ближайшим друзьям – В.Ф. Миллеру⁶² и А.И. Чупрову⁶³. В.Ф. Миллер, выдающийся иранист и кавказовед, возглавлявший Лазаревский институт восточных языков, серьезно повлиял на формирование Ковалевского как ученого-этнографа⁶⁴. А.И. Чупров, старший коллега, экономист, был частым гостем московских журфиксов Ковалевского. В письмах к Миллеру из-за рубежа за 1880-81 гг. Ковалевский останавливался на планах по публикации научных работ, активно обсуждал судьбу журнала «Критическое обозрение», делился впечатлениями от исследовательской работы и заграничной жизни, интересовался новостями⁶⁵. В письме за октябрь 1898 г. он писал Миллеру: «Не поленись уведомить, что творится в Москве и в Вашем Этнографическом обществе»⁶⁶. Часто в письмах Ковалевского звучали просьбы о высылке книг или денег⁶⁷. В одном из писем он просил прислать «последние тома этнографического сборника»⁶⁸.

Обсуждение финансовых и издательских проблем – одна из основных тем в письмах Ковалевского к Миллеру. Нередко историк сетовал на непорядочность коллег: «А долги по «Критическому обозрению» мешало бы заплатить всем, в том числе Боборыкину и Иванюкову»⁶⁹.

Ковалевский и Миллер были не просто коллегами, а близкими друзьями. О дружеском характере их отношений свидетельствовали *юмористические реплики-обращения* Ковалевского. В письме за 1881 г. он называл себя «Ванька-дурачок», а Миллера, упрекая за то, что тот редко писал, «свинтусом»: «Вы большой свинтус, если забыли Вашего друга Ковалевского»⁷⁰. В другом письме Ковалевский характеризовал Миллера как «настоящего друга и верного обещаниям немца»⁷¹. В письмах Ковалевского можно найти просьбы к Миллеру о помощи друзьям в устройстве на работу, продвижении по службе, сдаче экзаменов, знакомстве с «нужными» людьми. Историк не стеснялся использовать положение и связи для помощи окружающим. В письме от 27 января 1907 г. он просил Миллера допустить сына профессора Л. Владимировича к

⁶² РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221; Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 177-192.

⁶³ Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 2005. С. 485-531.

⁶⁴ См.: *Калоев*. 1979. С. 18-23.

⁶⁵ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 177-181.

⁶⁶ Там же. С. 188.

⁶⁷ Там же. С. 178-183.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед.хр. 221. Л. 22.

⁶⁹ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 179.

⁷⁰ Там же. С. 181.

⁷¹ Там же. С. 186.

повторному экзамену на аттестат зрелости: «Владимиров был моим профессором и оказал влияние на мое развитие, и я сохранил к нему благодарные чувства»⁷². В других письмах он просил познакомить сына ректора из Чикаго с Н.И. Стороженко, а лечившего его в Карлсбаде доктора Плетнева устроить врачом в Лазаревский институт⁷³.

Коснемся переписки М.М. Ковалевского с А.И. Чупровым. В отличие от писем к Миллеру, Ковалевский здесь более сдержан, а иногда и несколько официален, хотя эмоциональный компонент присутствовал и в этой переписке. Возможно, это обстоятельство объяснялось разницей в возрасте между учеными (Чупров был старше Ковалевского на 9 лет). В письмах к Чупрову Ковалевский касался преподавательской деятельности за границей, рассказывал об участии в научной жизни Брюсселя, Парижа, Оксфорда⁷⁴, большое внимание уделял Русской Высшей Школе общественных наук в Париже⁷⁵, иногда касался политических воззрений. В письме за 1907 г., он, декларируя свои либеральные ценности, сетовал на «тягостное чувство, что дело свободы в России погибло»⁷⁶. Ковалевский часто обращался к коллеге с просьбами («о раздаче экземпляров приятелям вышедшей книги») или спрашивал консультации: «Не можешь ли указать новинки по истории и устройству общины»⁷⁷.

Анализ эпистолярных источников позволяет выделить такие существенные элементы письма историка конца XIX – начала XX в., как научная полемика по дискуссионным вопросам, обмен последними новостями научного мира, обсуждение организационных и финансовых проблем издания специализированных журналов, функционирования научных обществ, планов публикации научных работ. *Аксиологический компонент* писем представлен, прежде всего, эмоциональными впечатлениями историков от исследовательской работы, преподавательской деятельности, университетской жизни, заграничных командировок в Европу, а также обсуждением философских, нравственных и общественно-политических проблем, которое демонстрировало подчас скрытые политические позиции ученых. Частым явлением в эпистолярной коммуникации историков была протекция, иногда использование служебного положения для помощи друзьям: в устройстве на работу, продвижении по службе, сдаче экзаменов, знакомстве с «нужными» людьми.

⁷² РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 16.

⁷³ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 189.

⁷⁴ Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 2005. С. 485-505.

⁷⁵ Там же. С. 505-527.

⁷⁶ Там же. С. 530.

⁷⁷ Там же. С. 492, 486.

Сравнивая переписку Н.И. Кареева с М.С. Корелиным и С.Ф. Платоновым, с одной стороны, и М.М. Ковалевского с В.Ф. Миллером и А.И. Чупровым, с другой, стоит обратить внимание на различие эпистолярного стиля историков. Для Кареева в большей степени характерна (даже в обращении к другу Корелину) сдержанность, корректность и тактичность, а стилю Ковалевского присуща эмоциональная окрашенность речевых оборотов и даже некоторая вольность в лексике (в обращениях к Миллеру).

*Нередкими в профессорской среде были открытые прямые конфликты*⁷⁸. Такие конфликтные ситуации как инцидент с выборами в Историческое общество Санкт-Петербурга, конфликт 1891 г. между профессором Н.И. Кареевым и профессором А.С. Трачевским, изгнание из университета Н.И. Кареева в 1899 г. и «удаление» М.М. Ковалевского из университета в 1887 г. становились уже предметом специальных исследований⁷⁹. Однако, не претендуя на уникальность описания и трактовки, попытаемся рассмотреть эти сюжеты с *аксиологических позиций*, вводя новые «кванты» информации об этих конфликтах.

Любопытна конфликтная ситуация, возникшая во время *выборов председателя Исторического общества* Санкт-Петербурга. «Кружок молодых историков», возглавляемый С.Ф. Платоновым, провалил кандидатуру Н.И. Кареева незначительным большинством, а на пост председателя был избран историк преклонного возраста – В.Г. Васильевский. По словам А.С. Лаппо-Данилевского, Кареев «рвал и метал» в адрес Платонова, узнав о результатах голосования⁸⁰. Позже во избежание скандала Васильевский отказался от предложенного поста, а по результатам повторных выборов председателем общества стал Кареев⁸¹.

Вероятно, неприятный осадок от выборов остался в душе обоих историков. С.Ф. Платонов, формально не вступая в конфликт с Н.И. Кареевым, в частных письмах к П.Н. Милюкову энергично критиковал коллегу: «За те приемы, которыми Кареев ведет Общество, его всего скорее следует бранить или осмеивать; а ни того, ни другого я свободно делать не могу в силу личных недоразумений с “просвещенным” председателем»⁸². В то же время Платонов признавал заслуги Кареева в деле организации коммуникации историков: «За Кареевым та честь, что он энергично начал почтенное дело собирания “рассеянной хранины» пе-

⁷⁸ См., к примеру: *Беляева*. 2011.

⁷⁹ *Шаханов*. 2003; *Ростовцев*. 2000.

⁸⁰ Цит. по кн.: *Шаханов*. 2003. С. 355.

⁸¹ См.: *Шаханов*. 2003. С. 352-371.

⁸² Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову. 2002. С. 178.

тербуржских историков, и это меня обезоруживает, как и то, что Кареева у нас достаточно гонят и травят вне его Общества: он пасынок своих сослуживцев»⁸³. Строчки письма о «гонениях» и «травле» Кареева показывают не самую теплую атмосферу в историческом сообществе Петербурга на рубеже XIX–XX вв.: сложные взаимоотношения между отдельными группами историков, борьба этих группировок за влияние, наличие, выражаясь языком социальной психологии, лидеров (явных и скрытых), аутсайдеров, буферных групп, наконец, скрытые психологические проблемы в коммуникации историков.

Инцидент с выборами в Историческое общество Петербурга не был уникальным. Похожий конфликтный случай описывал в дневнике⁸⁴ М.С. Корелин, рассказывая о ситуации вокруг Исторического общества Москвы: «Историческое общество начинает распадаться. У Герье с Ключевским обсуждали устав, причем мы решили пригласить еще 14 человек. Виноградов запротестовал, усмотрев в этом обиду для своего кружка, и Герье согласился ограничить учредительство университетскими»⁸⁵. Еще один историк начала XX в. С.Б. Веселовский в своем дневнике отмечал другие конфликтные ситуации в историческом сообществе – бюрократические проволочки из-за недружелюбия к коллеге: историку А.И. Яковлеву, которому «московские профессора затягивали вопрос о присуждении ученой степени»⁸⁶.

Один из ярких казусов общения историков – конфликт 1891 г. между Н.И. Кареевым и другим профессором всеобщей истории А.С. Трачевским. Поводом к конфликту послужил слух, пущенный в студенческую среду Трачевским о том, что Кареев якобы сделал на него донос в министерство, из-за чего Трачевского удалили из университета. Согласно измышлениям Трачевского, Кареев сделал донос на некоторые места его лекции из опасения, что он будет конкурентом в университете. Клевета Трачевского грозила Карееву потерей репутации среди коллег и студентов: «Всем хорошо известно, как легко прослыть в студенческой среде хотя бы на короткое время за доносчика»⁸⁷. Склад характера не позволял историку оставить дело без внимания. По словам Н.П. Корелиной, «Н.И. терпеть не мог сплетен и осторожно порицал людей»⁸⁸. Для спасения репутации историк был вынужден прибегнуть к *третейскому суду чести*.

⁸³ Там же.

⁸⁴ О роли дневника как источника в жизни историка см.: Туркевич. 2013.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 2.

⁸⁶ Веселовский. 2000. С. 99.

⁸⁷ Кареев. 1990. С. 196–197.

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 6.

Проанализируем детали конфликта, важные для понимания *этических ценностей историков*, которые были изложены в мемуарах Кареева⁸⁹ и других текстах. Третьейскому суду предшествовала переписка Кареева с одним из свидетелей, профессором В.А. Бильбасовым⁹⁰, который оставил объемную, но плохо читаемую дневниковую запись о конфликте «Два профессора» (от апреля 1891 г.)⁹¹. Другой источник – текст официального разбирательства «Дело о третейском суде по претензии Кареева Н.И. к Трачевскому А.С.», изложенный доцентом В. Спасовичем⁹².

Обратимся к письмам Кареева, позволяющим прочувствовать анатомию конфликта и его эмоциональный накал. Из его письма от 25 марта 1891 г. известно об участниках конфликта. Кареев называл г. Сенигова [И.П. Сенигов был приват-доцентом в Петербургском университете], который способствовал распространению клеветнических слухов, «ссылаясь на какие-то полуофициальные источники». Негодующий Кареев не стеснялся в выражениях, клеймя Сенигова как «наглого лжеца» и «полное ничтожество». Еще больше историка возмущало поведение Трачевского, который пытался перенести вину с себя на Сенигова: «Попытка свалить всю ответственность на одного Сенигова не принадлежит к числу поступков, способных нас примирить с г. Трачевским»⁹³. В письме от 26 марта Кареев упоминал о третейском суде, как единственно правильном окончании дела. К этому же способу решения конфликта склонялся, по словам Кареева, и Трачевский, который, желая «обелить себя», предлагал подвергнуть суду только Сенигова как «первоисточник всей прискорбной истории»⁹⁴. С этим категорически был не согласен Кареев, который объявлял Трачевского главным источником слухов. В письме от 28 марта 1891 г он рассказал о попытке Трачевского добиться от Кареева письменного извинения: «Слышал, что г. Трачевский у меня требует письменного извинения за дурное обвинение его – г. Трачевского в грязном распространении клеветы». Историк был безмерно возмущен наглостью коллеги: «Я оклеветан и ...ждал извинений, и теперь требуют извинений от меня. Я не знаю, куда дальше мир будет идти по этому пути»⁹⁵. В письме от 29 марта 1891 г. Кареев после личной беседы с Сениговым, в которой тот «торжественно настаивал, что никому откликов

⁸⁹ Кареев. 1990. С. 197-199.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 516.

⁹¹ Там же. Д. 33.

⁹² ОР РГБ. Ф. 119. К. 19. Ед. хр. 50.

⁹³ ОР РНБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 516. Л. 2.

⁹⁴ Там же. Л. 3.

⁹⁵ Там же. Л. 4.

о лекции г. Трачевского не передавал», сообщал о желании видеть последнего на третейском суде в качестве свидетеля⁹⁶. В письме от 30 марта Кареев констатировал, что «извинениями г. Сенигова вполне удовлетворен», и детализировал причину, названную Сениговым в качестве оправдания в распространении слухов: «По его словам, или он мог оговориться, или вы [подразумевался адресат письма, В.А. Бильбасов, которому Сенигов, в числе других, сообщил клевету – Ю.Н.] ослышаться»⁹⁷. В последнем письме (от 4 апреля 1891 г.) Кареев четко называл два вопроса, по которым он требовал рассмотрения на третейском суде: «1) о несостоятельных и оскорбительных для меня слухах, имеющих источник в подсказах г. Трачевского, о причинах его удаления из Петербургского университета; 2) попросить его извиниться передо мною, после того, как несправедливость его обвинений была обнаружена». Здесь же назывались арбитры третейского суда: К.К. Арсеньев – со стороны Кареева, В.Д. Спасович – со стороны Трачевского. Кареев просил Бильбасова принять участие в разбирательстве в качестве свидетеля: «К Вам я обращаюсь с покорнейшей просьбой позволить мне указать на Вас как на одного из свидетелей»⁹⁸.

Коснемся непосредственно заключения третейского суда, в числе арбитров которого общим посредником был В.С. Соловьев [философ, сын С.М. Соловьева]. Претензия Кареева заключалась в том, что «Трачевский распускал слухи неосновательные и оскорбительные о нем, состоящие в связи с запрещением Трачевскому читать лекции в университете, и не сделал все от него зависящее, чтобы очиститься перед Н.И. Кареевым после того, как о неосновательности этих слухов Трачевский был поставлен в известность». Свидетелями по делу выступили профессора В.И. Семевский и В.А. Бильбасов, а также приват-доцент И.П. Сенигов. Суть конфликтной ситуации сводилась к тому, что «в последних числах февраля В.А. Бильбасов по недоразумению подготовил со слов неподтвержденной ссылки доцента Сенигова слух и передал Трачевскому с указанием источника, что профессор Н.И. Кареев порицал энергически содержание его вступительной лекции 11 февраля 1891 г., тотчас по окончании в профессорской комнате»⁹⁹.

В ходе расследования выяснилось, что «запрещение Трачевскому читать лекции было следствием не только недружелюбного отношения

⁹⁶ Там же. Л. 5.

⁹⁷ Там же. Л. 6.

⁹⁸ Там же. Л. 7.

⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 119. К. 19. Ед. хр. 50. Л. 1.

ректора, но и других профессоров, выразившееся в сообщениях министру Народного Просвещения»¹⁰⁰. Однако Кареев к таковым не относился, и «прежние впечатления, выносимые Трачевским из знакомства с Кареевым и из происходивших между ними разногласий... отнюдь не давали Трачевскому основания заподозрить Кареева в неблагоприятном поступке». Далее Спасович приводил в деле категорическое заявление Кареева по отношению к Трачевскому в Педагогическом музее при свидетеле Семевском, согласно которому: «А) Кареев не говорил с Министром народного просвещения о Трачевском; Б) не заходил в профессорскую комнату после лекции». Вердикт третейского суда содержал следующее решение: «Трачевский, предубедившись против Кареева по сообщенному сведению о неблагоприятном поступке, не сделал ничего, чтобы проверить... достоверность распространявшихся о Карееве оскорбительных слухов и после того, как Кареев категорически заявил, что слухи ложны, не сделал ничего, чтобы эти слухи опровергнуть»¹⁰¹.

Итак, посредством третейского суда Н.И. Кареев восстановил репутацию, очистившись от клеветнического навета завистливого и мнительного коллеги. Имеет смысл напомнить, что еще в 1884 г. Кареев и Трачевский были конкурентами на вакантное место по кафедре всеобщей истории после смерти профессора Бауэра. Трачевский, как известно, был вынужден вернуться в Одессу, а Кареев остался в Петербурге. Возможно, в этом обстоятельстве крылась причина тех сплетен, которые распускал Трачевский в отношении коллеги, когда уже в 1891 г. ему вторично было отказано в профессорстве в Петербурге. Отношение к Трачевскому Кареев резюмировал короткой репликой: «По моему мнению, Трачевский был просто психопат»¹⁰². Похожую характеристику давал в письме к В.Ф. Миллеру и М.М. Ковалевский, рассказывая о поведении А.С. Трачевского на переговорах по изданию журнала: «При всей глуповатости Трачевский не без хитрости, так что о нем можно сказать, «хитрый дурак»... он долго путал, плел неистовую белиберду, плакался, ломался, и вылутился в конце концов в редакторы»¹⁰³. Отметим, что для очищения от навета Трачевского Кареев созвал лекцию с максимальным числом студентов, среди которых распространялся клеветнический слух, и зачитал решение третейского суда¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 2-3.

¹⁰² Кареев. 1990. С. 199.

¹⁰³ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 177.

¹⁰⁴ Кареев. 1990. С. 198.

Рассмотренные конфликтные ситуации свидетельствовали о напряженной обстановке в коммуникативном пространстве исторического сообщества России на рубеже XIX–XX вв. Сложные взаимоотношения между отдельными группами историков приводили к тому, что декларируемые ценности уважения, взаимопомощи и товарищества очень часто не находили реального воплощения в жизни научно-педагогического сообщества, натываясь на элементарную зависть и личную неприязнь коллег. Научное соперничество и конкуренция по службе порой переходили в открытое противостояние и конфликтную ситуацию, решаемую при помощи третейского суда чести.

Нельзя не коснуться такого пласта коммуникативной культуры историка как *взаимоотношения со студентами*, хотя этот сегмент требует отдельного исследования. Н.И. Кареев отмечал, что «в университетские годовщины был в числе немногих, регулярно приглашавшихся на студенческие чаепития»¹⁰⁵. Участие преподавателей в студенческих «чаепитиях» не всегда адекватно воспринималось руководством, а часто вызывало прямое порицание. Ситуация осложнялась тем, что на таких вечеринках часто находились доносчики, и вольная речь профессора или неосторожно сказанное слово могли создать преподавателю проблемы. В фонде Министерства просвещения сохранилась переписка, касающаяся подобного случая, который произошел с Кареевым и его коллегой¹⁰⁶. Речь шла о вечеринке студентов и профессоров 8 февраля 1894 г. в кухмистерской Петрова. Профессора Кареев и Гревс «отличились» выступлением, «призывавшим восстановить запрещенное правительством в 1887 г. студенческое научно-литературное общество»¹⁰⁷. Оба историка были вынуждены давать письменное объяснение в апреле 1894 г.¹⁰⁸ В личном фонде И.Д. Делянова хранился документ, свидетельствующий о выступлении Кареева на аналогичную тему на студенческой сходке¹⁰⁹.

Отзывчивый и добросердечный Кареев стремился помочь студенчеству. Н.П. Корелина, которая имела возможность наблюдать отношение Кареева к молодежи, вспоминала, что студенты «приходили к нему во всякое время по своим личным и общественным делам». Она отмечала альтруизм Кареева в общении с молодежью: «Как бы Н.И. не был утомлен, он внимательно выслушивал всех, толковал с ними, разъяснял им их сомнения, помогая словом и делом – любил общение с молоде-

¹⁰⁵ Там же. С. 194.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 957.

¹⁰⁷ Там же. Л. 93-94.

¹⁰⁸ Там же. Л. 171-174.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 179.

жью». Корелина подчеркивала радушие Кареева и его жены: «Никогда не было отказа и всегда со стороны Н.И. и С.А. было радужное и сердечное отношение»¹¹⁰. И.В. Лучицкий в Киеве, по воспоминаниям его дочери, вел аналогичный альтруистический образ жизни: «За работой, за помощью в поисках занятия, в поступлении в университет обращались к И.В., который тотчас же писал рекомендации и устраивал людей»¹¹¹.

Рассмотрим и такой сегмент коммуникативной культуры как *взаимодействие профессуры с университетской администрацией и Министерством просвещения*. Ключевыми для данного вопроса являются источники, связанные с увольнением историков из университета¹¹². Прежде всего, остановимся на восприятии историками университетской администрации, которое носило иногда крайне категоричный характер. М.М. Ковалевский по этому поводу высказывался резко: «Административные способности мы, точно сговорившись, признавали за людьми или никогда не занимавшимися наукой, или переставшими ею заниматься»¹¹³. Согласиться с Ковалевским трудно. С.М. Соловьев, занимавший пост ректора Московского университета, совмещал талант ученого и администратора. В то же время Ковалевский отмечал, что большинство руководителей «проникнуто любовью к знанию, к свободе научной мысли и общественной деятельности»¹¹⁴. Можно сказать, что, с одной стороны, существовал стереотип восприятия университетской администрации как чиновников, а, с другой стороны, было понимание стремления руководства к положительным сдвигам.

Коснемся характеристик, которые давал Н.И. Кареев тогдашним «менеджерам от науки», университетским и министерским руководителям. Среди виновников лишения его должности профессора осенью 1899 г. историк указывал на двух лиц: министра народного просвещения Н.П. Боголепова и товарища министра Н.А. Зверева. Кареев нарисовал яркий образ Боголепова, отмечая его педантизм и причастность к изгнанию из университета ряда профессоров. Историк характеризовал Боголепова как типичного бюрократа. В его «безжизненной, бездушной, деревянной» фигуре Кареев видел одно положительное качество – чувство долга. Его заместителя Зверева историк обрисовывал как «невзрачного и вертлявого» человека¹¹⁵. Царившие в министерстве порядки Ка-

¹¹⁰ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 4.

¹¹¹ Лучицкая. 2003. С. 143.

¹¹² См.: Костина. 2011. С. 166-197.

¹¹³ Ковалевский. 2005. С. 232.

¹¹⁴ Там же. С. 207.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Там же. Л. 1-4.

реев характеризовал как иерархически-бюрократические. Историк, остроумно обыгрывая фамилии министра и его помощника, в поэтической форме резюмировал положение дел в Министерстве народного просвещения: «Вселилось в Министерство. В довольно, равной мере. Божественность и зверство. В нелепом богозвере».

Кроме того, Кареев делал парадоксальное наблюдение об администрации: «Учебное начальство из профессорской среды было наиболее плохим». Историк приводил пример коллеги Н.Я. Сонины, который устранил Кареева с Высших женских курсов. Напротив, И.Д. Делянов характеризовался Кареевым как человек «доступный, простой, хоть и хитрый»¹¹⁶. В противоположность реакционности бюрократов из профессоров в учебном начальстве (Боголепова, Зверева, Владиславлева, Шварца) Кареев выделил положительные образы военных, занимавших посты в Министерстве просвещения: министра Ванновского; попечителя Александровского лицея Капустина, которые, несмотря на «неблагонадежность» Кареева, оставили историка в лицее¹¹⁷.

Характеристики руководства университета и министерских чиновников, данные Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским, носили крайне скептический, а подчас и резко негативный характер. Данное обстоятельство было связано не только с их либеральными воззрениями, но и изгнанием из университета в 1899 г. и 1887 г., соответственно.

Рассмотрим более подробно обстоятельства изгнания Н.И. Кареева из университета. Как известно, в 1899 г. Кареев и его товарищ по факультету приват-доцент Гревс были уволены из Петербургского университета вследствие преподавания «в противоправительственном духе»¹¹⁸. Возвращению преподавателей не помогло личное ходатайство декана историко-филологического факультета П.В. Никитина «о желательности возвращения проф. Н.И. Карееву и приват-доценту И.М. Гревсу права преподавания в университете» от 16 сентября 1899 г.¹¹⁹ Подробная информация содержится в воспоминаниях Кареева «Мое изгнание из профессоров Петербургского университета в 1899 г.»¹²⁰.

Согласно официальной версии, изгнание Кареева было связано с его бездействием в отношении бунтующих студентов: «Не приняты надлежащие меры строгости и внушения к студентам»¹²¹. Удаление Ка-

¹¹⁶ Там же. Л. 5-6.

¹¹⁷ Кареев. 1990. С. 209.

¹¹⁸ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8732. Л. 1.

¹¹⁹ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 61. Л. 157-158.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92.

¹²¹ Там же. Л. 13.

реева из университета находилось в связи с беспорядками 8 февраля 1899 г.¹²², когда произошло избиение студентов казаками. При всем сочувствии к студенчеству Кареев к февральским событиям 1899 года не имел отношения, так как находился на больничном («чувствовал нездоровым»)¹²³. Историк вообще «остерегался говорить со студентами, дабы не будоражить их»¹²⁴. Среди реальных причин изгнания из университета Кареев называл непочтительные слова о министре, произнесенные им на ученом совете, а также невольный конфликт с ректором Сергеевичем, вызванный публичной поддержкой со стороны Кареева предложения профессора В.И. Ламанского об отставке ректора, спровоцировавшего студенческие беспорядки. До этого конфликта Кареев находился с Сергеевичем в прекрасных отношениях: «Вместе работали в комитете Литературного фонда, участвовали в либеральные обедах Донона»¹²⁵.

Отметим, что во время увольнения Кареев вел себя с большим достоинством. Он твердо решил, несмотря на угрозу потери пенсии, не подавать самому прошения об отставке, так как против него не было выдвинуто определенных обвинений¹²⁶. Суд *совести*, к которому Кареев взывал в письме за февраль 1900 г. министра Боголепова, так и не состоялся¹²⁷. Изгнание Кареева продлилось 7 лет (1899–1906 гг.), которые были «тяжкими годами в академической жизни, когда профессора университета были между двух огней – со стороны властей и со стороны студентов»¹²⁸. В 1901 г. Кареев был лишен возможности работать в Союзе взаимопомощи русских писателей, так как его выступления были «противоправительственными»¹²⁹.

Согласно приказу министра от 31 июня 1887 г. «с должности ординарного профессора» был уволен М.М. Ковалевский¹³⁰. Его удаление с факультета было одним из серии увольнений либеральных профессоров, прокатившихся по Московскому университету в 1880-е гг. Ранее (в 1884 г.) были уволены из университета товарищи Ковалевского: профессора С.А. Муромцев (приказ за июль 1884 г.) и Н.А. Стороженко (приказ за октябрь 1884 г.)¹³¹. Уволен Ковалевский был из-за «отрицательного от-

¹²² Там же. Л. 6-7.

¹²³ Кареев. 1990. С. 203.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Л. 10.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Л. 8-11.

¹²⁶ Там же. Л. 20-21.

¹²⁷ Там же. Л. 18.

¹²⁸ Там же. Л. 26.

¹²⁹ Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 701. Л. 1.

¹³⁰ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2170. Л. 14.

¹³¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 215. Д. 225, Д. 254.

ношения к русскому государственному строю, которое вытекало из неуместного сравнения с английскими порядками»¹³². По воспоминаниям современников, в Министерстве народного просвещения к Ковалевскому относились с подозрением. Его предмет – западноевропейские конституции, в преподавании которого Ковалевский демонстрировал «свободное слово и критическое отношение к тогдашней правительственной политике», делал историка в глазах министра Делянова «опасным человеком». Устранение Ковалевского прошло «в грубой и бесцеремонной форме и вызвало волнение среди студентов»¹³³. Вначале его предмет исключили из обязательных дисциплин, а затем начались доносы на «конституционные идеи», проповедуемые им с кафедры.

Один из доносов на имя Делянова гласил: «Мне сделалось положительно известно, что при сравнении государственного права России с государственным правом западноевропейских держав проф. Ковалевский относился к русскому государственному строю с величайшим попицанием»¹³⁴. В результате доносов университет лишился талантливого профессора. Зато министр народного просвещения Делянов остался доволен. На увольнение Ковалевского он отозвался резолюцией: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который действует на умы молодежи растлевающим образом»¹³⁵. В отличие от Н.И. Кареева, которого в 1899 г. декан факультета П.В. Никитин поддержал в борьбе за профессорское место, М.М. Ковалевский, наоборот, был всячески гоним факультетским начальством в лице декана юридического факультета А.Н. Стоянова. Несколько месяцев спустя, произошла случайная встреча Ковалевского со Стояновым в Харькове, обстоятельства которой имели комичный, с точки зрения Ковалевского, характер. Свидание со Стояновым он описал в письме к В.Ф. Миллеру. Стоянов лицемерно «распинался» о том, что факультет чувствует его утрату, на что Ковалевский парировал: «Утраты, которой вы прямой виновник». Затем Ковалевский тонко намекнул на то, что теперь его предмет будет читать сам Стоянов, чем вызвал смятение чувств последнего и спешное удаление из дома¹³⁶.

Ковалевский уехал за границу, потому что не мог читать свой предмет ни в одном высшем учебном заведении России. П.Д. Боборыкин вспоминал, что Ковалевский «не переставал быть легальным рус-

¹³² Цит. по кн.: *Ковалевский*. 1909. С. 27.

¹³³ М.М. Ковалевский. Ученый... 1917. С. 27, 29.

¹³⁴ Цит. по кн.: *Калоев*. 1979. С. 24.

¹³⁵ *Сватиков*. 1917. С. 42.

¹³⁶ Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру. 1979. С. 183-184.

ским обывателем, который по доброй воле предпочел жить за границей в прекрасном климате и работать на полной свободе»¹³⁷. Вторил ему А. Белый: «Кафедра прахом рассыпалась, а сам Ковалевский, вполне невредимый, сошел с нее каменным командором и уехал за границу – читать лекции в Англии, в Швеции, в самом Париже, наезжая в Москву из Европы, – стал европейцем»¹³⁸.

Оригинально изобразила обстоятельства эмиграции Ковалевского его однофамилица С.В. Ковалевская. Ковалевский был зафиксирован в завуалированном метафорическом образе Михаила Михайловича Званцева. Вот, как описывался отъезд Званцева-Ковалевского после отставки: «К большому негодованию многих друзей, требовавших от него протеста и активного отпора, он купил себе виллу в окрестностях Ниццы и занялся писанием исторического сочинения “История регресса”»¹³⁹. Как видно из отрывка, Ковалевский не стремился сопротивляться административной системе, которая лишила его права преподавания в России. Возможно, он понимал, что сопротивление будет малоэффективным. В схожей, но несколько иной ситуации находился П.Г. Виноградов. В письме к В.И. Герье он сообщал о мотивах своего отъезда из России в Оксфорд: «Юридический факультет Оксфордского университета избрал меня на кафедру сравнительной истории права... пропадает разумная надежда на упорядочение положения в университете, которое сделало бы возможным вернуться в Москву»¹⁴⁰.

Как видно из проведенного анализа, стиль поведения историков в ситуации конфликта с администрацией был абсолютно разным, во многом он обусловлен индивидуально-психологическими особенностями ученых (темпераментом, характером и т.п.). Если М.М. Ковалевский в 1887 г. не стремился сопротивляться административной системе и ушел от открытой борьбы за право преподавания в России, то для Н.И. Кареева была характерна иная позиция, более волевая и принципиальная. Кареев демонстрировал открытый протест, стремился, хотя и безуспешно, дать активный отпор несправедливому решению власти. Отдельно стоит выделить рациональный стиль поведения П.Г. Виноградова в ситуации ухода из университета в эпоху реакции в России. Он не был изгнан из университета, подобно Карееву и Ковалевскому, а, напротив, добровольно отказался от преподавания в России в знак несогласия с официальной политикой в сфере образования. Однако, нельзя забывать, что

¹³⁷ *Боборыкин*. 1965. С. 537.

¹³⁸ *Белый*. 1930. С. 103.

¹³⁹ *Ковалевская*. 1961. С. 171.

¹⁴⁰ Из писем П.Г. Виноградова. 1962. С. 280.

Виноградов уходил на заранее известное ему, достаточно престижное, материально обеспеченное место профессора в университете Оксфорда.

Завершая анализ коммуникативной культуры историка, подчеркнем, что общение в жизни историка занимало одно из приоритетных мест в шкале экзистенциальных ценностей.

Подводя итоги, отметим, что складывание коммуникативной культуры историка было следствием профессионализации исторической науки на рубеже XIX-XX в. В сравнении с другими учеными деятельность историков всегда отличалась высоким уровнем связи с политикой и властными отношениями. Это специфическое обстоятельство влияло на культуру коммуникации историка и отличало ее от других ученых. Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание, это преемственность и черты отличия в культуре коммуникации дореволюционных и советских историков. Безусловно, линия преемственности существовала. История как наука всегда выполняла в большей или меньшей мере функцию политического воспитания, выступала средством формирования определенных ценностей, прежде всего патриотизма и гражданственности. Этот факт признавали (с определенными оговорками) практически все крупные российские дореволюционные историки. Однако, были и существенные отличия. Во-первых, дореволюционным историкам в меньшей степени была присуща зависимость от идеологического диктата власти. Для советских историков, в целом, был характерен жесткий партийный контроль, касавшийся не только творчества, но и коммуникации внутри исторического сообщества. Идеологическая компонента влияла на характер взаимоотношений с коллегами. Во-вторых, взаимоотношения дореволюционных историков со студенчеством значительно отличались от контактов профессуры и студентов в советской высшей школе. На наш взгляд, в советскую эпоху отношения преподаватель-студент по большей части выстраивались по жесткой вертикали, сверху вниз. Для дореволюционных историков в целом был характерен больший демократизм в отношениях со студенчеством. Отдельными профессорами студенты воспринимались как младшие товарищи. В-третьих, отличия существовали в масштабах международной коммуникации. Международные контакты советских историков были ограничены, а очень часто они были четко очерчены идеологическими рамками дружественных и недружественных стран, приемлемых и неприемлемых, с точки зрения марксизма, научных школ и отдельных ученых. Дореволюционные историки в этом смысле были менее ограничены в своем международном общении.

Таким образом, проведенный анализ коммуникативной культуры российского историка конца XIX – начала XX в. позволяет обозначить перспективы дальнейших исследований. Так, весьма перспективным представляется направление, связанное с компаративным анализом культуры коммуникации дореволюционных и советских историков в проблемном и хронологическом поле историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии Наук (Архив РАН СПб). Ф. 103 (Фонд М.М. Ковалевского). Оп. 2. Д. 107 (письмо Н.И. Кареева к М.М. Ковалевскому от 4 октября 1886 г.); Ф. 980 (Фонд Н.И. Кареева). Оп. 1. Д. 79 (Письма М.С. Корелина к Н.И. Карееву (1876-1880 гг.)).
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 119 (Фонд Н.И. Кареева). К. 19. Ед. хр. 50 (Дело о третейском суде по претензии Кареева Н.И. к Трачевскому А.С. (18-20 апреля 1891 г.)).
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.73 (Фонд В.А. Бильбасова). Оп. 1. Д. 33 (Дневниковая запись «Два профессора» В.А. Бильбасова о конфликте между профессором А.С. Трачевским и профессором Н.И. Кареевым (11 февраля – 18 апреля 1891 г.)), Оп. 1. Д. 516 (Официальные письма Н.И. Кареева В.А. Бильбасову (1891 – октябрь 1894 г.); Ф. 585 (Фонд С.Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 3083 (9 писем Н.И. Кареева к С.Ф. Платонову (1888–1896 гг.)).
- Российский государственный архив литературы и искусства г. Москвы (РГАЛИ). Ф. 323 (Фонд В.Ф. Миллера). Оп. 1. Ед. хр. 221 (Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру).
- Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (РГИА). Ф. 733 (Фонд Департамента народного просвещения). Оп. 150. Д. 957 (Докладная записка «О вечеринке студентов и профессоров 8 февраля 1894 г. в кухмистерской Петрова, в которой участвовал Н.И. Кареев»); Ф. 1093 (Фонд П.Е. Щеголева). Оп. 1. Д. 92 (Рукопись Н.И. Кареева «Мое изгнание из профессорства Петербургского университета в 1899 г. Воспоминания»); Ф. 1604 (Фонд И.Д. Делянова). Оп. 1. Д. 179 («Записка о речи Н.И. Кареева на студенческой сходке, где он призывал к восстановлению закрытого научно-литературного студенческого общества»).
- Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф. 36. Оп. 1. Д. 61. Л. 157-158 (Записка декана историко-филологического факультета Петербургского университета П.В. Никитина о желательности возвращения Н.И. Карееву и И.М. Гревсу права преподавания в университете» (1899 г.); Ф. 139 (Фонд «Канцелярии попечителя Петроградского учебного округа»). Оп. 1. Д. 8732 (Переписка об увольнении со службы в университете Н.И. Кареева и приват-доцента И.М. Гревса вследствие преподавания «в противоправительственном духе»).
- Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 418 (Фонд Московского университета). Оп. 215. Д. 225, Д. 254; Ф. 2202 (Фонд М.С. Корелина). Оп. 1. Д. 50 (Письма Н.И. Кареева к М.С. Корелину (1879–1895 гг.)), Оп. 3. Ед. хр. 1 (Записки М. С. Корелина «Идеи и факты. Общественное и индивидуальное» (1889–1892)), Оп. 4. Ед. хр. 3 (Рукопись Корелиной Н.П. «Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым» (30 марта 1931 г.)).

- Белый А.* На рубеже двух столетий. М.-Л., 1930. 496 с.
- Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания. Т. 2. М., 1965. 598 с.
- Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 гг. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 95-138.
- Из писем П.Г. Виноградова: публикация К.А. Майковой // Средние века. Вып. 22. М., 1962. С. 267-282.
- Кареев Н.И.* Мечта и правда о русской науке // Русская мысль. 1884. № 12. С. 100-135.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с.
- Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1961. 579 с.
- Ковалевский М.М.* Моя жизнь. М., 2005. 784 с.
- М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сборник статей. Пг., 1917. 278 с.
- Лучицкая М.В.* Мемуары. М., 2003. 212 с.
- Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру // *Калоев Б.А.* М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 177-192.
- Письма М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову // *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. М., 2005. С. 485-531.
- Письма С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову // История и историки. М., 2002.
- Сватиков С.Г.* Опальная профессура 1880-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 5-78.

Литература

- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX вв. в восприятии современников к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 221-247.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. № 2. С. 77-90.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем. 2008. № 25-1. С. 87-108.
- Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 105. № 3. С. 276-286.
- Беляева О.М.* Академическое сообщество петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 215-235.
- Бёрк П.* «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75.
- Бодров О.В.* Профессор М.М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань, 2006. 326 с.
- Бушуева Л.А.* Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 248-266.
- Гришина Н.В.* Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX в. (на примере Московского университета) // Диалог со временем. 2012. № 40. С. 283-297.
- Зезегова О.И. Традиции “*école russe*” в исследованиях советских историков // Диалог со временем. 2008. № 24. С. 248-261.
- Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: эволюция и содержание. Л., 1988. 270 с.

- Калоев Б.А.* М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. 202 с.
- Колесник И.И.* Интеллектуальное сообщество: сетевой анализ // Диалог со временем. 2008. № 25 (1). С. 55-86.
- Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Коммуникативное поле современной исторической науки от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 24-44.
- Корзун В.П.* Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. С. 99-109.
- Корзун В.П., Мамонтова М.А., Коновалова Н.А.* Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 339-341.
- Корзун В.П., Бернгардт Т.В.* Историческая библиография как форма трансляции интеллектуальной культуры: меняющиеся функции дисциплины в первой трети XX в. (на материале Сибири) // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 186-205.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 59-85.
- Костина Т.В.* Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? На материалах Казанского университета 1804–1863 годов // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 262-269.
- Костина Т.В.* Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX века) // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 166-197.
- Кузнецов А.А., Григорьева А.А.* Историк Николай Петрович Соколов (новые данные к биографии ученого) // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 165-180.
- Мамонтова М.А.* Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 267-277.
- Мамонтова М.А.* Рецензии русских историков как «текст-источник» // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 75-89.
- Мамонтова М.А.* Неформальные способы коммуникации в научном сообществе историков России рубежа XIX–XX в. // Историк на пути к открытому обществу. Омск, 2002.
- Мамонтова М.А., Корзун В.П.* Провинциальная историография: различные историко-культурные образы науки // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 372-379.
- Моисеенкова Л.С.* Патриарх российской медиевистики (жизнь и научное творчество П.Г. Виноградова). Симферополь, 2000. 194 с.
- Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. М., 1999. 168 с.
- Мохначева М.П.* Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX века в контексте истории научно-педагогической школы В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. С. 282-297.
- Мохначева М.П.* Круг историков на "пятничных беседах" у С.А. Юрьева в Москве в 1869-1872 гг.: страницы истории научных сообществ и школ в исторической науке // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., РГГУ, 2002. С. 348-352.

- Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 206-214.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. 286 с.
- Мягков Г.П. Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. 190 с.
- Никифоров Ю.С. Культура российского историка последней трети XIX – начала XX в. (на примере представителей «русской исторической школы»). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 24 с.
- Носков Э.Г. Университет как институциональная форма бытия научного сообщества. Автореферат дис. ... канд.ист. наук. Ульяновск, 1999. 24 с.
- Погодин С.Н. Русская историческая школа: Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий. СПб., 1997. 280 с.
- Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. 536 с.
- Попова Т.Н. Историография в человеческом измерении // Историографические исследования в Украине. 2012. № 22. С. 265-292.
- Попова Т.Н. Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. № 2 (18). С. 16.
- Посохов С.И. Университетский город в Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX вв. К вопросу о роли, степени и каналах немецкого культурного влияния // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 140-165.
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 5-8.
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. 288 с.
- Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XI–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 105-121.
- Серых А.А. Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX–XX вв. // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 158-171.
- Серых А.А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX в. // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 278-291.
- Сидорова Л.А. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Российская история. 2008. № 2. С. 129-138.
- Соколов А.Б. Введение в современную историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. Ярославль, 2007. 173 с.
- Туркевич А.Л. «Вот, правда, с которой я вступаю в новую жизнь» историк в дневнике, дневник как история // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 170-179.
- Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. М., 2003. 420 с.
- Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; Nikifor2108@yandex.ru

А. Е. ЗАГРЕБИН, О. М. МЕЛЬНИКОВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ УДМУРТИИ ОТ УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ К ПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ (1920-е – НАЧАЛО 1930-х гг.)*

В статье рассматривается процесс зарождения истории Удмуртии как научной дисциплины в контексте формирования национальной государственности удмуртов. Авторы статьи предполагают, что социальная ориентированность истории Удмуртии проявилась в ее предмете, прежде всего, как этнической истории, что актуализировало развитие археологических и этнографических исследований в регионе. Рассматриваются реализованные в 1920-х – начале 1930-х гг. исследовательские подходы и научно-организационные проекты.

Ключевые слова: этническая история, удмурты, образы исторической памяти, историки и власть, этническая идентичность.

История как наука и, одновременно, важная составляющая политики, практически, во все времена была функционально связана с идеологическим окормлением процессов национально-государственного строительства. Так, растянувшееся на несколько столетий становление европейских наций многократно демонстрировало те закономерности, что позволяют говорить о существовании необходимой последовательности идей, действий и решений, сопровождающих путь народа к современным формам самоорганизации. История и литература отвечали в этом движении за духовную консолидацию и воспитание народа в свете избранной модели общественного развития, как правило, на примерах героических событий прошлого¹. Трудности наступали тогда, когда лица ответственные за написание истории, заботясь об объективности своих текстов, начинали отыскивать документальные, либо овеществленные свидетельства минувших эпох. Но, довольно часто, представляемые на суд профессионального сообщества исторические источники не выдерживали критики, а в отношении младописьменных народов текстовая культура вообще отступала на второй план, уступая место этнографическим и археологическим материалам.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03573) «Поля несуществующего: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

¹ См.: *Hoch*. 1999. P. 97–101.

Применительно к истории земель, населенных удмуртами, данное обстоятельство обнаружилось в ходе академических экспедиций XVIII в., когда выехавшие в российские провинции ученые, столкнулись с ситуацией «акустической экзотики» и зачаточным состоянием археографии². Уже в те годы, выход виделся в применении этнографических методик сбора исторической информации, позднее дополненных образцами фольклора и ископаемыми раритетами. Некоторое оживление в поиски письменных источников по истории удмуртов и финно-угорских народов России в целом внес в 1820–1840-е гг. академик А.И. Шёгрэн³. Пришедшийся на вторую половину XIX в. триумф теории развития и реализация идей областничества заметно усилили позиции науки о народах, обеспечив лидерство этнографии в вопросах местной истории.

Археологические материалы, в свою очередь, подчеркивали древность и своеобразие культуры первонасельников края, демонстрируя переход от любительских форм к профессиональной исследовательской деятельности⁴. Эффект усиливали публикации «из народного быта» сельских пастырей, учителей, чиновников и политических ссыльных, регулярно появлявшиеся в епархиальной, губернской и уездной периодике⁵. В условиях радикальных общественно-политических изменений местная гуманитаристика после Октября 1917 г. пришла во взаимодействие с новыми ценностями, геополитическими ориентирами, идеологическими конструктами, организационными новациями в структуре научной деятельности, возросшей социальной мобильностью⁶.

Завершение активной фазы Гражданской войны на территории Камско-Вятского междуречья и создание в 1920 г. Вотской автономной области (ВАО), актуализировало задачу по организации науки в крае в качестве одного из структурообразующих элементов новой удмуртской идентичности. Наука в этом контексте понималась, прежде всего, как гуманитарная, т.е. историко-филологическая работа, целью которой было изучение происхождения, основных этапов истории и важнейших культурных достижений народа, претендующего на право называться нацией. Создание национальной истории оказалось делом не менее сложным, чем формирование узнаваемого образа национальной культуры, также являвшееся «проблемным полем» для правительства автономии. Властям пришлось впервые решать сложную задачу, смысл которой был подмечен

² Загребин. 2010. С. 92.

³ Загребин. 2006. С. 197–225.

⁴ Мельникова. 2004. С. 145–150.

⁵ Мельникова. 2011. С. 76–86.

⁶ Мельникова. 2012. С. 161–169.

в одном из свидетельств 1918 г.: «Насыщенность исторической памяти и сознание ценности своей истории, вместе с волей совместно растить и множить эту ценность, делают народность нацией»⁷.

Столетиями коллективные версии прошлого удмуртов существовали в фольклорной традиции. Будучи популярным жанром в народной среде, устная историческая проза выстраивала знаковые для этноса исторические образы о древних обитателях края, о вождях и богатырях, разбойниках, о межэтнических отношениях, об основании селений и культовых объектов⁸. В пореволюционных условиях, когда народ получил возможность собственного национально-государственного строительства, потребовалась с одной стороны, новая интерпретация прошлого опыта, зафиксированного в устной исторической памяти; с другой стороны, оказалась востребованной собственно история народа, которая бы позволила осознать себя в качестве самостоятельного субъекта исторического процесса. При этом важно было не только создать такую историю и включить ее в широкий контекст российской истории, основываясь на тщательной источниковедческой работе, но и придать ей новую – письменную форму.

Первая попытка легитимации науки в Удмуртии была предпринята в 1923 г., когда по решению Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ВАО был создан Академический центр, призванный развивать образование народа на научной основе. Ввиду отсутствия в крае ученых-профессионалов было принято решение о приглашении специалистов из центральных научных организаций, или как было зафиксировано в программном документе: «Вотский академический центр, взявший на себя в значительной мере разработку и разрешение научно-исследовательских проблем местного значения, надеется и имеет право на идейную и финансовую поддержку Наркомпроса. Без этой поддержки малокультурная Вотская область не может справиться со своими научными вопросами и нуждами, разрешение которых властно и неотступно требует сама жизнь, жизнь нового советского строительства, гимн культурного возрождения угнетавшихся национальностей»⁹.

Обретение политического статуса способствовало утверждению этноцентристской парадигмы в познании истории родного края. Концепт истории региона, в первую очередь как этнической истории, по-

⁷ Ретина. 2012. С. 18.

⁸ См.: Приказчикова. 2009.

⁹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф.195. Оп. 1. Д. 159. Л. 288об.

средством наиболее очевидных источников – этнографических и археологических, становился формой укрепления идентичности. На что остроумно обратил внимание Б. Андерсон: «Поскольку у нации нет Творца, ее биография не может быть написана по-евангельски, «от прошлого к настоящему», через длинную прокреативную череду рождений. Единственная альтернатива – организовать ее «от настоящего к прошлому»: к пекинскому человеку, яванскому человеку, королю Артуру, насколько далеко сумеет пролить свой прерывистый свет лампа археологии»¹⁰.

Актуальным для того времени было наблюдение уральского археолога А.А. Берса, писавшего: «Национальные меньшинства нашего Союза, освобожденные советской властью от многовекового гнета, сейчас воспрянули в новой силе развития, свободного в своих национальных рамках. Столетия систематического ограбления и принудительного обрусения ставят, однако, перед ними ряд задач по восстановлению и развитию их культурных ценностей и всестороннему изучению племенных особенностей. В этом отношении изучение древних культур может оказать неопределимую услугу. Неспроста замечается, что наиболее деятельные археологические и этнологические изыскания в СССР ведутся сейчас в пределах автономных республик и областей»¹¹. Ему вторил этнограф С.И. Руденко: «С перемещением административных и экономических центров, с изменением границ <...> нынешние республики представляют организмы, не всегда в надлежащей мере себя осознавшие и хозяйственно сложившиеся. Правительства республик испытывают настоятельную потребность возможно быстрее получить сводку <...> того, что известно о природе и населении их страны <...> с тем, чтобы наметить пути наиболее правильного хозяйственного и культурного строительства <...>. Наметить путь дальнейшего развития народного хозяйства возможно только тогда, когда <...> известно прошлое и установлена причинная связь и зависимость между прошлым и настоящим»¹².

Старейшее на востоке Европейской России объединение ученых и краеведов – Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете, раньше других – уже летом 1919 г., заявило о своей готовности к «инородчествоведению» в рамках специальной «Востоковедной комиссии». Комиссия была призвана инициировать ряд мероприятий по изучению и преподаванию языков народов Поволжья¹³.

¹⁰ Андерсон. 2001. С. 222–223.

¹¹ Берс. 1928. С. 2.

¹² Цит. по: Платонова. 2010. С. 17.

¹³ Бобровников. 1919. С. 168.

Начальным шагом должна была стать экспедиция к удмуртам, в ходе которой предполагался сбор информации методом анкетирования населения и составление археологических и этнографических карт.

Выведение из небытия истории «инородцев» активно поддерживалось государством. Поэтому неслучайно этническая история в СССР стала наиболее разрабатываемым предметом и археологических изысканий¹⁴. Однако практическое воплощение этих замыслов в отдельных регионах страны требовало организационного начала и его формального закрепления. Так в Ижевске, новой столице ВАО, центрами, где начали вырабатываться научные представления об истории удмуртов, стали Музей местного края, созданный в 1920 г., и, спустя несколько лет, в 1925 г. – Научное общество изучения Вотского края (НОИВК). Созданные в городе, не имевшем подобного опыта инициативной деятельности, новые институты опирались на знания небольшого круга просвещенных людей из числа совслужащих, а также оставшихся в России носителей дореволюционных краеведческих традиций. Немаловажную роль в формировании исторических образов прошлого сыграли студенты-удмурты, получавшие образование в столичных вузах. Многие импульсы по проведению научных изысканий столичными учеными исходили от К.П. Герда – поэта и этнографа, ставшего символом пробуждающейся «удмуртскости». Именно он, по всей видимости, общаясь в 1925–1926 гг. со своими преподавателями в Институте этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН, сумел убедить их в необходимости широких научных работ в Удмуртии. Начало полевым исследованиям было положено сотрудничеством Герда с коми-этнографом, профессором МГУ-2 В.П. Налимовым¹⁵. Летом 1926 г., несмотря на материальные трудности, его поездка к удмуртам ВАО и Закамья была совершена.

Идея обращения в Главнауку для изучения территории Удмуртии в археолого-этнографическом отношении, по всей видимости, принадлежит научному руководителю аспиранта К.П. Герда Ю.М. Соколову, фольклористу и этнографу, профессору Института этнических и национальных культур народов советского Востока. Сохранилось письмо (на бланке Главнауки и Центрального музея народоведения) от 27 мая 1926 г. в Облесполком ВАО, подписанное профессором Б.М. Соколовым – братом Ю.М. Соколова. В нем сформулированы основные направления изучения удмуртской истории: «Полагал в высшей степени желатель-

¹⁴ См.: *Лебедев*. 1992. С. 434.

¹⁵ *Загребин, Шаранов*. 2010. С. 10–14.

ным наиболее длительную работу по этнографическому изучению вотяков, а также максимальное вовлечение вотских работников <...>. Я полагал бы в интересах этнографической науки с одной стороны, и культурно-просветительской деятельности Вотской Области, с другой, было бы крайне желательно произвести во время этнографической экспедиции генеральную киносъёмку вотского быта <...>. Согласование с археологической экспедицией могло бы выразиться в выборе общей территории для работы в производстве археологических раскопок поздних (XVI–XVII вв.) вотских могильников, важных для сравнительного изучения быта вотяков с современным. Лично я бы полагал желательным производство этнографических работ в двух отличных районах – северном – Глазовском и южном – Можгинском»¹⁶. Этим письмом был обоснован комплексный археолого-этнографический методологический подход в исследованиях истории удмуртов, который позволил бы ретроспективно связать информацию археологических и этнографических источников, тем самым удревнить этническую историю.

Экспедиция как способ получения историко-культурной информации, этническая история как форма интерпретации и музей местной истории как место презентации становятся в середине 1920-х – начале 1930-х гг. основным научным трендом советской гуманитаристики. В полевом исследовании была вполне определенная альтернатива «старой школе» изучения истории, тяготевшей к разысканию и толкованию письменных источников – процессу малоподвижному и плохо сочетающемуся с делом обновления прежних институтов. Новая стилистика получения исторической информации должна была стать истинно народной, предполагая «хождение в народ» за знаниями как установку времени перемен¹⁷. Археология и этнография предлагали «ясные и доступные исторические образы, которые пробуждали в полуграмотных массах национальное самосознание»¹⁸. Отправлявшиеся в (ино)родное «поле» лояльные ученые представлялись власти проводниками культурной революции, а этнография и археология рассматривалась в качестве одного из научных направлений с особыми политическими задачами.

Исключением из археолого-этнографического контекста истории удмуртов были публикации П.Н. Луппова, который еще в дооктябрьский период обратился к проблемам христианизации края и опирался в своих поисках на материалы центральных и местных архивохрани-

¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 504. Л. 23; 23об.; 24.

¹⁷ Ван Мейрс. 2001. С. 18–20.

¹⁸ Репина. 2012. С. 19.

лиц¹⁹. В заслугу ученому следует отнести труды по фундированию региональной истории документальными свидетельствами²⁰. При его деятельном участии к середине XX в. сформировался начальный корпус письменных источников по истории Удмуртии, преимущественно, русских позднесредневековых текстов²¹. Тем более, на момент структурирования органов власти удмуртской автономии, включая управление образовательным пространством, важно было наполнить школьные программы хотя бы минимальным объемом знаний о прошлом края.

Примечательно, в этом отношении, «Программа по истории Вотского народа», авторы которой призывали: «...не только излагать историю в собственном смысле, но и ознакомлять с архивными документами и вообще с документальными первоисточниками, прочитывать документы с разъяснениями и разбором их»²². Здесь же, они справедливо предостерегали от склонности всецело полагаться на этнографическую литературу, в особенности на «любительские труды»²³. Недоверие П.Н. Луппова к этнографическим наблюдениям как к историческому источнику отнюдь не было тотальным. Наверняка, он отдавал себе отчет в ограниченных возможностях региональной истории, развитие которой совпало со временем, когда большая часть страны пребывала в послевоенной разрухе, не исключая архивные учреждения.

Совмещая заботы по организации деятельности губернского архива, преподавание в Вятском педагогическом институте им. В.И. Ленина и работу в НИИ краеведения, П.Н. Луппов ориентировал своих студентов, среди которых было немало представителей национальных меньшинств Вятского края, на комплексное восприятие процесса «делания истории». Так, на занятиях по методике краеведения в 1924 г. им был предложен план широкого анкетного опроса по теме «Влияние революции на быт нацмен», с целью фиксации начальных советских трансформаций в образе жизни местного неславянского населения²⁴. Исследование, занявшее несколько лет и проводившееся на территории Вятской губернии, Вотской АО, Марийской АО и Татарской АССР, стало для него опытом приближения истории к современности, чья этнографическая специфика лежала, буквально, на поверхности.

¹⁹ Луппов. 1899; 1911.

²⁰ Бердинских. 1991. С. 31–60.

²¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. 1958.

²² Цит. по: Луппов, Поздеев. 1921. С. 12.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Революция для всех. 2008. С. 19–20.

В дальнейшем П.Н. Луппов не раз обращался к эвристическим возможностям этнографии, включая непосредственное наблюдение обрядовых действий в удмуртских деревнях²⁵. Живя и работая, на протяжении почти всей жизни в Вятке, он не переставал находиться в контакте с любителями удмуртской истории, с 1925 г. объединенными под эгидой НОИВК, а с 1931 г. в рамках Комплексного НИИ при правительстве автономной области. Этнографический поворот, ставший в рассматриваемый период частью его научного творчества, в целом отвечал потребностям «удмуртского исторического нарратива» и еще больше – складывающейся интеллектуальной идентичности удмуртов.

Пожалуй, единственной большой проблемой для археолого-этнографического поворота в деле создания истории Удмуртии стала нараставшая со второй половины 1920-х гг. экспансия марксистской методологии, подминавшая прежние умеренные схемы теории развития²⁶. Отображение революционных темпов социальных изменений и поиски фактов классовой борьбы постепенно были вменены в обязательную повинность всем, желающим писать и говорить от имени народа. История удмуртских экспедиций и текстов К.П. Герда, В.П. Налимова и М.Т. Маркелова наглядно показала ту идеологическую ломку, которую претерпела отечественная гуманитарная наука²⁷. Постепенно высвечивалась значимость социально-исторической парадигмы на основе марксистской теории исторического процесса.

Для «удмуртских» исследований московского археолога А.П. Смирнова этот новый опыт нашел отражение в статье «Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. нашей эры», где отстаивалась идея автохтонного феодализма и предпринималась попытка реконструкции общественного строя прикамских финнов с ананьинской эпохи до средневековья, социальные изменения рассматривались как следствие развития хозяйственной деятельности, обмена, торговли²⁸. В последующих работах «Финские феодальные города»²⁹, «Производство и общественный строй у народов Прикамья в I тыс. н.э. (по данным археологии)»³⁰, он подчеркивал факты складывания феодальных отношений в бассейне Вятки и Камы, связывая их с влиянием Волжской Болгарии – одного из политических и культурных центров Восточной Европы.

²⁵ См.: Луппов. 1927. С. 81–114.

²⁶ См., например: Маторин. 1931. С. 33–34.

²⁷ Загребин, Чураков. 2012. № 3. С. 133–139.

²⁸ Смирнов. 1928.

²⁹ Смирнов. 1931.

³⁰ Смирнов. 1938. С. 202–250.

Наряду с этими новыми конструируемыми образами исторической памяти пока еще присутствуют и наивно-любительские представления о прошлом удмуртского народа, которые нередко выражали удивление перед глубиной его истории: «Раскопки были очень интересны, казалось, что мы разрываем из-под земли своего рода Помпею в миниатюре, что ни траншея, то новость», «разобран весь добытый материал (весом до 207 кг, 13 или 14 пудов). <...> Раскопкой городища удалось *выяснить полностью* быт насельников городища (курсив наш – А.З., О.М.)³¹.

Скудость письменных исторических источников и богатство археологического и фольклорно-этнографического материала, по всей видимости, подтолкнули еще одного первопроходца истории Удмуртии, М.Г. Худякова к написанию весьма разноплановых текстов, варьирующихся от краеведческих очерков и полевых отчетов, до масштабных исторических сочинений и эпических произведений³². Центральное место среди его трудов по истории удмуртов занимает появившаяся примерно в середине 1920-х гг. «История вотского народа»³³. Пафос исследования был созвучен «гердерианской идее» о самоценности каждой культуры и праве каждого народа на свою историю.

Собственно, сам этнографический поворот во взглядах М.Г. Худякова отмечается после его переезда в 1925 г. в Ленинград, где работая в разных учреждениях, в основном под руководством академика Н.Я. Марра, он поверил в большие реконструктивные возможности работы с «этнографической памятью». Так, в 1930 г. приехав в Ижевск в качестве ученого секретаря Института по изучению народов СССР (ИПИИ), Худяков выступил перед школьными работниками с призывом начать повсеместный сбор этнографической информации³⁴.

Примечательно, что научная биография М.Г. Худякова как историка Удмуртии претерпела еще одну трансформацию, связанную с очередной переменой в настроениях властей по отношению к написанию истории. В конце 1920-х гг. начался закат «золотого века» советского краеведения, одновременно с участвовавшими нападками на позиции «буржуазной этнографии». Созданное энергией академика С.Ф. Ольденбурга Центральное Бюро Краеведения (ЦБК) с его отделениями на местах испытывало

³¹ Отдел письменных источников НМУР им. К. Герда. Инв. №19584-УРМ. Текст Ившин. Находки археологической экспедиции 1926 г. в Глазовском уезде (Предварительное сообщение. Глазов 15 октября 1926 года).

³² Гришкина, Кузьминых. 2008. С. 5–49.

³³ Худяков. 2008. С. 129–214.

³⁴ Российская Национальная Библиотека (Отдел рукописей). Ф. 828. Худяков М.Г. Ед. хр. 17.

неприкрытое давление со стороны коллег, уже взявших на вооружение марксистскую идею. Так, став адептом яфетических идей и борцом с «финской экспансией» в советской археологии, Худяков попытался поместить все имевшиеся в его распоряжении знания по истории и культуре удмуртов в рамки жесткой схемы общественного развития. Это проявилось в его историографическом труде «Дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов»³⁵. Наиболее рельефно данная композиция была представлена им в рецензии на первую главу учебника по «Истории классовой борьбы в Удмуртии» для средней школы, посвященную ранним периодам истории края³⁶. Тогда, после январского постановления правительства 1933 года, в стране развернулась работа по подготовке стабильных учебников (включая региональную историю), исполненных в духе марксистско-ленинской науки.

Можно сказать, что опыты написания истории Удмуртии как истории удмуртского народа в целом соответствовали имевшейся историографической динамике. Импульс гражданской активности и ставший его частью исследовательский подъем позволили развиваться плюрализму мнений по проблемам истории, выведя этнологический дискурс, подкрепленный археологическими реалиями на передний план диалога ученых и власти. Короткая волна признания и даже частичного доминирования этнокультурной тематики и музейных проектов скоро разбилась о требование дать стране четкое представление «о прошлом, настоящем и будущем». Внутренняя конфликтность в стане этнографов, на которых была возложена функция историков и обществоведов, привела к кризису во взаимоотношениях с «заказчиком», а неуклюжие попытки прививки марксизма к науке о народах все больше раздражали партийных кураторов. Выбор, сделанный последними, в пользу догматизированной, зато предельно ясной теории во многом предопределил судьбу исторической науки в центре и на местах.

Историкам-источниковедам позволялось искать, публиковать и анализировать документы о классовой борьбе, историкам-интерпретаторам – писать о предпосылках, причинах и следствиях социально-экономических процессов в духе формационного подхода, тогда как специалисты в области этничности были вытеснены на периферийные поля сбора и первичной обработки «непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов»³⁷. Хотя, дисциплинарные

³⁵ Мельникова. 2004. С. 133–144.

³⁶ См. подробно: Кильдибеков. 1933. С. 7–34.

³⁷ Цит. по: Соловей. 2004. С. 226.

поражения науки были не столь фатальны, как человеческие жертвы, принесенные в боях за историю.

Возвращаясь в Удмуртию начала 1930-х гг. мы застаем серьезные перемены в ее интеллектуальном пространстве. Отметив десятилетие создания ВАО целью юбилейных мероприятий, в том числе помпезной музейной экспозицией, развернутой в помещениях перепрофилированного по этому случаю Свято-Михайловского собора, местные власти начали постепенно охладевать к экспозиционным, экспедиционным и прочим краеведным инициативам³⁸. Определенный пиетет еще сохранялся перед столичными учеными, чьи полевые исследования пока нельзя было поставить под жесткий контроль. Тем не менее, в 1931 г. экспедиция Центрального музея народоведения была подвергнута суровой критике в местной печати за то, что приезжие этнографы уделяют излишне пристальное внимание «пережиткам» в быту удмуртов, как будто намеренно игнорируя успехи советской власти³⁹. Последние крупные археологические работы А.П. Смирнова были проведены в 1936 г., когда по инициативе Удмуртского НИИ обследовались южные и юго-западные районы республики. После этого археологические исследования в Удмуртии замерли на долгие годы. Любопытно, что узнаваемые образы истории удмуртского народа, созданные научными экспедициями, оказали влияние на самовосприятие удмуртским населением своей древней истории. Эти образы во многом воспроизводятся и сегодня, увязываясь в общественном сознании, прежде всего, с археологическими памятниками, целенаправленное изучение которых было начато в 1920-х гг.

Судьбы местных исследователей оказались весьма драматичны, а порой трагичны. Люди на протяжении первых советских десятилетий писавшие историю края, собиравшие и представлявшие культуру Удмуртии, были поставлены перед моральным выбором – безоговорочно принять безальтернативный путь, либо отойти в сторону. В личном измерении, это выглядело примерно так – Г.Е. Верещагин, еще до революции признанный профессиональным сообществом ведущим знатоком этнографии удмуртов, тихо скончался в безвестности и нищете в Ижевске⁴⁰; этнограф и фольклорист М.И. Ильин, получив от ОГПУ упрек в «антисоветской деятельности всего НОИВК и Ильина в частности», счел необходимым отказаться от всех постов и удалиться в деревню «...дабы иметь <...> возможность всецело посвятить себя делу система-

³⁸ См.: Юрпалов. 2009. С. 239–252.

³⁹ Зеленцов. 1931. 28 июля.

⁴⁰ Владыкин, Загребин. 2004. С. 19–23.

тизации своих разнообразных трудов на остатке своей жизни...»⁴¹; К.П. Герд, отчаявшись в борьбе со вчерашними друзьями и соглядатаями, пребывал в незавидной должности преподавателя ижевской совпартшколы, вынужденно оправдываясь в былых «заблуждениях»⁴²; жизнь краеведа с дореволюционным стажем, врача Ф.В. Стрельцова показывает, насколько сильна была полученная в ходе судебных процессов тридцатых годов социальная травма – он более не возвращался к этнической тематике, предпочитая заниматься историей заводов. Этот список можно продолжать долго.

Заведя ситуацию в своеобразный интеллектуальный тупик, власть остро нуждалась в людях, желательных – объединенных в рамках государственного учреждения, на которых была бы возложена обязанность по производству идеологически безупречного продукта в части регионального историописания и исторического документирования. Благо примеры такого рода научно-исследовательских организаций уже появлялись в стране, где после ликвидации ЦБК и роспуска многочисленных краеведческих обществ возник кризис идеи местной истории. В областных центрах, в которых имелись высшие учебные заведения, проблему отчасти решали кафедры истории, или чаще – отдельные специалисты, строящие исследования на местном материале. В союзных республиках создавались собственные Академии наук с профильными институтами истории, а в автономных образованиях шел процесс организации комплексных институтов при местных правительствах, призванных содействовать развитию новой – социалистической культуры.

В этих условиях весной 1931 г. бюро Удмуртского Обкома ВКП(б) принимает постановление о создании в Ижевске самостоятельного научно-исследовательского института имени 10-летия Удмуртской автономной области. Плод компромисса между партийной бюрократией и гуманитарным сообществом – институт был призван принять интеллектуальное, в том числе архивно-библиотечное наследие НОИВК и частных собраний любителей истории местного края. Соблюдение установленных работодателем правил гарантировало научным сотрудникам скудное, зато стабильное финансирование исследовательской деятельности. Так же, несмотря на постепенное угасание этнической мобилизации, нельзя было не учитывать стремление молодой удмуртской интеллигенции к творческой самореализации⁴³. Поиски баланса отразились и

⁴¹ Рукописный фонд научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 532. Л. 73, Л. 178–179об.

⁴² Ермаков. 1996. С. 90.

⁴³ Загребин. 2012. С. 399.

в подборе кандидатур на директорскую должность. Власти остановились на фигуре Я.И. Ильина, окончившего на тот момент аспирантуру НИИ народов Советского Востока. Проблемой для них было то, что всячески проявлявший лояльность кандидат был заподозрен в связях с опальным «идеологом кулачества» К.П. Гердом. Этого оказалось достаточно для включения его в список по стремительно раскручивавшемуся с весны 1932 г. органами Нижегородского ОГПУ, так называемому Делу «СОФИН» (Союза освобождения финских народностей)⁴⁴. Личная драма первых директоров института, историков – Я.И. Ильина, В.А. Максимова и Ф.П. Макарова сошлась со временем «великого перелома» в сознании людей науки, так недавно думавших о возможностях выбора тематики, методологии и прочих иллюзиях. В измененной парадигме не спасало даже публичное «отмежевывание» и саморазоблачение.

Движение по проблемным полям истории Удмуртии было для исследователей тех лет сначала сродни затейливой игре в термины и методы, когда синтез этнографических и археологических данных виделся знаком квалифицированного и верифицируемого исторического текста; затем, по нарастающей – все более простым и лапидарным следованием заданной траектории научного поиска. Рост публикаций тематически выверенных документов и материалов, начиная с середины 1930-х гг., также стал знаменем времени, когда работы о революциях, классовой борьбе, гражданской войне и ее красных героях составили львиную долю продукции удмуртских историков⁴⁵. Шок, испытанный удмуртскими гуманитариями «после Герда» усугубился ожиданием новых гонений, а спасительная ниша «истпарта» оказалась столь же уязвима для критики, что и недавние археолого-этнологические увлечения.

Вынужденный отказ от «сложноподчиненной» и этнически окрашенной истории, безусловно, имел свои последствия для судеб этнографии и археологии в Удмуртии. От пугающего внимания одних, равно как и безразличия других, постепенно угасало одно из перспективных исследовательских направлений. Но, очевидно, в нем исторически был заложен полезный потенциал знания, что позволило спустя годы вернуться к прежде оставленным сюжетам на новом уровне историографической культуры.

Профессиональные исторические исследования в Удмуртии продолжатся уже после Великой Отечественной войны, а систематическое

⁴⁴ Куликов. 1997. С. 224.

⁴⁵ См., например: Вахрушев. 1935. С. 41–50; За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. 1934; Макаров. 1932; Макаров. 1935; Максимов. 1933; Максимов. 1935; К боевой биографии Азина. 1935.

археологическое изучение территории республики начнется в середине 1950-х гг. изысканиями В.Ф. Генинга. Этнография обретет второе дыхание с начала 1970-х гг., в связи с появлением вновь подготовленной генерации исследователей⁴⁶. Три ныне сложившихся археологических и этнографических центра – в Удмуртском государственном университете, Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН и Национальном музее УР им. К. Герда – будут решать исследовательские задачи с учетом потребностей своего времени, вместе с тем, опираясь на историческую память дисциплинарного прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российская Национальная Библиотека (Отдел рукописей). Ф. 828. Худяков М.Г. Ед. хр. 17.
- Рукописный фонд научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 532.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф.195. Оп. 1. Д. 159; Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 504.
- Отдел письменных источников Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда. Инв. №19584-УРМ.
- Hroch M.* Historical belles-lettres as a vehicle of the image of national history // *National History and Identity / Studia Fennica: Ethnologica.* 1999. Vol. 6. P. 97–108.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бердинских В.А.* Историк на грани веков: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1991. 128 с.
- Берс А.А.* Анкета по учету памятников первобытной культуры на территории Уральской области. Свердловск, 1928. 18 с.
- Бобровников Н.А.* Об учреждении Востоковедной комиссии // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.* 1919. Т. 30. Вып. 2. С. 167–174.
- Ван Мейрс В.* Советская этнография: охотники или собиратели? // *Ab Imperio.* 2001. № 3. С. 9–42.
- Вахрушев А.Н.* Программа по истории классовой борьбы в Удмуртии: Проект: В порядке обсуждения // *Труды Удмуртского комплексного НИИ.* 1935. Сб. 1. С. 41–50.
- Владыкин В.Е.* Этнография // *Об исследованиях культуры удмуртского народа.* Ижевск: Удмуртия, 1970. С. 92–101.
- Владыкин В.Е., Загребин А.Е.* Торо удмуртской этнографии // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. Ижевск, 2004. С. 19–23.
- Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 144 с.
- Гришкина М.В., Кузьминых С.В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 5–49.

⁴⁶ *Владыкин.* 1970. С. 92–101; *Владыкин, Христолюбова.* 1984.

- Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 420 с.
- Ермаков Ф.К.* Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.
- За марксистско-ленинскую историю Удмуртии: Сб. статей и материалов. Ижевск: Удпартиздат, 1934. 87 с.
- Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.
- Загребин А.Е.* Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 85–94.
- Загребин А.Е.* Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 398–402.
- Загребин А.Е., Шаранов В.Э.* Новые материалы об экспедиции В.П. Налимова в Удмуртию (1926 г.) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 10–14.
- Загребин А.Е., Чураков В.С.* Вклад М.Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.
- Зеленцов В.* Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. 1931. 28 июля.
- К боевой биографии Азина: материалы и документы / Сост. Ф.П. Макаров. Ижевск, 1935. 98 с.
- Кильдибеков П.В.* Доклассовое общество в Удмуртии // П.В. Кильдибеков, Ф.П. Макаров. История классовый борьбы в Удмуртии. Для средней школы. Ижевск: Удпартиздат, 1933. 142 с.
- Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 368 с.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899. 298 с.
- Луппов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1911. Вып. 1-2. 568 с.
- Луппов П.Н.* Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотской Автономной Области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. 1927. Вып. 3. С. 81–114.
- Луппов П., Поздеев И.* Программа по истории Вотского народа. Ижевск: Обл. упр. гос. изд-ва ВАО, 1921. 16 с.
- Макаров Ф.П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. 132 с.
- Макаров Ф.П.* Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935. 48 с.
- Максимов В.А.* Кулацкая контрреволюция и Ижевское восстание. Ижевск, 1933. 68 с.
- Максимов В.А.* Октябрь в Удмуртии. Ижевск, 1935. 84 с.
- Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1-2. С. 3–38.
- Мельникова О.М.* Археологические исследования Л.А. Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2004. № 3. С. 145–150.

- Мельникова О.М.* М.Г. Худяков как историк науки (по страницам книги «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов») // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. Казань, 2004. С. 133–144.
- Мельникова О.М.* «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (замечки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 76–86.
- Мельникова О.М.* Археология в российской провинции: встреча исследовательских парадигм (по материалам археологических исследований в Удмуртии 1920-х гг.) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.–Красноярск, 2012. С. 161–169.
- Репина Л.П.* Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Приказчикова Ю.В.* Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования. Ижевск, 2009. 342 с.
- Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и комм.: А.Е. Загребина и А.А. Иванова. Ижевск; Йошкар-Ола, 2008. 500 с.
- Смирнов А.П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // Труды секции теории и методологии Московского института археологии и искусствоведения РАНИОН. Вып. 2. М., 1928. 275 с.
- Смирнов А.П.* Финские феодальные города // На удмуртские темы: Сб. статей. Вып. 2. М.: Центриздат, 1931. С. 36–75.
- Смирнов А.П.* Производство и общественный строй у народов Прикамья I тысячелетия нашей эры (по данным археологии) // Записки Удмуртского НИИ социалистической культуры при Совнарком УАССР и Общества по изучению производительных сил Удмуртии. Вып. 8. Ижевск, 1938. С. 202–250.
- Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
- Худяков М.Г.* История вотского народа // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 129–214.
- Юрпалов А.Ю.* К истории Научного общества по изучению Вотского края // Связующая нить этнокультуры: Сб. статей. Ижевск, 2009. С. 239–252.
- Загребин Алексей Егорович**, доктор исторических наук, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН; adm@udnii.ru
- Мельникова Ольга Михайловна**, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии и истории Удмуртии Удмуртского государственного университета; superlvovich@yandex.com

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

С. С. ЛАЗАРЯН

ИМПЕРСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА НА КАВКАЗЕ В 40 – 50-е ГОДЫ XIX ВЕКА ЗАДАЧИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

В статье представлена деятельность Кавказского наместника М. С. Воронцова, имевшая задачу скорейшим образом инкорпорировать Кавказский край в социально-культурное пространство Российской империи. Важнейшим и наиболее действенным средством в решении данной задачи сделались учебные заведения различного профиля и направленности.

Ключевые слова: имперские власти, Кавказ, наместник, система образования, учебные заведения, адаптация, кавказские народы.

Вместе и одновременно с упрочением позиций российской государственности и гражданской жизни на территории Кавказского края возрастала настоятельная необходимость как можно скорее сделать этот регион неотъемлемой частью империи. Помимо военно-политических и административных мероприятий и по мере того, как военные средства в отдельных частях Кавказа утрачивали свое первостепенное значение, на первые роли выходили средства хозяйственно-экономические, культурно-просветительские, нравственные. В процессе преобразования кавказского мира и сближения его с миром России образовательные и культурно-просветительские учреждения приобретали значение средства проникновения российской цивилизации на территорию Кавказского края, средства преобразовательной работы, направленной на духовное обновление кавказского мироздания.

В то же время в 40-50-е гг. XIX века культурное развитие туземных народов, как таковое, не было ещё первостепенной задачей центральных и региональных российских властей. Однако им предстояло посредством русской культуры и внедрения элементов имперской образовательной системы создать благоприятные условия для укоренения российского присутствия на Кавказе, подготовить социальное пространство Кавказа к восприятию России в качестве той основополагающей социокультурной среды, в рамках которой будет осуществляться жизненная программа каждого жителя Кавказского края на исторически длительную перспективу.

В этом не было ничего удивительного или необычного. Образовательная система и образовательные учреждения всегда играли значительную роль в колониционных усилиях в любой части мира, поскольку обучение является фундаментальным процессом в жизни людей, позволяющим целенаправленно влиять на формирование личности в интересах данного общества и государства¹. Посредством образования происходит трансляция общественно значимых знаний от поколения к поколению, генерирование и хранение культуры общества, социализация личности и её интеграция в данную социальную систему, освоение социокультурных инноваций, и одновременно осуществляется социальный контроль².

При помощи образования российские власти надеялись внедрить в умы жителей Кавказа приемлемые для империи модели социального поведения, необходимые не только для сосуществования в новой для кавказского мира социокультурной среде, но и для эффективного участия в системе жизнедеятельности, параметры которой задавались имперской государственностью. Кроме того, посредством образования надеялись в скором времени создать в крае пророссийски ориентированный слой местной социальной и культурной элиты³. Наличие таких людей уже само по себе способствовало бы росту доверия со стороны жителей Кавказа к деятельности российских властей в крае.

На такой подход нацеливала кавказских администраторов позиция центральных имперских властей. Министр народного просвещения С.С. Уваров считал, что «завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных – тщетная, кровавая мечта, но побеждать просвещением <...> распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных – вот единственный способ завоевания, от коего ныне можно ожидать прочности вековой...»⁴. Данной позиции придерживались и многие другие деятели Российской империи. Так, О.М. Ковалевский отмечал, что России принадлежит почетная роль осуществления синтеза европейских и азиатских культур: «Провидение, управляющее судьбами России, предназначило ей быть посредницею между Европой и Азией для сообщения сей <...> части света плодов истинного образования, которое мы сами приобретаем с неимоверным трудом...»⁵.

¹ Волков, Добреньков и др. 2005. С. 352.

² Шерези, Харчева, Сериков. 1997. С. 13; Кравченко. 2001. С. 212.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи. 2007. С. 270.

⁴ Сопленков. 2000. С. 144.

⁵ Там же. С. 155.

В то же время, по мнению современного исследователя Р.С. Бозиева, до 30-х гг. XIX века у российских властей не было разработанной системы социальной политики и ясных целей по адаптации кавказских народов к условиям жизни Российской империи. В этот период власти еще не рассматривали просвещение народов, например, Северного Кавказа «как средство реализации своих политических целей»⁶. Тот же исследователь, однако, отмечает, что положение дел в данном вопросе не оставалось неизменным и кардинально изменилось за период с конца 1830-х до конца 1840-х гг. Развитию светского образования в северной части Кавказского края стали придавать значение важного средства достижения имперских целей. С точки зрения Р.С. Бозиева, в этот период были заложены основания системы светского образования коренных народов и начала формироваться государственная образовательная политика в регионе. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что с середины 1840-х гг. российская политика трансформируется преимущественно из «колонизаторской в цивилизаторскую»⁷.

Компонентом такой политики делается адаптация кавказских народов к жизни в составе Российской империи. В связи с этим активизировались усилия по формированию соответствующей социальной структуры общества и системы образования, призванной подготовить для данной работы слой просвещенных людей, проводников ценностных смыслов имперской политики в кавказскую среду. Непосредственными институтами, воспроизводившими существовавший и внедрявшийся в кавказскую среду социальный порядок Российской империи, были школы. В силу обстоятельств места, времени и условий школы в пространстве Кавказского края обладали чрезвычайной разноликостью, как по актуальности своих задач, так и по формам своей организации.

В условиях длившейся многие десятилетия Кавказской войны мероприятия по развитию народного образования в крае осуществлялись преимущественно деятелями Кавказской военной администрации, а также опирались на поддержку местных, весьма немногочисленных образованных слоёв, способствовавших организации образовательных и культурно-просветительских учреждений, в том числе и своими личными пожертвованиями. Отдалённость края от внутренних губерний России, медленное развитие прочных путей сообщения, отсутствие достаточных государственных средств и кажущаяся первостепенность других дел, недостаток кадров и многие другие факторы приводили к тому, что

⁶ Бозиев. 2009. С. 6.

⁷ Там же.

распространение образования в большой мере зависело от ответственности и личностных качеств людей, причастных к делу укоренения российской гражданственности на Кавказе.

Развитие сети образовательных учреждений в северной части Кавказа прошло ряд этапов длительной трансформации. Как отмечает Р.С. Бозиев, местная сеть светских образовательных учреждений начала свой путь с расширения и дифференциации. Затем происходило усложнение образовательных программ и сближение их с аналогичными общероссийскими программами. Постепенно увеличивался образовательный потенциал за счет подготовки кадров для региональных учебных заведений, направляемых из-за пределов региона. Властями совместно со всеми заинтересованными лицами определялись источники и объемы финансирования учебного процесса. Наконец, совершенствовалась нормативно-правовая база деятельности образовательных учреждений и доводилась до общероссийских стандартов⁸. Основание учебных заведений составляло «одну из усердных забот» князя Михаила Семеновича Воронцова в период его Кавказского наместничества. Кроме общеобразовательных школ, открывавшихся при его активном содействии в различных местах Кавказского края, были основаны также школы для подготовки специалистов в различных областях знаний и профессий (виноделия, садоводства, табаководства, шелководства, правоведения). Необходимость диктовала также заводить школы переводчиков с восточных и кавказских языков.

Эта черта в деятельности наместника имела глубокие корни в его воспитании, основывавшемся на высоких принципах эпохи европейского Просвещения, где вера в преобразовательную сущность образования была основополагающей. М.С. Воронцов считал своим долгом не только способствовать экономическому процветанию вверенных в его управление территорий, но стремился к культурному их обновлению и преобразованию, поскольку с помощью русского языка и культуры кавказские народы могли прийти к пониманию русской и мировой цивилизации, увидеть своё собственное место в мировом историческом процессе.

Как и во всех иных сферах жизнедеятельности Кавказского края, князь-наместник подходил к делу развития образовательной системы основательно, учитывая особенности, существовавшие в разных частях Кавказа. Эти особенности социально-культурного пространства и сложившаяся там система традиционного существования определяли первостепенность усилий и сложность задач, которые предстояло решать.

⁸ Там же. С.9.

В годы наместничества князя М.С. Воронцова Грузия была избрана в качестве первостепенной площадки преобразовательных усилий, а также сделалась выставочной витриной всех предлагаемых Кавказу перспектив и благоденствий. Князь-наместник намеревался именно в этой части Кавказского края сформировать, в первую очередь, проимперски ориентированную социальную среду. Его усилиям могла способствовать вероисповедальная близость местной этнической общности, а также её социально-политическая организация, в своей основе сходная российской.

В данном случае князь-наместник не выказывал какого-либо своеволия, он продолжал линию, которая была определена высшими имперскими властями. Император Николай I считал, что местное дворянство после подтверждения его социального статуса и сословных прав через систему вводимых там образовательных и общекультурных учреждений будет ранее других частей Кавказского края способным воспринять идеи и образ действий, свидетельствовавшие «об искренней преданности и усердии престолу и отечеству»⁹.

В связи с этим, М.С. Воронцова беспокоило то, что вся учебная часть за Кавказом находилась не в том положении, в каком «она должна была быть сообразно видам правительства и потребностям края»¹⁰.

Существовавшие на Кавказе к 1840-м гг. учебные заведения уже не отвечали потребностям общества в образовании из-за своей малочисленности и не удовлетворяли общим требованиям своего уровня, особенно после того, как число учеников пополнилось детьми русских офицеров и чиновников, иностранных колонистов, поселявшихся в Грузии. Только в Тифлисе в 1845 г. числились более 100 кандидатов для поступления в местную гимназию, несмотря на то, что ежегодно отправлялось значительное число воспитанников в разные учебные заведения и кадетские корпуса в Россию. Положения не спасали и частные пансионы¹¹.

Данное положение вещей убедило князя-наместника в необходимости увеличения отпуска средств для воспитания детей закавказского дворянства и служащих кавказской администрации, детей офицеров и иных представителей имперского сообщества. В связи с этим князь М.С. Воронцов распорядился увеличить, в том числе, количество военных школ, находившихся при различных полках и батальонах Отдельного Кавказского корпуса, расквартированных за Кавказом. На первый

⁹ Николай I без ретуши. 2013. С. 357.

¹⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией... Т. X. С. 841.

¹¹ Там же.

случай, не прибегая к особенным издержкам, была найдена возможность увеличить число воспитанников в этих школах до 200 человек¹².

В том же 1845 г. князь М.С. Воронцов представил на утверждение Совета Главного управления краем проект о закавказских училищах «Положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи»¹³, рассчитывая «на предварительное рассмотрение и соображение онаго с нуждами и обстоятельствами края»¹⁴.

С приходом России в край у молодых людей местных знатных фамилий появилась возможность получения образования в имперских высших учебных заведениях. Для выходцев с Кавказа выделялись квоты в университетах, в горном, технологическом и лесном институтах, в кадетских корпусах, что способствовало их карьере и чем сильно «возбуждалась охота к просвещению»¹⁵.

Скоро, однако, выявилась специфическая проблема. Большая часть воспитанников, отправляемых по окончании курса в Тифлисской гимназии для поступления в высшие учебные заведения империи, не выдерживали вступительных экзаменов. Наместник приказал выяснить причину, и оказалось, что при существовавшем тогда порядке избрания кандидатов, гимназическое начальство не могло подобрать достойных кандидатур в нужном количестве, так как некоторые высшие учебные заведения требовали присылать детей, исключительно принадлежащих к почетнейшим фамилиям. Кроме того, лучшие по своим познаниям и способностям воспитанники, часто не изъявляли желания уезжать в далекие и неизвестные Петербург или Москву. Эти выявленные обстоятельства были представлены в Петербург, в Кавказский Комитет.

Вникнув в сущность дела после представленного доклада, император Николай Павлович постановил: 1) всех «казенно-коштных» воспитанников пансиона при тифлисской гимназии избирать для отправки в высшие учебные заведения для дальнейшего обучения по назначению начальства, а не по собственному их желанию; 2) на восточное отделение Петербургского университета и в Московский армянский Лазаревский институт назначать лучших гимназистов, «хотя бы они не принадлежали к высшему туземному дворянству, и вообще, при выборе учеников, обращать особенное внимание не на происхождение их, а на

¹² Там же.

¹³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 8. Л. 28.

¹⁴ Там же.

¹⁵ АКАК. 1885. С. 841.

способности и успехи, подающие хорошие надежды и заслуживавшие особых попечений правительства»¹⁶.

Наместнику пришлось разбираться в ситуации, возникшей в Озургетах, где ещё в 1844 г. повелением императора Николая I должно было быть возведено школьное здание на 40 воспитанников из Гурии и Имеретии с отпуском на этот предмет 3000 казенных рублей, но ничего не было сделано. Это наносило ущерб репутации, как России, так и лично императора в глазах туземного общества. Ситуацию необходимо было исправлять решительными мерами. Убедившись в том, что возведению здания препятствуют объективные причины – отсутствие строителей, и к тому же бюрократические правила не позволяли отдать эту постройку в подряд, князь М.С. Воронцов распорядился строить здание хозяйственным способом силами армии под руководством главного местного начальника генерала Брусилова¹⁷. Таким образом проблемная ситуация была разрешена к удовольствию всех сторон. Распорядительность наместника была отмечена в Петербурге.

Перед отъездом М.С. Воронцова на Кавказ министр народного просвещения просил его обратить внимание на неудовлетворительно медленную постройку зданий для закавказских училищ, для которых было отпущено из Государственного Казначейства 103000 рублей серебром. Эта постройка была начата ещё в 1837 г., и за 7 лет из 13 запланированных к возведению зданий выстроено полностью только пять – из-за жульнических проволочек со стороны подрядчиков¹⁸. Все попытки министерства сдвинуть ситуацию с мертвой точки вылились в одну только бесполезную переписку.

М.С. Воронцов учредил особую комиссию для выяснения всех обстоятельств существующей проблемы. По представлению комиссии результатов разбирательства он приказал приступить к продаже залогов неисправных подрядчиков. Мера эта тут же увенчалась успехом. Недостроенные здания скоро были приведены в надлежащий вид и сданы в учебное ведомство в Дербенте и Баку, а начатые здания в Шемахе, Шуше и Нахичевани, признанные несоответствующими своей цели и плохо построенные, были проданы с публичных торгов. Для помещения училищ были наняты дома у частных лиц, с которыми были заключены длительные контракты¹⁹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 842, 855.

Желая помочь гурийским дворянам получить средства для воспитания детей в имперском духе, М.С. Воронцов обратился в Петербург с представлением. Император согласился с доводами наместника изъяснив «соизволение на определение в кадетские корпуса детей гурийских дворян, наравне с детьми других почетных уроженцев здешнего края»²⁰.

Для предоставления торгующему сословию жителей Закавказского края средств «к приличному и сообразному с их состоянием и образом занятий воспитанию детей»²¹, было открыто в Тифлисе коммерческое училище. В силу того, что большинство торгующего сословия составляли армяне, католикос Нерсес V Аштаракеци, «готовый и всегда умеющий помогать во всем полезном»²², активно участвовал в реализации данного проекта.

Одновременно князь-наместник предлагал расширить сеть средних учебных заведений и учредить помимо Тифлисской гимназии еще две другие, в Кутаиси и в Екатеринодаре²³.

Насущной необходимостью в крае было повсеместное распространение правильного знания русского языка, «дело до сих пор совершенно забытое»²⁴, вследствие чего весьма малое число местных представителей могли с пользой служить как для правительства, так и для себя.

Князь-наместник считал, что в начальных училищах должны изучаться разные туземные языки и особенно татарский, а дети татар (тюрок) и армян должны всячески стараться овладевать русским языком, поскольку без знания русского языка все наставления и ориентиры быстро забываются и вытесняются прежними этническими традициями, мало связанными с интересами Российской империи. Кроме того, распространение правильного знания русского языка необходимо для приобретения со временем хороших чиновников из туземцев, а изучение русскими воспитанниками хотя бы одного из туземных языков не только свяжет между собой разные сословия местных жителей, но «даст нам верный способ иметь хороших и надежных переводчиков»²⁵.

Удовлетворяя очередное ходатайство князя М.С. Воронцова в Петербург, император постановил выделить для воспитания детей гурийских дворян в кадетских корпусах 10 вакансий из 30, предоставлявшихся для почетных семейств Закавказского края. Узнав о распоряжении

²⁰ Там же. С. 842.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 855.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Там же. С. 126, 855.

императора, наместник отреагировал новой просьбой, направленной военному министру, в которой ходатайствовал разрешить отправлять в кадетские корпуса, кроме вышеозначенного числа, еще 10 малолетних имеретин из лучших фамилий²⁶. Продолжилось увеличение количества военных школ, находившихся при полках, в которые поступали на обучение дети разных сословий. По указанию князя-наместника в этих школах учреждались отделения для обучения выходцев из благородных сословий, число которых к концу 1848 г. достигло 400 человек.

Образовательная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае реализовывалась в общем русле имперской политики, учитывала сословные различия и связанные с ними задачи.

Для образования детей мусульман по указанию М.С. Воронцова был разработан устав для училища мусульман-шиитов, проживавших в Тифлисе. После утверждения устава в Петербурге в 1847 г. такое училище было открыто, хотя на устройство подобных учебных заведений казна не отпускала денег. В связи с этим князь-наместник был вынужден покрывать все издержки из имевшихся в его распоряжении экстраординарных сумм и частично за счет доходов тифлисской соборной мечети²⁷.

Как только такое училище начало работу и об этом стало широко известно, к М.С. Воронцову тут же обратились с аналогичной просьбой и мусульмане-сунниты. Князь Воронцов с явным удовольствием откликнулся на их просьбу, тем более что училище для суннитов могло иметь большую важность в силу той роли, которую они имели в Дагестане, в шамхальстве Тарковском и на Кумыкской равнине.

Уже в мае 1848 г. император Николай I утвердил устав училища для тифлисских мусульман-суннитов, разрешив «даровать лицам мухаммеданского закона», преподающим в тифлисских уездных училищах восточные языки, преимуществ по службе наравне с другими учителями. Это дало возможность российским властям хороших и надежных воспитателей из мусульман и одновременно показало мусульманам, что правительство, несмотря на вероисповедные различия «одинаково поощряет труды и занятия на пользу общую»²⁸.

Эти два мусульманских училища²⁹ учреждались в виде опыта на два года, что было также связано с тем, что не все из представителей знатных мусульманских фамилий хотели, чтобы их дети обучались вме-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 127.

сте с детьми христиан. Данное начинание и общее удовлетворение, с которым оно было воспринято среди местного мусульманского населения, убедили князя-наместника «в пользу распространения этой меры и на другие места Закавказского края»³⁰. Были учреждены школы для тушин, пшавов и хевсур с целью распространения просвещения в крае среди горских народов. Для них была открыта общая школа в Тионетах, где предполагалось воспитывать детей горских жителей в духе христианского благочестия и внушения им уважения к властям. Кроме того, мало-помалу добивались смягчения нравов «этих полудиких жителей» и «утверждения в них преданности к правительству»³¹.

В связи с тем, что в военно-учебные заведения России невозможно было принять всех желающих там учиться выходцев с Кавказа, а в Грузии «не сочтено было удобным иметь особый кадетский корпус»³², чтобы предоставить юным князьям и дворянам хотя бы самое необходимое образование, князь М.С. Воронцов приказал во всех полках и в некоторых батальонах в Грузии и Имеретии учредить школы военных воспитанников. Военные школы в Грузии в связи с особенностями национального характера её жителей, среди которых всегда существовало общее влечение и проявлялись способности к военной службе, получили широкое распространение.

Доказательством воинственного духа, существовавшего среди обитателей Грузии, могло быть то обстоятельство, что огромное число местных князей и дворян служили в России. Многие из них под русскими знаменами защищая свой край, ежегодно погибали. Это, однако, не останавливало их рвения. Многие молодые люди из княжеских и дворянских фамилий продолжали порываться на военное поприще, но недостаток воспитания преграждал им путь «к благородному их стремлению»³³. В школа военных воспитанников кавказская молодёжь, при самых ничтожных денежных затратах, могла бы привыкая к солдатскому быту, учиться всему тому, что требовалось для того, чтобы выдержать экзамен для поступления в юнкеры. В 1850 г. имелось уже до 500 юношей, готовившихся к военной службе, привыкавших к дисциплине и совершенно владеющих русским языком³⁴.

³⁰ АКАК.1885. С. 897.

³¹ Там же. С. 856.

³² Там же.

³³ Там же. С. 897.

³⁴ Там же.

Образовательная политика князя М.С. Воронцова демонстрировала жителям Кавказа возможность их интеграции в пространство империи, где не было «ни эллина, ни иудея», а только подданные императора»³⁵.

М.С. Воронцов также способствовал официальному доступу к образованию женщинам, без различия их материального благосостояния. Он не был первопроходцем в данной сфере, поскольку ещё в 1838 г. жена учителя областной гимназии Крупье открыла в Ставрополе частный пансион для воспитания девочек дворянского происхождения³⁶. Часть купцов посылали своих дочерей в пансионы Таганрога или в Керченский Кушниковский девичий институт³⁷.

Деятельное участие в развитии женского образования на Кавказе принимала Е.К. Воронцова, супруга наместника. Ещё в 1846 г. при её непосредственном содействии в Тифлисе было открыто первое женское учебное заведение св. Нины «для детей недостаточных родителей»³⁸.

Князь М.С. Воронцов активно содействовал открытию Закавказского института благородных девиц и постройке для него приличного здания. Из желания освободить казну от дополнительных издержек, князь Воронцов использовал свой новороссийский опыт – пригласил частных людей построить дом для женского института по утвержденным планам и с заключением контрактов о найме помещения на продолжительное число лет. Для института был также приобретен небольшой сад³⁹.

Скоро выяснилось, что из-за большой потребности в образовании для дочерей из дворян, один институт благородных девиц не может удовлетворить всем требованиям. Кроме того, бедность самих дворян не позволяла им платить за воспитание дочерей сумму, которая превышала их состояния, а само воспитание, получаемое девицами в институте, «было несообразно с образом жизни и состоянием большей части родителей»⁴⁰. Дочери небогатых дворян, «проведши первые лета юности в разного рода лишениях»⁴¹, получали в институте образование, необходимое только для жизни в высшем обществе или для богатых семейств. Возвращаясь по окончании учебного курса домой, они находили там те же лишения и большую разницу в своем образовании и образовании

³⁵ Пащенко, Урушадзе. 2013.

³⁶ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 895. Л. 228-231.

³⁷ РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 11. Л. 34; ГАСК. Ф. 8. Оп. 24. Д. 135. Л. 19-20.

³⁸ Краснов. 1913. С. 55.

³⁹ АКАК. 1885. С. 842.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

своих родителей. Это порождало напряженность в отношениях и разочарование в надеждах и ожиданиях лучшей доли. По мнению князя-наместника, такое воспитание для данной категории дворянских девиц в связи с состоянием их родителей не всегда могло быть полезным.

М.С. Воронцов высказал пожелание, чтобы воспитание, дававшееся дочерям бедных родителей, больше соответствовало образу их жизни и положению⁴². Несмотря на выявившуюся проблему, он считал такого рода заведения нужными и полезнейшими для многих дворянских семей. князь В Тифлисском институте благородных девиц обучалось 60 казенно-коштных воспитанниц⁴³.

Таким образом, князь М.С. Воронцов много сделал сам и много способствовал другим в их начинаниях по культурной инкорпорации вверенных его попечению территорий. Его деятельность на этом поприще следует рассматривать не как прихоть крупнейшего и богатейшего российского помещика-мецената, но, прежде всего, как представителя высших российских властей в Кавказском крае, проводивших в жизнь указание императора по сплочению этой отдалённой тогда окраины империи с остальными её частями. Деятельность М.С. Воронцова помогала наискорейшим, насколько это было возможно, способом внедрять в кавказскую среду сначала отдельные элементы, а затем целые комплексы российских и европейских ценностей, которые способствовали материальным и ментальным переменам туземных обществ, сначала христианских, а затем, в определённой мере, и исламских, тем подготавливая Кавказ к существованию в составе Российской империи.

Важнейшим и наиболее действенным средством в решении задачи наискорейшим образом «слить» Кавказ с Россией сделались учебные заведения различного профиля и направления. Князь Воронцов лично способствовал учреждению многих учебных заведений на Южном и Северном Кавказе и предоставлял условия для проявления инициативы всем желающим и пекущимся об образовании местных народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. 938 с.

Бозиев Р.С. Развитие образование народов Северного Кавказа в XIX – начале XX века: этапы, движущие силы, механизмы. Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 2009. 46 с.

Волков Ю.Г., Добренков В.И. и др. Социология. М.: Гардарики, 2005. 512 с.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С.856.

- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.8. Оп.24. Д.135. Л.19-20.
Государственный архив Ставропольского края. Ф.444. Оп.1. Д.895. Л.228-231.
Кравченко А.И. Социология. М.: Академический Проект, 2001. 508 с.
Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913. 102 с.
Николай I без ретуши / Автор-составитель Я. Гордин. СПб.: Амфора, 2013. 543 с.
Пащенко И., Урушадзе А. Образовательная политика Российской империи на Кавказе // URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/06/obrazovatel'naja-politika-rossijskoj-imperii-na-kavkaze.html>
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1268. Оп.3. Д.8. Л.28.
Российский государственный исторический архив. Ф.1281. Оп.3. Д.11. Л.34.
Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). – М., 2000. 214 с.
Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: Прикладной аспект. М.: Юрист, 1997. 304 с.
- Лазарян Сергей Степанович***, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»; aflost@yandex.ru

С. Ч. Лим

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЯПОНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В ПЕРИОД МЭЙДЗИ*

Период Мэйдзи (1868–1912) в Японии является первым и определяющим этапом в становлении японского студенчества как значительного фактора модернизации страны. Прогрессивная самурайская молодежь, не желая смириться с зависимым положением Японии, отправлялась на свой страх и риск познавать западную культуру. Молодые патриоты-энтузиасты были и основателями, и участниками строительства системы высшего образования, которая предопределила элитарность и прагматизм японских студентов эпохи Мэйдзи.

Ключевые слова: эпоха Мэйдзи, университетская автономия, японское студенчество, западные заимствования, политическая элита, социальная структура, патриотизм, идеология тенноизма.

Первые в эпоху Мэйдзи реформы были направлены на скорейшее продвижение новой Японии в число современных государств. Одним из основных условий для решения сложной задачи модернизации всей страны было создание целостной системы народного образования на основе всестороннего изучения опыта американских и европейских стран. Согласно Кодексу образования 1872 г. планировалось создание следующей системы образования: одна начальная школа на 600 человек населения, одна средняя школа (средняя и высшая ступени) на 130 тысяч человек, 8 университетов (*дайгаку* 大学) на всю страну¹. Средние и высшие ступени среднего образования в тот период еще оставались элитарными, являясь важным этапом перехода к высшему (университетскому) образованию. Мори А., которого называли архитектором японской системы образования, определил и ее дуализм: была установлена разделяющая полоса между образованием для элиты, которая впоследствии будет управлять государством, и практическим образованием для трудящегося населения. Причем элементарная школа стремилась прививать принципы национализма, а в университетах гарантировалась относительная свобода в обучении и исследованиях².

Правительство Мэйдзи планировало создать сеть высших учебных заведений для подготовки правящей элиты в современных условиях

* Исследование выполнено при поддержке ДВФУ, проект №14-08-05-36_и.

¹ Аmano, Икyо. 1991. С. 17.

² Nagai, Michio. 1971. P. 227.

приспособления к западной цивилизации. Предшествовавшая Токийскому императорскому университету школа Кайсэй гакко (開成学校, с 1870 года Кайсэй дайгаку 開成大学) была провозглашена первым университетом в 1868 году³. Позднее он стал головным вузом страны, в задачи которого вошло преподавание западных наук на благо государства, императора, но одновременно и сохранение традиционного уклада, национального духа *тенноизма*.

Появлению классических университетов в Японии предшествовало развитие специализированных (как государственных, так и частных) школ (сэммон гакко 専門学校) – школ иностранных языков; медицинских, юридических, инженерных, сельскохозяйственных школ и т.д. Четкое разделение между специализированными школами и университетом было определено указом об образовании 1879 г.⁴, в котором говорилось, что такие школы готовят кадры одной специализации (танка – один предмет, отсюда более позднее название школ – танка дайгаку 単科大学), а университеты – нескольких специализаций.

Первыми школами для подготовки к поступлению в специализированные школы, а позднее в университеты, стали школы для изучения иностранных языков. Это объясняется тем, что в ведущих «западных» школах страны, на базе которых формировалась система высшего образования, для быстрой передачи сведений о достижениях европейской науки, техники и культуры приглашались иностранные специали-

сты, которые вели занятия по своим книгам и на своем языке. Школы иностранных языков были популярны среди молодежи, так как помимо освоения европейских языков молодые японцы общались к западной цивилизации и западному просвещению. Так, в 1874 г. известный философ-материалист Накаэ Тёмин (1847–1901), прошедший обучение во Франции и ставший в Японии теоретическим и практическим лидером Движения за свободу и права народа (Дзию минкэн ундо 自由民権運動), открыл частную школу французского языка, где читал лекции о политике, юрис-

³ Там же. Р. 23.

⁴ Аmano, Икюо. 1991. С. 23.

пруденции, истории и философии Запада. В его школе занималось до двух тысяч учеников⁵. Японский философ Нагата Хироси пишет: «За десятилетие от начала революции Мэйдзи и до подавления мятежа реакционного самурайства в 1877 г. ученые Японии с европейским образованием сыграли заметную просветительскую роль, особенным влиянием в это время пользовался Фукудзава Юкити»⁶, один из лидеров Дзию минкен ундо⁷. Еще до реставрации Мэйдзи Фукудзава Ю. в составе официальных делегаций дважды побывал в США (в 1859 и в 1867 гг.) и один раз в Европе (в 1861 году). В ходе последней поездки члены делегации посетили и Россию (Санкт-Петербург)⁸.

В конце XIX в. Япония провела ряд реформ для ускорения становления системы высшего образования. К 1912 г. система вузов была представлена в первую очередь четырьмя императорскими (после Второй мировой войны – государственными) университетами: Токийский университет, университет Киото (1897), университет Тохоку (1907), университет Кюсю (1910). Последний, пятый императорский университет – Хоккайдо – появился уже в период Тайсё (1918)⁹. Во вторую, более многочисленную группу вошли местные (муниципальные) и частные университеты. В период Мэйдзи существовала определенная дискриминация со стороны государства по отношению к частным университетам¹⁰. Как отмечает Нагаи М., в Японии была установлена система образования, которая имела четкое разделение функций: университеты предназначались для элиты, будущего правящего класса, а элементарная школа – для трудящегося населения. Хотя, в отличие от европейских университетов того времени, для представителей различных социальных слоев Японии ворота в вузы были приоткрыты несколько шире¹¹.

Студенты – в современном значении этого слова – появились в Японии в 50-е гг. XIX в., еще до возникновения в стране системы среднего и высшего образования. Это были молодые японцы правящего самурайского сословия, не желающие смириться с неравноправными дого-

⁵ *Нагата, Хироси*. 1990. С. 213.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Фукудзава Ю. был первым японским студентом в Голландии в 50-е гг. XIX в., и одним из первых пересекших океан и побывавших в Америке и Европе. Свои наблюдения и мысли он привел в своей книге «Manners and Customs in the Western World» (*Macfarlane*. 2002. P. 1, 6).

⁸ *Fukuzawa, Yukichi*. 1966. P. 104, 109, 125, 166-167.

⁹ *Japan's modern educational system...* 1980; *Research and Statistics...* 1980. P. 123.

¹⁰ *Smith, Henry De'Witt II*. 1972. P. 11-12.

¹¹ *Nagai, Michio*. 1971. P. 227.

ворами, которые навязывали Японии страны Запада после насильственного открытия страны американской эскадрой Мэтью Перри в 1853 году. Но эти японцы, в отличие от воинственно настроенного самурайства, главным лозунгом которого было «сонно дзэй» – «почитание императора, изгнание варваров»¹², стремились перенять западные достижения в области техники, экономики и военных технологий, чтобы помочь своей стране преодолеть феодальную отсталость.

География поездок первых студентов была обширна: азиатские колонии европейских держав и (большей частью) Британия, Франция и Голландия. Позднее более популярными стали США. Все отъезжающие были самураями, кроме шестерых ремесленников, которых послали в Голландию для освоения технической специальности в 1862 г. Женщин в списках учащихся не было до 1868 года¹³.

Первые студенты (20–30 человек) были посланы правительством бакуфу в 1856 г. в Голландию обучаться главным образом морскому делу. Выбор кандидатов в эту первую группу определялся интересом сёгуната в области военных технологий:

Первые студенты, посланные бакуфу в Голландию в 1856 г.¹⁴

Студенты	Специализация в Японии	Специализация во время обучения за рубежом
5 студентов, из них самый старший, Утида Масао (35 лет), обучался административному делу	морская школа Нагасаки	инженерия, артиллерийское дело, навигация, судостроение
Тагути Ёсинао, 46 лет	Медицина	
Ёнотэ Такэаки, 27 лет	нет данных	
Сава Садатоки, 20 лет	артиллерийское дело	судостроение; конструктор
Акамацу Нориеси, 20 лет	военное дело	судостроение; конструктор
Ниси Аманэ, 33 года	самурай из Цувано, специалист западных наук	право, экономика, управление
Цуда Мамити, 33 года	самурай из Цуяма, специалист западных наук	право, экономика, управление

¹² Бугаева. 1978. С. 3.

¹³ Beasley. 1995. P. 120.

¹⁴ Ibid. P. 121-122.

Ито Гэмпаку, 30 лет	студент медицинской школы Нагасаки	военная медицина
Хаяси Кэнкай, 18 лет	студент медицинской школы Нагасаки	военная медицина
К группе указанных высоких особ были причислены шестеро моряков и ремесленников в возрасте от 28 до 43 лет. Один из них, кузнец, спился и умер в Голландии	Некоторые из них получили опыт европейского кораблестроительства, помогая русской миссии Путятина в 1854 г. строить шхуну в порту Симода.	морское дело, артиллерия, кораблестроение

О первом опыте европейского кораблестроения, полученном японцами при строительстве шхуны миссии Путятина, Л.Н. Кутаков пишет: «Русские матросы открыли японцам все секреты строительства судов, показали чертежи, обучали японских плотников кораблестроению. Чиновники, приставленные к японским мастерам, тщательно фиксировали русскую корабельную терминологию, делали чертежи отдельных частей судна или просто их срисовывали. Правда, русские офицеры потребовали, чтобы они сами обучали японских мастеров, без посредничества чиновников. Японские власти неохотно шли на это. Но, заинтересованные в подготовке собственных специалистов, вынуждены были согласиться»¹⁵.

Сложная политическая ситуация как в самой Японии, так и за рубежом вызвала необходимость приостановить организацию поездок учащихся в Европу и США. Планы отправки в западные учебные заведения стали вновь осуществляться с 1860 года. Например, правительственная миссия планировала отправиться в США на первом современном японском корабле «*Канрин-мару*», но гражданская война в этой стране заставила изменить планы, и миссия направилась из Нагасаки к Голландии в апреле 1863 г. на двух кораблях голландца Де Витта¹⁶.

Японское правительство проявляло интерес и к соседней России. «В России охотно принимали японцев, приезжавших на учебу в университеты, – пишет Л.Н. Кутаков. – В 1865 г. И.А. Гошкевич направил в Россию группу из шести человек (пятеро из них были отозваны после прихода к власти правительства Мэйджи). В 1870 г. из Японии в Россию на учебу были направлены еще два студента – Ниси Токудзиро и Итикава¹⁷, поступившие в Петербургский университет, который и закончи-

¹⁵ Кутаков. 1988. С. 126.

¹⁶ Beasley. 1995. P. 121.

¹⁷ В источнике имя не указано

ли в 1875 г. Ниси Токудзиро стал дипломатом и играл активную роль в решении вопросов русско-японских отношений»¹⁸.

По приглашению русского правительства в 1865 г. и при финансовой поддержке сёгуната шестеро японцев на русском судне в сопровождении И.А. Гошкевича отправились учиться в Санкт-Петербургский университет. Возглавлял группу 30-летний Яманути Сакудзаэмон, представитель администрации Хакодате (Хоккайдо). Остальные пятеро японцев были моложе: от 13 до 22 лет, они изучали в Японии голландский, французский, английский и немецкий языки. Начало для них было трудным: из-за незнания русского языка и низкой квалификации переводчиков им пришлось поселиться в русских семьях и совершенствовать русский язык с помощью приходящих учителей. Таким образом, осуществление их желания изучать химию, горное дело и механическую инженерию откладывалось. Они пытались добиться разрешения ходить в школу, чтобы улучшить навыки разговорного языка, но Гошкевич, опекавший их по приказу японского правительства, это проигнорировал (однако по данным русской прессы, они обучались в мужском пансионе Целовского и «...сделали огромные успехи и уже весьма свободно объясняются по-русски, показывая большие способности к наукам; особенное пристрастие имеют они к предметам, относящимся до всех отраслей естественной истории»¹⁹). В 1866 г., когда Мори Аринори, студент княжества Сацума в Лондоне, находился в Санкт-Петербурге, они высказали ему свое недовольство учебой в России: трудный язык и невыносимый климат, а также осознание того, что научные знания и техника в России являются заимствованными. Яманути С. сделал вывод, что деньги правительства были потрачены зря. Из-за ухудшения здоровья он покинул Россию в конце 1866 г., другие члены группы оставались до 1868 года. Только один из них, Итикава Бункити²⁰, прожил в России еще 10 лет без финансовой поддержки из Японии – он сумел продолжить обучение с помощью русских²¹, и, «по рассказам Судзуки Ёдзабура, его ученика в Токийской школе иностранных языков, Путятин взял его к себе на попечение»²².

¹⁸ Кутаков. 1988. С. 129.

¹⁹ Иванова. 1993. С. 34.

²⁰ По возвращении на Родину он преподавал в Токийской школе иностранных языков. (Иванова. 1993. С. 34.

²¹ Beasley. 1995. P. 125-126.

²² Савада, Кадзухико, 1998. Гончаров то футари но нихондзин. Гончаров и двое японцев в Петербурге // Hokkaido University, Slavic Research Center, 1998, № 45. P. 59–79.

Студенты, посланные учиться в Европу, в будущем должны были оказать неоценимую помощь Японии в ее противостоянии Западу. Но с падением сёгуната в 1868 г. они потеряли финансовую поддержку, и большая часть учащихся была вынуждена вернуться в Японию – за исключением тех, кто оставался учиться, изыскивая другие средства для учебы и проживания²³.

Заимствованием иностранных военных технологий и вооружения интересовались и представители оппозиционного правительству Токугава княжеств Тёсю и Сацума, которые стремились модернизировать свои вооруженные силы. Хотя в Тёсю были сильны антииностранные настроения, самураи клана, например Ёсида Сёин (1830–1859)²⁴, хотели узнать о том, как защищать свою страну, именно в западных странах. Иноуэ Каору, посланный своим князем в Лондон в 1863 г., был студентом Ёсиды Сёин. Его спутник Ито Хиробуми разделял мнение Ёсиды о том, что важно заимствовать передовые военные технологии Запада. Амбициозные студенты этих княжеств не были лояльны к правительству сёгуната, но, нет сомнения, что они были патриотами в последние годы существования феодального правительства бакуфу²⁵.

На начальном этапе путешествия за знаниями были нелегальными и редкими, но после отмены запрета на выезд за рубеж в 1866 г. число поездок резко увеличилось. Большая часть княжеской молодежи направлялась в США или совмещала американский маршрут с европейским. Америку молодые люди выбирали как более доступное место для получения образования: географическая близость сокращала расходы, да и плата за обучение там была ниже. Если правительство Японии предпочитало Европу, в первую очередь Британию, то представители княжества Тёсю впервые побывали в Британии нелегально и только в 1863 г. В Россию молодых самураев феодальные кланы не отправляли²⁶.

В знаменитой истории о пятерке из Тёсю (Ито Хиробуми, Иноуэ Каору, Ямао Ёдзо, Эндо Кинсукэ, Номура Якити)²⁷ рассказывается о том,

²³ *Beasley*. 1995. P. 129-130.

²⁴ Ёсида Сёин (1830–1859) — японский политический деятель, философ, педагог и стратег середины XIX века (конец периода Эдо). Один из теоретиков и духовных проводников реставрации Мэйдзи. Почитается как синтоистское божество в токийском святилище Ясукуни. (URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1716533>).

²⁵ *Beasley*. 1995. P. 129-130.

²⁶ *Ibid*. P. 129-130.

²⁷ http://ja.wikipedia.org/wiki/%E9%95%B7%E5%B7%9E%E4%BA%94%E5%82%91#mediaviewer/File:Choshu_Five.jpg. В 2006 г. в Японии был снят фильм «Пятеро из Тёсю». URL: <http://filmix.net/dramy/28523-pyaterka-iz-tesyu-chosyu-five-2006.html>.

что с помощью шотландского торговца оружием в Нагасаки по имени Томас Блэйк Гловер²⁸ (1838–1912) пятеро молодых самураев княжества Тёсю осуществили тайное путешествие в Лондон в 1863 г. Среди них были Иноуэ Каору и Ито Хиробуми²⁹, которые на пароходе «Пегас» служили палубными матросами до самой Европы. Такой путь к западным наукам, по их воспоминаниям, оказался тяжким испытанием.

В Англии студентов познакомили с профессором Александром Вильямсоном, химиком Королевской академии (the Royal Academy). Известно, что Иноуэ и Ито очень скоро вернулись в Японию, узнав о начале гражданской войны и участии в ней княжества Тёсю, недовольного

лояльным отношением сёгуната к иностранцам. За короткий период пребывания в Лондоне они все же успели оценить большие военные и технологические возможности Англии и стремились предостеречь власти княжества Тёсю от проведения экстремистской антииностранный политики³⁰. В 1871 г. Ито Хиробуми, которого правительство Мэйдзи назначило вице-посланником в миссии Ивакура, снова побывал в Европе³¹. Остальные трое молодых японцев оставались за границей достаточно долго, чтобы успешно освоить технические новинки европейцев и впоследствии стать техническими экспертами в Японии. Один из них, Ямао Ёдзо, учился в the Andersonian College и работал на верфях Глазго (1866–

²⁸ Sidney DeVere Brown приводит данные Marius Jansen о Thomas Blake Glover как о продающем оружие княжеству Тёса, оппозиционному власти Токугава, и сыгравшем значительную роль в отправке студентов на учебу в Англию: характеризует его как политического авантюриста. (1993. P. 2)

²⁹ Будущие лидеры новой Японии: Ито Хиробуми – выдающийся японский политик, первый премьер-министр Японии, первый генерал-резидент Кореи, первый председатель Тайного Совета, автор проекта Конституции Японии. Иноуэ Каору (1836–1915) – граф, политический и государственный деятель периода Мэйдзи.

³⁰ Brown. 1993.

³¹ The Iwakura Mission in America and Europe... 1998. P. 1

1868). Пятеро энтузиастов без университетской степени, но с британскими знаниями и опытом очень скоро стали видными чиновниками в правительстве Мэйдзи: Иноуэ К. – и.о. министра финансов, Ито Х. – министром общественных работ, Иноуэ М. – директором железных дорог, Эндо К. – директором Монетного двора, Ямао Ё. – основателем Императорского инженерного колледжа³².

Власти княжества Сацума не отставали от Тёсю, отправив в Англию 15 молодых самураев в апреле 1865 года. Главными в группе были назначены морской офицер Годаи Томоацу, в будущем основатель Палаты коммерции в Осака, и профессор медицины Тэрадзима Мунэнори, в будущем министр иностранных дел. Участник сацумской группы Мори Аринори³³, будущий первый министр образования, обучавшийся навига-

ции в Англии, летом 1866 г. сумел побывать и в России, отправившись к ее берегам на борту британского углевоза. Но это не помешало ему стать настоящим англофилом. Вернувшись домой сразу же после Реставрации Мэйдзи, он со своими взглядами вызвал недоверие в родной Кагосиме – весьма консервативном городе, знаменитым обилием древних храмов. В дальнейшем, служа первым поверенным в делах в Вашингтоне в период с 1870 по 1872 г., Мори Аринори написал работу «Education in Japan» (на английском языке), где говорил о необходимости проведения радикальных преобразований в Японии. Для скорейшей модер-

низации экономики страны он предложил отказаться от употребления громоздкой системы японского языка и перейти на рациональные формы английского языка, который он назвал «японо-английским языком»³⁴. Это помогло бы, по его мнению, провести быструю и успешную модернизацию японской системы образования, что способствовало бы подготовке населения страны к современным реалиям. Это стремление не было продиктовано отказом от своей родины, напротив, Мори Аринори действовал от высокой любви к ней, отмечает Нагаи М.³⁵

³² Brown. 1993.

³³ http://en.wikipedia.org/wiki/Mori_Arinori

³⁴ Muto, Teruaki. 2004. P. 89-101.

³⁵ Nagai, Michio. 1971. С. 223.

Так или иначе, до 1868 г. студентов посылали за границу большей частью княжества, а не государство. Двенадцать княжеств отправляли учащихся в США и Европу самостоятельно или получая на это разрешение. Как отмечалось выше, большинство студентов было из Тёсю и Сацума (37 чел.). Точное количество посланных на учебу молодых японцев в тот период неизвестно. По ранним данным, это не более 92 чел. Но по данным Исидзуки Минору, их количество достигло 153 чел.³⁶

В первые же годы Мэйдзи, в 1871-1873 гг., новым правительством была послана официальная «миссия Ивакура» в Европу и США с целью изучения западного опыта для модернизации Японии. В этой многочисленной делегации было более 50 чиновников и 60 молодых японцев (среди них – пятеро девушек), которые должны были стать студентами в зарубежных учебных заведениях³⁷ (см. иллюстрации ниже)³⁸.

Миссия Ивакура на приеме у президента Франсиса Ф. Пьера, 26 декабря 1872 г.

³⁶ *Beasley*. 1995. P. 119.

³⁷ *The Iwakura Mission in America and Europe*. P. VIII, 1.

³⁸ *Winkler*. <http://www.habsburger.net/en/chapter/iwakura-mission-187173-japanese-europe>, http://en.wikipedia.org/wiki/Iwakura_Mission

Была и другая категория студентов – они отправлялись на учебу за рубеж самостоятельно. Молодые энтузиасты, которые еще до 1868 г. по своей инициативе отправились учиться в страны Европы и США, не боялись сурового закона о «закрытии страны», предусматривавшего смертную казнь для его нарушителей. Так, например, Ёсида Сёин дважды пытался попасть на иностранные суда, чтобы поехать изучать военные технологии на Западе. Авантюрная попытка другого студента, Иноуэ Масару, оказалась успешной: он попал в Лондон и затем смог стать первым в Японии экспертом по вопросам железнодорожного строительства³⁹.

В период с 1859 г. (когда сёгунат официально разрешил поездки за границу) и до 1872 г. (когда вышел закон о создании системы образования) около 500 студентов самостоятельно уехали учиться в Америку. Японская молодежь в странах Запада не только училась, но и много делала для ознакомления своих соотечественников с достижениями европейской цивилизации: в первые после 1868 г. одиннадцать лет студенты перевели на японский язык 23 американские книги по образованию (теория и методика обучения, школьная система, история и т.д.)⁴⁰.

Большинство уехавших учиться за рубеж были выходцами из привилегированного военного сословия, и, конечно, среди них были и такие, кто стремился в новых условиях повысить свой статус. Это позволяло им действовать в своих интересах под крылом одной из могущественных иностранных держав. Тем не менее, во время учебы за рубежом они осознавали себя скорее японцами, чем самураями. И, как отмечает Нагаи М., основным мотивом японской молодежи были национализм, стремление усвоить и принять западные достижения в своей стране⁴¹.

После Реставрации Мэйдзи в правительственных кругах стала преобладать идея достижения военного и технологического превосходства над западными державами. Появилась тенденция на официальном уровне и на средства государства отправлять за границу целые группы студентов, чтобы обеспечить образованными кадрами страну на пути ее скорейшей модернизации.

Социальное происхождение японского студенчества

На начальном этапе японское студенчество было представлено выходцами из правящего сословия – самурайства. В Кайсэй гакко (позднее Токийский университет) правительство сохранило присущую феодальной школе систему направления княжествами талантливых 16–20-летних

³⁹ Brown. 1993.

⁴⁰ Nagai, Michio. 1971. P. 222.

⁴¹ Там же.

юношей на учебу за счет финансовой поддержки от кланов. В 1871 г. там обучалось уже 219 таких студентов. С ликвидацией княжеств в ноябре 1871 г. эта система исчезла, успев, однако, обеспечить условия для воспитания многих национальных лидеров из дворянского сословия⁴².

Фукудзава Ю., организатор известной частной школы Кэйю-гидзюку (позднее престижный частный университет Кэйю), в основе которой лежало преподавание английского языка и западной культуры, писал, что в первые годы Мэйдзи у него учились большей частью молодые самураи – имеющие по две традиционные сабли и только что вышедшие с полей гражданской войны. Их манеры не отличались сдержанностью: самураи хватались за оружие при малейшей провокации⁴³.

В наиболее престижные специализированные школы – Токийскую школу иностранных языков и Токийскую медицинскую школу – поступали в большинстве своем выходцы из самурайских семей (в медицинской школе они составляли половину набора, остальные были в основном детьми врачей)⁴⁴. Такая неравномерность была обусловлена тем, что еще с периода Токугава профессия врача была наследственной, и самураи ее прежде гнушались, признавая достойным только военное дело. В эти две столичные школы приезжала учиться молодежь почти из всех провинций страны. Вступительные экзамены были введены в 1875 г. для того, чтобы проводить отбор наиболее способных претендентов. Абитуриенты проверялись на состояние здоровья, сдавали экзамены по родному и английскому языкам, всемирной географии, математике, всемирной истории. Выдержавшим жесткий конкурс на знание иностранного языка студентам школы прививали европейскую культуру, поощряли вести европейский образ жизни⁴⁵.

Дальнейшая карьера выпускников, например, Токийской и Осакой школ иностранных языков, складывалась довольно успешно: в 1928–1929 гг. из 334 выпускников 26 чел. стали крупными государственными чиновниками, 6 человек – военными, 39 человек заняли посты в системе образования, 101 человек приступил к службе в компаниях, банках, 25 чел. начали работать в заграничных филиалах компаний и банков. Судьба 125 выпускников неизвестна, двое умерли⁴⁶.

Выходцы из низших сословий (*хэймин* 平民), но из богатых буржуазных семей, учились в основном в частных высших учебных заведениях

⁴² Japan's modern educational system... 1980.

⁴³ Fukuzawa, Yukichi. 1966. P. 211-212.

⁴⁴ Аmano, Икюо. 1991. С. 114.

⁴⁵ Миёси, Нобухиро. 1986. С. 60-61.

⁴⁶ Keenleyside, Tomas. 1937. P. 216, 223.

ях. Поэтому если Токийский университет называли дворянским, то частные учебные заведения – простонародными. В первые годы представители *хэймин* не составляли большинства в студенческой среде, и только с конца 1870 и в 1880-х гг. постепенно стали превалировать. Так, в многочисленных школах иностранного языка в 1873 г. дети третьего сословия составляли не более 20%, а в 1880 г. в частной школе Кэйю их было уже около 50%. *Хэймин* отдавали также предпочтение специализированным школам, особенно юридическим и медицинским⁴⁷.

Таким образом, в стране складывалась многочисленная и состоятельная буржуазия, стремящаяся дать своим детям высшее образование. Это не только укрепляло ее экономическое положение, но и открывало перспективы продвижения в ряды политической элиты страны.

В самурайских семьях отношение к выбору будущей профессии стало меняться в сторону поиска перспективной карьеры. В 1890 г. среди выпускников муниципальных и частных медицинских школ представителей самурайских семей было уже 70%. В отличие от других, они могли рассчитывать именно на государственные учебные заведения: среди выпускников государственных школ их численность достигала 65%, Императорского университета – 59%, юридического факультета университета – 70%. В частных же школах 70% выпускников были выходцами из семей простого сословия (буржуазии)⁴⁸. Дипломы государственных вузов давали возможность получить места в высших бюрократических кругах страны, занять привилегированное положение в политической системе. Таким образом, дворянские отпрыски могли сделать карьеру на высших государственных постах, стать профессорами университетов, и, что любопытно, могли позволить себе заняться и искусством.

Частные юридические учебные заведения, принимавшие слушателей из буржуазных семей, выпускали не только адвокатов, но и будущих местных политических деятелей, участников либерального Движения за свободу и права народа, деловых людей индустриального производства, преподавателей, т.е. слой местных влиятельных лиц (*тихо мэйбока* 地方名望家)⁴⁹.

Учеба была трудной, а продлевать срок обучения, как было в феодальных школах, студентам не разрешалось. Поэтому те, кто не справлялся с учебой, были вынуждены покидать школы. Ежегодно отсеивалось до 30% учащихся в *Токё кайсэй гакко* и до 10% в *Токё игакко* 東京医学校

⁴⁷ Аmano, Икуо. 1991. С. 114.

⁴⁸ Аmano, Икуо. 1991. С. 114.

⁴⁹ Нака, Арата. 1979. С. 14-19.

(так как в медицинскую школу набирали меньшее число студентов, отбор был очень жестким). В связи с тем, что в этих школах учились в основном студенты из бедных самурайских семей, государство определило систему их поддержки в форме оплаты обучения. В 1874 г. в Токийской школе иностранных языков из 331 студента 260 учились на полном государственном обеспечении, и только 71 чел. сам оплачивал обучение. В медицинской школе почти все находились на полном содержании государства (89,3% на основном курсе)⁵⁰. Это еще раз подтверждает то, что на данном этапе государство остро нуждалось в способных специалистах высшего звена, которые, пройдя через жесткий отбор, могли бы учиться без особых материальных затруднений. Позднее такого рода государственная поддержка студенчества была постепенно сокращена.

В дальнейшем перед большинством желающих получить высшее образование возник барьер в виде повышенного среднего образования, открывавшего доступ в университеты, – его разрешалось давать только пяти гимназиям (*котогакко* 高等学校) по всей стране. Они находились под прямым управлением министерства образования, т.е. финансировались из государственной казны и частью из местных налогов⁵¹. Гимназии появились в 1886 г., как и в Европе, и стали образцом элитарных школ. Такие школы отвечали больше германской модели, даже мундиры учащихся были прусского образца⁵². К этому времени правительство четко обозначило свое отношение к высшему образованию, выполнявшему задачи воспитания управленческой элиты. Здесь сталкивались различные мнения в вопросах как воспитания, так и содержания обучения: пойти ли по пути гуманитаризации или профессионализации; выбрать ли бюрократическое (этика ответственности) или идеалистическое направление; решить ли в пользу требований дисциплины или студенческих свобод и самовыражения⁵³.

В студенческой среде повышенных средних школ сложилась особая атмосфера, свойственная элитарной молодежной группе со всеми ее разновидностями: дендизмом, стоицизмом, материализмом и политической активностью, что абсолютно не устраивало правительственные круги. В верхах считалось, что, хотя среди учащихся и преобладают выходцы из самурайского сословия, они ведут себя как парвеню (выскочки), игнорируют честь и не имеют лояльности к существующему порядку⁵⁴.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Japan's modern educational system... 1980. P. 114.

⁵² Cummings. 1985. P. 136.

⁵³ Roden. 1980. P. 13-14.

⁵⁴ Там же. P. 29.

**Социальное происхождение
студентов повышенных школ (1890–1892)⁵⁵**

Происхождение	1890 г.	1891 г.	1892 г.
аристократы (кадзоку 家族)	7 чел.	5 чел.	8 чел.
самураи (сидзоку 士族)	2 049	2 283	2 293
простое сословие (хэймин 平民)	1 926	2 154	2 142

Несмотря на ограничения, во второй половине 80-х гг. XIX в. в разных регионах страны было учреждено 8 повышенных средних школ (кототюгакко 高等中学校). Именно в этих школах проявился так называемый экзаменационный ад японской системы образования: страдания бесконечной зубрежки, повторные попытки сдать экзамены, самоубийства тех, кто не выдерживал жесткого прессинга. В 1890 г. соотношение между средними (тюгакко 中学校) и повышенными (котогакко 高等学校) школами составляло восемь к одной, а к 1905 г. – 20 школ к одной⁵⁶. Это усиливало конкуренцию среди претендентов на высшее образование.

Особая атмосфера страстного стремления к знаниям существовала в среде университетских студентов. Это отмечали и иностранные преподаватели. Так, например, профессор Парижского университета М. Рево (Michel Revon), несколько лет работавший в Токийском университете, в марте 1904 г. писал: «Молодые японцы являются настоящими студентами, и эта традиция пришла из древнего Китая, где существует знаменитая история о бедном ученике, который днем работал, а ночью, не имея денег на свечи, учился при свете свечечков. И сегодня можно увидеть их по вечерам в крохотных комнатах, читающих на ковриках книги под скудным светом лампы. Откуда их усердие? Сдать экзамены? Да, несомненно, но также из жажды знаний. Трудно представить аудиторию более внимательную, чем эта, и усердно записывающую каждое слово лектора. Японцы являются образцами студентов, их героическое упорство и энергия часто доходят до безумия. Ничто их не остановит, ни газон в парке университета для физических занятий, ни регаты на реке Сумида, ни время цветения сакуры, ни праздники спорта, ни сезон хризантем, ничто не отвлекает молодых японцев-студентов в очках. По возрасту они старше французских студентов, так как до университета проходили 3–4-летнюю подготовку в школах иностранных языков: есть среди них уже и женатые или даже такие, которые являются отцами⁵⁷. Б. Чемберлен

⁵⁵ Там же. P. 68-69.

⁵⁶ *Cummings*. 1985. P. 136-137.

⁵⁷ *Richet*. 1904. M. Michel Revon, ... Les Moeurs et l'esprit des étudiants japonais. Dr Charles Richet, ... Les Étudiants et la paix.. l'Université de Paris. P. 1–2.

(В.Н. Chamberlain)⁵⁸ говорил, что японские студенты относятся к тому разряду молодых людей, которые по душе учителям. Они спокойны, интеллигентны, почтительны и страстно стремятся к знаниям. За время своей семилетней работы в Японии он беспокоился из-за их чрезмерного рвения, тщетно старался сдерживать их: один из студентов довел себя учебной работой до сумасшествия; несколько покончили с собой, не справившись с учебной работой. Они предпочитают лекциям по истории Америки изучение устройства аэростата. Б. Чемберлен отмечал их неумное желание приобрести «западные» знания: если не удавалось попасть на учебу за границу, молодые люди даже из семей высших сословий были готовы чистить ботинки в семьях иностранцев в надежде на то, что там можно будет набраться иностранных слов и манер. Известно, что лидеры Японии Ито и Иноуэ, определившие судьбу страны, будучи еще молодыми и авантюристически настроенными, тайно проникли на французское судно, чтобы контрабандой попасть в западные страны для учебы⁵⁹.

Социальный статус первых выпускников и их место в японском обществе

Интересно то, что первые выпускники специализированных школ не работали специалистами высшей квалификации на частных предприятиях, хотя последние в этом нуждались, а занимали большей частью управленческие должности в государственных и муниципальных учреждениях или преподавали в высших или средних школах. Объясняется это тем, что в 1870–80-е гг. в Японии действовала установка: вначале надо наладить национальное образование в специализированных школах и университетах, а затем обеспечивать промышленные предприятия⁶⁰.

Примером осуществления этой задачи стало появление в 1880–1890-х гг. частных юридических школ, основателями которых становились выпускники двух государственных юридических учебных заведений, изучавшие в Японии или за границей право Англии и Франции и обучающие своих студентов на японском языке. Среди этих школ была и юридическая школа Мэйдзи (ныне университет Мэйдзи), основанная в 1880 г. первыми тремя выпускниками юридической школы министерства юстиции. Выпускниками двух государственных школ, а также теми, кто учился за границей, были организованы также Токийская юридическая школа (университет Хосэй 法政大学), специализированная

⁵⁸ Basil Hall Chamberlain (18 October 1850 – 15 February 1935), известный британский японовед, был профессором японского языка в Токийском университете.

⁵⁹ Chamberlain. 1905. P. 131, 134.

⁶⁰ Аmano, Икyо. 1991. С. 126-127.

школа (университет Сэнсю 専修大学), Токийская специализированная школа (университет Васэда 早稲田大学), школа права Эйсирихорицу (英吉利法律学校, позднее университет Тюо 中央大学). То есть именно в то время закладывались основы наиболее престижных ныне частных университетов. К концу 1880-х гг. юридических школ было уже десять, количество студентов составляло примерно 2 000 чел. К 1900 г. стало 7 000 студентов, что составляло 62% всех учащихся частных школ (по разным специальностям)⁶¹.

Токийский университет, резко критикуемый в обществе как «про-западная школа», во второй половине 1880-х годов поставил перед собой цель стать национальным высшим учебным заведением. Постепенно увеличивалось число японских преподавателей, в основном за счет выпускников, прошедших серьезную стажировку за рубежом. Министерство образования отводило немалую долю бюджетных средств на обучение студентов и стажеров в западноевропейских и североамериканских университетах. В 1873 г. на эту статью расходов приходилось около 18% бюджета, определенного для нужд образования⁶². К 1871 г. в Японии в качестве специалистов-профессоров работали 782 англичанина, 229 американцев, 164 немца, 158 французов, 87 голландцев и 166 европейцев (из других стран) – всего 1586 чел. К 1880 г. число европейцев увеличилось до 3 639 чел., а китайцев – до 1300 чел.⁶³

К 1880 г. 23 студента Токийского университета после основного обучения продолжали образование в Европе и Америке: 10 – в Англии, 4 – во Франции и 9 – в США⁶⁴. В заграничном образовании правительство больше внимания уделяло тем наукам, которые имели в то время наибольшую практическую ценность. Так, в период с 1875 по 1908 год 259 студентов изучали за границей естественные науки и только 114 чел. – социальные науки. Еще меньше занимались гуманитарными науками (42 студента) и искусством (15 человек). Из тех, кто занимался естественными науками, большинство готовились стать специалистами: 87 студентов – инженерами, 85 – медиками, 17 – в сельском хозяйстве, и только 53 человека занимались фундаментальной наукой⁶⁵. Можно привести подобные данные о высшем образовании и непосредственно в Японии конца XIX века⁶⁶.

⁶¹ Там же. С. 29-30, 120.

⁶² Nagai, Michio. 1971. С. 55.

⁶³ Labroue. 1881. P. 27.

⁶⁴ Там же. P. 40.

⁶⁵ Nagai, Michio. 1971. P. 56.

⁶⁶ Loonen. 1894. P. 205.

Количество студентов в конце XIX в.	Специальности, выбранные студентами
304	право и политические науки
211	медицина
105	механика
36	литература
40	Наука
Всего: 696 человек	

Кстати, японские ученые замечают, что фундаментальные исследования не пользовались должным вниманием и в послевоенный период. В результате с 1945 по 1962 г. Япония, вузы которой выпустили значительное число специалистов (1 269 820 чел.), ничем не отличилась в области науки и техники (ни одного Нобелевского лауреата)⁶⁷.

В 1890-е гг. предприниматели, нуждаясь в специалистах промышленной, финансовой, торговой и других сфер деятельности, активизировали действия для привлечения выпускников. Появился термин *аотагай* 青田買い – «покупка риса на корню» (это явление весьма распространено и в современной Японии): крупные японские бизнесмены договариваются со способными студентами престижных университетов о будущей карьере. Уже в начале XX в. три четверти выпускников Токийской специализированной школы коммерции работали в частном бизнесе⁶⁸.

Университет в Японии отличается от европейского высшего учебного заведения, сложившегося еще в Средневековье. Главная особенность японских университетов заключается в том, что они, будучи утилитарными, выполняют непосредственный и конкретный заказ общества, точнее государства, на подготовку практических специалистов. Можно найти аналог и в советской системе вузов (т.е. в сочетании классических университетов и профессиональных институтов), выполнявшей сходные задачи в период становления новой государственности после октября 1917 года. Японские университеты, как говорилось выше, создавали факультеты инженерии и сельского хозяйства, имеющие практическую направленность и воспитывающие высококвалифицированных специалистов для производства, в то время игнорируя подготовку ученых по фундаментальным направлениям науки. Японский историк образования Нагаи М., проведя сравнение японских университетов с университетами советскими, европейскими и североамериканскими, обнаружил

⁶⁷ Nagai, Michio. 1971. P. 57.

⁶⁸ Аmano, Икюо. 1991. С. 126-127. См. таблицу «Распределение выпускников вузов Японии в 1897-1900 гг.» в Приложении.

сходство с советской высшей школой – она так же, как и японская, находилась в сфере полного государственного регулирования⁶⁹.

Американский ученый Чарльз Твинг описал занятия в Токийском университете в 1911 г.: «В японских вузах занятия ведутся профессорами в аудитории с огромной группой до 300 человек, в которой трудно уделить внимание каждому. Японский студент имеет свои особенности: больше работает, чем думает; он амбициозен, поэтому энтузиаст в деле. Кажется, что во всех университетах мира мало уделяется внимания развитию способностей к мышлению, но в японском университете это является главным и большим недостатком»⁷⁰. Понятие *амбициозный* в данном случае не означает стремления студента достигнуть успеха в учебных, особенно научных, делах, а говорит о том, что все его мысли направлены на получение высоких должностей, на успешную карьеру.

В Европе в XII–XIII вв. появились Болонский, Парижский, Оксфордский, Кембриджский университеты, и все они, за исключением Парижского, располагались в сельской местности, вдали от суеты. Обучение в них проходило в условиях погружения в прошлое. «Для высшей школы больше, чем для какой-либо другой ступени образования, имеет значение культурное наследие. В Европе исторически сложились традиции высокой культуры, центрами которой были старейшие университеты. Университеты в их классическом варианте продолжали развиваться, оставаясь своеобразными островками в мире капиталистического прагматизма»⁷¹. Европейские университеты традиционно готовили ученых, в то время как японские готовили кадры – квалифицированные людские ресурсы – и для научной сферы, и для производства. Научные исследования японских ученых отличаются большой степенью практицизма, носят прикладной характер. Конечно, и большинство европейских средневековых студентов учились не только для того, чтобы получить знания и навыки аналитического мышления, но и для того, чтобы в дальнейшем иметь возможность работать чиновником или быть священнослужителем, подготовиться к светским занятиям юриста, учителя или врача⁷².

Японские историки в прагматизме содержания образования вузов видят истоки идеологии *государственности* (*коккасюги* 国家主業). Этим определяется и прикладной характер науки: знания и достижения науки оцениваются с точки зрения их практического применения. Государством были определены три основных направления в деятельности Император-

⁶⁹ Nagai, Michio. 1971. P. 14.

⁷⁰ Thwing. 1911. P. 271–273.

⁷¹ Филиппова. 1981. С. 21.

⁷² Cobban. 1980.

ского университета: *коккасюги* (国家主義) – интересы государства, *дзиссэйсюги* (実績主義) – практицизм, прикладной характер, *нинсикитэки го-рюсюги* (認識的合理主義) – познавательный рационализм⁷³. Это было логично для Японии того времени, стремившейся быстро заимствовать достижения науки и техники Запада – не из праздного любопытства, а для того, чтобы выжить, не подчиниться сильным, развитым державам. С другой стороны, идеология *государственности* успешно использовалась и в империалистических интересах, в подготовке агрессивных войн, в остром соперничестве с ведущими странами Запада. В период Мэйдзи все это и определяло основные черты японского студенчества, которое после окончания вуза входило в элитарную часть общества: в первую очередь, прагматизм в ходе обучения, искренний патриотизм, но вместе с тем и культивируемый государством национализм.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бугаева Д.П.* Японские публицисты конца XIX века. М.: Наука, 1978. 163 с.
- Иванова Г.Д.* Русские в Японии XIX – начала XX в. М.: Наука, 1993. 170 с.
- Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 382 с.
- Nagata, Хироси.* История японского материализма. М.: Мысль, 1990. 333 с.
- Филитпова Л.Д.* Высшая школа США. М.: Наука, 1981. 328 с.
- Beasley W.G.*, 1995. Japan: Encounters the Barbarian. Japanese Travelers in America and Europe. New Haven & London, Yale University Press. 252 p.
- Brown, Sidney De Vere*, 1993. Nagasaki in the Meiji Restoration: Choshu Loyalist and British Arms Merchants // Crossroads, N1 (summer 1993). P. 1–18.
- Chamberlain, Basil Hall*, 1905. Things Japanese; being notes on various subjects connected with Japan for the use of travelers and others. London, J. Murray, Yokohama [etc.] Kelly & Walsh, limited. 580 p. URL: <https://archive.org/stream/thingsjapaneseb05chamgoog#page/n18/mode/2up>
- Cobban, Alan B.* Student Power in the Middle Ages // History Today. 1980. Vol. 30. N 2, 1980. URL: <http://www.historytoday.com/alan-b-cobban/student-power-middle-ages>.
- Cummings, William K.* Japan // The school and the University: an international perspective / Ed. by Burton R. Clark. N.Y.: University of California Press, 1985. P. 131–159.
- Fukuzawa, Yukichi.* 1966. The Autobiography of Yukichi Fukuzawa. Revised translation by Eiichi Kiyooka. With a foreword by Carmen Blacker. New York and London, Columbia University Press. 407 p.
- Japan's modern educational system: a history of the first hundred years, 1980. Research and Statistics Division Minister's Secretariat Ministry of Education, Science and Culture Government of Japan. Tokyo. 473 p.
- Keenleyside, Hugh Li, Tomas, A.F.*, 1937. History of Japanese Education and Present Educational System. Tokyo, The Hokuseido Press. 365 p.
- Labroue, Emile Hac*, 1881. Le Japon: géographie physique, économique. Paris, Bibliothèque Nationale. 71 p.

⁷³ Нака, Арата. 1979. С. 31.

- Loonen Ch.*, 1894. Le Japon modern. Avec 35 gravures. London, British Library, Historical Print Editions. 326 p.
- Macfarlane A.* 2002. Yukichi and the making of the Modern World: Visions from the West and East. Hardcover, 2002. 332 p.
- Muto, Teruaki.* Mori Arinori's "Simplified English": A Socio-Historical Examination // Forum of International Development Studies, 26 (Mar. 2004), p. 89-101.
- Nagai, Michio*, 1971. Higher Education in Japan: its take-off and Crash. Translated by Jerry Dusenbuty. Tokyo, University of Tokyo Press. 261 p.
- Richet, Charles*, 1904. M. Michel Revon, ... Les Moeurs et l'esprit des étudiants japonais. Dr Charles Richet, ... Les Étudiants et la paix.. l'Université de Paris. P. 1–8.
- Roden, Donald*, 1980. Schooldays in Imperial Japan. A Study in the Culture of a Student Elite. N.Y.: University of California Press. 300 p.
- Smith, Henry De'Witt II*, 1972. Japan's First Student Radicals. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press. 344 p.
- The Iwakura Mission in America and Europe. A new assessment / Ed. by Ian Nish. London, Taylor&Francis, 1998. 224 p.
- Thwing, Charles Franklin.* Universities of the world. N.Y.: Macmillan Company, 1911.
- Winkler, Anita.* The Iwakura Mission 1871/73. – The Japanese in Europe. <http://www.habsburger.net/en/chapter/iwakura-mission-187173-japanese-europe>, http://en.wikipedia.org/wiki/Iwakura_Mission

Литература на японском языке:

- Аmano, Икуо*, 1991. Гакурэкисюги но сякайси. 天野郁夫. 学歴主義の社会史. 東京、有信堂、1991. История общества с образовательным цензом. Токио: Юсиндо, 1991. 288 с.
- Миёси, Нобухиро*, 1986. Нихон кёику но кайкоку. Гайкоку кёси то киндай нихон. 三好信浩. 日本教育の開国: 外国教師と近代日本. 東京、福村出版, 1986. Открытие страны для японского образования: иностранные преподаватели и современная Япония. Токио: Фукумура сьоппан, 1986. – 303 с.
- Нака, Арата*, 1979. Гакко но рэкиси. Дайгаку но рэкиси. Дай 4 кан. 仲新. 学校の歴史. 大学の歴史. 第4巻. 東京、第一法規出版, 1979. История школы. Т. 4. История университетов. Токио: Дай иппоки сьоппан кабусики кайся, 1979. – 381 с.
- Савада, Кадзухико*, 1998. Гончаров то футари но нихондзин. 沢田 和彦. ゴンチャロフと二人の日本人. スラヴ研究 45号 I.A. Гончаров и двое японцев в Петербурге. // Hokkaido University, Slavic Research Center, 1998, № 45. P. 59–79.

Лим Софья Чунуовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета (ДФУ), Lcsofia@yandex.ru

Приложение

Распределение выпускников вузов Японии в 1897–1900 гг.¹

Место службы	Выпускники Императорского Токийского университета							Выпускники школы коммерции Токио	Выпускники промышленной школы Токио	Выпускники медицинской школы г.Тиба
	юридич.	медиц.	промыш.	литерат.	естествен.	аграрн.	всего			
университеты, школы	4,5	17,6	9,9	87,2	70,7	24,9	24,2	12,1	9,7	1,3
правительство, государственные учреждения	64,0	47,0	44,8	6,1	17,3	66,2	46,7	8,6	29,9	18,2
частные предприятия	17,0	2,3	39,8	1,9	11,2	3,8	16,9	73,0	49,5	1,7
работа специалистами	10,7	32,8		0,3		1,3	8,7	0,6		78,8
собственное дело, бизнес			4,9	3,1	0,4	1,7	2,8	5,7	10,9	
политика	3,2	0,3		0,3	0,4	0,3	0,3			
другие	0,6		0,6	1,1		1,8	0,4			
всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
всего выпускников, чел.	964	596	901	374	260	390	3 485	521	618	598

¹ Нака, Арата. Указ. соч. С. 69.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

Е. М. РОЗЕНБЛУМ

«АКТЫ КАРПА, ПАПИЛИЯ И АГАФОНИКИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНО-МОНТАНИСТСКОЙ ПОЛЕМИКИ

В статье предлагается новая интерпретация «Актвов Карпа» в свете гипотезы о полевической природе жанра актов мучеников, выдвинутой Гердом Бушманом на материале «Мученичества Поликарпа». Автор рассматривает две версии «Актвов Карпа» – греческую и латинскую. Они различаются в нескольких местах, но эти отличия не случайны, а имеют богословское значение. Греческий текст содержит монганистские идеи, последовательно удаленные из латинского. Взгляд на две версии «Актвов Карпа» как на два памятника, принадлежащие разным направлениям христианства, позволяет не только понять их место в истории жанра, но и решить проблему датировки.

Ключевые слова: монганизм, акты мучеников, акты Карпа, гонения, добровольное мученичество, поздняя античность, раннее христианство.

Истоки раннехристианской теологии мученичества прослеживаются как в античных представлениях о добродетельной, достойной подражания смерти, так и в Ветхом Завете и межзаветной апокрифической литературе (прежде всего, речь идет о Книге Даниила и Книгах Маккавеев)¹. Кроме того, новозаветные описания Страстей Иисуса Христа и мученичества св. Стефана обозначили специфически христианские черты, отличающие христианского мученика и от античных героев, и от мучеников Маккавейских книг. Но ни античная, ни библейская культурная традиция не знала литературного жанра, аналогичного раннехристианским актам мучеников.

Более того, ни мученическая смерть апостолов, ни арест и последующая смерть в правление императора Траяна таких знаковых для Церкви рубежа I–II вв. лиц как Климент Римский и Игнатий Антиохийский не привели к появлению *аутентичных* мученичеств или актов. Этот жанр впервые возник только в середине II века, первым его образчиком стало «Мученичество Поликарпа Смирнского»².

¹ При этом влияние греческой культуры на авторов самих этих библейских книг тоже является предметом научной дискуссии. Подробнее об этом см., например, *Boyarin*. 1999; *Edwards*. 2007; *DeSilva*. 2009, а также библиографию к этому работам.

² Сильвия Рончи относит создание «Мученичества Поликарпа» ко второй половине III в., аргументируя это тем, что в тексте упоминаются многие явления,

Несмотря на значимость «Актов мучеников» для раннехристианской культуры и их активное использование в качестве исторического источника, вопрос о причинах появления и природе этого жанра был поставлен в науке лишь в 1990-е годы Гердом Бушманом. Проанализировав «Мученичество Поликарпа Смирнского», немецкий ученый пришел к выводу, что целью создания этого памятника была полемика с монтанистами, а конструирование образа Поликарпа как истинного исполнителя и верного наставника Евангелия – средством этой полемики³.

Вторым памятником нового жанра, близко связанным с «Мученичеством Поликарпа Смирнского», является «Мученичество Карпа, Папилия и Агафоники». Существует пять редакций этого памятника, однако лишь две из них вызывают интерес у историка раннего христианства, поскольку три других очевидно являются более поздни-

несвойственные, по ее мнению, христианству во II в.: почитание мучеников, отмечание их *dies natalis* и т.п. Кроме того, заметное в «Мученичестве Поликарпа» уважительное отношение к римским властям С. Рончи считает признаком того, что оно написано в период «долгого мира», т.е. после эдикта Галлиена о толерантности (Ronchey. 1990). Критику этого мнения см.: *Dehandschutter B.* 1995. P. 298f. и *Den Boeft J., Bremmer J.* 1995. P. 146-151. Предложенная С. Рончи корректировка датировки памятника в сторону более поздней на основании того, что в нем упоминаются явления, упоминаний о которых во II в., как считается, нет, представляет собой классический пример логической ошибки: «замкнутого круга». Обзор научной литературы по вопросу датировки «Мученичества св. Поликарпа» за 1990-2005 гг. см.: *Dehandschutter B.* 2007. P. 85-90. Различные ученые отстаивают даты от 155 до 167 г.

Уже в 2010 г. Кандида Мосс снова выдвинула предположение, что «Мученичество св. Поликарпа» датируется III веком, правда на этот раз первой его половиной (Moss C. 2010.). При этом она повторяет аргументацию С. Рончи, уже отвергнутую большинством ученых, добавляя лишь один новый аргумент: содержащаяся в тексте памятника полемика с добровольным стремлением к мученичеству указывает на то, что к моменту написания «Мученичества св. Поликарпа» теология мученичества уже существует, а значит памятник не может быть первым образцом жанра «Актов мучеников» (Moss C. 2010. P. 562). Однако это утверждение в высшей степени сомнительно: как показывает Герд Бушман, именно наличие разных точек зрения на существующую практику мученичества и потребность в полемике между их сторонниками и стали причиной возникновения нового литературного жанра. Отсутствие однозначных упоминаний о «Мученичестве св. Поликарпа» в христианской литературе до середины III века так же не может считаться аргументом в силу небольшого количества сохранившихся христианских текстов рубежа II–III вв.

³ *Buschmann G.* 1994.; *Idem.* 1995. До появления работы Г. Бушмана Б. Дехандшуттер утверждал, что в «Мученичестве Поликарпа» содержится полемика против гностиков (*Dehandschutter B.* 1982). Впрочем, противоречия между этими двумя утверждениями нет, поскольку в одном и том же тексте может содержаться полемика против двух разных адресатов.

ми, созданными в Византии текстами⁴. Две ранние версии считаются восходящими к общему утраченному оригиналу⁵. Гипотеза Бушмана позволяет усомниться в этой точке зрения.

Евсевий говорит, что Карп, Папилий и Агафоника пострадали в то же «великое гонение», что и Поликарп, которое «потрясло Азию»⁶. Однако часть современных историков оспаривают свидетельство Евсевия и считают, что Карп и его спутники пострадали в гонение Деция⁷. При этом выдвигается ряд аргументов: прямое упоминание императора Деция (и проконсула Оптима) в латинской и некоторых более поздних версиях текста; слова проконсула: «тебе необходимо принести жертву – ведь так приказал император»⁸, что считается указанием на время гонений Деция, когда впервые был издан указ, требующий от всех жителей империи совершить жертвоприношение⁹.

Для решения проблемы датировки двух редакций «Мученичества Карпа, Папилия и Агафоника» полезно предварительно проанализировать предложенные в них модели поведения мученика и сравнить их с моделью, предлагаемой в более раннем «Мученичестве Поликарпа».

В греческой версии текста (редакция А) Карп, как и Поликарп до него, благодарит Христа, что Тот счел его достойным мученичества («удостоил этой доли с Тобой»¹⁰), как и Поликарп, он любезно разговаривает с тем, кто должен дать ему мученичество (правда, не с солдатами, а с палачом)¹¹. Подобно тому, как один из христиан Смирны, Германик, о поступке которого автор «Мученичества Поликарпа Смирнского» высказывается с одобрением, сам ускорил свою казнь, «желая скорее удалиться от несправедной и незаконной их жизни»¹², Карп и Папилий «спешили, спускаясь в амфитеатр, чтобы как можно скорее освободиться от мира»¹³, а Карп, когда его спросили, почему он улыбается, пока его прибивают гвоздями к столбу для сожжения, отвечает, что он счастлив уйти от грешников к Богу¹⁴.

⁴ Jones Ch. 2012. P. 259-262.

⁵ Lietzmann H. 1922. S. 46-57; Jones Ch. 2012. P. 259;

⁶ Евсевий. Церковная история (IV. 15. 1, 48).

⁷ Musurillo H. 2000. P. xv.

⁸ Acta Carpi (A. 11). Здесь и далее цитируется в переводе А. Д. Пантелеева.

⁹ Обзор литературы см. Jones Ch. 2012; Musurillo H. 2000. P. xv.

¹⁰ Acta Carpi (A. 41); Mart. Polyc. (14).

¹¹ Acta Carpi (A. 40); Mart. Polyc. (7. 2).

¹² Mart. Polyc. (3. 1) Здесь и далее цитируется в переводе прот. П. Преображенского.

¹³ Acta Carpi (A. 36).

¹⁴ Ibid (A. 39).

Однако есть между поведением двух мучеников и существенные отличия. Поликарпа арестовывают, уже зная, что он – епископ Смирны, глава христиан. Но только после того, как ему трижды предложили принести жертвы, почтить идолов или похулить Христа, Поликарп заявил: «ежели ты <...> притворяешься неведающим, кто я, то слушай, я [говорю] открыто: я христианин!»¹⁵ В отличие от Поликарпа, Карп сразу же, в ответ на вопрос об имени, заявляет: «Первое и лучшее имя – христианин, а если ты спрашиваешь то имя, что в мире, – Карп»¹⁶. Это заявление имело ключевое значение, причем именно до царствования Деция, поскольку, в соответствии с известным рескриптом Траяна Плинию, христиан не следовало разыскивать, но избалованных христиан надлежало карать, т.е. преследовалось само имя христианское¹⁷. С того момента, как обвиняемый произносил: «я христианин», он был обречен на смерть. Таким образом, если происходящие события имели место в царствование Марка Аврелия, первой же своей фразой на суде Карп доносит на себя самого, делая свое мученичество неизбежным – единственной альтернативой остается вероотступничество.

Здесь следует заметить, что описанный ниже в тексте поступок Агафоники является, пожалуй, самым ярким проявлением концепции добровольного мученичества во всей раннехристианской литературе. В редакции А она стоит среди зрителей, но затем получает видение, в котором ей открывается слава Божья и призыв с неба разделить мученичество с Карпом и Папилием – и тотчас сама бросается в костер¹⁸. Добровольное стремление к мученичеству, как и большое значение, придаваемое видениям, являются, как известно, характерными чертами монтанистов. «Мученичество Карпа, Папилия и Агафоники», вероятно, является своеобразным «ответом» монтанистов на содержащуюся в «Мученичестве Поликарпа» полемику против них.

Совсем иное содержание в редакции В, т.е. латинской версии памятника. Первые два отличия видны в самом начале латинского текста: во-первых, Агафоника, согласно редакции В, арестована вместе с Карпом и Памфилом (Папилием в редакции А), то есть убран мотив добровольности ее мученичества. А во-вторых, Карп и Памфил обозначены как епископ и диакон¹⁹ – это еще одно антимонтанистское изменение,

¹⁵ Mart. Pol. (9. 2 – 10. 1).

¹⁶ Acta Carpi (A. 3).

¹⁷ Плиний Младший. Письма. X. 97; Barnes T. D. 1968. P. 37.

¹⁸ Acta Carpi (A. 42).

¹⁹ Ibid (B. 1).

поскольку монтанисты придавали намного меньше значения церковной иерархии, чем ортодоксальные христиане. Если в редакции А Карп сразу же исповедует христианскую веру, то в редакции В он сначала отказывается принести жертвоприношения, используя аргументы, общие для христиан и некоторых философских школ античности, и лишь под пыткой признается, что христианин²⁰.

В редакции А все, что произносят мученики перед смертью, – это благодарение Христу за то, что Он удостоил их мученичества. В редакции В такое благодарение тоже присутствует²¹, но, кроме того, содержатся предсмертные молитвы мучеников, призванные, во-первых, усилить библейские параллели, а во-вторых, подчеркнуть, что конечная судьба мучеников до последнего момента находится в воле Божьей. «Господь Иисус Христос, прими дух мой», – повторяет вслед за перво-мучеником Стефаном Памфил²². «Господи Иисус Христос, Ты знаешь, что ради Твоего имени мы это переносим», – молится перед смертью Карп²³. Но особенно ярко эта мысль – о том, что именно Христос удостоивает мученичества – выражена в словах Агафоники, сказанных уже после казни Карпа и Памфила: «Охотно, *если я достойна* [курсив мой – Е.Р.; в оригинале – *si mereor*], желаю последовать по стопам святых учителей моих»²⁴. При этом в латинской редакции остается такая черта поведения мучеников, присутствовавшая еще в «Мученичестве Поликарпа», как их радость от перехода в иной, лучший мир²⁵, и даже нетерпение, с которым они спешат к казни²⁶.

Проведенный анализ содержания греческой и латинской редакций «Мученичества Карпа, Папилия и Агафоники» показывает, что мы имеем дело не с двумя слегка различающимися версиями одного и того же памятника, а с двумя разными памятниками, один из которых создан в качестве ответа на другой в богословской полемике II–III вв., что хорошо согласуется с гипотезой Бушмана о полемической природе жанра актов мучеников, по крайней мере на ранних этапах его существования.

²⁰ Ibid (B. 2).

²¹ Ibid (B. 4. 1).

²² Ibid (B. 4. 6). Ср. Деян. 7:59.

²³ Ibid (B. 5). Ср. Деян. 5:41.

²⁴ Ibid (B. 6. 1).

²⁵ Ibid (B. 4. 3).

²⁶ Ibid (B. 4. 2). Однако, в сравнении с редакцией А, этот мотив слегка смягчен: мученики торопятся в амфитеатр, потому что вот-вот должен пойти дождь, а тогда сожжение на костре будет отложено, и их будут ждать новые пытки и требования отречься.

При этом на роль более ранней и достоверной редакции гораздо лучше подходит греческий текст, а не латинский: во-первых, сами мученики пострадали в грекоязычной провинции Азия, где монτανизм зародился в середине второго века; а во-вторых, все датирующие признаки, однозначно указывающие на третий век, содержатся в латинской редакции. Поскольку в ней последовательно пропущены или заменены на противоположные по смыслу все особенности сюжета, указывающие на монтанистское происхождение текста, мы можем сделать вывод, что более ранняя греческая редакция подверглась при переводе на латинский язык сознательной антимонтанистской редакции.

В этом случае существующие в науке аргументы в пользу датировки мученичества временем Деция, собранные и изложенные К. Джонсом, оказываются не вполне убедительны. Упоминание того, что мученики пострадали при Деции, в мартирологах и синаксариях, в том числе восходящих к IV в.²⁷, объясняется тем, что именно латинская версия имела хождение в Церкви, а греческая – среди монтанистов. Слова проконсула о том, что «согласно указам императоров, вы должны принести жертвы», могут означать не эдикт Деция²⁸, а рескрипты Траяна и Адриана, поскольку мученики уже успели объявить себя христианами. Легко объясняется и хорошее знание местных реалий Пергама, на которое указывает упоминание амфитеатра (Пергам был одним из немногих городов Азии, где присутствовала эта типично римская архитектурная форма)²⁹, если предположить, что редакция А составлена очевидцем гонения, а редакция В – поздний отредактированный перевод.

Кроме того, при такой датировке не возникает проблем с объяснением странного имени проконсула Оптима, названного так только в редакции В. Имя это крайне нетипично для консуляра середины III в., а кроме того известно, что проконсулом Азии в 249/250 г. был Гай Юлий Флавий Прокл Квинтиллиан. Если же предположить, что Оптим был проконсулом в 250/251 г., то, учитывая известный нам месяц мученичества, такая датировка вступит в противоречие с известной по другим источникам хронологией гонения³⁰. К. Джонс не предлагает решения этой проблемы, но указывает, что считать «Акты Карпа» поздними все же нельзя, поскольку они показывают хорошее знакомство с местными реалиями. Проблема легко разрешается, если предположить, что редакция А,

²⁷ *Jones Ch.* 2012. P. 260.

²⁸ *Ibid.* P. 264.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.* P. 266-267.

в которой собственно и содержатся все доказательства хорошего знакомства автора с Пергамом, написана очевидцем, а вот редакция В, в которой появляется имя проконсула Оптима, – отредактированный перевод А.

Решение получает и проблема, связанная с вопросом проконсула к Папилию о его гражданском статусе. В греческом тексте вопрос звучит так: «Ты член городского совета?» (Βουλευτῆς εἶ;). В латинской редакции проконсул спрашивает: «Ты принципал?» (Principalis es?)³¹. Поскольку первое упоминание о принципалах содержится у Каллистрата, жившего при Септимии Севере и Каракалле, и к тому же обстоятельства, при которых вопрос задан, предполагают определенные правовые привилегии принципалов, что тоже указывает на III век. Я. Ден Бофт и Я. Бреммер считают, что мученическая смерть Карпа, Папилия и Агафоники произошла не раньше, чем в гонение Септимия Севера. При этом в той же статье определен и *terminus ante quem* – в греческой редакции Папил называется гражданином Фиатиры, а в 215 г. Каракалла даровал этому городу право проведения в нем судебных заседаний. Таким образом, после 215 г. гражданина Фиатиры не могли судить в Пергаме³². Вместе это создает чрезвычайно узкие хронологические рамки. А если добавить, что во время правления Септимия Севера гонение было направлено против христианских неопитов, к которым невозможно отнести Карпа и Папилия, ситуация становится еще запутаннее.

Однако установленный голландскими учеными *terminus post quem* относится не к самому мученичеству, а к созданию латинского текста, ведь в греческих городах сословие булевтов существовало с давних времен. При этом *terminus ante quem* относится, наоборот, к греческой редакции – в латинской Фиатира не упоминается.

Итак, глядя на греческую и латинскую версию «Актв Карпа» в свете гипотезы Герда Бушмана, мы увидели, что эти две версии при внешнем сходстве имеют принципиальные концептуальные различия: греческая версия является монтанистским ответом на «Мученичество Поликарпа Смирнского», а латинская – ее переработкой в православном ключе. Такая точка зрения позволяет не только объяснить богословские различия двух версий «Актв Карпа» и их место в истории жанра актов мучеников, но и предложить версию датировки, снимающую те противоречия, которые раньше казались неразрешимыми.

³¹ Acta Carpi (A. 24; B. 3. 1).

³² Den Boeft J., Bremmer J. 1982. P. 384-385.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Martyrium Sanctorum Carpi, Papylii et Agathonicae // The Acts of the Christian Martyrs / Introduction, texts and translations by H. Musurillo. Oxford, 2000. P. 22-36.
- Martyrium Sancti Polycarpi // The Acts of the Christian Martyrs / Introduction, texts and translations by H. Musurillo. Oxford, 2000. P. 2-20.
- Акты Карпа, Папила и Агатоники / Пер. А. Д. Пантелеева // Antiquitas Aeterna. Вып. 3. Нижний Новгород, 2011. С. 295-307.
- Евсевий Кесарийский. Церковная история. СПб., 2013.
- Мученичество святого Поликарпа, епископа смирнского / Пер. с древнегреч. прот. П. Преображенского // Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 379-392.
- Письма *Плиния Младшего* / Издание подготовили М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. М., 1983.

Литература

- Barnes T. D. Legislation against the Christians // Journal of Roman Studies. 1968. Vol. 58. P. 32-50.
- Boyarin D. Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. Stanford, 1999. 247 p.
- Buschmann G. Martyrium Polycarpi. Eine formkritische Studie. Ein Beitrag zur Frage nach der Entstehung der Gattung Märtyrerakte. Berlin, New York, 1994. 366 s.
- Buschmann G. Martyrium Polycarpi 4 und der Montanismus // Vigiliae Christianae. 1995. Vol. 49. S. 105-145.
- Dehandschutter B. Le Martyre de Polycarpe et le Developpement de la Conception du Martyre au Deuxieme Siecle // Studia Patristica. 1982. Vol. XVIII/2. P. 659-668.
- Dehandschutter B. Hagiographie et Histoire: À propos des actes et passions des martyrs // Martyrium in Multidisciplinary Perspective: Memorial Louis Reekmans / Ed. by M. Lamberigts, P. van Deun. Leuven, 1995. P. 295-301.
- Dehandschutter B. Research on the Martyrdom of Polycarp 1990-2005 // Polycarpiana. Studies on Martyrdom and Persecution in Early Christianity. Collected Essays (Bibliotheca Ephemeridum Theologicarum Lovaniensium, 205). Leuven, 2007. P. 85-92.
- Den Boeft J., Bremmer J. Notiunculae Martyrologicae II // Vigiliae Christianae. 1982. Vol. 36. P. 383-402.
- Den Boeft J., Bremmer J. Notiunculae Martyrologicae V // Vigiliae Christianae. 1995. Vol. 49. P. 146-151.
- DeSilva D. A. An Example of How to Die Nobly For Religion: The Influence of 4 Maccabees on Origen's Exhortatio ad Martyrium // Journal of Early Christian Studies. 2009. Vol. 17. P. 337-356.
- Edwards C. Death in Ancient Rome. New Haven, 2007. 304 p.
- Jones Ch. Notes on the *Acts of Carpus* and some related Martyr-acts // Pignora Amicitiae. Scritti di storia antica e di storiografia offerti a Mario Mazza / A cura di M. Cassia, C. Giuffrida, C. Mole, A. Pinzone (Storia e Politica, 99). Acireale-Roma, 2012. T. 1. P. 259-268.
- Lietzmann H. Festgabe für Karl Müller. Tübingen, 1922.
- Moss C. On the Dating of Polycarp: Rethinking the Place of the Martyrdom of Polycarp in the History of Christianity // Early Christianity. 2010. Vol. 1. P. 539-574.

Musurillo H. Introduction // The Acts of the Christian Martyrs / Introduction, texts and translations by H. Musurillo. Oxford, 2000. P. xi-lxxiii.

Ronchey S. Indagine sul martirio di San Policarpo: Critica storica e fortuna di un caso giudiziario in Asia Minore. R., 1990. 241 p.

Розенблюм Евгений Михайлович, соискатель кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва), преподаватель Католической высшей духовной семинарии «Мария – Царица Апостолов» (Санкт-Петербург); Eugene.rosenblum@gmail.com

Е. П. ТЕЛЬМЕНКО

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПОЛЕМИКА 1496 ГОДА О ПРОРОЧЕСКОЙ МИССИИ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ

В статье, на основе анализа ключевых вопросов полемики 1495–1496 гг., разгоревшейся в среде итальянского духовенства по поводу флорентийского пророка-реформатора Джироламо Савонаролы, выявляются особенности представлений о доминиканском монахе, как его противников, так и апологетов.

Ключевые слова: история церкви, Флоренция, Савонарола, пророчество.

Поздней осенью 1495 г. во Флоренции распространился изданный в типографии Лоренцо Морджани и Джованни ди Пьетро текст «Послания некоему другу», автором которого был Джироламо Савонарола. В этом письме автор публично отвечал на обвинения своих противников, касающиеся его религиозной и политической деятельности¹. Эпистола настоятеля доминиканского монастыря Сан Марко, проповедника и пророка, очевидно, вызвала большой резонанс в городе на Арно. Уже в начале 1496 г. эти же издатели публикуют ответное послание некоего анонима, видимо из числа духовных лиц, где автор, под маской «друга», воспроизводит суждения врагов доминиканца, усиливая их обвинения значительным набором цитат из Св. Писания и трудов авторитетных церковных и светских авторов. Письмо анонима, в свою очередь, породило ответную реакцию со стороны приверженцев Савонаролы: каноник флорентийской церкви Сан Лоренцо Доменико Бенивьени в мае 1496 г. издает в печати свою эпистолу-апологию².

Необычность ситуации, связанной с появлением этих трех писем, заключалась в том, что впервые в истории Флоренции противоборствующие стороны использовали прессу как стратегическое оружие, средство пропаганды; немного позже эта практика приведет к расцвету памфлетной литературы в городе. В свою очередь, анализ посланий анонима и Бенивьени дает возможность составить представление о сути полемики, развернувшейся вокруг Савонаролы в церковной среде, выявить особенности рецепции и интерпретации идей и действий доминиканского монаха его современниками; и, наконец, позволяет сравнить два, совершенно противоположных образа флорентийского проповедника-пророка, сформированных его противниками и сторонниками.

¹ Cordero. 2009. P. 513.

² Ibid. P. 517; Garfagnini. 2000. P. 119–120, 174.

Прежде, чем обратиться к содержанию эпистол, стоит вкратце описать события, которые предварили их появление. Апогей влияния Савонаролы на Флоренцию относится к рубежу 1494–1495 гг., именно тогда он превращается в «главное действующее лицо жизни города»³. С начала 1495 г. его положение начинает ухудшаться. Город, на краткий миг объединившийся для свержения медичейского режима и противостояния французской угрозе, с января 1495 г. разделяется на противоборствующие группировки – сторонников брата (*riagnoni* – «плаксы»), противников (*arrabbiati* – «озлобленные») и колеблющихся (*tiepidi* – «равнодушные»). Противники доминиканца начинают действовать в нескольких направлениях: интригуют внутри города, активизируются в Римской курии, добиваясь от Папы канонических санкций против приора Сан Марко. Александр VI Борджа своим бреве от 21 июля требует немедленного прибытия Савонаролы в Рим для объяснений, монах, ссылаясь на нездоровье, не выполняет приказ. В бреве от 8 сентября 1495 г. Папа запрещает доминиканцу учить и проповедовать, а также аннулирует независимую конгрегацию Сан Марко и переподчиняет ее Ломбардской конгрегации. Следующим бреве от 16 октября 1495 г. Понтифик отменяет все свои постановления, но рекомендует фра Джироламо воздержаться от проповедей до тех пор, пока ситуация не будет тщательно исследована⁴.

В этих условиях, когда монах был вынужден замолчать, он находит способы обойти запрет Папы: Савонарола пишет трактаты «Компендиум пророчеств» и «О простоте христианской жизни», которые были направлены на подтверждение полной ортодоксальности проповедуемого им учения. В это же время выходит в свет упомянутое выше «Послание некоему другу»⁵, положившее начало печатной полемике

³ *Leonardi*. 1999. P. 5.

⁴ *Ченчи*. 1998. С. 94–99, 103–105.

⁵ В «Послании к некоему другу» Савонарола по пунктам отвечал на обвинения противников, касающиеся религиозных (ересь, пророчество, видения) и политических дел (тирания и проч.). Письмо анонима, по сути, воспроизводит основную схему рассуждений доминиканца. Определенная связь имеется между эпистолой Фра Джироламо и «Компендиумом пророчеств», который содержал краткое изложение наиболее значимых видений монаха, а также сведений о том, как и когда он начал пророческую деятельность. К примеру, это касается его описания посещения Рая, впервые озвученного в одной из майских проповедей 1495 г. и вызвавшего в городе многочисленные споры: в эпистоле монах указывает, что речь идет не о «телесном» пребывании, а о видении, сформированном, посредством действий ангелов. Еще одно сочинение – «О простоте христианской жизни» можно назвать нравственно-апологетическим трактатом; здесь автор не только защищался, но и обозначил ос-

противников и сторонников брата⁶, одним из первых проявлений которой стал заочный спор анонимного «друга» и Доменико Бенивьяни.

Итак, первым свое сочинение публикует анонимный автор. В начале текста он излагает причины, побудившие его к написанию эпистолы, подчеркивая свое расположение к брату и стремление к объективности. Аноним указывает на «душевный трепет сомнений и двойственности», в который его повергли, с одной стороны «народная молва и острые языки», а с другой – собственное «благочестие», преисполненное стремлением к правде. По его словам, апология самого Савонаролы в открытом письме 1495 г. «вызвала в сознании большой ужас» из-за невозможности определить истину, и по этой причине он, «будучи переполнен различными мнениями, решил откровенно изложить все то, что услышал и воспринял против вас (Савонаролы – *E.T.*) относительно этой материи»⁷.

При анализе письма анонима выделяются два основных направления критики Савонаролы его оппонентами: взаимоотношения флорентийского проповедника, провозгласившего себя пророком, с официальными церковными институтами; вмешательство монаха в политику флорентийского государства. Примечательно, что рассуждения по этим вопросам пронизывает еще одна мысль – подозрение Савонаролы в одном из самых страшных грехов – гордыне. Так, оценка высказываний и действий монаха сопровождается фразами о его «высокомерной самонадеянности», «желании возвеличиться», о том, что он проявляет «амбиции, которые приписывает другим», что, «оставив в стороне всяческую монашескую узду, бьется больше из-за мирских амбиций, нежели Геракл из-за доблести (*per virtù*)»⁸.

Итак, Савонарола обвиняется в неповиновении апостолическому престолу. То, что монах проигнорировал многочисленные бреве с вызовом в Рим, его оппоненты связывают со «страхом перед справедливым наказанием». Позиция Александра VI, не предпринявшего суровых мер в отношении доминиканца, свидетельствует не о правоте учения брата, как он стремится представить это окружающим, но скорее о доброте и

новые направления реформы, необходимой для флорентийского народа и всего христианского мира (*Cordero*. 2009. P. 513–517).

⁶ *Garfagnini*. 2000. P. 117–118. Один из ведущих итальянских исследователей Франко Кордеро, говоря о факте появления «Послания» Савонаролы, заметил: «Никакой влиятельный человек не использовал прессу как стратегическое оружие; мы можем приписать первенство ему; он – волшебник пропагандистской техники» (*Cordero*. 2009. P. 513).

⁷ *Epistola responsiva*. . . P. 124.

⁸ *Ibid.* P. 124, 125, 128, 129.

милосердия Папы, который, «чтобы избежать смуты (scandolo), проявляет терпимость даже к борделям, пренебрегающим законом божьим». Монах в своем высокомерии обнаруживает неверие в «исключительность власти Понтифика», и отсюда веет, как утверждает автор послания, «гадким и еретическим смрадом»⁹.

Савонарола, с точки зрения его оппонентов, присвоил себе звание пророка и потому вызывает «подозрение в порочной ереси». Испушенный в богословских вопросах и знании Св. Писания, анонимный «друг», ссылаясь на тексты евангелистов, напоминает, что отличие истинных пророков от ложных состоит в том, что они «не сами приходят, но их посылают»¹⁰. Свидетельством же того, что пророк вещает от имени Господа, являются поданные свыше «знаки (signi)». Так, отмечая стремление Савонаролы уподобить себя «новому Моисею», а флорентийцев – избранному народу Израиля, автор эпистолы указывает, что израильтяне получили возможность убедиться в том, что учение Моисея «происходит от Всевышнего» «посредством знаков и сверхприродных чудес», а флорентийский народ не обрел от своего «пророка» каких-либо божественных доказательств¹¹. Более того, если сам Спаситель признавал, что собственного свидетельства недостаточно, и, среди прочих, явил доказательства своей миссии Иоанну Крестителю на реке Иордан, а апостолам Петру, Иакову, Иоанну на горе Фавор, то позиция фра Джироламо отличается явным высокомерием и порождает «подозрение в дьявольском обмане»¹².

Уверенность в лжепророчестве флорентийского проповедника, по мнению его противников, усиливается и оттого, что многие из его предсказаний не сбываются. «Вы обещали, – упрекает Савонаролу автор письма, – что при новом управлении, сотворенном Богом, больше не будет никаких непомерных налогов (balzello)..., а случилось противоположное»; «вы обещали процветание и изобилие, и вскоре город был охвачен голодом и чумой»; «вы обещали возврат Пизы и увеличение территории государства, и, видя произошедшее, можно судить, являются ли ваши предсказания истинными или ложными»¹³. Оппоненты монаха также замечают, что его прорицания имеют свойство изменяться в зависимости от обстоятельств, что вызывает сомнения в истинности его пророческого статуса. Здесь анонимный сочинитель эпистолы вспоми-

⁹ Ibid. P. 125–126, 124.

¹⁰ Ibid. P. 126. См.: Мф. 23:34; Лк. 11:49.

¹¹ Epistola responsiva... P. 131–132.

¹² Ibid. P. 126–127.

¹³ Ibid. P. 127.

нает давние заявления монаха о реформировании Церкви и христианского мира, в которых он утверждал, что эта миссия будет возложена Богом на светского государя – «Турка».

Савонарола изобличается не только в том, что повторил старое и широко распространенное среди итальянских проповедников суждение, но и что затем, «чувствуя приход французов», предпочел забыть о нем и представить в качестве орудия Господа другое лицо – Карла VIII¹⁴. Недоброжелатели приора Сан Марко заметили его неуверенность в собственных откровениях в том, что монах всячески пытается избежать проверки их фактами. Так аноним пишет: «Но, мало веря в исход этих ваших пророчеств, вы как бы стремитесь сделать заключение, что этого не будет при тех, кто живет в настоящее время, но при их потомках, разумно убирая границы, чтобы не испытать дополнительных проверок разочарованного народа»¹⁵.

Более того, высказывания-пророчества монаха не санкционированы Церковью. Данный пункт обвинений представляется чрезвычайно важным для выяснения сути противостояния флорентийского проповедника и Римской курии, и его интерпретации со стороны противников и апологетов Савонаролы, различным образом понимавших место и роль пророчества в современной Церкви. Так, автор письма выстраивает свои рассуждения по поводу пророческой миссии Савонаролы вокруг евангельской фразы «Закон и пророки до Иоанна»¹⁶. «Свет пророчества обрел свое завершение в Воплощении Вечного слова»¹⁷, – замечает аноним, развивая эту мысль следующим образом: последним пророком, предсказавшим приход Спасителя, стал Иоанн Креститель; с появлением Христа пророчество завершилось; Иисус передал свои полномочия ап. Петру и Церкви, которая обрела исключительный авторитет в вопросах веры. Это утверждение анонимного сочинителя вполне обосновано, во-первых, положением об апостольском преемстве – одном из признаков Церкви, которое зафиксировано как в Св. Писании, так и в трудах авторитетных раннехристианских богословов¹⁸; а во-вторых, принятым в

¹⁴ Ibid. P. 127, 136.

¹⁵ Ibid. P. 132.

¹⁶ Ibid. P. 127. См. также: Лк. 16:16; Мф. 11:13.

¹⁷ Epistola responsiva... P. 133.

¹⁸ См., например: Ин. 20: 21-23; Мф. 28: 19-20; Мк. 16:15-16; Лк. 24: 47-49; Деян. 1: 8,14: 23; 20: 28; 1 Тим. 5: 22; 2 Тим. 16: 6 и др. Об апостольском преемстве писали такие отцы ранней церкви, как Ириней Лионский, Климент Римский, Иероним, Тертуллиан и др. Например, Ириней Лионский в своем сочинении «Против ересей» заявляет: «Все, желающие видеть истину, могут во всякой церкви узнать

Церкви тезисом о том, что она, как носительница апостольского предания, установив канон Св. Писания, является единственной его верной хранительницей и истолковательницей, а также обладает первенством во всех делах веры¹⁹. Отсюда, автор эпистолы, ссылаясь на авторитет блаженного Августина, заявившего: «Я бы не поверил Евангелию, если бы меня не подвиг к этому авторитет католической церкви»²⁰, выказывает законные сомнения в легитимности пророческого статуса брата и в его претензиях вещать непосредственно от имени Бога. «Какой закон, – вопрошает аноним, – обязывает человека верить не признанным церковью вымыслам монашка, что более опасно, поверить ему или нет?». Затем автор приходит к закономерному выводу: «Но поскольку тот же самый свет, который озарил означенное Св. Писание, возможно, также осеняет ваши видения, когда церковь установит (это), мы будем обязаны доверять им, а до этого возникает опасность еретического суеверия»²¹.

Таким образом, Савонарола, провозгласив себя медиатором между Господом и паствой, следует не отвечающей современному положению Церкви модели Ветхого завета, когда Всевышний вещал народу через пророков, практически игнорируя институт священнослужителей²².

предание апостолов, открытое во всем мире; и мы можем перечислить епископов, поставленных апостолами в церквах, и преемников их до нас...». Далее, перечислив апостольских преемников своего времени (II в.), он продолжает: «В таком порядке и в таком преемстве церковное предание от апостолов и проповедь истины дошли до нас. И это служит самым полным доказательством, что одна и та же животворная Вера сохранялась в церкви от апостолов доньше и предана в истинном виде» (*Иринея Лионский*. 1996. С. 222, 223-224).

¹⁹ У того же Иринея Лионского, отрывки из работ которого часто и полно цитируются богословскими и полемическими авторами на тему первенства Римской Церкви, сказано: «Истина находится только в католической Церкви, хранительнице апостольского предания <...> При таких доказательствах, не должно искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо Апостолы, как богат в сокровищницу, вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни. Она, именно, есть дверь жизни, а все прочие (учители) суть воры и разбойники» (*Иринея Лионский*. 1996. С. 225).

²⁰ *Epistola responsiva*. . . P. 125. Здесь аноним цитирует труд Августина «Против послания манихея, именуемого Основным».

²¹ *Ibid*. P. 130.

²² Происхождение пророчества, согласно Второзаконию, связано с событиями Исхода. Пророк подобен устами Господа, он избран Богом, зачастую вопреки собственному желанию, чтобы донести волю Всевышнего его народу (Исх.3:1–12). Как среди ранних (до разрушения Первого храма), так и среди поздних (после вавилонского плена) пророков многие не были связаны со жречеством. Более того, поздние пророки, – на тексты которых Савонарола составил циклы проповедей, – настаивали на примате морального совершенствования человека над пышным культом, высту-

Данная позиция, – как представляют ее оппоненты брата, – может считаться не только еретической, но и схизматической, поскольку монах, призывая христиан поверить его пророчествам, провоцирует их на отделение от общего тела Церкви и создание, по сути, секты. И здесь, как отмечает сочинитель эпистолы, алгоритм поведения флорентийского проповедника оказывается сходен тому, против чего предостерегали апостолы членов первых христианских общин: в качестве примера аноним раздражается обширной цитатой из Первого послания коринфянам ап. Павла, где тот упрекает своих адресатов за разделение на группы вокруг отдельных учителей и призывает их к единству²³. Негативный образ Савонаролы-раскольника усиливается в письме через сравнение с другой отрицательной фигурой – Магометом, который для обретения доверия использовал христианское учение, а затем подорвал его, положив начало новому исповеданию²⁴. Но и этого сопоставления, судя по иным источникам, распространенного среди недругов брата, автору кажется недостаточно, и тогда он, цитирует Иеронима Стридонского, утверждавшего: «Обозревая древнюю историю, я не могу найти никого, кто бы разделил Церковь и отвратил народ от дома Господня, кроме тех, которых он поставил священниками и пророками, то есть стражами. Таким образом, они обращаются в извилистую сеть, во всех местах устраивая преткновения»²⁵. Действительно, эта цитата проясняет, насколько тяжелой представляется вина Савонаролы со стороны его церковных оппонентов: монах, будучи духовным лицом, призванным наставлять паству в делах веры и сохранять церковное единство, воспользовался доверием прихожан к своему статусу для разделения Церкви.

В этом же контексте, очевидно, следует понимать интерпретацию противниками брата его высказываний об Иерусалиме, как месте, куда будет перенесена преобразованная Церковь. Заявления флорентийского проповедника о Новом Иерусалиме, как отмечает его «друг», близки к еврейским ожиданиям Мессии, который восстановит Храм, а не к христианскому толкованию Нового Иерусалима как Церкви Христа, «церкви торжествующей», построенной на крови мучеников²⁶. Здесь оппоненты Савонаролы, скорее всего, намеренно искажают его мысль, приземляя ее с тем, чтобы, во-первых, еще раз обвинить его в схизме, и,

пали против абсолютизации последнего, что приводило к конфликту между ними и священническими кругами (напр., Ам. 7: 10–15).

²³ Epistola responsiva... P. 136. См. также: 1 Кор. 1:10, 12–13; 3: 4–8, 21–23.

²⁴ Epistola responsiva... P. 120.

²⁵ Иероним Стридонский. 1894. С. 270; Epistola responsiva... P. 137.

²⁶ Ibid. P. 134–136.

во-вторых, упрекнуть в излишней увлеченности ветхозаветными текстами в ущерб посланию, сосредоточенному в Новом завете.

Итак, центральная часть эпистолы анонимного «друга» посвящена теме пророческого статуса Савонаролы. Сравнительно меньший объем занимает столь же важный для флорентийских граждан вопрос вмешательства монаха в городскую политику. Чрезмерная погруженность доминиканца в дела республики связана, в представлении его оппонентов, не столько с заботой об общем благе, сколько с амбициозной натурой фра Джироламо. Здесь Савонарола зашел настолько далеко, что, будучи «неопытным и совершенно несведущим» в государственном управлении, претендует на роль политического лидера, «полагая себя не только пророком, но и вечным диктатором (*perpetuo dittatore*)»²⁷. Все его поступки (высокомерие, демагогия, жестокость по отношению к противникам) свидетельствуют, согласно его критикам, о том, что он – воплощение истинного тирана. В государственных делах ему «кажется допустимым присвоить себе возможность и право говорить, как заблагорассудится». Своих противников монах называет «озлобленными», почитает их за «преступников и скверных людей, в то время как они – благородные духом и истинные патриоты своего отечества». Говоря о том, что клеветники нового правления «заслуживают быть обезглавленными», он ведет себя не как подобает милосердному человеку и духовному лицу²⁸. Савонарола, как и всякий тиран и злодей, совесть которого нечиста, окружил себя вооруженной охраной вместо того, чтобы, как это делали святые люди Церкви, уповать на «защиту Всевышнего»²⁹.

Монаху импонирует статус, но не имя тирана, он хочет быть им, но не казаться; поэтому он стремится закамуфлировать свои претензии на власть, заняв более удобную позицию «оракула», «к которому государство обращается за советами». Сам же брат, как утверждают его противники, объят «исступлением и страстями», и потому мечется из стороны в сторону. В итоге, автор эпистолы заключает, – то ли сокрушаясь по поводу сложившейся ситуации, то ли укоряя флорентийцев, – что «неприлично, позорно и отвратительно», когда «такой великий город, постоянно управляемый возвышенными духом людьми, вынужден подчиняться колебаниям какого-то монаха – выдумщика поэтических видений, осужденных церковью и преданных всеобщему осмеянию»³⁰.

²⁷ Ibid. P. 128.

²⁸ Ibid. P. 129–130.

²⁹ Ibid. P. 132.

³⁰ Ibid. P. 129.

Означенная критика в адрес проповедника-реформатора сопровождается мыслью, высказанной его оппонентами еще во время организованного в январе 1495 г. в палатце Синьории диспута на отрывок из Послания ап. Павла к Тимофею³¹. Анонимный «друг», развивая тему, так же указывает на пример ап. Павла и прочих святых, которые пеклись не о земном и преходящем, но о граде небесном: «Преславный Павел сильно не привязывался к городу своему – земному Иерусалиму, ибо в отношении управления он никогда слова не произнес, как истинный апостол, сосуд избранный, преисполненный Духом Святым, но ради небесного отечества, града высшего (*superna*), отличного от того, тленного и преходящего ... неустанно трудились также апостолы и все святые... Так что не дело монаха упрямо стремиться в земную политику, но (следует) предоставить управление государям, также направляемым Всевышним (Рим. 13:1)»³².

Как было сказано выше, публичным ответом на письмо анонима стала эпистола сторонника пророка из Сан Марко – Доменико Бенивьени. Этот магистр «искусств и медицины», отличающийся глубокими познаниями в области философии и строгостью нравов, в 1491 г. благодаря покровительству Лоренцо и Пьер Франческо Медичи стал каноником церкви Сан Лоренцо. Уже с начала 1490-х гг. отец Доменико начал проявлять симпатию в отношении Савонаролы и его трудов. Во время полемики, разгоревшейся во Флоренции между противниками и сторонниками Савонаролы, Бенивьени выступил в качестве активного защитника учения и действий брата. В мае 1496 г. он публикует «Трактат в защиту и подтверждение учения и пророчеств, проповедуемых братом Иеронимом во Флоренции»; затем одно за другим, между серединой 1496 г. и 1497 г., выходят еще два сочинения этого савонаролианца – интересующая нас «Эпистола некоему другу в ответ на некоторые возражения и клевету против брата Иеронима из Феррары», а также «Диалог об истинности учения, проповедуемого братом Иеронимом из Феррары в городе Флоренция»³³.

Прежде чем проникнуть в суть ответного послания Бенивьени, рассмотрим, как этот апологет «феррарского монаха» формулирует цель сочинения и оценивает личность анонимного составителя эпistolы. Отмечая заявления последнего о том, что он является «другом» доминиканца, который готов «последовать за ним при любых обстоятель-

³¹ 2 Тим. 2:4: «Никакой воин не связывает себя делами житейскими». О диспуте см.: La Vita... 1937. P. 190; *Cordero*. 2009. P. 190.

³² *Epistola responsiva*. ... P. 128–129.

³³ *Garfagnini*. 2000. P. 174.

ствах»³⁴, Доменико обнаруживает готовность поверить в то, что перед ним человек неискушенный, раздираемый сомнениями от противоречивых мнений, высказываемых о брате из Сан Марко. Соответственно причину написания ответного письма он представляет не как желание вступить в спор с противниками³⁵, но как стремление помочь «простодушной и безрассудной овечке» из стада Христова не попасть «в мясную лавку Сатаны», поддавшись на притворство и обман дурных людей³⁶. И здесь представляется, что Бенивьени имеет в виду не столько анонимного автора, сколько своих читателей, среди которых много колеблющихся и сомневающихся в учении фра Джироламо.

В том, что касается самого сочинителя эпистолы, Доменико, – как бы принимая предложенные условия «игры» в колеблющегося друга, – на протяжении всего текста периодически проявляет сомнения в искренности его позиций и подозрения в плохо скрываемой злонамеренности. Об этом, по его мнению, свидетельствует как нежелание автора письма открыть свое имя³⁷, так и то, что он, собрав и записав клеветнические и дурные речи о приоре Сан Марко, охотно сделал их публичным достоянием, в то время как настоящий друг «негласно и со скромностью написал бы ему то, что говорится против него и его учения»³⁸. Кроме того, стремление неизвестного составителя эпистолы не только передать мнения и слова врагов, но и подкрепить их обвинения значительным набором авторитетных цитат, также вызывает критику сторонника Савонаролы, который, – очевидно, чтобы уязвить скрытого оппонента брата, – связывает этот прием либо с недостатком ума, либо с амбициями и тщеславием³⁹.

В своей эпистоле каноник Сан Лоренцо подробно, пункт за пунктом, отвечает на положения сочинения анонима. Часть письма посвящена вопросам, касающимся городской политики, очевидно, бурно обсуждаемым флорентийскими гражданами – сторонниками и противниками брата: это реформа городского управления по венецианскому образцу, «увеличение налогов новым правительством», проблема

³⁴ Epistola di maestro Domenico Benivieni... P. 178. В послании анонима см.: Epistola responsiva... P. 139.

³⁵ Здесь автор эпистолы четко выражает свое мнение посредством цитаты из Св. Писания (Притч. 26: 4–5): «Не отвечай глупому по глупости его <...>, чтобы он не стал мудрецом в глазах твоих» (Epistola di maestro Domenico Benivieni... P. 178).

³⁶ Ibidem.

³⁷ Завершая письмо, Бенивьени призывает анонима огласить свое имя, «чтобы не потерять статус друга» (Epistola di maestro Domenico Benivieni... P. 189).

³⁸ Ibid. P. 178.

³⁹ Ibid. P. 185.

возвращения Пизы под власть Флоренции, действенность работы магистратов, а также суровые меры, к которым призывал Савонарола в отношении врагов республики⁴⁰. Однако кажется, что обсуждение этих проблем для Бенिवьени, как и для анонимного сочинителя, подчинено более важной, по сути, главной теме полемики – пророческой миссии Савонаролы. И здесь дискуссия между духовными лицами – авторами посланий обнаруживает различия в понимании места пророчества в современной Церкви. Если анонимный автор выстраивает критику флорентийского пророка с позиций его взаимоотношений с официальными церковными институтами, то апология Доменико обращена к теме пророчества в контексте отношений между Богом и Церковью, понимаемой, прежде всего, как сообщество верующих.

Так, отвергая обвинения Савонаролы в высокомерии и гордыне, связанные с присвоением пророческого статуса, сторонник брата несколько раз повторяет мысль о том, что «свет» пророчества не является индивидуальным даром, обретается человеком «не из-за его достоинств или совершенства, а во благо других», что «Бог может наделить им кого и когда пожелает»⁴¹. Таким образом, пророчество предстает знаком божественного провидения и заботы о своем народе. Соответственно и современная Церковь нуждается в пророках, поскольку они являются знаком присутствия Бога. И здесь Бенивьени указывает колеблющемуся «другу» на неверное толкование оппонентами Савонаролы новозаветного положения «Закон и пророки до Иоанна». Их заключение о том, что после Крестителя, предсказавшего приход Спасителя, нужда в пророческом вмешательстве исчезла, апологет брата из Сан Марко опровергает, ссылаясь на Св. Писание, примеры из церковной истории, а также мнение авторитетных богословов⁴². Сам Христос, – указывает брат Доменико на слова евангелиста Матфея⁴³, – «также обещал послать в церковь свою пророков, которые претерпят мучения». Защита идеи дрящегося пророчества подкрепляется преимущественным обращением к трудам Фомы Аквинского – мыслителя, сумевшего в эпоху схоластики придать рефлексии в отношении пророчеств максимальную «интеллектуальную полноту»⁴⁴ и наиболее почитавшегося Савонаролой. На Иоанне Крестителе, уточняет Бенивьени, завершилось пророчество тех, кто предсказывал приход Спасителя, но «пророчество, – продолжает он, – как гово-

⁴⁰ Ibid. P. 181–183, 185.

⁴¹ Ibid. P. 179, 186.

⁴² Ibid. P. 187.

⁴³ Мф. 23:34.

⁴⁴ *Leonardi*. 1999. P. 15.

рит Св. Фома, в Церкви не только для того, чтобы объявить веру в воплощение Сына Божьего, но и для того, чтобы направлять и руководить людскими поступками и действиями в соответствии с тем, что в любое время ситуация уместна для спасения избранных Бога»⁴⁵.

Итак, пророчество – это дар Господа, причастность человека к божественному свету. Обладание им связано не столько с постижением грядущих событий, сколько с познанием Бога, поскольку пророчество представляет исторические события в контексте божественного управления. Для Фомы, как и для Савонаролы, – отмечает итальянский исследователь К. Леонарди, – это познание, которое относится к манифестации того, что Бог есть, и его цель – обратить человека к себе⁴⁶. Таким образом, Бенивьени фактически разъясняет суть позиции Савонаролы, о которой тот неоднократно заявлял пастве на своих проповедях. Вера представлялась им как наилучший из путей постижения Первоистины и обращения к Господу. Проповедник рисовал прихожанам этот путь как встречный процесс движения человека и Бога, в этом контексте его рассуждений вера людей и пророчество, исходящее от Всевышнего, дополняли друг друга⁴⁷. Таким образом, как в письме апологета, так и в выступлениях монаха, флорентийский пророк предстает как смиренное орудие Господа, которое посредством божественного озарения направляет народ к его высшей цели.

Поскольку встречное движение человека и Бога является взаимным процессом, автору письма представляются вполне обоснованными утверждения фра Джироламо о том, что бедствия Флоренции проистекают от неверия ее жителей. Господь открывается только тем, кто хорошо подготовлен, то есть отринул от себя дурную жизнь, которая является причиной отсутствия веры. Об этом, как указывал Бенивьени, свидетельствует пример древних пророков, когда «те, кто им не верил, не получили оправдания, и поэтому попадали в беду..., ибо Божественный свет, который склоняет человека к вере в истину, дается, как написано, тем, кто чисты сердцем»⁴⁸.

⁴⁵ Epistola di maestro Domenico Benivieni... P. 188.

⁴⁶ *Leonardi*. 1999. P. 16.

⁴⁷ Бог, как говорил в одной из своих проповедей Савонарола, обращается к человеку: «Я нахожусь <...> у двери твоей свободной воли и говорю: открой мне, обратись» (*Savonarola*. 1971. P. 424–425). О том, что для верующих «недостаточно света природного, необходим свет сверхъестественный», а пророчество является этим светом, и необходимо для современной Церкви, Савонарола рассуждал, например, в проповедях на пророка Иезекииля (*Savonarola*. 1955. P. 4, 39–40).

⁴⁸ Epistola di maestro Domenico Benivieni... P. 184.

Соответственно, враги, разум которых затемнен грехами, не в силах понять о каком Новом Иерусалиме говорит брат в своих проповедях. Они либо намеренно извращают смысл его высказываний, либо ошибочно считают, что Савонарола, вещая о реформировании Церкви, подразумевает перенесение апостолического престола в Святую землю, полагая, «что под обновлением понимается материальное возведение Иерусалима». Монах, поясняет его защитник, имел в виду не земной Иерусалим, а небесный, обновление Церкви для него – это обновление человека, который внутри себя должен построить храм Божий, реконструировать в себе образ и подобие Бога, согласно которому он был сотворен⁴⁹. Оппоненты флорентийского проповедника «забыли или, может быть, никогда не знали, что истинный храм Божий, как говорит Апостол, это душа человека»⁵⁰, ссылается Бенивьени на слова ап. Павла.

Итак, если речь идет о внутреннем, индивидуальном и коллективном, обновлении, достижении состояния чистоты (*santità*) христианского народа, то укоры врагов брата, связанные с тем, что фра Джироламо не мог точно назвать реформатора Церкви, колеблясь от «Турка» к французскому королю, безосновательны. Подобное обновление Церкви – удел Бога, который может побудить людей изменить свою жизнь, послав им различные бедствия и наказания. Поэтому, Бенивьени заявляет читателям своего открытого послания, что Савонарола «не говорит и не говорил, что король Франции или Турок должен реформировать Церковь, но скорее – наказать ее, и что затем Бог благодатью Св. Духа преобразует ее»⁵¹.

Тема обращения народа, а, следовательно, реформы Церкви, для Савонаролы была заключена не только в ортодоксии, но и в ортопраксии верующих⁵², ибо истинная Церковь, как заявлял этот пророк-реформатор, проявляет себя в «простоте христианской жизни». Тот факт, что практическое осуществление нравственной реформы флорентийцев оказалось тесно связанным с участием фра Джироламо в политической жизни города, в частности в реформе управления, согласно брату Доменико было обусловлено не амбициями доминиканца из Сан Марко, а практической необходимостью. Апологет напоминает читателям высказывания Савонаролы по этому вопросу, ненавязчиво указывая при этом на дорогой сердцу флорентийцев республиканизм монаха:

⁴⁹ В одной из проповедей на Иезекииля Савонарола наставляет: «жизнь христианская состоит в уподоблении Христу и соединении с Ним» (*Savonarola*. 1955. P. 29).

⁵⁰ *Epistola di maestro Domenico Benivieni...* P. 188.

⁵¹ *Ibid.* P. 181.

⁵² Если ортодоксия – правильная вера, мышление, то ортопраксия – правильное поведение (см. Ин. 14:15: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди»).

«И также, как он нам часто заявлял, он не обращался бы к государственному управлению, если бы не необходимость создания основы для христианской и духовной жизни, ибо тираны прежде всего стремятся разрушить или извратить божественный культ и изгнать праведников»⁵³. Подозрения же противников монаха в его стремлении под видом призывов к наказанию скверных горожан, отомстить своим врагам, автор эпистолы отмечает, указывая на то, что монах кроток и готов снести личные обиды, но когда кто-то «бесчестит Бога или вредит душам и общественному благу», следует осудить «того человека, который так поступает и является причиной подобного зла»; что монах в этом случае не отходит от практики древних пророков, а также самого Спасителя, которые сурово обличали недостойных людей и дурное управление⁵⁴.

Сомнения противников в истинности пророческой миссии Савонаролы, связанные с отсутствием подтверждающих «знаков» свыше, автор письма опровергает, во-первых, указывая на сходные библейские примеры, когда «множество других пророков <...> были посланы Богом, и их миссия не была подтверждена какими-либо знаками и чудесами <...> но они просто говорили, что направлены Господом»⁵⁵. Во-вторых, Бенивьени выстраивает основную часть защиты в духе проповедей брата, касающихся рассуждений о чудесах и их необходимости. Явным и непреложным свидетельством миссии фра Джироламо, как и его предшественников, являются не столько сверхъестественные явления, сколько «чистота жизни, действенность их слов и результат их проповедования»⁵⁶. Здесь автор эпистолы, очевидно, подразумевает те положительные изменения в политической и нравственной жизни Флоренции, которые произошли при поддержке или по инициативе Савонаролы⁵⁷.

Таким образом, в апологии Бенивьени Савонарола предстает в образе пророка-реформатора, который ведет избранный народ Флоренции к Богу и для достижения указанной цели сочетает нравственную проповедь с практическими действиями по установлению общего блага республики и культивированию добродетельной жизни горожан. Рисуя

⁵³ Epistola di maestro Domenico Benivieni... P. 183.

⁵⁴ Ibid. P. 184–185.

⁵⁵ Ibid. P. 181.

⁵⁶ Ibid. P. 181, 188.

⁵⁷ Так, например, в конце 1494 – начале 1495 г. Савонарола поддерживает своим авторитетом политическую и налоговую реформы, связанные, соответственно, с устройством народного органа управления – Большого совета и введением прогрессивного налога – децимы; на рубеже 1495–1496 гг. монах, опираясь на отряды флорентийской молодежи, приступает к реформе нравственности в городе на Арно.

идеальный образ монаха, Бенивьени отмечает обвинения противников брата в том, что тот окружил себя вооруженной охраной, в которой обычно нуждаются «злодеи», «тираны», «ничтожные (*miserabili*)» люди⁵⁸. В оправдание этот апологет Савонаролы, во-первых, ссылается на примеры из истории апостолов и святых, которые жаждали мученичества, но принимали меры для защиты собственной жизни, дабы не искушать Господа; во-вторых, указывает на волю добрых горожан, «которые не позволяли ему (Савонароле) передвигаться в одиночестве из-за страха потерять подобное сокровище» (перевод калькой на русском звучит неудачно, отрицание лишнее)⁵⁹.

Итак, перед нами два образа монаха из Сан Марко, относящиеся приблизительно к одному и тому же времени и отражающие мнения противников и сторонников Савонаролы, суть которых состоит в следующем: оппоненты брата обвиняют его в гордыне, неподчинении Римской курии, претензиях на установление тиранического правления в городе; апологеты монаха подчеркивают его смирение, ортодоксальность и исключительную заботу о нравственном и духовном совершенствовании паствы, а также его попечение об общем благе государства. Выделив эти самые существенные, – соответственно, для противников и апологетов, – позиции, применяемые при конструировании образа флорентийского проповедника, стоит обратить внимание на характер их интерпретации авторами проанализированных выше эпистол. И здесь представляется не случайным то обстоятельство, что особое место в заочной дискуссии духовных лиц заняла тема пророческой миссии Савонаролы, поскольку именно различное понимание места и роли пророчества в современной Церкви определило специфику всей совокупности определений, применяемых в отношении брата каждым из полемистов. Для анонима позиция Савонаролы и его последователей в этом вопросе кажется анахронизмом: минуло время ветхозаветных пророков, вещавших от имени Бога избранному народу; современная христианская Церковь прошла долгий путь развития, за время которого ее официальные институты обрели абсолютный, канонический авторитет; соответственно, появление пророков-маргиналов скорее вредит единству верующих, нежели приносит пользу. Флорентийский проповедник и его апологеты представляли ситуацию в несколько ином свете: для них пророчество – эффективный инструмент обращения народа к Богу и, соответственно, реформы Церкви, понимаемой как сообщество верующих христиан. При этом заметим,

⁵⁸ *Epistola responsiva...* P. 132–133.

⁵⁹ *Epistola di maestro Domenico Benivieni...* P. 185–186

что, во-первых, Савонарола не выдвигал свое пророчество в качестве альтернативы Библии и церковному учению; и, во-вторых, его действия в целом соответствовали практике появившихся в Западной Европе XIII в. нищенствующих орденов, к одному из которых он принадлежал. Так, с их возникновением, проповедование и пророчество «стало возможным для каждого брата»⁶⁰; кроме того, со временем изменился и характер самой профетологии, совершившей путь от апокалиптизма к более оптимистичному миллениаризму, где пророчество становилось эффективным орудием реформирования христианского общества в настоящем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Cordero, Franco.* Savonarola. Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. 560 p.
- Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a un amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara // Garfagnini, Gian Carlo. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 178–190.
- Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo // Garfagnini, Gian Carlo. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 124–139.
- Garfagnini, Gian Carlo.* «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. 458 p.
- La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII p., 284 p.
- Leonardi C.* La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 3–23.
- Savonarola G.* Prediche sopra Ezechiele / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 1. 387 p.
- Savonarola G.* Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 2. 436 p.
- Иероним Стридонский.* Три книги толкований на пророка Осию // Библиотека творений Св. Отцов и Учителей Церкви западных, издаваемая при киевской Духовной Академии. Кн. 21. Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. 416 с.
- Ириней Лионский.* Творения. М.: Паломник Блавест, 1996. 622 с.
- Ченту Т.С.* Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы / Пер. с итал. В. Гайдук. М., 1998. 271 с.
- Тельменко Елена Павловна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета; *teilman@mail.ru*

⁶⁰ *Leonardi.* 1999. P. 18.

А. Л. БЕГЛОВ

**«ОБЩИНА, УЧРЕЖДЕНИЕ, БРАТСТВО...»
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА
В ПРОЕКТАХ И ДИСКУССИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.***

В статье рассматривается понимание православного прихода разными церковными и общественными группами Российской империи в конце XIX – начале XX в. Полемика вокруг приходского вопроса ставится автором в контекст государственной политики по отношению к приходу в течение XIX в. и в контекст социальных трансформаций пореформенного периода. Выделены три главных семантических поля, которыми обладало понятие *приход* в данный период. Автор приходит к выводу, что к концу существования Российской империи русское общество было далеко от консенсуса в приходском вопросе. В результате идентичность прихода складывалась не в ходе дискуссий и законотворческой деятельности, а в ходе социальных трансформаций раннего советского периода.

Ключевые слова: историческая семантика, церковные реформы, православный приход, приходские институты, крестьянская община, приходская община, церковное учреждение, братство, славянофилы, земство.

Приход в Православной церкви – самая мелкая, но и массовая и, можно сказать, базовая ее структура – на рубеже XIX–XX веков, по практически единодушному признанию современников, находился в состоянии кризиса. Вместе с тем, к нему были прикованы взгляды самых разных церковных и общественных сил, которые пытались сформулировать свое видение православного прихода и предложить свою программу его преобразований. При этом современники были далеки от единства не только в подходах к приходской реформе, но и к самому определению прихода. Разное наполнение этого термина обнаруживало различные представления об общественном и церковном устройстве, различные подходы к политическим и (даже) межведомственным стратегиям. Поэтому представляется продуктивным рассмотреть понятие *приход* в категориях исторической семантики.

Будем при этом учитывать, что приход – динамичное социальное явление. В изучаемый период в понимании прихода с точки зрения зако-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Результаты настоящего исследования были представлены в виде доклада на международном научном семинаре Германского исторического института в Москве «Церковь и духовенство как социальное сообщество в России XVIII – начала XX вв.: ключевые понятия и модели» (Москва, 11 апреля 2014 г.).

нодательства и обыденного сознания доминировал *территориальный* признак: в приход входили православные жители определенной территории, закрепленной за конкретным храмом. Но в таком виде приход существовал не всегда. В первые столетия после крещения Руси, в эпоху становления древнерусской церковной организации приходская сеть (как она понималась в XVIII – начале XX в.) еще не сложилась. Позднее, примерно с конца XV в. наряду с приходом практиковались другие формы церковного окормления мирян¹; помимо него эту функцию выполняли соборы, монастыри, покаяльные семьи (свободные, не обусловленные территориальным принципом объединения мирян вокруг конкретного духовника²). В синодальный период территориальный приход претендовал на монополию окормления мирян (такую позицию отстаивали как власть, так и духовенство)³. При этом на рубеже XIX–XX вв. он уже разрушался в крупных городах, хотя законодательство не принимало во внимание это обстоятельство. В 1917 г. с территориальным приходом на территории России было покончено юридически, а примерно с 1940-х гг. – и фактически. Тем самым сегодняшнее положение дел с точки зрения многообразия форм низовой церковной жизни напоминает скорее ситуацию XV–XVI вв., чем столетней давности.

В рамках избранного подхода мы выделили три основных семантических поля, в которые могло быть включено понятие *приход* в рассматриваемый нами период. Во-первых, это поле, в рамках которого приход описывался как *община* и «*общественность*», что было характерно для славянофилов и их последователей. Во-вторых, поле, в котором приход понимался как *учреждение*, т.е. как то, что было учреждено вышестоящей структурой и поэтому является частью целого, причем целое во взаимных отношениях с приходом доминирует. Такое понимание прихода было свойственно части иерархов и церковных интеллектуалов 1900–1910-х гг., но также отстаивалось чиновниками ведомства православного исповедания. В-третьих, поле, в котором приход соотносился с категорией *братства* – отождествлялся с ним или противопоставлялся ему. Это видение приходского вопроса демонстрировали как некоторые иерархи, начиная с 1890-х гг., так и отдельные церковные публицисты более позднего периода.

¹ Стефанович. 2002.

² Смирнов. 1913.

³ См. примеры жалоб приходских священников Калужской епархии на духовников Оптиной пустыни, которые, по мнению первых, незаконно принимали на исповедь мирян: Беглов. 2009. С. 313, 351–357.

Прежде чем перейти к анализу трех названных сематических полей, остановимся кратко на эволюции прихода в синодальный период, на характеристике предусмотренных законодательством приходских институтов и на социальном контексте повседневной жизни приходских общин.

Закрепощение прихода

В синодальный период приход претерпел существенную эволюцию. В течение XVIII в. приход освобождался от нерелигиозных функций (управленческих, фискальных и др.)⁴. В начале XIX века произошло фактическое закрепощение прихода, его подчинение государственным структурам. Законодательно оно было оформлено в 1808 г изданием Инструкции церковным старостам (первой ее редакции). По мнению одного из современников (И.К. Зинченко), Инструкция по своему значению и последствиям должна быть поставлена в один ряд с такими актами государственной власти как Духовный регламент и секуляризация церковных имений 1764 г.⁵ В 1808 г. приходская община была де-юре лишена своих полномочий и основного дохода, а приход поставлен под жесткий контроль вышестоящих церковных и светских властей. Сделано это было в контексте формирования общеимперской системы духовных учебных заведений, на финансирование которой и предназначались реформаторами приходские деньги, а именно – *свечной сбор*.

В соответствии с Инструкцией, а затем и Уставом духовных консисторий 1841 г.⁶, староста переставал быть порученцем прихода и ставился в зависимость от клира и епархиальных властей (консистории). Клир обязывался строжайше следить за старостой, и при этом, как и староста, был подотчетен епархиальной власти. Реформа имела двоякие последствия. С одной стороны, приход терял финансовую самостоятельность, приходы беднели. С другой стороны, реформа резко противопоставила клир и «мир», приходское духовенство и приходскую общину. Последняя оказалась в положении податной единицы, что оскорбляло прихожан. Клир же оказался в роли фискального агента, обязанного следить за сбором подати. Причем на протяжении всего XIX в. это отчуждение только усиливалось, поскольку духовные учебные заведения, созданные реформой 1808 г., имели подчеркнуто сословный характер, и чем прочнее духовенство связывало свои интересы с этими учебными заведениями, чем тщательнее оно следило за отчислением средств в консистории, тем быстрее росло взаимное недовольство между ним и прихожанами.

⁴ Freeze. 1976.

⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 1а–1а об.

⁶ Подробнее см.: Беглов. 2012 (а).

В 60-е годы XIX в. пропасть между клиром и мирянами продолжала углубляться. Духовенство получило возможность собираться на сословные съезды и осуществлять сословные сборы, которые шли в основном на духовные учебные заведения, т.е. на обучение его детей. Проблема состояла в том, что средства эти брались священниками из церковной казны, т.е. из пожертвований прихожан, которые жертвовали их на храм, а не на сословные нужды духовенства⁷.

Другим последствием реформы 1808 г. стало формирование теневой сферы приходской экономики. Причты и приходы, вовремя осознавшие, к чему ведет изъятие свечного сбора, перечисляли его не в полном объеме, утаивая часть сумм от вышестоящего начальства. Причем такое «узаконенное святотатство» (букв. – похищение святыни; выражение Д.Ф. Самарина) было известно и епархиальным властям, и синодальным чиновникам, и обществу.

Приходские институты

Такая двойственность – существование при свете законодательных актов и в их тени – характеризовала не только экономику прихода, но и его институты. С точки зрения законодательства, в приходе существовали четыре должности и института: 1) причт, 2) церковный староста, 3) представители прихода при освидетельствовании церковных сумм, 4) приходское собрание. Причт полностью зависел от епархиальной власти и подлежал ее всестороннему и детальному контролю. С другой стороны, он – в лице, прежде всего, священника-настоятеля – был главным распорядителем церковных сумм на уровне прихода, если конечно такие суммы оставались после выплаты всех необходимых епархиальных и общецерковных сборов. Церковный староста был фактическим уполномоченным причта, но не прихода по ведению церковного хозяйства. Он находился под тщательным контролем со стороны причта, благочинного и по крупным тратам – епархиальной власти. Однако механизм контроля его деятельности и деятельности причта со стороны прихожан отсутствовал. Староста оказывался, прежде всего, помощником причта в сборе и высылке в епархию необходимых отчислений, причем в том числе и тех, что шли на сословные нужды духовенства. Представители от прихода, обязательно избиравшиеся с 1890 г., были однако «не более, как понятия, которые не имеют никакого голоса в деле, а только удостоверяют, что вся сумма, оказавшаяся налицо при высылке денег из церковных ящиков и кружек, занесена на приход»⁸. Круг участников приходского

⁷ Подробнее см.: Беглов. 2014 (б).

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 315 об.

собраний был заметно ограничен. В некоторых случаях, по наблюдению современников, из его состава были исключены лица «наиболее влиятельные и полезные» для приходского дела. Так, по точному смыслу действовавших законов, право участия в собрании принадлежало одним домовладельцам, тогда как в городах большинство прихожан состояло из квартирантов; на селе от участия в собрании оказывались отстранены все, кто не принадлежал к дворянскому или крестьянскому сословию, например, «земледелец из купцов, мещан или из потомственных почетных граждан»⁹. Компетенция приходского собрания оказывалась очень узкой. У него не было иных полномочий, кроме избрания церковного старосты, двух представителей от прихода и санкционирования новых построек. Также его участие, очевидно, предполагалось Уставом духовных консисторий при решении прихожан об обеспечении сверхштатного диакона, отстранении по их просьбе члена причта и сношении епархиальной власти с прихожанами. Но механизм участия собрания прихожан в этих мероприятиях никак не был детализирован¹⁰.

Таким образом, формальные приходские институты были крайне слабы. Но рядом с ними существовал еще один институт, полномочия которого в приходской жизни никем не признавались, но который был очень влиятелен. Это была крестьянская община.

Приход и крестьянская община

После отмены крепостного права рядом с приходом была конституирована консолидированная, обладавшая значительной властью над своими членами крестьянская община. Решения сельского схода были обязательны даже для тех, кто на нем не присутствовал. Он мог устанавливать «мирские сборы» и участие в них также было обязательным для всех членов общины. Сход нес обязательства по поддержанию церкви и духовенства. Причем этими обязательствами его наделяло светское законодательство, в частности статья 178 «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹¹. Учитывая, что крестьяне очень часто стремились решать именно на сходе многие вопросы совместной жизни, которые формально не относились к его компетенции (например, празднование местных праздников, возведение часовен, жалобы на духовенство), мы увидим, что сельский сход был реально действующим, исключительно мощным институтом, распро-

⁹ Там же.

¹⁰ Беглов. 2012 (а).

¹¹ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, ст. 178, 187, 188 и др. // Положения о сельском состоянии. С. 43–46.

странявшим свое влияние и на приходские дела. Однако в церковном законодательстве о приходе сход не упоминался вовсе.

Между тем, перечисленные выше институты приходского управления не могли соревноваться в эффективности со сходом сельской общины. За приходским собранием была закреплена очень узкая компетенция. Фактически, оно должно было созываться лишь для выборов должностных лиц прихода, членов приходского попечительства и санкционирования новых построек. Обязательная регулярность созыва приходского собрания (не реже раза в год) стала предполагаться церковным законодательством только с 1890 г. До этого оно могло не созываться годами. Собрание не могло принудить выполнять взятые на себя финансовые обязательства даже тех прихожан, кто присутствовал на нем. Для остальных его авторитет и вовсе был ничтожен, тем более что гражданские власти ревностно наблюдали за исполнением решений сходов, но, как правило, оставляли без внимания судьбу решений приходских собраний¹². «Тот факт, что статус приходского собрания не был четко определен законом, только усиливал стремление верующих полагаться на сельский сход в делах, касающихся управления храмом». Более того, подобным же образом поступали и приходские священники. Например, чтобы открыть приходское попечительство, они не созывали приходское собрание, как того требовало Положение 1864 г. и формальная логика, а делали это предложение сельским и волостным сходам и от их имени оформляли приговор о создании попечительства¹³. Приходское собрание в этой ситуации оказывалось «излишним элементом в церковной системе управления»¹⁴. Наконец, не редко приход был численно слишком велик, достигая нескольких тысяч человек, и территориально разбросан, чтобы приходское собрание могло быть действительно работоспособным органом¹⁵.

Сельский сход регулярно занимался проблемами церковно-приходской жизни. Именно сход решал вопрос о финансировании строительства приходской церкви или ее ремонта (постановление на этот счет приходского собрания оказывалось, таким образом, формальностью, только повторявшей приговор схода). Сход составлял соглашение между сельским обществом и священником о содержании последнего и выде-

¹² Шевцова. 2010. С. 132, 160.

¹³ Самарин. 1903; 1908. С. 58.

¹⁴ Шевцова. 2010. С. 131. Курсив в цитате наш. – А.Б.

¹⁵ Ср. рассуждение Ф.Д. Самарина по поводу того, какая конфигурация приходских институтов была бы наиболее эффективна в зависимости от размеров приходов: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 321 об.–322.

лял участок земли священно- и церковнослужителям. Сход избирал церковного сторожа (эта должность по законодательству относилась именно к мирским повинностям). В обязанности схода входило призрение престарелых, инвалидов и сирот (что пересекалось с одной из компетенций приходских попечительств). По всем этим вопросам сход составлял обязательные для членов общества приговоры, тогда как приговоры «приходских сходов» (т.е. приходских собраний) по закону были обязательны «лишь для прихожан, участвовавших в их составлении»¹⁶.

Все это давало сельскому обществу (в лице схода) особые, хотя и не писанные полномочия в приходских делах. Во второй половине XIX в., а затем и в начале XX в. крестьяне регулярно просили об определении конкретных лиц на вакансии священно- и церковнослужителей, об оставлении переводимых, или же об устранении неугодных священников и даже целых причтов¹⁷. Они все чаще предъявляли права на свое участие в деле распоряжения приходским имуществом, в том числе имуществом, относящимся к храму. Они болезненно реагировали на случаи «своеволия» со стороны своих пастырей, которое выражалось в игнорировании последними мнения прихожан по тем или иным вопросам распоряжения церковным имуществом, особенно – когда дело касалось возведения или ремонта приходского храма, к которому крестьяне относились с особым трепетом¹⁸. Отстаивая свое право участвовать в распоряжении церковным имуществом, крестьяне ревностно защищали свое право выбирать церковного старосту. И хотя староста по закону был только помощником священника, часто, чувствуя за собой поддерж-

¹⁶ Ст. 178 разъяснение 6, ст. 179 п. 6, решение Сената от 8 ноября 1883 г. // Положение о сельском состоянии. С. 169–171; Указ Правительствующего Сената от 28 марта 1890 г. // Алфавитный указатель... С. 220–221; Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Стб. 1910.

¹⁷ *Н.П.* О приговорах волостных правлений... С. 237–245; Начальственные распоряжения... С. 118–119.

¹⁸ Такое отношение к своей церкви, как представляется, основывалось на понимании храма как дома Божия, который, однако, связан и с умершими родственниками прихожан, и с историей самой общины. В итоге храм представал местом «священным, но также и родным», «где коллективная и индивидуальная память сплетались в нечто неразрывное». Кроме того, на храм распространялось и свойственное крестьянскому сознанию отношение к собственности. Крестьяне считали своим все, к чему был приложен их труд или труд их предков, а коль скоро приходские церкви в большинстве своем строились их трудами и пожертвованиями, воспринять идею, что возведенный храм «принадлежит» не конкретной крестьянской общине, а всей Российской Церкви, прихожанам из крестьян было затруднительно. См.: *Шевцова*. 2010. С. 112–119; *Миронов*. 1999. Т. 1. С. 328. Ср. об аналогичных ситуациях в жизни монастырей, в начале XX в. по преимуществу крестьянских: *Зырянов*. 1999. С. 173–174.

ку сельского схода, он выступал выразителем именно его настроений, или, по крайней мере, – посредником между сходом и приходским духовенством¹⁹. Иными словами, условия жизни в деревне «давали мирянам особые права, которых они не имели в церковноприходской общине»²⁰.

В этой ситуации приход как будто нуждался в утверждении собственной идентичности. Поиск идентичности вели разные общественные силы. Категории, в которых они описывали приход, многое говорили как об их социальной оптике, системе ценностей, так и об образе будущего прихода, Церкви и России в целом. Сами дискуссии развивались на фоне явной неопределенности институционального облика прихода.

Приход как община-«общественность»

Пионером обсуждения приходского вопроса, природы прихода и соответственно понятий, которыми он может быть описан, был известный деятель московского славянофильского кружка Д.Ф. Самарин (1827–1901; младший брат Ю.Ф. Самарина), опубликовавший в 1867 и 1868 гг. в газете «Москва» серию очерков под общим названием «Приход»²¹. Для Д.Ф. Самарина приход – прежде всего общественный институт, «общественная группа», но жизнь которой неразрывно связана с жизнью целого, всего церковного организма. В этом проявляется характерный для славянофилов взгляд на общество (в т.ч. и на Церковь) как на живой организм (отсюда и столь любимые ими категории жизни, живой жизни). Приход здесь рассматривается как «клеточка» организма, имеющая «жизнь» в себе, но и неразрывно, «органически» связанная с целым. И поскольку – замечает Д.Ф. Самарин – в православном мире Церковь сохраняет «значение живого и цельного организма», нам особенно следовало бы дорожить приходом. Коль скоро клеточка организма имеет жизнь в себе, то и важнейшая для автора очерка характеристика прихода – самостоятельность его внутренней жизни, которая выражается в том, что приход выбирает причт и распоряжается – после уплаты «известного оклада» в пользу иерархических властей – церковными средствами.

Утрата приходом права распоряжаться церковным имуществом для Самарина – наиболее яркий пример утраты самостоятельности прихода и его бюрократизации: «Мы ни слова не говорим против отнесения на доходы церковей содержания духовенства или духовно-учебных заведений; но мы не можем признать ни справедливым, ни практичным отнимать у церковей то, что каждой из них принадлежит, лишать их

¹⁹ О двойственном положении церковных старост и о конфликтах вокруг их фигур см. *Шевцова*. 2010. С. 142–143.

²⁰ Там же. С. 135.

²¹ *Самарин*. 1867. № 101, 103, 105, 107, 108, 151, 153; 1868. № 3, 4, 5.

главного источника их доходов, сливать доходы каждой отдельной церкви в один общий сбор для всей России посредством искусственной централизации, упразднить местные средства, пренебрегать местными интересами и заменять самоуправление приходских общин церковно-административную бюрократией²². Причем Д.Ф. Самарин и публицисты его круга (в частности, И.С. Аксаков) считали, что субъект приходской жизни, несмотря на все неблагоприятные условия, существует. Это община – земское общество и крестьянская община на селе и городское общество в городе. Для возрождения приходской жизни общине-обществу нужно было только дать, точнее – по мысли славянофилов – «вернуть» ее изначальные права в приходской, церковной жизни.

Как один из первых шагов правительства по возврату этих прав приходскому обществу Д.Ф. Самарин и его единомышленники рассматривали учреждение в 1864 г. приходских попечительств при церквях. Они стремились активно участвовать в их работе (Д.Ф. Самарин был председателем Спасского попечительства Самарской епархии). Стараясь направить их деятельность в соответствии со своими представлениями, они, в частности, заявляли о правах попечительств распоряжаться церковными суммами. Когда к концу 1860-х гг. стало ясно, что попечительства встречены настороженно иерархией и духовенством, а попытки расширить сферу их деятельности в соответствии со славянофильской концепцией заблокированы как на епархиальном уровне, так и Синодом, славянофилы сделали акцент на возможности участия земского и городского самоуправления в приходской реформе. Д.Ф. Самарин, будучи влиятельным гласным Московского губернского земского собрания, в 1880 г. предложил Московскому земству ходатайствовать перед Министерством внутренних дел об изменении статуса православного прихода (восстановить право юридического лица, избрания священнослужителей, распоряжения церковными средствами). Причем это была самая громкая, но далеко не единственная инициатива земств по участию в приходской жизни²³.

Такая позиция славянофилов была совершенно естественна. И приход, и земские учреждения были для них институтами одной – общественной сферы, поэтому помощь со стороны более свободных (по закону) институтов другим была для них само собой разумеющейся.

На рубеже XIX–XX вв. публицистическую эстафету в приходском вопросе принял у старших славянофилов крупный юрист, член Санкт-Петербургской судебной палаты А.А. Папков. По своим взглядам, обусловившим его понимание приходского вопроса, он был близок славя-

²² Самарин. 1867. С. 57.

²³ Подробнее см.: Беглов. 2014 (а).

нофилам. Русская «свободная община» была его идеалом. Он именует ее основной формой русского народного быта, источником всех добровольных союзов, оказавшим «могущественное и неотразимое» влияние на все формы народной деятельности. Общинное начало на Руси, по его словам, обеспечивает уравнивание прав трудящегося класса и примирение социальных несовершенств²⁴. Оно пронизывает все сферы человеческой деятельности, в том числе – религиозную. А.А. Папков настаивает на присутствии общинных начал в религиозной деятельности славян еще языческого времени²⁵. Поэтому и приход для него, как и для Д.Ф. Самарина и последующих земцев, – часть общественного, потому что общинного устройства. «Свободной» он называет русскую общину не потому, что она была свободна от государственных повинностей. Напротив, он неоднократно подчеркивает, что государство стремилось опереться на общину в управленческих и фискальных целях. Но потому, что она была самостоятельна в своем внутреннем обустройстве, т.е. была самоуправляющейся. Идея общинного самоуправления была коньком Папкова. Именно этот принцип он положил в основание своей концепции переустройства православного прихода. Но в этом смысле его и его последователей нельзя причислять к «обновленцам» и «демократизаторам» прихода или проводникам «протестантских» влияний. Источник его концепции – не проекция сословных интересов на приход (как собственно было у священников-«обновленцев») и не теории политического либерализма, перенесенные на церковную почву. Это, прежде всего – развитие, популяризация (и в каком-то отношении вульгаризация) идей славянофилов об обществе, общине и общественности. (В этом смысле он, скорее, ближе к «консервативным народникам» – С.А. Рачинскому, Н.И. Ильминскому, которым покровительствовал К.П. Победоносцев²⁶.) Например, успешную долговременную деятельность западнорусских братств Папков рассматривал как проявление «общественной самодеятельности», которая была бы невозможна без самостоятельности этих объединений. Последняя была залогом их жизнедеятельности (категория, восходящая, к славянофильскому понятию жизни). Когда же после вхождения Малороссии в состав империи эта местная общественная самостоятельность стала утрачиваться под натиском административной централизации, нового порядка уездного управления, когда все, что носило печать самоуправления, стало считаться самоуправством, сходки – опасными собраниями, сычение меда – бражничеством, ушла в прошлое

²⁴ Папков. 1897. Т. 1. № 2. С. 251–252 (3-я пагин.). См. также: Папков. 1901.

²⁵ Папков. 1897. С. 253.

²⁶ Михайлов. (URL: e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/16.doc); Полунов. 2010.

и «самодеятельность» братств. Их членам – замечает Папков вслед за одним из малороссийских священников – оставалось лишь стоять с особыми свечами по праздникам²⁷. Характерно, что Папков – как и славянофильски ориентированные земцы, его современники, в этот период систематически обсуждавшие идею прихода как «мелкой земской единицы»²⁸ – рассматривал приходскую общину как всеобщую единицу и как возможную низовую единицу гражданского самоуправления.

В июне 1902 г. А.А. Папков предложил план приходского переустройства, опубликовав его сначала в «Русском вестнике», а затем – и отдельной брошюрой под названием «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя»²⁹. Самой существенной ее частью был «Проект постановлений о церковно-приходском собрании и церковно-приходском совете православных приходов в России», т.е. фактически – проект приходского устава. Проект Папкова состоял из 42 параграфов, объединенных в три главы: общие правила, о церковно-приходском собрании, о церковно-приходском совете. Характерно, что в проекте не содержалось определения прихода, а давалось определение прихожанина: к ним относились «лица православного исповедания» проживающие в пределах прихода, а также вне его, но причисленные к нему по их желанию. Существенными чертами нового приходского устройства должны были стать: самоуправление, самообложение, право братского суда – характерные атрибуты «свободной», т.е. самоуправляющейся общественной организации.

Еще ярче восприятие прихода в качестве общественной единицы проявилось в выступлении А.А. Папкова после выхода манифеста 17 октября 1905 г., провозглашавшего среди прочего свободу собраний³⁰. Он заявлял, что теперь нет никаких препятствий для самоорганизации православного прихода, поскольку сняты все ограничения для любого вида общественной самоорганизации. Если ранее, до издания манифеста – рассуждал он – требовалось издание особого приходского устава, санкционирующего приходское самоуправление, то теперь необходимость в издании такого устава отпала. Православным верующим вместе со своими священниками нужно просто собраться и «явочным порядком» реализовать свои «древние» приходские права. В новой ситуации писанные уставы могут даже скорее повредить делу приходского возрождения: «Обновленный приход, осеняемый духом Христо-

²⁷ Папков. 1900. С. 289 и сл.

²⁸ Подробнее см.: Беглов. 2014 (а).

²⁹ Папков. 1902.

³⁰ Папков. 1905.

вым, содержит в себе столько творческих сил и может обнаружить столько новых потребностей, что учесть их заранее не представляется ни возможности, ни необходимости»³¹.

У славянофильской парадигмы понимания прихода с течением времени сформировалась достаточно широкая общественная поддержка. Из идеи о необходимости восстановления прихода как самоуправляющейся общины исходили различные группы земских деятелей, начиная с 1860-х гг. вплоть до 1917 г. После первой русской революции, особенно в 1909–1913 гг. внимание к приходу как к «общественной единице» поддерживалось депутатами Государственной думы, которые предложили несколько проектов приходской реформы. В 1900–1910-х гг. у такого взгляда нашлись приверженцы и среди высшей бюрократии и, видимо, в «высших сферах»: идея сближения приходского и местного «общественного» управления присутствовала в императорском манифесте 1903 г.³², а идею о самостоятельной приходской общине отстаивали чиновники различных ведомств (в т.ч. премьер П.А. Столыпин и министр внутренних дел А.А. Макаров) перед чиновниками обер-прокуратуры.

С другой стороны, взгляд на приход как общину и часть общества настораживал чиновников духовного ведомства и некоторых церковных интеллектуалов, которые видели в таком подходе протестантские тенденции и угрозу разрыва связи прихода и епископа³³.

Приход как учреждение

Славянофильский подход к пониманию прихода как общественной единицы не учитывал важную характеристику Православной церкви – ее иерархичность. Слова Д.Ф. Самарина и А.А. Папкова о неразрывной связи прихода с епископом звучали во многом как декларация или только как благопожелания. Их видение прихода не предлагало описания конкретного механизма этой связи. Такой подход не удовлетворял большую часть церковного общества и чиновников ведомства православного исповедания. Эти мыслители попытались вернуть вертикальное измерение в приходскую жизнь.

³¹ Там же. С. 13; ср.: с. 17.

³² ПСЗ(З). Т. 23, отд. 1. 26 февраля 1903 г. № 22581.

³³ В частности, известный канонист, профессор Казанской духовной академии И.С. Бердников охарактеризовал подход А.А. Папкова как протестантский, что закрепилось в позднейшей литературе и многократно повторялось чиновниками обер-прокуратуры. Нам кажется это полемическим упрощением, не раскрывающим природы такого взгляда. На деле он коренится именно в славянофильской идеализации общины, способной – по их мысли – стать субъектом как общественной, так и религиозной жизни.

Интеллектуальным лидером этой группы – особенно поначалу – воспринимался специалист по каноническому праву, профессор Казанской духовной академии И.С. Бердников³⁴. В «Сепаратном проекте» приходского устава он дает следующее определение прихода: «Церковным приходом в православной Церкви называется церковная община, имеющая особый храм для богослужебных собраний и состоящая под духовным управлением приходского священника. Приход составляет нераздельную часть епископии и подчинен епископу как высшему своему пастырю»³⁵. Слово «община» здесь теряет «общественный» характер. Бердников недаром дважды повторяет слово «церковный» – по отношению и к приходу, и к общине. Он намерен отделить церковную общину от общины гражданской и исключить самую возможность их отождествления (на базе, например, «мелкой земской единицы», как на то надеялись многие славянофильски ориентированные земцы и даже чиновники МВД). Более того, приход является «частью епископии», и это – для Бердникова – важнейшая его характеристика. Тем самым не епископия состоит из самоуправляющихся общин, объединенных епископом, не они являются базовой единицей церковной жизни, а епархия является такой базовой единицей, разделенной на приходы только «в порядке церковного и хозяйственного управления». (Такой взгляд, кстати, был созвучен и мнениям ряда членов IV отдела Предсоборного присутствия, с которыми Бердников полемизировал³⁶.)

Иными словами, Бердников и его единомышленники «выстраивали» церковь сверху вниз – от епархии к приходу. Остальные элементы их концепции (роль священника, конфигурация собственности в приходе и др.) были только следствием такой оптики и иерархецентризма. Из такой же логики исходили и последующие синодальные (выработанные Синодом или учрежденными им комиссиями) проекты приходского устава. Причем стремясь сделать свои формулировки максимально ясными, они усиливали эту логику.

«Православный приход есть церковное учреждение» – т.е. то, что учреждено неким вышестоящим институтом, под которым подразумевалась епархия. Такова формула, принятая общим собранием Предсо-

³⁴ Однако он как самостоятельный мыслитель был гораздо шире того взгляда на приходской вопрос, который возобладали среди основной группы приверженцев его точки зрения на приход. Об этом, в частности, ярко свидетельствует конфликт между ним и большинством членов созданного Синодом Совещания по приходскому вопросу 1907 г. Подробнее см.: Беглов. 2012 (в).

³⁵ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 395–396.

³⁶ Там же. Т. 2. С. 4, 8.

борного присутствия в качестве основного положения. (Хотя в проекте IV отдела Присутствия стояло слово «община», правда, «соединенная» епископом со всей Вселенской церковью, но «отдельная».)

Совещание 1907 г. также считало важным подчеркнуть, что приход – это часть епископии, поэтому выражение проекта Присутствия «<учреждение,> состоящее в ведении епископа» было заменено для большей ясности на выражение «состоящее в *подчинении* епископа» (курсив мой – А.Б.). По этим же соображениям второй параграф проекта нормального устава Предсоборного присутствия, в котором приход характеризовался как «отдельная церковная община» был Совещанием опущен. Его члены считали, что такая характеристика затуманивает тот факт, что приход является частью епископии и вносит в Церковь «федеративное начало». Причем по предложению преосвященного Орловского Серафима (Чичагова), определению прихода при дальнейшей доработке проекта был дан богословский комментарий (в виде примечания): «Приход есть составная часть епископии и только от епископа получает жизнь; через своего епископа приход состоит в тесной связи со всею Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковью и, посему, должен подчиняться своему епископу, блюсти единение в вере, хранить единое для всей православной Христовой Церкви Апостольское и Свято-Отеческое предание, иметь попечение об общих церковных нуждах и участвовать в их удовлетворении. Приходский священник есть доверенный от епископа пастырь, полномочия которого определены в его ставленной грамоте»³⁷. В таком виде начальные статьи проекта устава православного прихода существовали в редакции обер-прокурора П.П. Извольского (1908 г.), но в дальнейшем были переработаны (в частности, опущено примечание). Однако само определение прихода осталось тем же (в редакции С.М. Лукьянова, 1910 г.), но было несколько скорректировано в редакции В.К. Саблера (1912 г.): «Православным приходом именуется собрание православных христиан, составляющее часть паствы местного епископа, обитающее в известной местности, объединенное в общество при своем храме и врученное ближайшему пастырскому руководству одного или нескольких священников для достижения вечного спасения посредством общей молитвы, благодатных таинств, церковного назидания и дел христианского благотворения (ст. 1)»³⁸. Отказавшись от слова «учреждение», акцентируя религиозные функции прихода, духовное ведомство при Саблере стремилось смягчить настороженность общества подготавливавшейся в недрах ведомства реформой, но на деле

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 263 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 6 об.

³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 15.

исповедовало ту же философию полного подчинения прихода церковной иерархии³⁹. Более того, именно в редакции Саблера самостоятельность соборных приходских институтов была фактически уничтожена: именно здесь было зафиксировано право епископа распустить избранный приходский совет «по представлению» настоятеля и причта.

Во второй редакции В.К. Саблера (1914) (первая была подвергнута жесткой критике со стороны ряда министерств) определение прихода было изменено еще раз. Теперь приходом называлось не «собрание», а «союз» православных христиан. Подчеркивалось, что через местного епископа этот союз принадлежит «к единой святой соборной и апостольской Церкви». Последняя фраза почти в точности воспроизводила аналогичное место из объяснения к 1 ст. редакции П.П. Извольского. Такая правка, ничего не меняя по существу, лежала в русле стремления авторов новой редакции заменять канцеляризмы на церковную лексику.

Таким образом, определения прихода как церковной общины, учреждения, собрания, союза верующих, последовательно сменявшие друг друга в бердниковской и синодальных редакциях устава православного прихода, отражали общий подход к приходской проблеме, носители которого шли от целого (Церкви, епархии) – к частному. Представителями этого направления была осознана проблема соотношения между иерархизмом и соборностью (этим их подход отличался от подхода Д.Ф. Самарина – А.А. Папкова). Но баланс между ними не был найден, центр тяжести явно был смещен в пользу иерархии, остальные институты – приходские совет и собрание – оказывались только вспомогательными органами при священнике (как носители иерархического начала в приходе). Кроме того, вместе с доминированием иерархического начала в приходскую жизнь проникало и начало бюрократическое (это хорошо видно в саблеровских редакциях), подчинение приходской жизни – как и прежде – бюрократическому надзору со стороны консистории. И в этом нет ничего удивительного, поскольку иерархическое начало в этот период еще не было отделено от бюрократического и в жизни всей Российской Церкви, а такое отделение было одним из основных требований сторонников церковных преобразований, в том числе епископов⁴⁰.

Баланс между иерархизмом и соборностью на уровне прихода был найден только в решениях Собора Российской Церкви 1917–1918 гг., но они не были воплощены в жизнь и оказали только косвенное воздействие на активизацию приходской самодеятельности в 1920-е гг.⁴¹

³⁹ Беглов. 2013.

⁴⁰ См.: *Димитрий, еп. Новомиргородский*. 1905. Стб. 362–365, особенно стб. 363.

⁴¹ Беглов. 2012 (6).

Братство в приходе

Попытки осознать приход в категориях братства делались еще в 1860-х гг., в ходе обсуждения тогдашней реформы, приведшей к учреждению в 1864 г. Приходских попечительств при православных церквях. Именно братства предлагал учреждать в приходах митр. Киевский Арсений (Москвин), полемизируя с проектом приходской реформы, выдвинутым Главным присутствием по делам православного духовенства, одним из главных инициаторов которого был министр внутренних дел П.А. Валуев⁴². Но в наиболее развернутом виде этот подход был представлен независимо друг от друга пятью архиереями в начале 1890-х. В 1890–1893 гг. К.П. Победоносцев готовил свою реформу прихода⁴³, частью которой должна была стать и реформа приходских попечительств. В 1893 г. духовное ведомство предприняло опрос епархиальных преосвященных, желая детально выяснить состояние приходских попечительств в епархиях и собрать мнения епископов о необходимых изменениях в Положении 1864 г. Соответствующий указ Синода был издан 27 октября 1893 г. Основная часть отзывов преосвященных поступила в Петербург в 1893–95 гг., хотя некоторые из отзывов приходили и в 1896-м, и в 1897-м, и даже в 1903–1905 гг. Собранные материалы отложились в обширном «Деле о пересмотре положения о приходских попечительствах»⁴⁴.

В соответствии с синодальным указом отзывы преосвященных содержали информацию (разной степени детализации) о состоянии приходских попечительств в их епархиях, а также – предложения самих епископов относительно перспектив реформирования попечительств. Эти предложения фактически представляли собой взгляд епископата Российской Церкви на возможные направления приходских преобразований в 1890-е гг. В части этих отзывов и прозвучала идея создания приходских братств. За нее выступала небольшая группа архиереев (11,4% всех рекомендаций): митрополит Киевский Иоанникий (Руднев), архиепископ Волынский Модест (Стрельбицкий), епископы Полтавский Иларион (Юшенев), Орловский Мисаил (Крылов), Тульский Ириней (Орда).

В некоторых своих положениях с предложениями этих пяти архиереев были созвучны пожелания преосвященных Подольского, Холмского, Тамбовского, Иркутского и Алеутского⁴⁵, которые не скрывали, что

⁴² Римский. 1999. С. 333–334.

⁴³ Полунов. 1996. С. 90–93; Беглов. Приходская реформа... (в печати).

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292.

⁴⁵ Волынский преосвященный, например, писал, что приходские попечительства не созданы народной жизнью и ее потребностями, а поставлены вне ее официальной регламентацией, и предлагал преобразовать их в братства, которые были «религиоз-

образцом для них послужила традиция западнорусских братств, все еще живая в юго-западных и западных епархиях. Большинство названных епископов лично были знакомы с этой традицией, будучи правящими архиереями соответствующих епархий. Епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров) вплотную взаимодействовал с братствами, существовавшими среди православных эмигрантов в Америке, а епископ Ириней до назначения на Тульскую кафедру был епископом Могилевским⁴⁶.

У предложений пяти архиереев были общие черты. Они предлагали формировать приходские братства сугубо на добровольной основе. Членами новых попечительств-братств могли бы быть все правоспособные, совершеннолетние прихожане, не исключая и женщин, пожелавшие «соединиться с другими лицами ради религиозно-нравственных целей». Членами таких добровольных братств, по мысли преосвященных, должны были быть и причты, а священник обязательно должен был стать их главой и руководителем⁴⁷. Основной целью деятельности преобразованных попечительств-братств, по мнению этих архиереев, должно было стать нравственное просвещение прихожан. Хозяйственная деятельность и благотворительные начинания этих приходских организаций, как представлялось преосвященным, должны были «явиться сами собою» в результате «нравственного подъема церковно-приходской жизни»⁴⁸.

Во всех случаях, когда преосвященные предлагали преобразовать попечительства в приходские братства, речь шла о привлечении в эти организации наиболее преданных Церкви прихожан. Это означало выделение из индифферентного, а иногда и враждебного к Церкви крестьянского «мира» религиозного костяка прихода, консолидацию активных прихожан вокруг священника, который тем самым становился в первую очередь лидером религиозного союза и работы в приходе⁴⁹. Причем и институционально, и по существу речь в этом случае шла о размежевании, дезинтеграции с «миром», о формировании в виде приходского

ными союзами мирян» вокруг «своего пастыря для служения нуждам православной церкви», для взаимной помощи и распространения просвещения. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 368 об., 369 об. Ср. также сопоставление приходских попечительств и местных братств в отзывах духовенства Подольской и Холмской епархий: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 80 об.–83 об., 678–682.

⁴⁶ Смолч. 1996–1997. Ч. 1. С. 764.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 196–196 об. (Тульская епархия), 365–365 об., 369 об. (Волынская), 601–605 (Орловская). Ср.: Там же. Л. 559 (Иркутская).

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 196 об.–197 об. (Тульская епархия), 367 об., 369 об. (Волынская), 414–414 об. (Киевская), 601–605 (Орловская). Ср.: Там же. Л. 555 об. (Иркутская).

⁴⁹ Ср.: Там же. Л. 196–196 об. (Тульская епархия), 601–605 (Орловская).

братства такого религиозного ядра, вокруг которого мог бы формироваться новый приход, новые приходские институты. Однако из проектов пяти преосвященных совсем не всегда было ясно, как они собирались решить одну из центральных проблем приходской жизни пореформенной России – проблему эффективности приходского хозяйства. Из них только епископ Тульский Ириней настаивал на наделении братств правами юридического лица с возможностью широкой хозяйственной деятельности.

Одновременно, независимо от отзывов преосвященных, которые не были опубликованы, в сходном ключе о приходе и приходской реформе размышляли и священники – энтузиасты братского движения, такие как священник Иосиф Фудель, в 1892 г. напечатавший серию статей в «Русском вестнике», а позднее переиздавший их отдельными брошюрами⁵⁰. Он призывал объединить в «малое стадо» «лучших людей» прихода и был уверен, что с их помощью можно будет перевернуть его жизнь так, что она принесет «неисчислимыя благие последствия». Впрочем, современники, даже с симпатией относившиеся к перспективе приходских преобразований, критиковали «теорию» о. Иосифа Фуделя как непрактичное и наивное построение⁵¹.

Братство вместо прихода

Однако реформировать приход можно было и иным путем – не через его институционализацию или создание в нем религиозного ядра, а через его отрицание. Такой «духовный анархизм» в 1900-х гг. демонстрировал М.А. Новоселов. При этом если многие преосвященные и другие сторонники приходских преобразований считали, что братство должно вырасти из прихода⁵², то М.А. Новоселов склонен был противопоставлять эти две категории. В развернутом виде он представил свою позицию на завершающей стадии работы Особого совещания для выработки проекта о православном приходе⁵³.

В день предпоследнего заседания Совещания, 17 декабря 1907 г. он составил записку, которую по завершении работы Совещания подал в качестве своего особого мнения⁵⁴. Автор записки начинал свою критику с обвинения своих коллег по Совещанию в «чрезмерной вере в

⁵⁰ Фудель И.И., *свящ.* 1894 (а); 1894 (б).

⁵¹ *Заозерский.* 1894. С. 190–191 (2-я пагин.).

⁵² *Беглов.* Как можно было реформировать православный приход...

⁵³ *Беглов.* 2012 (в).

⁵⁴ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 182–188, 188 об., 189–192 (автограф), 232 об.–234 об. (отгиск). В конце автографа дата 17 декабря 1907 г. проставлена рукой Новоселова, а на первом листе стоит писцовая дата 21 декабря 1907 г., которую можно интерпретировать как дату поступления документа в секретариат Совещания.

форму» (очевидно, юридическую), отчасти повторяя тем самым обвинения, высказанные Л.А. Тихомировым в адрес IV отдела Предсоборного присутствия. Эта «вера в форму», считал М.А. Новоселов, «имеет своим последствием построение прихода на почве гражданской общины», а значит проект Совещания «сходит с той почвы, на которой единственно достижима цель оживления церковно-приходской жизни», поскольку это оживление должно быть прежде всего религиозным. Более того, любое новое регулирование приходской жизни Новоселов считал прямо вредным «уже по тому одному, что оно мешает свободному действию и соглашению православно-одушевленных элементов».

С резкой критикой автор записки обрушивался на территориальный принцип, положенный Предсоборным присутствием и Особым совещанием в основание определения прихода, поскольку – как он считал – «территориальный приход» препятствует свободному возникновению «тесных нравственных связей» верующих и «добрых пастырей». М.А. Новоселов повторял слова И.С. Бердникова о том, что существующие законоположения вполне достаточны для оживления приходской жизни. Но если казанский профессор говорил это с позиций отстаиваемого им иерархецентризма, то Новоселов – с позиций своего рода духовного анархизма. Он призывал иерархию, пастырей и ревностных мирян «приложить силы к церковно-религиозному действию», а не к писанию правил. Только на почве этого действия, он был уверен, состоится сплочение «лучших христианских сил» и выработка новых форм жизни. Интересно, что Новоселов ставил в пример пастырям Церкви революционеров, которые «организуют наиболее горячие, ревностные, убежденные силы свои и только при помощи их захватывают под свое влияние “территориальные единицы”. И именно поэтому они даже небольшие силы употребляют с таким грозным успехом»⁵⁵.

Автор особого мнения предлагал и свою программу оживления «православного мира», подчеркивая, что она принципиально выходит за рамки приходского вопроса и затрагивает разные стороны церковной жизни. Прежде всего он призывал епископат «все свои силы употребить на одушевление пастырей и пасомых к <...> организации христианских союзов и братств (вполне законом разрешенных и ныне)». Такие «приходские и всецерковные союзы и братства» он категорично противопоставлял созданию в приходе гражданско-правомочной общины: «Несколько сот тысяч таких ревностных деятелей, сплоченных в своих союзах, имеющих свои капиталы и т.д., и объединенных вокруг церков-

⁵⁵ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 233 об.

ной иерархии, сделают для Христова дела больше, чем десятки миллионов “территориальных” христиан, ленивых и равнодушных к истине и жизни истинной⁵⁶. Вторым пунктом программы возрождения «православного мира» было «оживление деятельности пастырей», но не через привлечение к выборам священника прихожан («ибо иные прихожане именно лучшего <пастыря> и не пожелают»), а через изменение системы привлечения к священству и особенно – через изменение «системы подготовительных к пастырству школ». Вместо существовавших семинарий Новоселов предлагал создать сеть пастырских школ и пастырских курсов при них, куда шли бы желающие священства по «свободному влечению», причем не только образованные, но и «простецы». Параллельно новым пастырским школам он считал необходимым создать институт «специальных проповедников, апологетов, миссионеров» как из священников, так и из мирян. По приглашению священника или по поручению епископа они должны были бы рассылаться «в постоянные объезды» для помощи приходским священникам или для борьбы с лжеучениями.

Третьим условием возрождения церковной жизни Новоселов считал оживление и одухотворение «высшей школы христианской жизни» – монастырей, которые должны стать «общиной монахов, а не пристанищем ищущих безделья и легкого прокормленья»: «Воскресение монастырей, оживление их духовное – дало бы такие неисчислимые силы для всех верующих, для дела истинного оживления *религиозно-церковной* жизни вообще, а в частности и в приходах, что странно даже и сравнивать с ними граждански деятельные силы приходов территориальных, с их вычислениями рублей, попадающих в тот или иной карман»⁵⁷.

В этой горячей критике проекта Особого совещания можно увидеть отзвуки того коммунитарного идеала, который автор, казалось бы, должен был оставить в прошлом вместе с увлечением толстовством. Однако призывы к созданию деятельных общин в виде братств и монастырей, которые должны пересоздать косный «территориальный» приход отчетливо перекликаются с идеями русских коммунитариев рубежа XIX–XX вв., в том числе – с его собственными идеями, что людям нужно «показать» идеальное общество, и тогда они сами станут жить по законам добра и справедливости. Только если раньше таким образом виделась коммуна, то теперь – братство⁵⁸. Призывы эти были вдохновенны и пре-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 234 об. Курсив М.А. Новоселова.

⁵⁸ Ср.: Гордеева. 2003. О роли самого М.А. Новоселова в этом движении и о его коммунитарных идеях см.: Там же. С. 68–76, 131, 142, 162, 179, 184 (зд. особенно про его общественный идеал), 190, 215–226.

краснодушны, но едва ли реализуемы на практике. Мы не знаем, как коллеги по Советанию реагировали на особое мнение М.А. Новоселова. Во всяком случае, оно было приобщено к другим материалам этого органа.

Заключение

Как мы видели, понимание прихода как общины подразумевало взгляд на него как на часть общественной жизни, что создавало уникальные условия для взаимодействия между низовой церковной организацией и другими общественными институтами, например, земским самоуправлением. В практической плоскости для этого, впрочем, были существенные препятствия. И речь шла не только о противодействии такому взаимодействию со стороны епископата (особенно в 1860–1880-е гг.), но и о глубоком недоверии между духовенством и дворянами, которые составляли большинство активных земцев⁵⁹. Кроме того, славянофильский взгляд рассматривал приход как самостоятельную клеточку церковного организма. Внутри же Церкви приходы, исходя из этой логики, должны были взаимодействовать через соборные институты, которые тогда не существовали. Между тем, такой взгляд не учитывал важную характеристику Православной церкви – ее иерархичность. Напротив, взгляд И.С. Бердникова и других приверженцев иерархизма исходил из примата целого: приход не имел самостоятельной жизни в себе, но был только частью епархии. Принцип иерархичности был здесь не просто учтен, он становился точкой отсчета всех рассуждений. В результате приход лишался самостоятельного значения, а также – выпадал из контекста общенациональной, общегосударственной жизни, оказывался изолированным от нее.

Совсем другой ракурс взгляда на приход представляли те епископы и публицисты, которые предлагали создать внутри прихода, вокруг приходского священника религиозно-нравственный союз, приходское братство. В этом случае, фактически, речь шла о выделении религиозного костяка прихода, вокруг которого могли бы формироваться новые приходские институты. Такое приходское братство могло бы обособиться от институтов крестьянского самоуправления, его создание не бросало вызов принципу иерархизма, поскольку братство должно было формироваться вокруг представителя епископа – священника. Кроме того, ничто не исключало возможности его сотрудничества с иными общественными институтами. Однако епископы, отстаивавшие эту идею, не смогли предложить понятного механизма решения важной проблемы приходской жизни той эпохи – проблемы эффективности

⁵⁹ Беглов. 2014 (а). С. 188–189.

приходского хозяйства, которое в значительной степени зависело от постановлений сельского схода. Так или иначе, идея решения приходского вопроса путем учреждения приходских братств представлялась современникам наивной и малоперспективной.

К концу имперского периода русское общество было далеко от консенсуса в приходском вопросе. Ни одна из перечисленных стратегий построения идентичности прихода до революции не стала общепринятой. Отдельные попытки их реализации (Москва, Орел, Рига) носили локальный характер и были сметены последующими событиями. После революции события пошли по пути, который ранее казался наименее реалистичным. Как показал в своем новом исследовании Г.Л. Фриз, в результате крушения бюрократической синодальной системы, начавшихся гонений на веру и Церковь со стороны советской власти, а также в силу того, что последняя первоначально попыталась предоставить приходам определенные права, желая противопоставить прихожан иерархии и духовенству, в приходах стремительно сформировалось религиозное ядро из активных и полномочных мирян⁶⁰. Тем самым идентичность прихода была утверждена не в ходе дискуссий и законотворческой деятельности, а в ходе социальных трансформаций раннего советского периода. Предложения небольшой группы епископов 1890-х гг. оказались своего рода пророчеством, правда, как водится, вовремя не услышанным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / Составитель С.В. Калашников. Харьков, 1896.
- Беглов А.Л. Святоотеческое сознание русского старчества: (XIX – начало XX века) // Русская патрология: Материалы академической конференции. Сергиев Посад, 2009. С. 310–367.
- Беглов А.Л. Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб.: «Нестор», 2012 (а). С. 371–388.
- Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития // Российская история. 2012 (б). № 3. С. 91–104.
- Беглов А.Л. Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. История. История Русской Православной Церкви. 2012 (в). Вып. II: № 5(48). С. 39–61.

⁶⁰ Фриз. 2012; 2013. Ср. аналогичные выводы, сделанные на другом материале: Беглов. 2012 (б).

- Беглов А.Л. Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В.К. Саблера 1912 г. // ЭНОЖ «История». 2013. Вып. 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1>.
- Беглов А.Л. Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014 (а). № 1 (32). С. 172–200.
- Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014 (б). № 2(57). С. 56–81.
- Беглов А.Л. Приходская реформа по К.П. Победоносцеву // Quaestio Rossica. 2014. № 3 (4). (в печати).
- Беглов А.Л. Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». (в печати).
- Гордеева И.А. «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003.
- Димитрий, еп. Новомиргородский. Письмо православного епископа // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 12, 24 марта. СПб., 1905. Стб. 362–365.
- Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного При-
сутствия. Тт. 1–4. СПб., 1906–1907.
- Заозерский Н.А. Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 174–197 (2-я пагин.).
- Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Тт. 1–2. СПб., 1999.
- Михайлов А.Ю. Дискуссия о реформе православного прихода в начале XX в.: альтернативный проект И.С. Бердникова // Информационные научно-образовательные ресурсы ГАГУ. URL: e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/16.doc
- Н.П. О приговорах волостных правлений и крестьян по обидам, причиняемым духовными лицами // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 45. С. 237–245.
- Начальственные распоряжения в епархиях по вопросам пастырской практики // Руководство для сельских пастырей. 1890. № 4. С. 118–119.
- Папков А.А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.
- Папков А.А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII в. и в Западной России до XVII в. // Богословский вестник. 1897. Т. 1. № 2. С. 251–284 (3-я пагин.); № 3. С. 373–395 (3-я пагин.); Т. 2. № 4. С. 42–67 (2-я пагин.).
- Папков А.А. Единственный возможный в настоящее время путь к восстановлению православного прихода – явочный порядок: (Воззвание к священникам и прихожанам). СПб., 1905. (оттиск из газ. «Россия» №№ 24–25 от 1-2.12.1905).
- Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902.

- Папков А.А.* Несколько замечаний по истории древне-русской общины. (Лекция, читанная в Русском Собрании 13 ноября 1901 г. в отделе «народного права»). Из журнала «Вестник права» (Декабрь 1901 г.). СПб., 1901.
- Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1913.
- Положение о сельском состоянии. Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: (Особое приложение к тому IX Законов о Состояниях). С приложением правил о переделе мирских земель, закона о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделных земель и оглавления и алфавитного (предметного) указателя. СПб., 1894.
- Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.
- Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.
- Самарин Д.* Приход. Ч. 1–2. М., 1867–1868.
- Самарин Д.Ф.* Собрание статей, речей и докладов. Т. 1. Крестьянское дело. М., 1903. Т. 2. Статьи о приходе. Статьи разнородного содержания. М., 1908.
- Смирнов С.* Древне-русский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.
- Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1996–1997.
- Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
- Фриз Г.Л.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 86–105.
- Фриз Г.Л.* Православие, власть и секуляризация в России, 1860–1940 // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. – DNI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013).
- Фудель И.И., свящ.* К реформе приходских попечительств. М., 1894 (а).
- Фудель И.И., свящ.* Основы церковно-приходской жизни. М., 1894 (б).
- Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.
- Freeze G. L.* The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // Journal of Modern History. Vol. 48. 1976. № 1, March. Pp. 32–50.
- Беглов Алексей Львович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; beglov.al@yandex.ru

А. В. МЕНДЮКОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЕРУЮЩИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

В статье рассматриваются предпосылки и сущность религиозной политики Советского государства по отношению к православию как основной конфессии в контексте формирования тоталитарных тенденций в общественной жизни страны. Анализируется проблема перехода от религиозных установок в массовом сознании к атеистическим ценностям. На архивном материале представлена репрессивная политика власти по отношению к Русской Православной церкви и верующим.

Ключевые слова: православие, верующие, религиозная политика, воинствующий атеизм, двоеверие, тоталитаризм.

Политика гонений на православие и другие религиозные конфессии началась уже в первые месяцы существования советской власти. Документом, определившим все последующее законодательство в этой сфере, стал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. По верному замечанию современного историка церкви, «декрет имел очень большое значение, поскольку обозначал полный переворот в церковно-государственных отношениях в России»¹. Церковь перестала быть юридическим лицом, не имела права на собственность, права получать субсидии, жалованье от казны, не могла вести обучение в школах. Каждый гражданин формально имел право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Патриарх Тихон выступил с заявлением, в котором предавал новую власть анафеме.

Возникает вопрос, почему проводилась такая жесткая антицерковная политика, чем она была обусловлена, какими факторами и процессами? Насколько и в какой мере описываемую ситуацию подготовило состояние дел внутри самой церкви? Каким образом были взаимосвязаны данная религиозная политика и становление тоталитаризма в стране? На эти вопросы автор пытается ответить в настоящей статье. Хронологические рамки исследования очерчены периодом с 1918 г., когда появляются первые законодательные акты, регулирующие деятельность церкви, до начала 1930-х гг., этапа проведения коллективизации и усиления борьбы на религиозном фронте. Указанный период можно считать временем формирования тоталитаризма в Советской России, что

¹ Протоиерей Георгий Митрофанов. 2002. С. 127.

проявлялось экономически – в постепенном свертывании НЭПа, борьбе с зажиточными слоями крестьянства, проведении политики индустриализации и коллективизации, политически – в усилении роли партийных и государственных органов, первых массовых политических процессах, зарождении культа личности вождя, духовно – в распространении тотального контроля над массовым сознанием, борьбе с религией, насаждении атеистического мировоззрения.

Истоки описываемых процессов нужно искать, на наш взгляд, в XIX столетии. Модернизация в России, начавшаяся Великими реформами Александра II, основательно повлияла на массовое, народное сознание, которое веками оставалось связанным с ценностями православия. Однако, быстрые политические и экономические перемены привели к размыванию духовных ценностей, к аномичности общества. В начале XX в. процесс изменения духовных и религиозных ценностей был особенно интенсивен. Менялась и роль духовенства как социальной группы². Православная вера перестала рассматриваться как нечто вечное, священное и непреходящее. В мягкой форме это проявилось в возникновении христианской философии в кругах либеральной интеллигенции (Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев), в жесткой – в прямой критике религии и отказу от ее догм среди разночинной и революционной публики. Последняя искала совсем иные смыслы и символы для наступающей эпохи, которая представлялась чуть ли не «концом истории». Нигилизм и «базаровский» тип интеллигента сменились адептами нового учения, претендовавшего (не без оснований) на научное понимание исторического развития общества и прогнозирование его дальнейшей эволюции. Можно сказать, что первоначальный «смутный», «подсознательный» социализм сменился рациональной, со своими постулатами и законами, теорией, которая довольно быстро обрела сторонников как в Европе, так и в России, марксизмом. По мнению Н.А. Бердяева, «русские социалисты перестали себя чувствовать беспочвенными, висящими над бездной. Они почувствовали себя «научными», не утопическими, не мечтательными социалистами. «Научный социализм» стал предметом веры»³. Нельзя однозначно утверждать, что в начале XX в. марксизм стал эрзац-религией, пришел на место православия, однако в самом обществе наблюдались парадоксальные процессы. Результатом модернизации и изменения сознания стало постепенное исчезновение былого доверия к словам и действиям служителей церкви. Сами

² Миронов. 2013. С. 32-33.

³ Бердяев. 1990. С. 84.

же священнослужители в большинстве своем (речь идет, конечно, о приходском духовенстве) не решались или не хотели общаться с прихожанами на политические, общественные или иные актуальные темы в силу своей некомпетентности и необразованности, ограничиваясь обычными богослужениями в храме. Однако, как отмечал епископ Симбирской епархии, «духовенству волей-неволей приходилось выступать среди своих прихожан в качестве разъяснителей таких вопросов, которых оно доселе не касалось»⁴. «...Священник в селе часто является единственным образованным человеком, – писал в своем отчёте в Синод волынский архиепископ Антоний, – поэтому ему приходится давать оценку всех событий жизни не только религиозной, но и политической и общественной, особенно в теперешнее смутное время, когда деревня осаждается разными развратителями, врагами русского самодержавия и православной веры...»⁵. Таким образом, церковь была вовлечена в водоворот стремительно разворачивающихся политических событий. Русская Православная церковь в императорский период выступила ярким апологетом власти, несмотря на вопиющие недостатки самодержавия. Подобная политика в условиях формирования политических партий, парламентаризма дискредитировала церковь и духовенство. С другой стороны, наблюдался кризис в самой церкви, что проявлялось, например, в низком уровне образования и культуры духовенства, нежелании нести пастырское служение, погоне за материальными благами, конфликте между черным и белым духовенством и т.д. Описываемая ситуация явилась прекрасной почвой не только для проведения антирелигиозной политики большевиками, но и для оправдания такой политики.

В июле 1918 года первая советская конституция объявила духовенство и монашествующих лицами, лишенными избирательных прав. Согласно статье 65-й конституции РСФСР, в группу «лишенцев» попали также предприниматели, частные торговцы, лица, живущие на нетрудовой доход, бывшие агенты полиции, жандармы, душевнобольные⁶. Таким образом, в советском обществе появились первые бесправные категории населения. Вместе с тем, конституция гарантировала «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды» (статья 13)⁷. 24 августа 1918 года появилась инструкция Наркомюста о путях воплощения в

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2114. Л. 9.

⁵ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. 1936. С. 232.

⁶ Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 года). 1938. С. 436.

⁷ Там же. С. 426.

жизнь положений декрета о свободе совести. Верующие объединялись в коллективы, числом не менее 20-ти человек, на которых и возлагалась ответственность за всю их религиозную деятельность. «Двадцатки» отвечали духу времени, поскольку даже в такой интимной сфере как вера, коллектив противостоял одному лицу – священнику. Священнослужители прямо ставились под контроль мирян, потому что «двадцатка» несла ответственность за действия священников. «Естественно, что на группу мирян влиять было гораздо легче, чем на священника. Одного мирянина можно было вызвать и сказать, что его лишат карточки, если он будет делать не то, что нужно, другого можно будет лишить дров, третьего отправить на трудовую повинность»⁸. В число мирян попадали и прямые агенты ГПУ, доносчики, люди, работавшие на власть. Государство рабочих и крестьян, создавая свой пролетарский культ, новую религию, всемерно старалось не просто проконтролировать православие как мощнейший и влиятельный духовный фактор, но и подавить его, вытравить из души русского народа всякие остатки былой веры, называя ее «анахронизмом», «буржуазным пережитком».

В дальнейшем, давление властей на церковь только усиливалось, по прямому указанию политического руководства партии, что проявлялось, прежде всего, в политике надзора за верующими и пресечении нежелательных действий с их стороны. Именно в 1920-е гг. складываются контуры будущей политики тотального контроля над обществом. Кроме того, применительно к данному периоду, можно утверждать, что власти стремились одержать идеологическую, духовную победу над церковью и православием. Согласно секретному циркуляру НКВД РСФСР от 19 сентября 1924 года за № 4/2827/с, местным властям не рекомендовалось «поощрять и содействовать преобразованию существующих групп верующих в религиозные общества, так как последние являются более организованными объединениями верующих, представляющих собой... нереволюционный, отсталый элемент населения РСФСР»⁹. Регистрация религиозного общества должна была осуществляться начальником административного отделения вместе с уполномоченным ГПУ, причем требовался анкетный список членов общества, куда входило бы не менее 50 чел.¹⁰ В инструкции местным административным отделам были прописаны основные направления работы с верующими: заключение договоров с группами верующих, учет церков-

⁸ Протоиерей Георгий Митрофанов. 2002. С. 132.

⁹ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 5.

ного имущества, регистрация религиозных обществ, выдача разрешений на съезды и собрания по религиозным вопросам, учет духовенства.

Собрания верующих также тщательно контролировались. Секретный циркуляр отдела управления милиции Московского совета определял правила проведения собраний, крестных ходов, переноса икон. Правила сводились к следующим пунктам: заявление о собрании подается за неделю; указывается точная повестка собрания; обязательно согласование мероприятия с ГПУ. Собрания запрещались в местности, где «оперируют политические банды (?!), если «члены религиозного общества замечены в контрреволюционной деятельности»¹¹. Термин «политическая банда» мог означать все что угодно. Под этим предлогом можно было легко запретить любое собрание. К примеру, осенью 1925 г. в Самаре административные органы отказали в проведении православных религиозных собраний гражданину Тимофею Кузьмичу Швецову в его собственной квартире. Он нарушил запрет, и собрания все-таки проводил. Собиралось у него полтора десятка человек. Его деятельность, в итоге, была пресечена (скорее всего, не без помощи соседей) на том основании, что «беседы не носят характер отправления религиозных обрядов, а являются не разрешенным вероучением»¹². Мы не можем сказать точно, имели ли эти собрания сектантский характер или нет, но в то же самое время разрешение ежедневно (!) проводить собрания в квартире гр. Полякова было дано религиозной еврейской группе, причем за несколько месяцев до описываемых событий¹³. Той же осенью 1925 г. без проблем разрешили губернский съезд общин евангельских христиан-баптистов. В феврале следующего года мусульманам горисполком разрешил преподавать вероучение в здании мечети на Казанской, 67. Наконец, тогда же состоялся в Самаре Всесоюзный (!) съезд духовных христиан (молокан). А православным в то же время приходилось запрашивать разрешения на рождественский крестный ход на реки Самару или Волгу. Правда, скрепя сердце, такие просьбы удовлетворялись¹⁴.

Представители других религий тоже подвергались гонениям, но в рассматриваемый период они не были столь значительными, как позднее. Основной удар государства был обрушен в первую очередь на православие, занимавшее самые прочные позиции в обществе. По состоянию на 30 октября 1928 г. в Самаре насчитывалось 26 православных

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 129.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ ГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 48. Л. 4.

церквей и более 8 тысяч верующих (видимо, это те, кто своей веры не стеснялся и не прятался). У старообрядцев было 2 церкви и 4 молитвенных дома (733 верующих), у мусульман – 2 мечети и 775 человек, у иудеев – синагога и молельный дом (230 чел.), у лютеран – кирха и 56 сторонников, у молокан – молельный дом (614 чел.), у баптистов – также молельный дом и 146 верующих¹⁵. Эти красноречивые цифры не нуждаются в комментариях.

Противоположным, но не менее действенным инструментом давления на Русскую Православную церковь, стало создание массового добровольного общества, объединившего людей, на словах или на деле порвавших с церковью, выступавших за рациональные и научные принципы в объяснении любых явлений и отвергавших саму идею Бога. Таким обществом стал созданный в 1925 г. «Союз безбожников» во главе с известным деятелем сталинской эпохи Ем. Ярославским. Костяк Союза составили комсомольцы. Из самого названия этой организации следовало, что ее члены занимают ярко выраженную антирелигиозную (прежде всего, антиправославную) позицию. И не просто занимают, а активно способствуют насаждению атеистических идей среди населения. Но в середине 1920-х гг. в деятельности ячеек Союза безбожников преобладала умеренная линия, которую можно охарактеризовать лозунгом: «Овладеем естествознанием, чтобы иметь крепкое оружие в борьбе с религией»¹⁶. В июле 1929 г. на II Всесоюзном съезде безбожников к названию организации добавили характерное прилагательное «воинствующие». Возраст вступления был понижен до 14 лет. Создавались также группы юных безбожников – с 8 лет¹⁷. Описанные меры должны были ослабить влияние церкви в обществе, отвлечь людей от религии, особенно это касалось молодежи. Проблема состоит в том, насколько удалось власти выполнить задачу идеологически победить церковь, «перестроить» сознание общества. По мнению автора, данная задача не могла быть выполнена в столь короткий срок, несмотря на все усилия.

Следующим этапом борьбы с церковью стала политика открытых гонений и репрессий, связанная как с усилением тоталитарных тенденций в политической жизни, так и с социально-экономической политикой Советского государства. Осуществление политики коллективизации в деревне поставило на повестку дня необходимость ослабления зажиточных слоев крестьянства, уклад жизни которых и самосознание тра-

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 11. Л. 32-33.

¹⁶ *Слезин*. 2005. № 9. С. 129.

¹⁷ Там же. С. 132.

диционно было связано с православием. В 1927 г. на XV съезде партии Сталин констатировал: «У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»¹⁸. В период хлебозаготовительного кризиса 1927-28 гг. активизировались попытки связать религию с контрреволюцией. И в этот период активную роль в борьбе с церковью сыграл Союз воинствующих безбожников.

С октября 1929 г. по 1 марта 1930 г. в деятельности СВБ происходят значительные перемены. В Средневолжской области (без Самары) к марту 1930 г. в эту организацию входило уже свыше 11 тыс. человек. В 11 районах организованы райсоветы и 209 ячеек. Лишь в пяти районах не было ни райсоветов, ни ячеек (в Марьевском, Елховском, Екатеринском, Андреевском и Алексеевском). Теперь антирелигиозное движение в области стало массовым, отмечает официальная статистика. В целом по России – аналогичные тенденции. В 1926 г. к безбожникам себя причисляли 87 тыс. чел., в 1929 г. – уже 500 тыс. К 1941 г. предполагалось вовлечь до 22 млн. чел.! Но этим планам не удалось сбыться: к указанному времени в Союз входило 3,5 млн. чел., в основном формально¹⁹. Наступление на православие и церковь стало вестись на всех направлениях. Возник даже термин – «религиозный фронт». Атеистическая пропаганда проводится повсеместно. Особое внимание обращается на воспитание подрастающего поколения. Добровольное общество «Друг детей», например, подготовило доклад, где отмечалось: «Религия – одно из сильнейших орудий в руках капиталистов, являясь инициатором воспитания послушных и угодных сынов. Церковь рекомендовала, как один из важнейших способов воспитания, плетку и ремень...»²⁰.

Одним из направлений антирелигиозной деятельности было закрытие церквей и снятие колоколов. Активная кампания по массовому закрытию церквей в масштабах страны началась в 1929 г. Сталин справедливо назвал этот год «годом великого перелома». Уничтожались остатки НЭПа, свободы, начинаются первые процессы над «вредителями» (в лице технической интеллигенции), в деревне насильно насаждался колхозный строй, годом позже начались гонения на крепких и зажиточных крестьян, т.е. на тех, кто работал, а не пьянствовал, на чьих плечах и держалась деревня. В стране формировался тоталитарный порядок.

Участь церкви была решена в 1929 г. Хотя секретный циркуляр НКВД РСФСР от 11 июля 1924 г. указывал, что в деле закрытия церквей

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Поспеловский. 1995. С. 113-114.

²⁰ ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337. Л. 40.

надо действовать осторожно и прибегать к этой мере «лишь в исключительных случаях»²¹. В 1929–1930 гг. в Самаре началось массовое закрытие церквей под тем или иным предлогом²². Чаще всего – якобы по требованию общественности, выступавшей за передачу церковных зданий, например, под учреждения культуры. Обращения трудящихся были в большинстве своем сфальсифицированы, причем этот факт признавали даже официальные власти. Богородицко-Рождественская церковь п. Новый Оренбург была изъята под школу, Свято-Никольская церковь в Рабочем поселке закрыта по ходатайству учащихся школы № 35, рабочих завода № 42, Дрожзавода. Кафедральный собор передали союзу строителей под Дом культуры, Казанский собор – «Сельхозснабжению» под тракторные мастерские, по ходатайству 3200 кустарей (!), при поддержке фабрики Швейпрома и фабрики «Красная звезда» в связи с «малой посещаемостью церкви верующими»²³. Вознесенская церковь (на совр. ул. Степана Разина) была передана организации с невнятным названием «Крайпромкредсоюз» для использования под клуб кустарей, опять же, по требованию «профессиональных, общественных и других организаций», а также «за растрату церковного имущества общиной Вознесенской церкви на сумму 600 руб.». Были также закрыты Троицкая, Ильинская и Николо-Софийская церкви в центре города. Закрыли и передали гороно Воскресенскую церковь «для организации культурного учреждения в районе Самарской площади». Верующим предлагалось «удовлетворить свои религиозные потребности в Петропавловской и Свято-Никольской (к тому времени уже закрытой – А.М.) церквях». Женский монастырь (в Рабочем городке) решено было передать сельскохозяйственному институту под клуб или общежитие. Постановлением Самарского горсовета от 5 января 1930 г. были закрыты лютеранская кирха и польский костел. Кирху забрали под музей союза безбожников, а костел – под детский театр²⁴. Мощным стимулом к закрытию храмов было то, что 40% вырученных от реализации сумм шло в местный бюджет. Секретными инструкциями разрешалось уничтожать часть культового имущества. Оно превращалось в существенную статью дохода, что, в свою очередь, поощряло усиление атеистической политики, закрытие церквей.

После Октября 1917 г. объектом непрерывных нападков стали церковные колокола. К борьбе с колоколами подключились наркоматы юс-

²¹ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 7. Л. 25.

²² *Подмарицын*. 2008. С. 122.

²³ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 262. Л. 127, 179 об., 205 об., 342.

²⁴ Там же. Д. 330. Л. 189.

тиции и внутренних дел, разославшие весной 1926 г. всем облисполкомам инструкцию «О порядке пользования колокольнями». Уже не церковь обладала правом колокольного звона, а местные власти получали почти неограниченные права в его регламентации. Инструкция гласила, что звон, нередко не связанный с отправлением культа, «нарушает нормальное отправление общественного правопорядка и особенно стеснительно отражается на жизни городских поселений». Инструкция запрещала совершение набатных тревог «для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти», не допускалось и пользование колоколами для звона, непосредственно не связанного со службами, в дни великих христианских праздников – на Пасху, Рождество. Крестный час самих колоколов настал в 1928-29 гг. Именно в это время на церковь, ее институты, священнослужителей обрушилась волна репрессий, началось массовое разрушение храмов. Так, пленум Самарского горсовета 27 декабря 1929 г. постановил снять со всех церквей Самары колокола не позднее 15 января 1930 г. Металл предлагалось передать на предприятия края и Советского Союза вообще. Полученные средства пошли бы на постройку Дома культуры²⁵. В результате, согласно акту о передаче колоколов по постановлению пленума Самарского Горсовета с 24-х самарских церквей были сняты 172 колокола общим весом около 12 тыс. пудов²⁶.

Одной из приоритетных задач советского государства и Союза безбожников являлась борьба с религиозными праздниками, особенно с праздником Пасхи. В 1929 г. была проведена масштабная антипасхальная кампания с 10 апреля (крестопоклонная неделя) до 14 мая. В городе были выдвинуты лозунги борьбы с «реакционной деятельностью церковников, борьбы против старых традиций и обычаев и мелкобуржуазного влияния на трудящихся», а в деревне выдвигалась задача борьбы за «поднятие урожайности и проведение весенней посевной кампании». Агитационно-пропагандистский отдел обкома ВКП (б) особо рекомендовал выделить в антипасхальной работе 2 мая (великий четверг) и 4 мая (страстная суббота). В эти дни, в совпадающие с церковной службой часы должны были проводиться художественные антирелигиозные вечера²⁷. Для них были тщательно подобраны темы докладов: «Происхождение поста и его классовая сущность», «За новые праздники и дни отдыха», «За культурный новый быт (против религии, пьянства, хулиганства, мещанства и антисемитизма)», «Классовая сущность пасхальной легенды», «Борьба за уро-

²⁵ Там же. Д. 326. Л. 36.

²⁶ ГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 89. Л. 99-99 об.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337. Л. 74-75.

жай и религия», «О пьяных праздниках». В пасхальные дни население должно было получить массу зрелищ: в театры, кино и на концерты устанавливались общедоступные (?) цены. Особое внимание уделялось пропагандистской работе на селе. Местное отделение Совкино организовало посылку кинопередвижек в деревню. Показ фильмов являл собой диковинку для сельских жителей и должен был отвлечь их от религиозного праздника. Кроме того, ячейки ВКП (б), ВЛКСМ, Союза безбожников и актив деревни организовали на Пасху общественные работы для засева полей бедняков, организации опытных участков, экскурсий на опытные поля. Предлагалось внедрить в крестьянский быт новые «революционные праздники»: день первой борозды, день леса, день урожая, день кооперации и др. Власти поставили четкую задачу «разоблачить религию как орудие кулачества и контрреволюции».

Таким образом, сразу после прихода большевиков к власти резко поменялась политика по отношению к РПЦ и православию. Большевики создавали атеистическое государство и атеистическую веру взамен традиционных культов. Антицерковная политика была тесно связана с проходившими в стране политическими и социально-экономическими процессами, будучи в значительной степени обусловлена ими. На первом этапе, с момента принятия первых законодательных актов, определявших статус РПЦ, и в период существования НЭПа, она носила преимущественно ограничительный, надзорный характер. Была сделана ставка на духовную, идеологическую победу над православием. На втором этапе, когда в стране осуществлялись индустриальная модернизация и коллективизация, власти перешли к открытым гонениям на духовенство, закрытию церквей, изъятию имущества и т.д. Активную роль сыграл в этом Союз воинствующих безбожников. В 1928-30 гг. основной удар советского государства пришелся на церковь и крестьянство, которые не только рассматривались как невольные кредиторы проводившейся экономической политики, но и как классовые враги, мешавшие установлению тоталитарного порядка, а потому подлежащие истреблению.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2114.
Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 40; Оп. 2. Д. 7; Оп. 2. Д. 8; Оп. 3. Д. 11.
ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 262; Д. 330; Д. 326.
ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337.
ГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 48; Д. 89.
Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 года) / Сборник документов под редакцией А.Я. Вышинского. М.: Изд-во НКЮ СССР, 1938. 492 с.

Литература

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Подмарицын А.* Очерки истории Самарской епархии. Самара: Издательство «Книга», 2008. 152 с.
- Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
- Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 32-33.
- Протоиерей Георгий Митрофанов.* История русской православной церкви. 1900–1927 гг. СПб.: САТИСЪ, 2002. 443 с.
- Слезин А.А.* Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129-132.
- Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Сб. документов. Под ред. А.К. Дрезена. М., 1936.
- Мендюков Андрей Валерьевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук Самарского государственного медицинского университета; tendyukoff@yandex.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Г. Д. СЕЛЯНИНОВА

ПЕРМСКИЕ ДИАЛОГИ Н. В. УСТРЯЛОВА И Д. В. БОЛДЫРЕВА 1918–1919 гг.

Статья посвящена идеям, которые развивали во время пребывания в Перми в 1918–1919 гг. Николай Васильевич Устрялов и Дмитрий Васильевич Болдырев. Преподавая в Пермском университете в это время, они преодолевали трудности эпохи военного коммунизма, высказывая свои позиции по поводу исторического пути России. Позднее они вместе работали в качестве директоров Русского Бюро Печати при Омском правительстве А. В. Колчака.

Ключевые слова: *большевизм, военный коммунизм, революция, этатизм, белое движение, национал-большевизм, сменовеховство.*

Вызывают интерес размышления двух российских интеллектуалов о судьбе России. Их воззрения «пермского периода» дают возможность познакомиться с двумя разновидностями этатизма. Один из них, Николай Васильевич Устрялов, высказывал идеи, которые впоследствии составили основу сменовеховства. Другой, Дмитрий Васильевич Болдырев, ратовал за создание теократического государства. Они вместе, будучи в Перми, переживали трудности эпохи военного коммунизма, а позднее работали в качестве директоров Русского Бюро Печати при Омском правительстве А.В. Колчака.

Путь, который проходит та или иная идея от момента своего возникновения до оформления в идеологию, обычно отследить не просто. В данном случае у нас есть возможность сделать это. Свои впечатления о «пермском периоде» Н.В. Устрялов отразил в дневнике¹, материалы которого дают редкую возможность прикоснуться к реалиям повседневной жизни интеллигенции города во второй половине 1918 г., ощутить как исторический, так и человеческий масштаб событий.

Вот как сам Н.В. Устрялов объяснял свой выбор Перми как места жизни и деятельности: «...говорили, что в Перми можно очень хорошо заниматься наукой. Меня там никто не знал, уехать можно было, нико-

¹ Так называемый «Пермский дневник» стал достоянием отечественной историографии благодаря публикации, осуществленной историком С.П. Рыбаковым, материалов Н.В. Устрялова из фондов Литературного архива Чешской республики: Устрялов. 2000. Ссылки на страницы даются далее в тексте статьи.

му ни в Москве, ни в Калуге об этом не сообщив, следовательно, опасность устранялась... Кроме того, утверждали, что в Перми продовольственного кризиса не наблюдалось, следовательно, радовала перспектива откормиться и забыть едовые заботы. Наконец, Пермь близка к фронту, – и это особенно привлекательно. Теперь надежда оказаться за роковым рубежом автоматически, без передыг и неприятностей второго пути (через Нац. Центр)». В Перми он обратился на юридический факультет с ходатайством о принятии его в число приват-доцентов Пермского университета. Сохранилось письмо исполняющего обязанности декана юридического факультета ректору Пермского университета о постановлении совета зачислить Н.В. Устрялова с 19 сентября 1918 г. на юридический факультет приват-доцентом по кафедре государственного права². Таким образом, в сентябре – октябре 1918 г. он с головой погрузился в научную и преподавательскую деятельность, радуясь благоприятной возможности помногу заниматься. Ему было поручено чтение курсов государственного права – общая теория государства и государственное право иностранных держав (С. 179).

Безусловно, при сравнении с Московским университетом Пермский университет, находившийся лишь в начале своей истории, проигрывал: «Университет средний. Неважная внешняя обстановка, перестраивающееся здание, холодновато, неуютно, студентов мало, пособий тоже. На первых лекциях для второго и третьего курсов у меня было человек 20-30. Что же дальше будет?..» (С. 184-185). О бытовых условиях в университете Устрялов писал: «Нет даже профессорской комнаты, где бы можно было отдохнуть в перерыве. Аудитории не топлены, вчера совершенно замерз, пока читал. Слушатели сидят в шубах, но читать в шубе неудобно». (13 ноября. С. 187). Вот еще один отзыв об отношении большевистских властей к Пермскому университету: «...Грустное впечатление производит здешний университет. Со стороны властей – враждебность, или, в лучшем случае, полное равнодушие, со стороны студентов – тоже никакой радости, в среде самой профессуры – трения, вражда групп, особенно удручающая в нынешнее время. Как же не стремиться отсюда уехать?.. Только поневоле остаешься. Заниматься же нельзя из-за голода». (21 ноября. С. 191).

Главную трудность «пермского периода» жизни Н.В. Устрялова осенью 1918 г. составляла забота о сохранении жизни, выражавшаяся в упорной борьбе с голодом. Будни, наполненные в сентябре-октябре 1918 г. активной интеллектуальной деятельностью, становились все более тре-

² ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 375. Л. 1.

вожными с приближением зимы: «Пермь, 19 октября... Сейчас остро интересуется продовольственный вопрос. Плохо здесь сейчас в этом отношении, – значительно хуже, чем было в Москве. Там хоть все купить можно было. А тут – хоть шаром... Держусь студенческой столовкой. Очередь, талоны жестяные, шумно, тесно – старая, милая, знакомая картина... Но содержимое обеда наводит подчас на грустные размышления. По карточкам в студенческом кооперативе выдают и хлеб, только не каждый день, но за каждый день: по четверке, а то и по полфунту. Конечно, он целиком съедается в день получения (утерпеть немислимо), а на другой день – а то и на третий – приходится жить без хлеба...» (С. 182). Страницы дневника начиная с 19 октября посвящены, главным образом, размышлениям о путях поиска хлеба насущного, описаниям шести продовольственных экспедиций за город в деревню. Необходимость отдавать все силы на поиски продовольствия не оставляла уже возможностей для интеллектуальной деятельности: «Благодаря борьбе – все еще сравнительно успешной – с внешними невзгодами, наукою почти не занимаюсь» (С. 200).

Кроме продовольственного, остро стоял вопрос о приобретении тех или иных товаров: «Пермь, 4 ноября... В Перми жестокий коммунизм. Даже баночки чернил, даже тетрадки или стакана нельзя купить без разрешения «отдела снабжения». Цены, правда, дешевые, но на всякий пустяк приходится тратить время и силы...» (С. 184). В дневниковой записи от 13 ноября 1918 г. Н.В. Устрялов с грустью констатирует: «Занимаюсь меньше. Не столько вследствие совета доктора («не переутомляться»), сколько по недостатку времени, уходящего на всякие мелочи» (С. 187). Что это за «мелочи»³, сообщает запись от 14 ноября 1918 г.: «Вот необходимо достать электрическую лампочку – а где и как ее достать? Достал разрешение на покупку, но магазины соответствующие все закрыты. В отделе снабжения советуют справиться на электрической станции – сегодня нужно будет это сделать. На две комнаты осталась одна лампочка. Перегорит – и уже полный мрак. Вчера, – опять же, конечно, по разрешению от отдела снабжения, достал, наконец, тетрадей и фиолетовых чер-

³ Примечание: вот как была охарактеризована эта ситуация корреспондентом газеты «Свободная Пермь», издававшейся в 1919 г. в городе уже при колчаковцах: «Делопроизводство безчисленных канцелярий, отделов, подотделов, и прочих учреждений, где ничего не делали, но все же успевали отравлять обывателю жизнь, заставляя людей, имевших несчастье ощущать необходимость в каком-нибудь разрешении, справке или талоне на листок бумаги или стеклянн. блюдечко, приходиться в полнейшее отчаяние, безнадежно смотря на уплывавшие в достижении его скромной цели целыя часы, дни и без преувеличения буквально, недели драгоценного времени». (Покровский. 1919. С. 3).

нил хорошего сорта... И так – все время. Да, «земная паутина». Это те «отрицательные условия возможности жизни», которых в обыкновенное время мы не чувствуем, о которых забываем, как и воздухе. А теперь в них – пафос жизни, средоточие забот, интересов...» (С. 187-188).

Поиск необходимых товаров требовал много усилий, но гораздо больше изматывали бессмысленные, ничем необъяснимые запреты. Так, запрещение включать электрическое освещение, вызывало вполне понятное неприятие: «Сижу с сегодняшнего дня при керосиновой лампе, хотя электричество фактически действует. Но исполком запретил частным абонентам им пользоваться, конечно, под угрозой ответственности «по всей строгости военных законов». Нелепо. Хорошо, хоть есть керосин: в университете дают помногу. А хозяин наш – практичный человек! – запас себе еще на всякий случай церковных свеч. Что-то внутри протестует против этого... А все-таки как трогательно: Церковь и тут, и в «экономике» даже – тверже, богаче обезбоженного государства» (С. 203).

В поисках дополнительного заработка Н.В. Устрялов читал курс по истории русской политической мысли в Мотовилихе, вероятно, в Народном университете, где сотрудничали многие преподаватели Пермского университета: «Начал сегодня курс в Мотовилихе по истории русской политической мысли. Слушателей человек 60 – все рабочие... В лекциях приходится быть осторожным. Слушают хорошо, да и курс интересный». (28 ноября. С. 196).

Кроме того, Николаем Васильевичем была предпринята попытка начать преподавание в гимназии для взрослых, но по неизвестным причинам утверждение преподавателем там не состоялось: «По общему правилу, мою кандидатуру представили в Чрезвычайную Комиссию, – может быть, там заминка?» (С. 197) Всевластие ЧК доказывали и другие факты. Так, помещения Пермского университета с 10 декабря потребовались для «батальона чрезвычайной комиссии»: «Пока занимают лишь третий этаж – как раз помещение нашего факультета. Аудитории уже очищены от парт... Понедоумевали вполголоса. Разошлись. Бедная наука! Бедная Пермь! Бедная Россия!» (С. 202). И вследствие отсутствия помещений занятия в дальнейшем были отменены (С. 204). Даже для того, чтобы пользоваться электричеством, требовалось специальное разрешение. Сохранилось удостоверение, подписанное ректором и секретарем правления: «Государственный Пермский университет настоящим удостоверяет, что предъявитель сего Николай Васильевич Устрялов (Екатерининская 11, кв. 1), состоящий преподавателем означенного университета, по роду своей службы нуждается в вечерних и ночных

занятиях, а посему в качестве ответственного советского работника, имеет право пользоваться электрическим освещением»⁴. Продовольственные экспедиции, «гнет мелочей» отнимали много сил, но невозможность свободного выражения мыслей подавляла: «Помимо внешних, материальных условий, – душно сознанию, духу» (С. 207).

Пермь для Н.В. Устрялова была временным пристанищем, этапом, но на пути к чему – было еще неясно: «Кто знает, - быть может, эта случайная пермская полоса окажется отрадным, плодотворным проблеском в жизни. Кто знает, - быть может, скоро снова жизнь властно позовет к себе, - и уже не до книг будет... А, быть может, еще что-нибудь... Теперь так все зыбко, шатко». (16 октября. С. 181).

В условиях усиливавшейся идеологизации общественной жизни небезопасным был и сам процесс преподавания. В записи от 30 ноября читаем: «Сегодня на лекции прошел маленький кви про кво. Читал об условиях возникновения декабризма. Коснулся военных поселений Аракчеева. И так велико было желание вернуть злободневную аналогию, что не мог удержаться, хотя, понимал, конечно, что это небезопасно... Приведа... цитату, я не удержался и сопроводил ее таким заключением: “Быть может, только в современном коммунистическом рае можно искать аналогии этим военным поселениям александровской эпохи!” Как только я произнес эти слова, одна из слушательниц, миловидная блондинка... возмущенно покраснела, вскочила, как ужаленная, и вышла из аудитории... Впрочем, к концу лекции она снова вернулась... Разумеется, я был уже осторожнее» (С. 197-198). Понимание несовместимости своих взглядов с официальной позицией большевиков заставляла Н.В. Устрялова их скрывать: «Сидишь тише воды, ниже травы. И особенно неприятно, что это, казалось бы, все-таки временное, переходное положение грозит затянуться до бесконечности...» (13 ноября. С. 187). Любое подозрение в неблагонадежности могло стать основанием для применения революционного насилия. Так, в записи от 28 ноября сообщается об аресте ректора университета, проректора и декана одного из факультетов за хранение в университетской кассе крупных сумм, которые, «по мнению властей, следовало сдать на хранение в соответствующее государственное учреждение. Немедленно явилось подозрение, что деньги хранятся “на случай прихода белогвардейцев”. Остальное понятно. Помимо профессоров, арестован заведующий хозяйством..., о котором вспомнили, что он “царский полковник”» (С. 197). Аресты и расстрелы вызывали возмущение: «...здешняя власть куда

⁴ ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 375. Л. 25.

свирепее нашей. Расстрелы постоянно, и в большинстве нелепые. Эта ужасная система заложников!» (С. 187).

Характеризуя большевистские порядки как «жестокий коммунизм», Н.В. Устрялов дает на страницах дневника очень точную и емкую характеристику тех условий жизни, при которых, несмотря ни на что, рождались новые идеи.

Экономические трудности в Перми вместе с Н.В. Устряловым преодолевал Дмитрий Васильевич Болдырев⁵. Будучи в Петрограде профессорским стипендиатом, и, представив в сентябре 1918 г. на историко-филологический факультет Пермского государственного университета две своих работы «Созерцание у Платона» и «Понятие психического», он прибыл в Пермь в сентябре 1918 г. «для соискания звания приват-доцента путем защиты... диссертации *provenia legendi* и получения звания приват-доцента по кафедре философии». В ноябре 1918 г. был зачислен приват-доцентом кафедры философии, получив поручение от историко-филологического факультета читать курс «Философское введение в психологию».

Заявление оставленного при Петроградском университете по кафедре философии, преподавателя Высших женских курсов Д.В. Болдырева было рассмотрено на историко-филологическом факультете Пермского университета 16 августа 1918 года, профессорам А.И. Сырцову и Б.В. Казанскому было поручено составить отзыв о научных трудах Болдырева. 16 ноября 1918 г. были произведены выборы, Болдырев оказался единогласно избранным на должность приват-доцента кафедры философии⁶. Он прибыл в Пермь из Петрограда осенью 1918 г. Читал курс психологии для студентов-юристов, а на историко-филологическом факультете читал два курса – «Философское введение в психологию» и «Душа и тело». Преподавательская деятельность в Пермском университете началась для Болдырева 26 ноября 1918 г. вступительной лекцией на

⁵ Дмитрий Васильевич Болдырев родился в 1885 г. в Петрограде. Окончив в 1903 г. первый кадетский корпус, поступил в 1905 г. в Петроградский университет на физико-математический факультет, а по завершении обучения по историко-филологическому факультету был оставлен при университете на кафедре философии. С этого же 1912 г. начал заниматься педагогической деятельностью, преподавая историю, русский язык и философские предметы в средних учебных заведениях г. Петрограда. С 1916 г. состоял преподавателем по кафедре философии на Петроградских Высших женских курсах. С 1917 г. стал штатным преподавателем истории Первого кадетского корпуса, поступив одновременно на службу в Книжную палату. Наряду с научно-педагогической занимался литературной деятельностью, состояя с 1915 г. сотрудником «Русской мысли» а с 1917 г. – «Русской свободы».

⁶ ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 13.

открытом заседании историко-филологического факультета в здании бывшего губернского земства. На лекции присутствовал практически весь профессорско-преподавательский состав факультета⁷. Кроме преподавательской и научной деятельности, Болдырев с 22 января 1919 г. занимал должность секретаря Совета университета⁸. 13 мая 1919 г. он после успешного баллотирования получил должность доцента кафедры философии Пермского университета⁹.

Если говорить о размерах определенного Пермским университетом оклада, то следует отметить, что он рассчитывался исходя из 600 руб. за годовой час и составлял 400 руб. в месяц¹⁰. Но материальные условия жизни семьи Болдырева в Перми оставляли желать лучшего, и после прихода в Пермь белых в правлении университета 5 февраля 1919 г. был рассмотрен его рапорт «о выдаче ссуды в размере пятисот рублей, из авансовых сумм для постепенного погашения из жалования в виду тяжелого материального положения». Было постановлено «выдать 500 руб. в виде ссуды из специальных средств, с погашением таковой ежемесячно в 100 руб. из получаемого г. Болдыревым содержания»¹¹. Но эта ссуда не спасала, и он вновь и вновь обращается с просьбой о выдаче вспомоществования¹².

Пермь осенью 1918 г. стала местом напряженной интеллектуальной жизни многих выдающихся российских мыслителей. Вот как писал об оживленных дискуссиях той поры в своем дневнике Н.В. Устрялов: «По вторникам бываем у Болдыревых, толкуем о том и о сем, и о быте, и о бытии... Рассказываются мешочнические впечатления. Трактуются глубочайшие философские проблемы. В последний раз долго говорили о том, права ли инквизиция, сжигая еретиков, и вообще, нужно ли их сжигать. Болдырев утверждал, что права и нужно, а Фиолетов – что не

⁷ ГАПО. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 14, 34.

⁹ Там же. Л. 15, 16, 34.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Так, 22 февраля 1919 г. Д.В. Болдырев обращается к ректору Пермского университета с рапортом, в котором указывает: «В виду тяжелого материального положения имею честь просить г. Ректора П.Г.У. войти в Казенную Палату с ходатайством о выдаче мне тройного жалования в зачет причитающегося мне как секретарю Совета годового оклада. При сем заявляю, что я прибыл в г. Пермь на место службы в августе 1918 года и, следовательно, находясь на месте службы менее одного года, не утратил права на получение третнего в зачет жалования. 22 февраля 1919 г. г. Пермь (ГАПО. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 22). Д.В. Болдырев с семьей (женой и маленьким ребенком) проживал в то время по ул. Пермской 85 – кв. 2. (Там же. Л. 14).

права и не нужно. Болдырев увлекается неким французским исследованием о средневековом колдовстве и готов проводить ряд аналогий, имеющих злободневный интерес. Массовая одержимость, козни дьявола. Нужно выжечь заразу с корнем, – иначе она погубит мир. “Ерунда, что с духовным злом или психической одержимостью нельзя бороться внешней силой. Только нужно уметь бороться. Вот вам – история с альбигойцами: вырезали всех до одного и зло победили. Надо учиться у церкви...”. Фиолетова, как сторонника свободы веры и богослова, не свободного от некоторого налета протестантизма, такие решительные тезисы коробили» (С. 200). Оценочное замечание Устрялова по поводу данной дискуссии проясняет для нас его собственные позиции: «...Мне кажется, Болдырев во многом прав, но только формулирует свои мысли всегда так резко и парадоксально (хотя и блестяще), что с ним неизменно хочется спорить. Вместе с тем он слишком исключителен: жизнь пуганее, сложнее» (С. 200).

Общение с Д.В. Болдыревым, по всей видимости, оказало определенное влияние на кристаллизацию собственных позиций Н.В. Устрялова. В дневнике он называет его очень интересным и талантливым человеком, о котором говорили в Москве в связи со статьями в «Русской мысли» и двухнедельнике Струве: «С.А. Котляревский отзывался о нем как о выдающемся и оригинальнейшем мыслителе. И, действительно, у него чувствуется наличие цельного и весьма своеобразного мирозерцания. Какая-то мрачная религиозная система, – мрачная в ее философско-историческом аспекте. Его религиозность, очень актуальная и конкретная, совсем другого типа, чем наша московская, из религиозно-философского общества. Другая школа, другой стиль. Подобно Соловьеву, он считает, что мировая история по существу кончена, кончается. Человечество изжило себя. Везде сумерки, упадок, обмельчание, дыхание смерти. Утрачена всякая органичность, все стало худосочным, пресным. Тут, конечно, и отрицание современной “науки”, и весьма критическое отношение к нынешней культуре» (С. 188).

Анализируя воззрения отдельных интеллектуалов эпохи социальной катастрофы, можно отметить, что идеи Д.В. Болдырева звучали особенно самобытно, позиции отличались бескомпромиссностью, а стойкость в отстаивании своих взглядов привела его к трагическому финалу. Представления Болдырева об историческом процессе были пронизаны эсхатологическими ожиданиями, основанными на историкофилософских догматах. Н.В. Устрялов отмечал: «Тут любопытная черта этого мироощущения: взгляд на «прогресс» как на убывание жизни,

умирание. Впрочем, это можно найти еще у К. Леонтьева. Это, бесспорно, мрачно реакционное настроение» (С. 188-189). Поэтому восприятие большевизма как «симптома этого всеобщего разложения – стихии антихристовой» не было случайным: «И в Антихриста он верит вполне реально, живо. Когда сегодня подходили к вокзалу и показались гирлянды с пятиконечными звездами и портретами деятелей революции – недаром с какою-то глубокой убежденностью, хотя и внешне шуточно, сказал он, указывая на эти украшения октябрьской годовщины: “Смотрите, вот они, знаки Антихристовы...”». В философии он ученик Лосского и, по-видимому, доводит до крайних выводов интуитивизм: “все реально, все дано...”». (С. 189).

После 24 декабря 1918 г., когда Пермь перешла к белым, Д.В. Болдырев так же, как и Н.В. Устрялов, сотрудничал в газете «Свободная Пермь». Его взгляды, изложенные на ее страницах, демонстрируют непримиримую позицию противника большевизма, воспринимавшего происходившее как «кровавую трагедию русской жизни», определяемую тем, что «...прекращение борьбы для большевиков в настоящих условиях – равносильно прекращению жизни»¹³.

С иронией Болдырев рассматривал распространенный в то время взгляд на русскую историю: «“Триста лет... Россия изнемогала под игом Романовых”. И триста лет преподаватели истории будут повторять эту фразу. Чрезвычайно простая концепция: сперва татарское иго, потом романовское иго, потом большевистское иго. От ига к игу – таков путь русской истории. Учредительное собрание с патриотом Черновым – единственная светлая точка на этом пути, но и она исчезла...». Называя нескончаемый поток митинговых речей «парадом демократии», Болдырев отмечает: «Хорошие люди, но плохие музыканты. Великий кооператив вы, может быть, создадите, но вам не создать Великой России»¹⁴.

Основы собственного понимания путей выхода из трагедии российской истории Д.В. Болдырев изложил в публичной лекции «Школа Святой Софии», прочитанной в Обществе исторических, философских и социальных наук при Пермском университете 23 марта 1919 г. Данная лекция – первая из серии публичных лекций Общества – состоялась в большой аудитории юридического факультета в здании Кирилло-Мефодиевского училища. Присутствовавшие на лекции слушатели отметили «ее внешний успех и исключительно интеллигентный состав аудитории, с глубоким вниманием отнесшейся к блестяще развиваемым

¹³ Свободная Пермь. 1919. 9 февраля.

¹⁴ Свободная Пермь. 1919. 21 марта.

лектором основным проблемам школы будущего, едва ли не впервые ставящимся в таком аспекте»¹⁵.

Д.В. Болдырев рассмотрел в своем выступлении, позднее опубликованном в газете «Свободная Пермь», идеологию русской интеллигенции и ее отношение к школе. Он изложил свою позитивную программу, которая выражалась в создании религиозно-национальной русской школы – «Школы Святой Софии Премудрости Божией». Слушатели отмечали: «Являясь первою в ряду лекций, посвященных прошлому и будущему русской культуры, лекция проф. Болдырева естественно касается самого большого и центрального вопроса этой культуры – вопроса о школе, как воспитании духа, о формировании и культивировании внутреннего духовного мира ребенка в отношении его к окружению внешнего мира. В ярких, порою утрированно резких чертах, набросав сущность современной “образцовой” школы и вскрыв ее внутреннее убожество и щемящую духовную пустоту, лектор рисует идеал Школы Будущего»¹⁶.

В своей лекции Д.В. Болдырев по-своему ставил сакральные вопросы русской истории – «Кто виноват?» и «Что делать?». Ответ на первый вопрос был следующим: «Русская интеллигенция, говоря ее языком, только что “переживает крушение всех своих идеалов”... “Идеализм” – таково имя этого круга, в котором столько лет мучаются души русских интеллигентов. Кто подготовил им этот печальный удел? На это можно ответить одним словом: школа». По мнению Болдырева, «современная школа убивает в нас чувство оседлости, очага и превращает в каких-то кочевников по пустыням времени и пространства... менее всего наша школа способна творить цельных людей»¹⁷.

Ценности демократического порядка для Д.В. Болдырева весьма сомнительны: «Русский ум... верит во “всеобщее избирательное право”, в “республику”, в “равноправие”, в “народ”, в “социализм”, в “международный пролетариат”, в “интернационал”, в “Циммервальд” и в прочие суеверия»¹⁸.

Мучительный вопрос о дальнейших путях развития российского общества не давал покоя: «Что делать дальше? Неужели устремиться на поиски новых «идеалов», еще более «светлых», чем старые? ...Прокачавшись до тошноты по зыбям всевозможных фикций, наша интеллигенция как будто начинает испытывать хорошо известную мо-

¹⁵ Свободная Пермь. 1919. 25 марта.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Свободная Пермь. 1919. 29 марта.

¹⁸ Болдырев. 2001. С. 219.

реплатателям тоску по твердой земле. Пространствовал столько лет по пустыням идеализма среди миражей социализма, она начинает нащупывать твердую почву – нации, государства, Отечества... Для исцеления от идеализма нашей интеллигенции хорошо бы проникнуться духом Фомы Неверного: неверием в идеал и доверием к плоти реального»¹⁹.

Для себя лично Болдыревым ответ был найден совершенно определенный: «... в то время как церковь разрушена, судебные установления сметены, Учредительное собрание разогнано, Церковь стоит; мало того – подобно раковине, створки которой хотят насильно раскрыть, обнаруживает изумительную силу сцепления своей плоти и чисто организационную способность восстанавливать разрушенные ткани...». Несокрушима убежденность философа в том, что «вне церкви у нас не было и не может быть никакой жизни, никакой культуры, вся наша история была, в сущности, историей Церкви»²⁰. Он утверждал, что «если мы хотим быть поэтами, философами, государственными людьми, историками, естествоведами, – мы должны, прежде всего, стать церковными, ибо церковное сознание есть цельное сознание»²¹.

Главную идею Д.В. Болдырева можно определить как программу создания теократического государства²². Поэтому вполне объяснимо отношение к многопартийной политической системе России как к фетишизму: «Правые эсеры, левые эсеры, группа Маркова, группа Чернова, группа Плеханова, «трудовики», народные социалисты, оборонцы и пораженцы – вся эта ртутная суэта разбегается мурашами по всем направлениям, двоятся, троится, снова сливается и снова дробится. Какая-то Аравия до ислама»²³. Но есть выход: «Церковь тем и отличается от всех других учреждений, что удовлетворяет всей душе человека... Поэтому нет благодарней задачи для воспитания, чем жизнь детей слить с жизнью Церкви... приобщая к Церкви, школа Святой Софии тем самым закладывает начало всякого знания и всякого действия»²⁴.

Размышления Д.В. Болдырева и Н.В. Устрялова о будущем России оформились в конечном счете в две разновидности этатизма. Причем, Болдырев был жестким сторонником идеи создания теократического государства, стержнем которого должна была стать церковь. Этатизм

¹⁹ Болдырев. 2001. С. 212.

²⁰ Болдырев. 2001. С. 225.

²¹ Болдырев. 2001. С. 240.

²² Эту идею позднее Д.В. Болдырев попытался воплотить в жизнь, создавая боевые дружины «крестоносцев» в Омске.

²³ Болдырев. 2001. С. 225-226.

²⁴ Болдырев. 2001. С. 229, 235, 240.

Устрялова тогда не был еще столь бескомпромиссным, но развивался параллельно в направлении так называемого «национал-большевизма».

Хотя позиции Н.В. Устрялова в «пермский период» его жизни еще не выкристаллизовались, размышления о судьбе России были постоянными: «А “в миру” творятся опять великие события, гремит труба исторического Духа... И, Боже, как грустно, так тяжело за Россию... Рок... Страна надрыва и страданий, страна хаоса и вечных предвестий, обетований... И в эти минуты еще более обостряется любовь к ней, к ее истории, к ее падению, ее бреду...» (С. 180). Практически каждый день в дневниковых записях излагались подобные мысли. Помимо ощущения трагичности происходивших событий, Устрялов подчеркивал их грандиозность: «Слушаешь бурю, сливаешься с ней, забываешь в ней себя. Разыгрывается патетическое место исторической драмы. Величественно. Что-то новое идет, мир уже не может быть прежним. В оркестре уже появляются мотивы рассвета – еще расплывчатые, но уже несомненные. Каков будет день – солнечный, серенький ли, - неизвестно, но он наступит. Кто-то из нас его дождется?» (8 октября 1918 г. С. 180)²⁵. Следует отметить, что и восприятие вождя большевиков Устряловым не отличалось категоричностью, а было проникнуто стремлением дать объективную оценку его деятельности: «...О Ленине, пожалуй, можно сказать словами Пушкина, что это один из тех,

*Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и умиленье...*

(Пушкин А.С. Полководец (1835)) (10 октября 1918 г. С. 180).

В оценке рядовых большевистских активистов Устрялов демонстрирует широту восприятия событий и, отталкиваясь от эмоционального личного взгляда, поднимается до исторических аналогий и обобщений: «Есть тут... еще одна столовая... Там пирует все больше привилегированная публика: солдаты, коммунисты... Вспомнились невольно парижские музеи революции. “Тип якобинца” отошел в историю, ярко выявленный, отлившийся в чеканные формы. Так и здесь. “Тип большевика”, несомненно, столь же отлился уже. Что-то общее есть в них всех. Выражение лиц, стиль одежды, манера держаться... Жуткий, страшный тип. Но все же чувствуется своеобразная сила, главное, воля. Смесь тупости и злобы с “пылающей кровью”... Потом, наверно, тоже будут показывать в музеях восковыми фигурами...» (19 октября 1918 г. С. 183).

²⁵ Устрялов. 2000. С. 180.

На страницах дневника выражена еще одна грань картины мира Н.В. Устрялова, которую можно обозначить как провиденциализм: «Бедная Россия. Всегда словно перст Божий... Страна погибших светил, измученных душ, кладбище великих возможностей... Но в этом и очарование ее... Значит, так надо.

*Преклоняемся, смиряемся,
О, богиня, пред тобой,
И, как дети, поучаемся
Чтить закон любви святой...*

Любви к судьбе, к Провидению. Без воли Божией ни один волос не падет с нашей головы...» (15 октября. С. 181).

Постоянно размышляя о судьбах России, Устрялов не высказывал полной уверенности в своей правоте, на страницы дневника он выплескивал свои сомнения в правильности прежней позиции, но и сомнениям этим тоже не было полного доверия: «Новые люди, новые песни. “Новый период”, а мы – люди старой культуры... Может быть, мы ошибались, это, в сущности, уже неважно. Приспосабливаться к “новому” уже не в наших силах. Нет, в самом деле, если Революция окончательно победит мир, моя, например, жизнь съжится, поблекнет, померкнет неизбежно, неотвратно. “Перспективы” жизненно дорогие, любимые исчезнут, ибо их корни – вполне и всецело в том мире, уходящем, отмирающем. Впрочем, еще умрет ли он? Еще идет страшная борьба, и неизвестен ее исход... Недооценивали Революцию. Недооценивали наших большевиков. Теперь уже ясен масштаб событий... Новый мир, новый лик, новая культура. Пусть... Мир клокочет, бурлит, титаны творят борьбу... Тут глубочайшая проблема перед нами, всемирная история стоит у перепутья...» (18 ноября 1918 г. С. 190).

Первые зерна сомнений, оформившиеся позднее в идеологии национал-большевизма, вероятно, были посеяны еще в «пермский период»: «Несмотря ни на что, великие дни... И русская революция, несмотря ни на что, великая... Большая величавость в ней, большая внутренняя мощь. И, право, не знаешь, – можно ли предпочесть ей силы, ныне на нее ополчающиеся, – все эти “правительства”, “Авксентьевых” и т.д. В большевизме больше размаха, больше подлинного исторического пафоса» (23 сентября. С. 179).

Напряженное ожидание прихода белогвардейцев усугублялось полученным в середине декабря приказом о полной эвакуации Пермского университета в Москву: «Это значит, что попытка послушаться, остаться есть риск жизнью. Много ли шансов удачи?» (С. 204). Общее настрое-

ние «пермского периода» сам Устрялов оценивал как «перепутье». Незадолго до взятия Перми белыми он писал: «...Несомненно, многое во всей жизни будет зависеть от решения вопроса этих дней. Весь курс ближайших лет, – быть может, вся линия жизни... Судьба бросает из стороны в сторону, играет как мячом...» (15 декабря. С. 205).

Большевистская Пермь вызывала неприятие Устрялова как своими политическими порядками, так и складывавшимися на их основе бытовыми условиями жизни. Но именно здесь зародились те настроения, что позднее привели к оформлению идей национал-большевизма. К сменевховству Устрялов пришел не сразу. Он был страшно рад освобождению Перми белыми войсками²⁶. 24 декабря 1918 г. он записал в своем дневнике: «Ура! Ура! Ура! Сейчас выходил на улицу. На углу Чердынской и нашей часовой стоит, около него кучка людей. Белый!! Солдат – сибиряк енисейского полка... Слава Богу. На душе стало радостно. Освобождение. Готов был на шею броситься этому сибирскому парню» (С. 209).

Размышления, родившиеся в Перми еще при большевиках, при белых сложились в более четко сформулированную позицию. В статье «Уроки революции», опубликованной в Перми, Н.В. Устрялов писал: «Никогда не следует забывать, что война гражданская есть, прежде всего, борьба идеологий, состязание политических программ. И побеждает в ней тот, чья программа ближе национальному самосознанию на данной ступени его развития. Необходимо раз навсегда определенно признать, что некоторые политические и социальные результаты революции подлежат учету и положительному усвоению. Сдвиг произошел, – и великая задача возрождающейся России закрепить его основные устремления. И возвращение страны к нормальному развитию возможно не через игнорирование революционных уроков, не через «контрреволюцию» в широком смысле этого слова, – а лишь через осознание внутренних мотивов революции в их подлинной законности и необходимости»²⁷.

Признавая необратимость произошедших в России перемен, мыслитель отмечал: «И слеп тот, кто, игнорируя происшедший сдвиг, надеясь сделать бывшее небывшим, мечтал бы вернуть страну на путь старого

²⁶ Приход белых был для жителей Перми неожиданным из-за большевистской дезинформации. Незадолго до бегства красных из Перми, в официальной газете был опубликован «приказ», посвященный одному из отрядов «красных орлов», который, будучи окружен «белыми», не только не сдался, но почти уничтожил целый полк. В этом приказе подробно перечислялось количество пленных, взятые орудия, пулеметы и т.д. На самом деле, этот Б-ский полк был один из первых, вошедших в Пермь, понеся очень незначительные потери. (Отечественные ведомости. 1919. 12 января).

²⁷ Современная Пермь. 1919. 9 мая.

порядка. При настоящих условиях вряд ли что может быть хуже и вреднее такого “большевизма справа”, ничего не забывающего и ничему не научающегося. И, слава Богу, что он бессилен в нашей политической жизни». И, как лозунг, провозглашалось: «Воскресающая русская государственность не должна покоиться на принципе реставрации»²⁸. Именно эта идея впоследствии составила основу идеологии сменовеховства.

Уже после краха колчаковского режима, когда рассеялись последние надежды, Устрялов совершил радикальный пересмотр своих позиций, видя в большевиках последовательных государственников. Истоки этого переворота в мировоззрении мы находим в его размышлениях 1918–1919 гг. Возникновение сменовеховства традиционно связывалось с процессами послереволюционной эмиграции и депортации интеллигенции, объявлением НЭПа. Однако же скрупулезный анализ документов, и прежде всего материалов личного происхождения, доказывает, что данная идеология формировалась еще в период гражданской войны.

Не случайным в биографии Д.В. Болдырева было состоявшееся 6 мая 1919 г. назначение представителем университета в учрежденную в Пермском уезде комиссию, имевшую целью «широкое распространение агитационной противобольшевистской литературы, а также в губернскую агитационную противобольшевистскую комиссию»²⁹. Вскоре, следуя планам деятельности этих комиссий, Болдырев подал рапорт об отъезде 20 мая 1919 г. в г. Омск на каникулярное время для работы по изданию противобольшевистской литературы в Русском обществе печатного дела³⁰. В Омске он стал одним из директоров Русского бюро печати вместе с Н.В. Устряловым и А. Клафтоном. Еще велики были в тот момент надежды на реализацию «белой альтернативы» развития России. Очевидно, что их наиболее ярко выразил Д.В. Болдырев, один из наиболее последовательных идеологов Белого движения. Его идеи воплотились в создании боевых дружин Святого Креста, действовавших в армии Колчака в 1919 г. под его личным руководством. В Сибири добровольческие дружины Святого Креста составляли вместе с дружинами Зеленого знамени, формировавшимися из антисоветски настроенных мусульман, до шести тысяч бойцов: «Их разбрасывали по разным тыловым службам, в охрану, например, в конвой Колчака. На фронте их вливали в другие части, где над их обрядами, верой подтрунивали все, даже офицеры»³¹.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАПО. Р.-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 32.

³⁰ Там же. Л. 39.

³¹ Иванов. 1994. С. 24-25.

Во время бегства белых из Омска до конца оставался там «один Болдырев со своими крестоносцами. Лишь 13 ноября выехал он верхом вместе с генералом Тарейкиным. «Значит, оборонять Омск уже некому!..»³² – отмечали его сподвижники.

Вплоть до ареста А.В. Колчака большевиками Д.В. Болдырев был рядом с ним. Жизнь его оборвалась 12 мая 1920 г., он скончался в тюремном госпитале Иркутска от сыпного тифа.

Знакомство с мировоззренческими позициями Н.В. Устрялова и Д.В. Болдырева дает возможность расширить наши представления о спектре политических взглядов мыслителей эпохи революции и Гражданской войны, о сложности формирования и процессе кристаллизации их воззрений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. 392 с.

Иванов В.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12.

Покровский В. Гнет мелочей // Свободная Пермь. 1919. 5 января.

Устрялов Н.В. Былое – Революция 1917 г. (1890-е гг.-1919). Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. 246 с.

Селянинова Гульсина Дагирьяновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарного педагогического университета; *gsina@mail.ru*

³² *Иванов.* 1994. С. 25.

А. А. ЯКОВЛЕВ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ «НЕ-МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ» НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье представлен новый подход к истории повседневности. Рассматривается повседневная жизнь интеллектуалов (писатели, ученые, художники) Петрограда в кризисный период существования государства и общества (1920–1921 гг.). Внимание в работе уделяется отдельным элементам, составляющим общую ткань повседневной жизни, таким как питание, одежда, городское (коммунальное) хозяйство.

Ключевые слова: история повседневности, история частной жизни, микроистория, Петроград, интеллектуалы, интеллектуальная культура.

Такое направление, как история повседневности, уже достаточно прочно закрепилось в отечественной исторической науке. Однако за прошедшие годы в российской историографии в рамках данного предметного поля фактически не было создано своего теоретико-методологического направления (исключением отчасти могут служить зачатки истории повседневности в работах тартуско-московской семиотической школы и ученых, придерживающихся такого направления, как историческая антропология).

В большинстве случаев отечественные исторические исследования, находящиеся в рамках истории повседневности, вписываются в разработанное в 1970–1980-е гг. в Германии направление *Alltagsgeschichte*. Впрочем, существуют и продолжатели итальянской микроистории (хотя отнесение микроистории к истории повседневности все же является спорным моментом)¹. Разумеется, приверженность исследователей к теоретическим постулатам *Alltagsgeschichte* порождает ряд особенностей, присущих отечественной историографии. В частности, при конструировании объекта и предмета исследования внимание в основном приковано к так называемому «маленькому человеку», вернуть которого истории (и которому историю) призывали немецкие ученые².

Однако в рамках истории повседневности возможно исследование не только «маленьких людей», но и деятелей науки, искусства, культуры. Более того, подобная направленность исследований представляется весьма важной, поскольку это позволяет взглянуть на известных людей с другой стороны, помимо индивидуальности увидеть некие массовые

¹ Бессмертный. 1997. С. 7-24.

² См., напр.: Лебина. (<http://lib.rus.ec/b/302572/read>); Яров. 1999.

особенности. Рассмотрение в рамках повседневности может способствовать лучшему пониманию произошедших событий, принятых решений, совершенных творческих актов. Это в свою очередь сближает исследования с работами, находящимися в рамках изучения интеллектуальной культуры. Как отмечает Л.П. Репина: «В настоящее время изучение интеллектуальных традиций (в том числе научных) далеко выходит за рамки истории идей, теорий, концепций, систематически обращаясь к анализу конкретных средств и способов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались»³. Повседневная жизнь, к примеру, интеллектуалов отчасти и является тем самым важным социокультурным контекстом.

Кроме этого, весьма продуктивным может быть изучение такого концепта, как «ментальный горизонт». Согласно Ю.Л. Троицкому, ментальный горизонт эпохи – это соотношение повседневных состояний и событийных эксцессов, которое проявляется как в дискурсивных практиках, так и в поступках людей. Ментальный горизонт «спокойной» эпохи отличается устойчивым балансом событийности и повседневности, что четко представлено в нормативных текстах культуры того или иного времени. Кризисные явления ментального горизонта проявляются прежде всего в нарушении баланса и отчетливо явлены на языковом уровне. Понятие «ментальный горизонт эпохи» оказывается продуктивным в том смысле, что учитывает не только упомянутые повседневные структуры, но и их нарушения – события и эксцессы. В переломные эпохи повседневная жизнь с ее спокойным течением ставится под вопрос и постоянно нарушается эксцессами и событиями.

Именно с этой точки зрения видится крайне важным исследование повседневной жизни интеллектуалов Петрограда в период революций и Гражданской войны. Стоит, однако, подробнее рассмотреть понятие «интеллектуалы». В моей работе под интеллектуалами подразумевается условная узкая социальная группа жителей Петрограда, которая является частью более широкой социальной группы – интеллигенции. Рассматриваемая мной социальная группа в большей степени определяется принадлежностью к основным научно-культурным центрам Петрограда 1920-21 гг., таким как Дом литераторов, Дом искусств, Дом ученых, а также контактирующим с ними организациям (издательство «Всемирная литература»), Комиссия по улучшению быта ученых).

³ Репина. 2011. С. 380.

В рамках изучения повседневности исследователи нередко обращаются к методам микроистории. В своей работе я также воспользуюсь микроанализом, предполагающим в том числе определенные хронологические и географические ограничения. Хронологические рамки весьма узкие: 1920–1921 гг. Причины их определения можно условно разделить на внешние и внутренние. Внешними причинами являются общие особенности развития исторического процесса и определенные исторические факты. Так, в 1920 г. сначала локализуется, а затем и вовсе прекращается Гражданская война между двумя основными противоборствующими силами (для жителей Петрограда Гражданская война фактически заканчивается в конце 1919 г.). Тем самым город переходит к существованию в условиях мирного времени. В то же время продолжается политика военного коммунизма, на смену которой в 1921 г. приходит НЭП. В свою очередь 1921-й – последний год существования Советской России, 1922-й станет годом создания СССР. Наконец, для интеллектуалов 1921-й во многом также станет рубежным: именно после этого года начнется очередная волна эмиграции, квинтэссенцией которой станет «философский пароход». Можно привести еще ряд фактов, свидетельствующих о том, что выделенный временной отрезок является «микроэпохой» в истории Петрограда и государства в целом.

Под внутренними причинами подразумевается восприятие современниками рассматриваемого периода как отдельного этапа частной жизни и исторического процесса. Приведу лишь некоторые высказывания. Вот как Н. Берберова описывала наступление нового, 1922 г.: «После трехлетнего голода, холода, пещерной жизни вдруг зароились фантастические планы – вечеров, балов, новых платьев (у кого еще были занавески или мамыны сундуки); в полумертвом городе зазвучали слова: одна бутылка вина на четырех, запись на ужин, пригласить тапера»⁴. А вот как описывал 1922 г. социолог П. Сорокин: «Страна явно восстанавливалась. Под обломками нашей цивилизации, в глубине человеческих душ и сердец, что-то происходило – рождалось новое поколение, новый дух народа. Что бы ни произошло с нами, возрождение России было неизбежным. Мы могли и подождать, поскольку прошедшие годы научили нас терпению»⁵. Но, даже несмотря на все вышесказанное, весьма сложно вычленить из истории всего два года. Разумеется, корни многих проблем лежат за пределами 1920 г., а последствия распространяются значительно дальше 1921 года.

⁴ Берберова. 1996.

⁵ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

Что касается географических ограничений, то рассматриваемые сюжеты имеют местом действия город Петроград. Подобно хронологии, данное выделение имеет ряд причин. В силу особенностей исторического развития России значительное сосредоточение интеллигенции, а значит, и интеллектуалов наблюдается лишь в столичных городах. Говоря о периоде 1920-21 гг., мы находим подтверждение правильности подобного географического выделения и в высказываниях современников. М. Пришвин в ответе на полученное письмо в начале февраля 1922 г. отмечал: «Вся интеллигенция собралась в два лагеря – за границей и в Питере, одно эмигрантское, другое академическое, и спор идет между этими двумя обществами, вся остальная страна живет про себя»⁶.

Итак, какова же была повседневная жизнь интеллектуалов Петрограда? Мы рассмотрим лишь некоторые её элементы, связанные с питанием, одеждой и городским (коммунальным) хозяйством.

Одной из главных проблем для жителей Петрограда в период революции и Гражданской войны стали трудности с обеспечением продовольствием. Сложности со снабжением города начались еще до Февральской революции и не прекращались в течение нескольких лет. Уже Временное правительство ввело карточки на продукты питания. С приходом к власти большевиков ситуация после кратковременного улучшения продолжила постепенно ухудшаться. Рацион горожан сокращался и оскудевал. Об этом весьма красноречиво написала в своих воспоминаниях З. Гиппиус: «К весне 1919 г. почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости... Опухшим... рекомендовалось есть картофель с кожурой, но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство – лепешки из картофельных шкурок. Тогда царила вобла, – и кажется я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах»⁷. Ситуация с продовольственным снабжением и питанием граждан не изменилась в лучшую сторону и к 1920 г. Причин такого положения было несколько, как более общего характера – Гражданская война и иностранная интервенция, – так и спровоцированные этими событиями перебои в железнодорожном сообщении и разгрузке вагонов, потеря ряда территорий Российской империи и, следовательно, сбой в товарообороте. Немаловажной причиной была и политика военного коммунизма, сопровождавшаяся запретом частной торговли и свертыванием товарно-денежных отношений. С переходом в марте 1921 г. к НЭПу ситуация несколько улучшилась, однако кардинальных изменений в течение года не произошло.

⁶ Пришвин. 1986. С. 691.

⁷ Цит. по: Петроград на переломе эпох... 2000. С. 67.

В условиях военного коммунизма основным источником продовольственного обеспечения становились пайки. (Хотя частная нелегальная торговля и сохранялась, высокие цены не позволяли большинству населения покупать продукты питания, равно как и другие товары. Так, служа хранителем музея, баронесса Врангель получала жалование в размере 18 тыс. руб., при этом фунт хлеба стоил 400-500 руб.)⁸. Значение пайка сохранялось и в 1921 г. в силу той же дороговизны.

В особо тяжелом положении находились представители интеллигентных профессий, что было обусловлено их социальным статусом. Советское руководство причисляло интеллектуалов к классу буржуазии, и, согласно постановлению Петроградского совета от 29 мая (вступило в действие с 1 июля) 1918 г. о классовом пайке, они получали низший уровень (жители делились на 4 категории) пайкового обеспечения (при том, что даже паек 1-й категории обеспечивал лишь 20% необходимого для нормального питания рациона)⁹. Кроме того, даже такое скромное обеспечение нужно было еще раздобыть (не каждое учреждение давало паек). О своем отъезде в конце 1920 г. в Петроград Н. Берберова писала: «В Петербург-Петроград. Зачем? Неизвестно. Может быть – учиться, (если дадут паек), а нет – так служить. Паек зря тогда не писался с заглавной буквы»¹⁰. Паек, от которого начинает зависеть жизнь человека, приобретает огромное значение. Еще в декабре 1919 г. А. Блок в «Чукоккале» написал, по выражению художника Ю. Анненкова, «шуточное» стихотворение:

*Нет, клянусь, довольно Роза¹¹
Истошала кошелек.
Верь, безумный, он – не проза,
Свыше данный нам паек!¹²*

Как видно из сказанного, одного пайка было недостаточно для обеспечения жизнедеятельности, приходилось добывать дополнительные пайки, этот процесс назывался «пайколовством». Он включал в себя хождение (а порой и просто беготню) по различным учреждениям, выпрашивание там продуктов и других товаров, устройство на службу сразу в несколько мест и прочие подобные ухищрения. Помимо общих гражданских пайков, существовали различные пайки ведомств, учре-

⁸ Врангель. 1922. С. 199-200.

⁹ Петроград на переломе эпох... С. 71.

¹⁰ Берберова. 1996. С. 138.

¹¹ Розой звали женщину, торговавшую продуктами в помещении издательства «Всемирная литература».

¹² Цит. по: Анненков. 2005. С. 80.

ждений и т.п. Их количество и содержание варьировались: «Они (*пайки*) выдавались всем ученым и лишь двадцати пяти писателям. В марте 1921 г. Горький привез из Москвы еще восемьдесят. Надо было составить список писателей-кандидатов. Образовали комиссию»¹³. Ю. Анненков так описывал свое пайковое обеспечение: «Я получал общий гражданский, так называемый *голодный*, паек. Затем “ученый” паек, в качестве профессора академии художеств.¹⁴ Кроме того, я получал “милицейский” паек за то, что организовал культурно-просветительскую студию для милиционеров»¹⁵. «Пайколовство» порой выглядело забавно и смешно и даже доходило до абсурда, тем не менее за этим скрывается трагизм сложившейся ситуации, который в свою очередь многими современниками воспринимался с определенной долей иронии. Подтверждением тому служат слова все того же Ю. Анненкова: «Я получал еще “усиленный паек Балтфлота”, просто так, за дружбу с моряками, и, наконец, самый щедрый паек “матери, кормящей грудью”, за то, что в Родильном центре “Капли молока имени Розы Люксембург” читал акушеркам лекции по истории скульптуры»¹⁶. Однако не всем везло в получении пайков. Так, неудачи на этом поприще терпели А. Блок и А. Белый. К. Чуковский, напротив, был «успешен», подобно Ю. Анненкову: отмечая свой день рождения в 1920 г., он подметил, что для приготовления праздничного пирога потребовались продукты из 5 пайков разных учреждений!¹⁷ В целом поиск пайков, продуктов и весь процесс обеспечения себя и своих близких питанием отнимал колоссальное количество сил, но и это часто не помогало спастись от голода.

Голод становился перманентным. Если человек не голодал в данный момент, он жил в ожидании и страхе наступления голода или помнил недавно пережитое. 9 марта 1921 г. К. Чуковский записал в дневнике: «Я хочу продать мои сказки – т.к. у меня ни гроша, а нужно полтораста или двести тысяч немедленно. Каждый день нам грозит голод»¹⁸. Подобным настроем наполнены дневники и мемуары современников К. Чуковского. Вот еще одна характерная фраза: «Опять идет бесхлебица, тоска недоедания. Уже хлеб стал каким-то редким лаком-

¹³ *Ходасевич* (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

¹⁴ «Ученый» паек – повышенный паек для научных сотрудников, введенный после постановления СНК от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов».

¹⁵ *Анненков*. 2005. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 81-82.

¹⁷ *Чуковский*. 1991. С. 143.

¹⁸ Там же. С. 161.

ством»¹⁹. Недоедание, голод или его ожидание были неотъемлемой частью повседневной жизни рассматриваемого периода.

Еще одной характерной чертой стало исчезновение из рациона жителей Петрограда ряда продуктов. Люди не имели возможности не только их употреблять, но и попросту видеть. Исчезли мясо, молоко и молочные продукты, яйца, белый хлеб (вообще хлеб хорошего качества, без примесей), сахар (зачастую заменялся сахарином). Распространенным явлением стали разговоры на кулинарные темы. Ю. Анненков так описывал подобную ситуацию (во время встречи с А. Блоком): «Заговорили о пайках, о жареных рябчиках с брусничным вареньем. Недоедая и питаясь дрянью и гнилью, все много (и почти серьезно) говорили в голодные годы на кулинарные темы. У многих из нас осталась эта привычка. В том числе и у меня»²⁰. Тем самым еда – при ее отсутствии или наличии только продуктов плохого качества и в недостаточном количестве – становится неким символическим объектом. Она недоступна, не существует здесь и сейчас и символизирует некую иную жизнь и реальность. Значение символа в данный период могли приобретать и отдельные продукты. Актер Н. Монахов вспоминал, что слово «пикша» стало заменять тост во время застолий в компании М. Горького и Ф. Шаляпина: «Так, когда наливалось в бокал вино, то, поднимая его, пьющий говорил: “Пикша”, и все отвечали ему: “Пикша”»²¹. Пицца приобретала и иное ценностное значение. К примеру, на Рождество К. Чуковский получил от своих детей мешочки с сухарями²².

Трудности, связанные с продуктовым обеспечением, не могли не повлиять и на сознание горожан, на восприятие ими действительности. Люди переставали думать обо всем, кроме еды: «В духовном смысле положительно опустились, вопросы желудка на первом месте»²³. Баронесса Врангель в своих воспоминаниях упоминает разговоры на кулинарные темы (при этом сам разговор мог начинаться с чего угодно, но обсуждение продуктов питания становилось его неотъемлемой частью). Проблемы, связанные с продовольственным обеспечением, негативно отражались на психологическом, эмоциональном состоянии горожан, голод и недоедание сказывались и на работе головного мозга: «Большинство стало раздражительные, издерганные и затравленные. Все по-

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Анненков. 2005. С. 79.

²¹ Монахов. 1961. С. 183.

²² Чуковский. 1991. С. 137.

²³ Врангель. 1922. С. 211.

головно страдают беспамятством»²⁴. О подобном явлении писал и П. Сорокин: «У многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред»²⁵. К. Чуковский с удивлением для себя замечал, как изменяется человеческое восприятие даже при чтении литературы: «Теперь мне нельзя читать ни о чем, я всегда думаю о пище; вчера читал Чехова, “Учитель словесности”, и меня ужасно поразило то место, где говорится, что они посетили молочницу, спросили молока, но *не пили*. Не пили молока!!! Я сказал детям, и оказывается, они все запомнили это место и удивлялись ему, как я»²⁶. Очевидно, что и взрослое, и детское внимание остро нацелено на то, чего нет или не хватает, – это свидетельствует и о перестройке системы ценностей. Не имеющее принципиальной важности для героев произведения не выпитое молоко обращает на себя пристальный взгляд жителя Петрограда 1920–21 гг. Как уже отмечалось, молоко в эти годы в Петрограде было весьма редким и недоступным продуктом. В своем дневнике К. Чуковский чуть ранее приведенной выше цитаты писал о встрече с А. Ахматовой: «“Приходите ко мне сегодня, я вам дам бутылку молока – для вашей девочки”. Вечером я забежал к ней – и дала! Чтобы в феврале 1921 года один человек предложил другому – бутылку молока!»²⁷.

Детское восприятие, подмечаемое К. Чуковским, особенно любопытно. Так, например, наблюдая за детьми, он обнаруживает их игровое восприятие ситуации бескормицы: «У Бобы была в гостях Наташенька Жуховецкая, они на диване играли в “жаркóе”. Сначала он жарил ее, она шипела ш-ш-ш, потом она его и т.д.». Дети подхватывают и городской фольклор, таким образом тяжелые жизненные условия быстро усваиваются ими через подобные каналы, при этом приобретая категорию нормы: «Сейчас Боба вбежал в комнату с двумя картофелинами и, размахивая ими, сказал: “Папа, сегодня один мальчик сказал мне такие стихи: «Нету хлеба – нет муки, не дают большевики. Нету хлеба – нету масла, электричество погасло»»²⁸.

Продукты питания в данный период начинали играть и другую очень важную роль. Они становились средством, мотивирующим и поощряющим те или иные действия. Выполняя, по сути, функцию денег, они становились чем-то гораздо большим. Это обуславливалось постоянным обесцениванием денежных знаков, с одной стороны, и ростом

²⁴ Там же.

²⁵ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

²⁶ Чуковский. 1991. С. 158–159.

²⁷ Там же. С. 157.

²⁸ Чуковский. 1991. С. 138.

товарного дефицита – с другой. В. Ходасевич вспоминал: «Однажды вечером – стук в дверь. На пороге какая-то женщина – пришла приглашать меня читать лекции о Пушкине в клубе имени Подбельского. Поначалу я отказался, наученный московским опытом. Но женщина привела доводы неопровержимые: сколько-то фунтов черного хлеба и фунт повидла в неделю»²⁹.

Как утверждают авторы работы «Петроград на переломе эпох», большую роль в преодолении продовольственных проблем сыграла организация сети общественного питания. «К началу 1920 г. насчитывалось свыше 700 коммунальных столовых»³⁰. Однако качество пищи в этих столовых было весьма низкое: «Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками, ела темную бурду с нечищенной гнилой картофелью, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу или прежуткую пшеничную бурду, хлеба 1 ф. в день, ужасного из опилок, высевок, дуранды и только 15% ржаной муки»³¹. И все же такой рацион оказывался не самым скудным: в этих столовых было развито попрошайничество – к посетителям нередко обращались не имеющие даже такой пищи люди с просьбами оставить им что-нибудь поесть. Порой меню предприятий общественного питания поражали парадоксальностью: так, при плохих обедах в столовой Дома искусств подавали пирожные³².

Подобные контрасты усилились с началом НЭПа. Прогуливаясь во время свидания, девушка могла по приглашению своего кавалера зайти во вновь открывшееся частное кафе и отведать пирожных с чаем, но при этом в своей обычной жизни даже на праздник собственного дня рождения она пила лишь морковный чай с черным хлебом³³. На литературных «понедельниках» у Наппельбаумов (там бывали А. Ахматова, Н. Берберова, К. и Н. Чуковские, «Серрапионовы братья», Ф. Сологуб и др.) и вовсе пили так называемый «чай» (кипяток – в холодное время года и простую воду – в теплое) с куском черного хлеба. Впрочем, контрасты в обеспечении питанием существовали в Петрограде и до НЭПа. Основным критерием при распределении продовольствия была даже не удача в «пайколовстве», а близость к власти. Монахов посещал баню Дома ученых с Горьким и Шаляпиным и так описывал сопутствующие этому посиделки: «После бани нас угощал “чаем” завхоз “Дома ученых”

²⁹ Ходасевич. (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

³⁰ Петроград на переломе эпох... С. 67.

³¹ Врангель. 1922. С. 200.

³² Ходасевич. (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

³³ Берберова. 1996. С. 157.

А. Роде. По тогдашним голодным временам “чай” был очень обильным и роскошным. Было и масло, и белый хлеб, и колбаса, и даже красное вино»³⁴. Горький в то время был весьма влиятельным человеком, одно его имя порой творило чудеса. Художник Анненков, приехавший в 1920 г. в один из южных городов в командировку (командировка была санкционирована Горьким), обнаружив там продуктовое изобилие, решил совершить закупку товаров: «Подпись Горького произвела в Комиссариате по продовольствию магическое впечатление, и мне был оказан горячий и почтительный прием в “Департаменте круп и мучных продуктов”, в “Отделе жировых веществ”, в “Консервной секции”, в “Подкомиссии по копчению”». Подпись же помогла художнику успешно транспортировать закупленное в Петроград (на транспорте велась борьба с мешочниками). Нельзя не сказать и о существовавшем контрасте в продуктовом обеспечении различных регионов. Все тот же южный город, не так давно занятый Красной Армией, поражал Анненкова, приехавшего из голодного Петрограда, своим изобилием: «Необозримые рынки, горы всевозможных хлебов и сдоб, масла, сыров, окороков, рыбы, дичи, малороссийского сала; бочки соленья и маринада; крынки молока, горшки сметаны, варенца и простокваши; гирлянды колбас»³⁵.

Таким образом, период 1920-1921 гг. в плане продовольственного обеспечения стал во многом самым тяжелым для интеллектуалов Петрограда. Получение продуктов в соответствии с пайками и необходимость их добывать занимали весьма существенное пространство повседневной жизни. Сама жизнь начинала зависеть от этого, при этом не все были успешны в деле «пайколовства». Исчезновение продуктов, сокращение и ухудшение качества рациона питания и в целом ситуация недоедания и голода не могли не сказываться на психофизиологическом состоянии горожан. Ухудшалась работа всего организма, в том числе и головного мозга. Изменялась система ценностей, пища, отдельные продукты питания начинали играть не свойственные им прежде роли, порой переходя в статус символических и почти нереальных объектов. В то же время они становятся и самой твердой валютой. Осуществляемые правительством меры по преодолению продовольственной проблемы за кратковременный период не могли коренным образом изменить ситуацию. Однако на общем фоне могло ярко контрастировать обеспечение отдельных граждан. Необходимо отметить и плачевное положение Петрограда по сравнению с отдельными регионами.

³⁴ Монахов. 1961. С. 183.

³⁵ Анненков. 2005. С. 39.

Не менее серьезной проблемой для жителей Петрограда были трудности, связанные с водопроводной системой. Как и продовольственные, они начались еще в 1917 г., а к 1920-21 гг. достигли апогея. К зиме 1919-20 гг. замерзли и полопались водопроводные трубы. Это означало, что люди оставались без привычных ванн и уборных. Вот как описывал ситуацию В. Шкловский: «Зимой замерзли почти все уборные. Это было что-то похуже голода. Да, сперва замерзла вода, нечем было мыться... Мы не мылись. Замерзли клозеты»³⁶. Воду для любых хозяйственно-бытовых нужд необходимо было носить в ведрах с улицы. На улицу же выносили помои и нечистоты. В. Шкловский отмечает и тот факт, что участились случаи отправления естественной нужды на улице. Но даже там, где водопровод продолжал функционировать, возникали различные сложности. Из-за нехватки топлива водопроводные станции не могли обеспечить должного давления, и вода не поступала на верхние этажи. Однако парадоксальным образом увеличивалось потребление воды: «Вследствие расстройтва уличной и домовой сети (*вода попросту протекала*) на одного жителя в 1921 г. приходилось 28,3 ведра в день, в 1916 – 10,8 ведра в день»³⁷. Помывка превращалась в весьма проблематичное занятие. Так, в Доме искусств, чтобы принять ванну, необходимо было заранее записываться и ждать очереди. Писательница В.К. Кетлинская вспоминала о «бане»: «Раз в неделю устраивали “баню”»: нагревали в кухне воду и затем у себя в комнате над тазом мылись с ног до головы»³⁸. Не лучшим образом обстояло дело и со стиркой. Стирка вещей дома была осложнена целым рядом обстоятельств, таких как непригодность квартир, отсутствие водопровода и возможности нагрева воды, трудности в получении и покупке моющих средств. Но трудности поджидали и желающих отдать вещи в прачечную, как писал П. Сорокин: «Прачечные, как буржуазный элемент, исчезли»³⁹. Действительно, с октября 1919 г. в Петрограде функционировала лишь одна прачечная (бульвар Красных зорь, 26/28)! Однако она не принимала заказы от населения в силу загруженности по госзаказу⁴⁰. Баронесса Врангель упоминает о возможности сдать белье частным прачкам, но это представлялось также малодоступным вариантом в силу дороговизны. Вследствие перебоев в системе очистки оставляло желать

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Демидова. 2008. С. 145.

³⁸ Цит. по: Демидова. 2008. С. 161.

³⁹ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

⁴⁰ См. Демидова. 2008. С. 158.

лучшего и качество водопроводной воды. Повседневной реальностью становился облик города, погружающегося в грязь. Отсутствие возможности регулярно мыться и проводить гигиенические процедуры приводило к появлению паразитов и способствовало развитию различных заболеваний. Болезни распространялись и в результате потребления воды, очищенной ненадлежащим образом (особую опасность в связи с возможностью эпидемий представляли холера и тиф).

Вышедшие из строя трубы усугубили ситуацию и с отоплением (хотя оно и без того практически перестало работать после зимы 1917-18 гг.)⁴¹. Помимо голода, жителей Петрограда стал сопровождать холод. Нередким явлением стала нулевая и даже отрицательная температура в жилых помещениях. Людям приходилось спать в одежде, закутываясь во что только можно: «Так как у меня в комнате температура была на нуле, я спала одетая, да еще прикрытая всяким тряпьем»⁴². Для того чтобы не замерзнуть во сне, горожане использовали и верхнюю одежду: «Я ложился спать в тулупе и валенках, в барашковой шапке, накрываясь одеялами и коврами»⁴³. В. Шкловский отмечал и такую любопытную деталь: в условиях недостаточного количества отапливаемых помещений люди словно жались друг к другу, и из-за этого в полупустом городе создавалось ощущение тесноты.

В сложившихся обстоятельствах горожанам пришлось переходить на печное отопление. Многие дома были вовсе не приспособлены для этого – в них ставили небольшие металлические печки, так называемые «буржуйки» (в данной ситуации в более выгодном положении оказывались люди, проживавшие в помещениях, где отсутствовало центральное отопление, так как там имелось необходимое для обогрева оборудование: «Достоинством нашего коридора было то, что в нем не было центрального отопления: в комнатах стояли круглые железные печи доброго старого времени, державшие тепло по-настоящему, а не так, как буржуйки»⁴⁴). Они, в свою очередь преобразя интерьер и экстерьер, изменяли жизненное пространство горожан: «Через всю комнату идет из печки труба и уходит в каминную отдушину. Из нее иногда капает черная вонючая жижа»⁴⁵. Однако, как отмечают исследователи, «буржуйки» не могли решить всех отопительных проблем: «Эффект от та-

⁴¹ Петроград на переломе эпох... С. 64.

⁴² Врангель. 1922. С. 202.

⁴³ Анненков. 2005. С. 88.

⁴⁴ Ходасевич. (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

⁴⁵ Берберова. 1996. С. 159.

ких печек был весьма низким: они давали тепло только тогда, когда горели, и только в той комнате, где стояли»⁴⁶. И даже это оказывалось недостаточным, отсутствие отопления делало холод непобедимым, обогрев своего собственного организма становился серьезной задачей.

Однако даже малоэффективную печку нужно было чем-то топить. Дрова были серьезным дефицитом: «Самым ценным подарком в 1919 г. стали дрова на растопку»⁴⁷. Как и ради продуктов питания, за дровами приходилось ходить по учреждениям, стоять в очередях. Получение же дров тоже не гарантировало облегчения, часто они были ненадлежащего качества (сырые). Тем не менее поиск, получение и дальнейшая заготовка дров становились регулярной практикой. Дневниковая запись К. Чуковского от 12 февраля 1920 г. отчетливо рисует повседневные проблемы холода и необходимости заготовки дров: «Бегу в холодную комнату к телефону и звоню в телефон Каплуно, в Горохор, в Политотдел Балтфлота. Воды в кране нет, дрова нужно пилить»⁴⁸. Через год, в феврале 1921 г. К. Чуковский ярко опишет вполне типичный распорядок дня, неотъемлемой частью которого является и заготовка дров: «А в 11 часов куда-нибудь – в Петросовет попросить пилу для распилки дров, или в Дом Ученых, не дают ли перчатки, или в Дом Литераторов – нет ли капусты...»⁴⁹. Однако дрова доставались не всем и не всегда. Холод и необходимость обогреться заставляли людей жечь все подряд. Живя зимой 1919-20 гг. в квартире Д.И. Менделеева, Ю. Анненков так описывал свою борьбу с холодом: «Я сжег в печи сначала дверь, отделявшую ученый кабинет от прихожей, затем дверь из коридора в кухню. Потом наступила очередь паркетин»⁵⁰. Противостояние холоду доводило порой до отчаяния: тот же Анненков сокрушался о том, что если бы задержался в квартире на более долгое время, то пришлось бы сжигать библиотеку ученого. Более экспрессивный В. Шкловский писал в статье «Петербург в блокаде»: «Я сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги. Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы и оказался бы к весне без конечностей»⁵¹. В то же время в городе началась разборка деревянных домов на дрова, на улицах стали образовываться бреша и рукотворные руины.

⁴⁶ Петроград на переломе эпох... С. 64.

⁴⁷ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

⁴⁸ Чуковский. 1991. С. 140.

⁴⁹ Там же. С. 156.

⁵⁰ Анненков. 2005. С. 88.

⁵¹ Цит. по: Анненков. 2005. С. 34.

Еще одной проблемой для горожан стала одежда. Как известно, костюм, который мы носим, есть нечто большее, чем просто средство защиты от неблагоприятной погоды или необходимая деталь для появления в обществе. Одежда наделена и более глубокими смыслами – нельзя не согласиться с мыслью Н.Б. Лебиной: «Платье представляет собой определенную норму, имеющую материальное выражение и ментальное содержание. В семиотическом контексте предметы гардероба обладают ярко выраженным знаковым содержанием»⁵². Необходимо отметить, что в рассматриваемый период произошло весьма серьезное изменение знакового содержания одежды. Революция 1917 г. и последовавшие за ней события коренным образом изменили облик горожан, а это повлияло и на социальные отношения, и на самовосприятие.

В целом ситуация с предметами гардероба в Петрограде 1920-21 гг. была весьма плачевной: «Г. Уэллс, посетивший Петроград осенью 1920 г., писал: “Люди обносились... Вряд ли у кого в Петрограде найдется, во что переодеться”»⁵³. Как и в вопросах обеспечения другими товарами, в самом худшем положении оказались представители интеллигентных профессий, «бывшие», «буржуи». В условиях военного коммунизма одежда распространялась посредством пайков, вышеперечисленные же социальные группы получали пайки последнего разряда. Кроме того, еще осенью 1918 г. многие вещи были изъяты в ходе кампании по обеспечению фронта теплыми вещами за счет «нетрудовых элементов». В ситуации борьбы с голодом и холодом многие вещи продавали или меняли: «Благо сапоги у меня были мужские, – я променяла их как-то за клочок серого солдатского сукна в 2 1/2 аршина. Такими гешефтами все тогда занимались, сперва как-то стыдно было, а потом все так привыкли, будто только всю жизнь это и делали»⁵⁴. За весьма короткий промежуток времени одежда приходила в негодное состояние – и за счет изменения образа жизни и распорядка дня, и по причине редкой стирки и невозможности починки. Дома и на работе ходили в буквальном смысле в чем придется: «Мчалась на службу, в стужу и непогоду, в рваных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой»⁵⁵. Характерное описание внешнего вида институтских преподавателей оставила Н. Берберова: «Томашевский весь в заплатах, с опухшими глазами, Эйхенбаум с подвязанными веревкой подошвами»⁵⁶. Подобным образом

⁵² Лебина. (<http://lib.rus.ec/b/302572/read>).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Врангель. 1922. С. 200.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Берберова. 1996. С. 158.

выглядела значительная масса горожан. Обношенность, жалкий вид одежды становились повседневной нормой. Это особенно хорошо было заметно во время массовых мероприятий: «Знакомая К.И. Чуковского рассказывала ему, “что в церкви, когда люди встанут на колени, очень любопытно рассматривать целую коллекцию дыр на подошвах. Ни одной подошвы без дыры!”»⁵⁷.

Одежду доставали разными способами: бегали по учреждениям в поисках пайка, выменивали или покупали на черном рынке, доставали у родственников и друзей, изготавливали из подручных средств, при этом в ход шли разные материалы (занавески, сафьяновые обложки и т.д.). Подобно «пирогу Чуковского» (для приготовления которого понадобилось пять различных пайков), внешний вид горожанина складывался мозаичным образом: «Перелицованное ватное пальто, зеленая шапка “мономаховского” фасона, валенки, сшитые на заказ у вдовы какого-то бывшего министра, из куска бобрика (кажется, когда-то у кого-то лежавшего в будуре), на медных пуговицах, споротых с чьего-то мундира»⁵⁸.

Как уже отмечалось, посредством одежды выражались и новые социальные нормы (ею же они, в свою очередь, и диктовались). Люди в силу сложившихся внешних обстоятельств не могли надеть ранее им привычные предметы гардероба (порой это могло даже нести опасность для жизни). «Стирались внешние проявления социальных границ (одежда), и исчезала внутренняя индивидуальность отдельно взятых личностей в обществе. Стало сложно отделить преступника от стража порядка, промышленника от педагога и т.д. по внешнему виду, по манере поведения, по способу мыслить»⁵⁹. Ярким примером сложившейся ситуации (когда у людей оставались вещи, по сути, другой эпохи и им не находилось применения в современной жизни) служит курьез, описанный баронессой Врангель: «Одна из девиц, на всякое дежурство (*дежурство жильцов у ворот дома с 22.00 до 1.00*) облачалась для потехи в оставшееся от былого великолепия вечернее платье, шикарную еще сохранившуюся шляпу и в белые перчатки, уверяя, что это единственный случай себя показать»⁶⁰. Однако тогда же устанавливались правила нового времени. Как и в случае с продовольствием, близость к власти открывала доступ к хорошей одежде. Н.Б. Лебина замечает: «Наряду с обшарпанной массой на улицах российских городов можно было увидеть относи-

⁵⁷ Петроград на переломе эпох... С. 68-69.

⁵⁸ Берберова. 1996. С. 158.

⁵⁹ Цит. по: Российская повседневность... 2011. С. 63.

⁶⁰ Врангель. 1922. С. 201.

тельно прилично одетых людей. Это представители новой партийно-государственной элиты»⁶¹. Чаще это было заметно по женщинам. З. Гиппиус еще летом 1919 г. отмечала, что, в то время как в приемной комиссара театров и зрелищ союза коммун Северной области М.Ф. Андреевой – томились люди, сама она беседовала с личным сапожником.

Можно с уверенностью говорить, что сложившаяся к 1920 г. ситуация с водопроводной и отопительной системами и обеспечением одеждой была подобна обстановке с продовольствием. Горожане находились в тяжелых условиях фактического отсутствия водопровода. Не все могли обеспечивать свои нужды за счет натаскивания воды в ведрах (в силу хотя бы физической неспособности). Это приводило к общему ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки. Отсутствие центрального отопления, возникающие трудности с печным отоплением создавали поистине страшную картину повседневной жизни горожанина, когда спутником голода становился холод. Помимо этого, трудности с водопроводом и отоплением становились причиной загрязнения города, приводили к эпидемиям и появлению рукотворных руин. В то же время возникало описанное В. Шкловским ощущение сжатия пространства. В дополнение к этому люди испытывали трудности в обеспечении одеждой. Приходилось прикладывать массу усилий для того, чтобы выглядеть более-менее прилично. Кроме того, менялся внешний облик горожанина: он не просто был в обносках, он был как «другие». Стало невозможным носить целый ряд вещей из старого гардероба (если даже они сохранились). В свою очередь, внешняя одинаковость диктовала и новые социальные отношения, демонстрируя равенство.

Итак, человек как биологическое существо в 1920-21 гг. оказался в тяжелейших для выживания условиях. Кроме того, для разных групп населения условия были не всегда одинаковы, и рассматриваемая нами социальная группа находилась порой в самом тяжелом положении. Намetilась тенденция выделения ряда людей за счет лучшего материального обеспечения в зависимости от близости к власти. Описанные нами реалии становились средой обитания. Однако важно, что подобная ситуация не переставала вызывать ужас, удивление, шок. Это, в свою очередь, доказывает, что существовавшая повседневность окончательно не перешла в категорию нормы.

Возвращаясь к определению ментального горизонта, можно заметить, что, пожалуй, никогда прежде он не вбирал в себя столь контрастных и противоречивых явлений. Исследование же концепта «менталь-

⁶¹ Лебина. (<http://lib.rus.ec/b/302572/read>).

ный горизонт», сочетающего в себе событийность и повседневность, является, на наш взгляд, весьма эффективным при изучении повседневной жизни «не-маленьких людей».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков Ю.А.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 2005. 732 с.
- Берберова Н.Н.* Курсив мой. Автобиография. М., 1996. 736 с.
- Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»?.. //Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997. С. 7-24.
- Врангель М.Д.* Моя жизнь в советском раю // Архив русской революции. (Репринт. изд. 1922 г.). М., 1991. № 4. С. 198-214.
- Демидова А.Р.* Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начало 1920-х гг. город в условиях экстраординарности: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2008. 238 с.
- Лябина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. URL: <http://lib.rus.ec/b/302572/read>
- Монахов Н.Ф.* Повесть о жизни. Л.-М., 1961. 300 с.
- Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. 350 с.
- Пришвин М.М.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. Дневники 1905-1954 гг. М., 1986. 760 с.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.
- Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века: [учеб. пос.] / под ред. Л.И. Семенниковой. М.: МГУ, 2011. 244 с.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. URL: <http://lib.rus.ec/b/234529/read>
- Ходасевич В.Ф.* Воспоминания. О себе // Библиотека Максима Машкова. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml.
- Ходасевич В.Ф.* Избранная проза. В 2 т. Т. 1. Белый коридор. Воспоминания // Библиотека Максима Машкова. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml.
- Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. 544 с.
- Яров С.В.* Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. 319 с.
- Яковлев Алексей Александрович**, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; yakovlevleshka@mail.ru

Н. Н. КРЮЧКОВ

АРТЕМИЙ ПЕТРОВИЧ ВОЛЫНСКИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МНИМЫЕ И ПОДЛИННЫЕ

В статье рассматриваются обвинения в преступлениях, сопровождавшие кабинет-министра А.П. Волынского на протяжении его государственной карьеры. Далеко не все из приписываемых ему преступлений были доказаны, многие обвинения выдвигались в моменты опалы, чтобы окончательно дискредитировать соперника в борьбе за власть и близость к монарху.

Ключевые слова: *А.П. Волынский, государственная карьера, бюрократия, обвинения в коррупции, хищения, рукоприкладство.*

Петровские реформы – одна из наиболее ярких страниц в отечественной истории, исток современной европеизированной России. Однако, не отрицая заслуг императора-преобразователя, нельзя не упомянуть и его неудачную попытку изменить отношение чиновников к государственной службе. Веками складывающаяся привычка кормиться от дел была неистребима среди наследников старомосковских воевод, судей, дьяков и подьячих – практически неограниченная власть, слабость контроля за их действиями, а также отсутствие или недостаток жалованья соблазняли воспользоваться своим служебным положением. Уже законодательство XVI-XVII вв. квалифицировало взяточничество как преступление¹. Даже Петр I не смог искоренить взяточничество и лихоимство среди своих птенцов; если изредка суровые меры и применялись (например, казнь сибирского губернатора М.С. Гагарина), то они не достигали своих целей.

Коррупция как сознательное нарушение закона была нормой для всех представителей российской бюрократии — от рядовых копиистов и канцеляристов, до высших сановников, и если среди них и попадались люди, отличавшиеся неподкупностью и бескорыстием, то таких «белых ворон» было сравнительно немного. Ярким представителем высшей российской бюрократии является Артемий Петрович Волынский (1689-1740), выходец из древнего рода, знаменитый «птенец гнезда Петрова», талантливый администратор и дипломат, поднявшийся от солдата до кабинет-министра. Вместе с тем, неоднократно побывав под следствием

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 288-290, 304, 311, 336.

по обвинениям в различных лихоимствах — взяточничестве, воровстве, произволе, грубых физических расправах над нижестоящими лицами, он закончил свою карьеру на эшафоте. Попытаемся собрать воедино и проанализировать все разрозненные сведения о его преступлениях, мнимых или подлинных.

Практически все, кто писал о Волынском, так или иначе касались его преступлений, используя в основном анонимную «Записку об Артемии Волынском»², содержащую материалы из следственного дела, и очерк «Жизнь Волынского, его заговор и смерть»³ — отрывок из капитального труда профессора Йенского и Марбургского университетов Эрнста-Адольфа Германа “Geschichte des Russische Staates”. 3-5-й тома этой работы были посвящены истории петровской и послепетровской России и обильно цитировали найденные автором документы из дрезденских, лондонских и берлинских архивов, в том числе, донесения саксонских дипломатов при русском дворе, не находя, однако, нужным подвергнуть хотя бы элементарной критике содержащуюся в них информацию⁴. Так, подробная биография Волынского с описанием его преступлений почерпнута Германом из «Большого донесения» секретаря саксонского посольства Петцольда от 1 февраля 1741 г., т.е. составленного спустя полгода после казни Волынского. Более того, большинство преступлений, приписываемых Волынскому его «доброжелателями», относятся к 20-м гг. XVIII столетия. В этой связи надежность донесения Петцольда как источника вызывает большое сомнение.

Тем не менее, труд Германа подстегнул интерес к личности опального кабинет-министра и снабдил последующие поколения историков и публицистов компрометирующей Волынского информацией. Часть авторов, как например, И. Шишкин и К. Ярош, используя его сведения, в своих очерках развенчали сложившийся в художественной литературе «героический» образ Волынского, представив его в первую очередь преступником и лишь затем государственным деятелем⁵. Другие же, прежде всего А. Корсаков, не отрицая преступлений Волынского, подчеркивали, что выдающийся государственный деятель, «дитя своей эпохи» пал жертвой интриг политических противников⁶. Ряд исследовате-

² Записка об Артемии Волынском... (по всей видимости, она была составлена гр. Д.Н. Блудовым для имп. Николая I).

³ Герман. 1866. С. 1351-1373.

⁴ Уже в 60-е гг. XIX в. И. Чистович называл сведения Германа «баснями». См.: Дело Салникеева... С. 44-45, 78-79.

⁵ Шишкин. 1860; Ярош. 1893.

⁶ Корсаков. 1876-1877.

лей (например, С.М. Соловьев), описывая должностные преступления Волинского, не прибегают к информации Э.А. Германа⁷. Тем не менее, труд немецкого профессора остается востребованным и в наши дни: так, информацию о Волинском со ссылками на Германа приводит Н.И. Павленко в своих работах «Вокруг трона» и «Немцы при дворе»⁸.

Общим в изображении преступлений Волинского является хронологический разброс его проступков: зачастую подобные эпизоды используются биографами как «ложка дегтя» при описании блестящей карьеры кабинет-министра. Четкой классификации преступлений нет; причины преступлений рассматриваются вскользь, какой-либо анализ или элементарная критика, как правило, отсутствуют. Все вышеперечисленное побудило нас подвергнуть специальному исследованию преступления А.П. Волинского.

Согласно «Изображению о государственных безбожных таких преступлениях и злодейственных воровских замыслах Артемья Волинского», в 1740 г. Волинскому вменялись в вину самые различные преступления: «А при следствии чрез показанные бывшего его Волинского человека Василья Кубанца и других многих явился он виновен, в чем и сам признался, не токмо в бытность свою прежде кабинетным министром, но и прежде того в бессовестных злодейских взятках на многие тысячи деньгами, и на многие ж тысячи всякими вещами, не пощады самую новгородскую епархию, по смерти последнего той епархии архиерея, до определения нынешнего, взяв из оного самовластно запасов сена и прочего, что ему понадобится было многое число. В похищении и злоупотреблении в свою пользу немалого числа казенных денег и в прочих указом противных поступках и непорядках. В непорядочном возведении в чин и в таком же паки отставлении; в напрасных своеумышленных многих строениях и употреблении казенного строения и материалов в свою партикулярную пользу. Во употреблении к своим партикулярным работам разных мастеровых людей работников, не токмо из выше писанной Новгородской епархии но и из солдатства здешнего Санкт-Петербургского гарнизона мастеровых людей, которые в его доме работали чрез довольное время. Тако ж и в преждеучиненном им самовластном с подданных Ея Императорского Величества немалом денежном сборе и о взятке тех денег себе...»⁹. «Сверх всего вышеписанного еще на него Волинского показано многие другие злодейские

⁷ Соловьев. 1993.

⁸ Павленко. 1999; 2002.

⁹ РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 23 об.

указам противные поступки, как во взятках, в похищении и непорядочных расходах множественных казенных денег, так и особливо в произведениях его старанием многих неправедных и указом противных решений дел и в других важных преступлениях, о которых особливо от Ея Императорского Величества комиссиею исследовано будет...»¹⁰.

Таким образом, преступления, совершенные А.П. Волынским (или приписываемые ему) можно разделить на три группы: 1) рукоприкладство по отношению к подчиненным; 2) воровство и вымогательство; 3) злоупотребление служебным положением.

Первый случай рукоприкладства Волынского по отношению к нижестоящим чинам зафиксирован во время его возвращения из Персии. Проезжая через г. Петровск по дороге из Саратова на Пензу, Волынский очень рассердился на коменданта Ивинского за то, что тот выставил для него недостаточное количество подвод. Волынский велел бить своим приближенным коменданта толстыми палками, а сам (!) топтал его ногами, после чего двое суток держал «сковав в железа». При этом, согласно челобитной коменданта, Волынский вместо просимых по письму 250 подвод самовольно взял 450, при том, что ранее посольству Волынского уже было выделено 96 подвод¹¹. Впрочем, жалоба на Волынского успеха не имела: успех дипломатической миссии обеспечил тому благосклонность Петра I. Практика же избиения нижестоящих лиц после этого случая станет в дальнейшем для Артемия Петровича нормой.

История о другой кровавой расправе вошла в большинство биографических очерков и книг о Волынском, и ее впору назвать хрестоматийной. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что профессор Герман пересказывает донесение саксонского дипломата, которому в свою очередь рассказывали о злодее-Волынском «со слов очевидца, жившего в Астрахани во время губернаторства Волынского» (т.е. в начале 1720-х гг.). Суть происшествия такова. От своих шпионов Волынский узнал, что один купец, «давно уже терпевший от него разного рода оскорбления», дурно отозвался о его жене. Волынский зовет купца в гости, и последний, ничего не подозревая, с радостью является на приглашение. Но за обедом, едва купец сел на свое место, два гайдука Волынского, по приказу губернатора, начинают избивать его. После обеда незадачливого гостя раздевают донага, связывают и, обвязав кусками

¹⁰ Там же. Л. 33 об.

¹¹ См.: «Жалоба петровского коменданта Андрея Ивинского на астраханского губернатора Артемия Волынского» в РГАДА Ф. 248 Кн. 196 Л. 185-191 об. (опубликована: РА 1865. С. 983-986).

сырого мяса, натравливают на него свору собак. В конце экзекуции купца посадили голым на снег, предварительно натерев его раны солью¹².

Указанная расправа известна лишь со слов Германа и не нашла отражения в официальных документах. Однако она вполне соответствует аналогичным поступкам Волинского во время его губернаторства в Астрахани. Так Военная коллегия отдала его под суд за истязание мичмана, князя Егора Мещерского: Волинский должен был сдать дела и вернуться в Петербург для расспросов. Суть дела состояла в том, что в бытность Волинского астраханским губернатором, он жестоко расправился с унтер-офицером. Князь Егор Мещерский жил в доме генерала Матюшкина, командующего низовым корпусом, в качестве домашнего шута, и позволял себе в пьяном виде дерзкие выходки и оскорбление губернатора и его семейства. Жалобы Волинского Матюшкину остались без ответа; впрочем, генерал передал Волинскому, что «...за дурака сердиться¹³. Мечь губернатора не заставила себя долго ждать: 17 декабря 1723 г. мичман был схвачен на улице и приведен к губернатору где его переодели в шутовской наряд, вымазав лицо несчастного сажей и вывернув его платье наизнанку. За ужином у Волинского Мещерского заставили осушить кубок вина, а когда он не смог сделать этого — избили, бросив на ночь в темницу. На другой день его посадили на «кобылу» в компании шута Волинского Ивана Кузьмина, привязав к ногам по живой собаке, а спустя некоторое время, предварительно раздев, посадили на лед, посыпанный солью, на час. Примечательно, что Мещерский в своем прошении пишет: «а хотя от него, губернатора, руганья и больше сего есть, токмо всего упомянуть не может в таком его ругании», что выглядит достаточно странным и не может не навести на мысль о характеристике жертвы, данной Волинским, что он «подлинной дурак и пьяница»¹⁴. Вместе с тем, Волинский, не отрицая своего рукоприкладства, в доношении от 19 января 1725 г. писал, что «принужден был поступать с ним не так как с унтер-офицером, но как с пьяницей и с дракуном (?)... понеже де он, оставя свое доброе звание, пошел добровольно в дураки для того, и он тако учинил над ним, как над дураком и непотребным человеком...»¹⁵. Адмиралтейств-коллегия считала, что самосуд Волинского не может быть оправдан, тем более что Мещерский не был подчинен-

¹² Герман. 1866. С. 1352.

¹³ Турбин. 1872. С. 951.

¹⁴ Там же. С. 950.

¹⁵ Там же. С. 951. «Драчун же, дракунья, дракунья (а Тамбове дракун и дракуха) — обыкновенный забияка, охотник драться с кем угодно...» (Толковый словарь Даля).

ным губернатора¹⁶. Несмотря на то, что в 1725 г. Волынского были сняты обвинения, в «Изображении о преступлениях» Волынского в 50 пункте значится дело об обидах князю Мещерскому¹⁷.

Широко известна расправа Волынского с поэтом В.К. Тредиаковским. «Прикормленный» врагом Волынского, обер-штальмейстером князем А.Б. Куракиным стихотворец Василий Кириллович Тредиаковский слагал и пускал в оборот насмешливые вирши об Артемии Петровиче. Именно ему принадлежит эпиграмма на Волынского:

*В отечество свое как прибыл некто вспать,
А не было его там почитай лет с пять:
То за все пред людьми, где было их довольно,
Дел славою своих он похвалялся больно
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всем, ни равна по всему...¹⁸*

Самолюбивый кабинет-министр, разумеется, не мог простить автора произведения. Год спустя, при подготовке ледяной свадьбы Тредиаковскому было велено писать стихи на свадьбу шутов. Когда поэт не проявил должного рвения, Волынский избил его в присутствии «подлых людей». На другой день Тредиаковский задумал «пасть в ноги его высокогерцогской светлости» с жалобой на Волынского. На беду поэта в покоях герцога он встретился с Волынским. Разъяренный сановник, поняв, зачем пришел поэт к Бирону, избил его, вытолкал из покоев временщика и отвез в маскарадную комиссию. Здесь экзекуция продолжилась: стихотворца избili палками, дав около сотни ударов. На другой день он обратился с рапортом в Академию Наук и был подвергнут медицинскому освидетельствованию. Сам виновник расправы большого значения этому инциденту не придавал, утверждая: «Я себя потешил и свое взял...»¹⁹.

Эта история стала широко известна при дворе. Ни для кого не были секретом причины ярости Волынского. По характеристике секретаря саксонского посольства Петцольда, «...Тредиаковский был предан семейству адмирала Головина и обер-штальмейстера князя Куракина, а с ними Волынский жил в соре и не пропускал случая давать им подобного рода доказательства своего расположения...»²⁰. Расправа над поэтом не только

¹⁶ Там же. С. 951.

¹⁷ См.: РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 32 об.

¹⁸ Цит. по: *Тредиаковский*. 1993. С.140. Кроме басни-эпиграммы «Самохвал» известны также «Ворона, чванящаяся чужими перьями», «Осел в львиной коже», однако точное время их написания неизвестно; не исключается, что они были написаны позднее, а их мишенями были А.П. Сумароков и М.В. Ломоносов.

¹⁹ См.: *Павленко*. 1999. С. 557 и др.

²⁰ *Герман*. 1866. С. 1362.

представила Вольтинского в глазах окружающих «...врагом рода человеческого», но и послужила формальным поводом к началу следствия над ним: не случайно в «Изображении о преступлениях» Вольтинского значится «оскорбление святости и безопасности государевых палат и покоев»²¹.

Суровость эпохи накладывала отпечаток на поведение человека. Хрестоматийная дубинка Петра I, испытать действие которой пришлось и Вольтинскому, тоже была в своем роде школой, научившей администраторов подобному обращению с нижестоящими. Каждый случай насилия, применяемого Вольтинским к подчиненным, может быть объяснен не только субъективными причинами, как, например, досада на «шутов» Мещерского и Тредиаковского за их насмешки над ним самим и его семьей, но и вполне «объективными»: ведь с точки зрения Артемия Петровича, каждая из его жертв, в чем-то провинилась по службе. Так, Ивинский посмел не поставить необходимые послу подводы, Мещерский имел упущения по провиантской части, а Тредиаковский (которого забыли поставить в известность) не явился вовремя к Вольтинскому для получения задания. Жестокость наказаний может быть объяснена не только темпераментом Артемия Петровича, но также и тем обстоятельством, что его жертвы имели несчастье попасть ему «под горячую руку». Тем не менее, на ум приходят строки известной басни — «у сильного всегда бессильный виноват...», и оправдывать Вольтинского мы не собираемся, тем более что другие аналогичные случаи рукоприкладства неоднократно имели место в его биографии²².

Жестокие расправы начальников с подчиненными в XVIII в. не были чем-то из ряда вон выходящим, но дело приобретало определенный резонанс лишь изредка, когда от побоев начальства погибал подчиненный²³. На счастье Артемия Петровича, все его жертвы остались живы. Однако даже в случае гибели человека в законодательстве того времени имелась лазейка. Петровский «Артикул воинский» был весьма снисходителен, предусматривая смягчение наказания за наступление

²¹ РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 24.

²² См., например, челобитную от рижского мещанина Петра Франца «об учиненных ему от ген.-майора Вольтинского самосильствах и в битве багожьем», поданную в Кабинет министров в мае 1735 г. (Сб. РИО. Т. 108. С. 191). Об избииении кабинет-министром А.П. Вольтинским яицкого атамана Меркульева и купца Панкрата Рюмина упоминает в своем доносе Андрей Яковлев (РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 220 Л. 4-4 об).

²³ Так, например, каширский воевода подполковник Я.Ф. Баскаков забил до смерти подьячего С.Ф. Емельянова, за что был отстранен от должности и казнен в 1739 г. Под суд попали воронежский вице-губернатор А.Д. Лукин (за убийство одноподворца Воронина) и белгородский губернатор И. Греков (за убийство подьячего П. Усачева). См.: *Курукин*. 2003. С. 250; *Павленко*. 2002. С. 166-169 и др.

смертного исхода при применении наказания к подчиненному. «Ежели случитца, что некоторый главный подчиненных своих за некоторые притчины захочет наказать, а такое в достойной и в должной ево чиновной ревности зло учинитца, что наказанной от того наказания умрет, то ведати надлежит, что оный главный по мнению правоучителей не живом, но жестоко имеет быть наказан, либо отставлением чина на время и службою рядовым, денежным штрафом, или заключением или вербованьем (набором)»²⁴. Таким образом, для оправдания своих действий, виновному необходимо было сослаться на служебные проступки жертвы или его неподчинение – «ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушно быть».

Формально петровским уголовным законодательством за нанесение побоев предполагалось отсечение руки, а за убийство – смертная казнь. В реальности, чем выше виновный находился в служебной иерархии, тем проще ему было избежать наказания²⁵. Вызвать обидчика за оскорбление на дуэль пострадавший не мог – за это полагалась виселица, но мог обратиться с жалобой к вышестоящему начальству. Тот был обязан принять жалобу, но челобитчик должен был представить доказательства «что подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинит, то и он наказан будет, равно как и другии»²⁶. «Маленький человек» сильно рисковал жаловаться на сильную персону, не заручившись поддержкой. В этих условиях комендант Андрей Ивинский обратился к казанскому губернатору П.С. Салтыкову, мичман Егор Мещерский – к руководству Адмиралтейской коллегии, а поэт Третьяковский не только к руководству Академии наук, но и к своим патронам-покровителям. Как видно из дел, реальную опасность для Волынского представляли жалобы мичмана и поэта, поскольку последние не только не были его подчиненными, но и обстоятельства дела не позволяли сослаться на «нужду и должность к Е.И.В. службе». Сыграла свою роль и позиция монарха: если Екатерина I оправдала Артемия Петровича, то Анна Иоанновна отдала его под суд.

Если случаи рукоприкладства хорошо согласуются с особенностями личности А.П. Волынского и подтверждаются документально, то

²⁴ См. Артикул воинский (1715 г.). Цит. по: Российское законодательство Х-ХХ вв. Т. 4. С. 356.

²⁵ На примере А.Д. Лукина и И. Грекова видно, что уже бригадирский чин был определенной гарантией того, что сурового наказания можно было избежать. С точки зрения следствия, убийства, вменяемые им были лишь малозначительными эпизодами на фоне невыполнения ими планов по сбору налогов и других должностных проступков.

²⁶ См. Артикул воинский... С. 353.

несколько иначе обстоит дело с обвинениями в воровстве и вымогательстве. Пожалуй, первое темное пятно в карьере Волинского появляется при исполнении им курьерских обязанностей во время Прутского похода. С Волинским пересылались не только письма, но и крупные денежные суммы, предназначенные для подкупа турецкого главнокомандующего. В общей сложности Петр I отправил 250 тысяч рублей; в его переписке с Шафировым прямо указывается на лиц, бывших инкассаторами: «Известная к вам посылка отправлена с ротмистром Волинским и Михаилом Бестужевым». Дорога была трудная и опасная: разъезды Карла XII и киевского воеводы Орлика стерегли русских гонцов. Семь бочек с «казной» прибыли в турецкий обоз к Шафирову с сорванными и помятыми ярлыками, комиссарскими, целовальничскими и государевыми печатями. Но суммы, означенные на этих бочках, различались с суммами, полученными в канцелярии Шафирова²⁷.

Так, 10 декабря 1711 года в турецкий обоз прибыла бочка с деньгами в фурмане Михаила Бестужева (сына генерала крикс-цалмейстера Петра Бестужева, выдававшего деньги). Вместо 2800 рублей было получено только 1800. Недостачу Волинский обнаружил еще при первичном осмотре, принимая деньги при отправлении. 10 января в канцелярию было сдано еще 2983 рубля вместо положенных 3000 (впрочем, не исключается и ошибка отправляющих: на одном мешке был ярлык 83 рубля), 11 января было сдано еще 2800 рублей вместо 3500. Таким образом, в трех бочках было выявлено 1717 рублей недостачи. О комиссарских ярлыках и печатях в той ведомости ничего не было написано²⁸.

22 января 1712 года по приказу государственного подканцлера, барона П.П. Шафирова оставшаяся казна была осмотрена для принятия в канцелярию. Некоторое время деньги не были под охраной шквдронного капрала Архипа Ласунского, т.к. принимающий шквдронец Глотов был болен. В бочке "S" было только 2500 рублей, хотя значилось в ней 2700, в бочке "ЛД" из 3000 рублей 1000 была отпущена якобы А.А. Вейде. В бочке "А.М." вместо 3000 рублей было 2700, в бочке "Е" из 2500 рублей отсутствовало 500. Всего в четырех бочках недосчитались 1900 рублей. При этом со всех бочек были сорваны или помяты печати, но принимающие не заявили о том в канцелярию. Заметим, что в некоторых других бочках оказалось сверх записи 200 рублей, таким образом общая недостача составила 3417 рублей²⁹.

²⁷ Турбин. 1872. С. 938.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 939-940.

Отметим также, что кроме одного источника, найденного в черновых бумагах фельдмаршала гр. Б.П. Шереметьева и опубликованного М.И. Семеvским в «Русской старине» (т. V за 1872 г.), других сведений о недочете не оказалось. Однако, в данном эпизоде не до конца понятно, явилась ли недостача халатностью отправляющих, или же имела место кража. В пользу первого предположения свидетельствуют «лишние» деньги, обнаруженные в бочках. Если же деньги были украдены, то, на наш взгляд, А.П. Волынский, как офицер, отвечавший за перевозку денег, не мог не знать, кто запускает руку в «государеву казну». Тем не менее, официального расследования данного происшествия не было, равно как и обвинений, выдвинутых в отношении Артемия Петровича.

Э. Герман (основываясь на донесении секретаря саксонского посольства Петцольда) обвиняет Волынского в том, что во время персидского посольства тот пустил слух, что Петр I собирается завоевать Иран. Дипломату якобы удалось убедить шаха, что именно от него зависит, «окончательно ли утвердится император в своем намерении или отложит исполнение оногo». В результате перепуганный шах обещал заплатить Волынскому 100 тыс. руб., но когда тот отправил несколько донесений Петру I, то персы успокоились, поняв, что Волынский не может воротить своих курьеров. Поэтому вместо обещанной суммы ему дали вексель на имя правителя Ширвана, который должен был расплатиться. Однако одновременно шах послал тайного гонца с приказом не платить, объяснив свой отказ недостатком денег. Такое коварство привело Волынского в бешенство, и он якобы решил отомстить персам, подтолкнув императора своими донесениями к войне³⁰. Представляется крайне сомнительным, чтобы Волынский мог пугать персов возможной войной с Россией за пять лет до Персидского похода, начавшегося после восстания афганцев. Скорее всего, слухи основывались на известиях о тяжбе с персидскими властями, не выделившими достаточно денег на прокорм посольства³¹.

Другим преступлением Волынского в Астрахани было похищение драгоценной ризы из местного монастыря, оцениваемой в 100 тыс. руб., и по преданию подаренной монастырю Иваном Грозным. Волынский попросил у настоятеля ризу, чтобы срисовать с нее рисунок, «ради ее редкости и старины». Получив требуемое и удовлетворив свой интерес, он вернул ее обратно в монастырь. Но спустя несколько дней, слуга Волынского, прежде приходивший за ризой, вновь появился в монастыре и потребовал ее от имени губернатора, под предлогом исправления неточностей в ри-

³⁰ Герман. 1866. С. 1354.

³¹ См.: Бушев. 1978. С. 13-14.

сунке. Однако через неделю риза не была возвращена. Когда архимандрит отправился к Волынскому, тот приказал бить палками своего слугу, но тот не признался ни в чем. Тогда Волынский обвинил недоумевающего настоятеля в похищении ризы и велел бить батогами и заковать в кандалы³².

Сомнительно, чтобы столь крупная кража не была упомянута в «Изображении о преступлениях» Волынского в 1740 г.³³ На наш взгляд, эта история представляет собой лишь гипертрофированный слух о «похищении» парчового церковного облачения дьякона в Казани (упоминаемого в доносе митрополита Сильвестра) с возможной путаницей в названии русских городов. При этом следует отметить тот факт, что приглянувшееся Волынскому ветхое парчовое облачение было подарено ему самим митрополитом, в обмен на новое³⁴.

Довольно странно выглядит, на наш взгляд, рассказ Германа о том, как Волынский «...лишил жизни и имущества купца Турчинова... основателя больших железных заводов и фабрик поблизости от Казани», обеспечивавшего работой несколько тысяч человек. Волынский потребовал от него 20 тыс. руб.; тот не мог или не хотел выделить ему такую значительную сумму. Тогда Волынский обвинил его в том, что он не выполняет свои обязательства перед казной, которая терпит из-за этого большие убытки. В результате Волынскому было поручено произвести следствие. Губернатор, захватив тайно купца, поместил его в один из подвалов своего московского дома, сделав все возможное, чтобы тот признался в преступлениях, которых не совершал, и уплатил требуемую сумму. Турчинов, сидя в темнице, сообщил о своем положении П.И. Ягужинскому, но тот, будучи в опале, был вскоре отослан в Берлин. Волынский же заявил, что только точно выполнял возложенные на него обязанности. В результате ему удалось получить требуемую сумму, после чего он отпустил купца. Опасаясь, что его вымогательство будет раскрыто, он отравил свою жертву. Сын Турчинова, узнав о судьбе отца, умер от страха. В итоге, фабрики Турчинова, прежде приносившие доход казне в 30000 рублей, пришли в полный упадок, и казна стала получать не более 5 тысяч³⁵.

Эта история кажется маловероятной. Во-первых, купец и промышленник с такой фамилией нам неизвестен (возможно, имеется в виду откупщик Турчанинов, расследование против которого вел Волынский). Во-вторых, «значительные железные заводы и фабрики» поблизо-

³² Герман. 1866. С. 1354.

³³ См.: РГАДА Ф. 6 Оп. 1 Д. 208. 22-33 об.

³⁴ См.: Дело Салникова // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 3. С. 78-79.

³⁵ Герман. 1866. С. 1355-1357.

сти от Казани в то время видимо не существовали. Во всяком случае, среди предприятий Казанской губернии в книге И.К. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства» описываются только три казенных серных завода, и два «компанейских» медеплавильных завода³⁶. В-третьих, сама история о вмешательстве в судьбу Турчинова «проходившего мимо темницы» Ягужинского и стремлении Волынского уничтожить следы своего преступления кажется фантастичной. В то же время, упоминание в этой истории Ягужинского, злейшего врага Волынского, и в свою очередь, достаточно нечистоплотного человека, наводит на мысль, что данное известие имеет под собой какие-то реальные интриги. Следствие комиссии по делу «о беспорядках и злоупотреблениях по таможенным и кабацким сборам в Соликамской провинции» продолжалось в течение двух лет (с января 1732 по март 1733 г.). По именному указу Турчанинов был отпущен после получения письменного поручительства Строгановых в платеже 37000 руб.³⁷ Необходимо учитывать и то обстоятельство, что немецкий историк в качестве источника для своей работы использует донесение саксонского дипломата, который в свою очередь излагал со слов своих знакомых сплетни и слухи о событиях, якобы имевших место минимум за 10 лет. В то же время, в следственном деле Волынского нет ни намека на эту историю, хотя, если бы Волынский и позволил себе преступить закон, при его аресте в 1740 г. ему бы обязательно это припомнили. Также не было ничего известно об этом доверенному человеку Волынского Василию Кубанцу, который выступил ключевым свидетелем против своего господина на процессе.

Авторы биографических исследований об А.П. Волынском не упоминают о выдвигении обвинений против него в 1730-е гг. когда наш герой добился успеха на служебном поприще. Однако, согласно донесениям иностранных дипломатов, отдельные преступления Волынского стали достоянием общества в 1740 г., всплыв в ходе следствия. Так, по уверению саксонского посланника Сума, по управлению одними конными заводами, состоявшими из 15.000 лошадей, на Волынском оказался недочет в 700000 рублей. Доносчик, некий офицер родом из Дании, якобы подтвердил свое показание свидетельством 1100 человек, которые все дали в том присягу³⁸. Такое обвинение, на первый взгляд, не имеет под собой никакого основания: получается, что Волынский украл боль-

³⁶ Кириллов. 1977. С. 215.

³⁷ Бумаги Кабинета министров... 1731–1740 // Сб-к РИО Т. 104. С. 113, С. 294, С. 428, С. 461; Сб-к РИО. Т. 106. С. 229.

³⁸ Герман. 1866. С. 1364.

ше денег, чем было отпущено (в год отпускалось по 50 тысяч рублей). В период следствия над Волинским, в числе прочих обиженных кабинет-министром подал челобитную и «датской нации» капитан Крейдер³⁹. Как надзиратель над конскими заводами он «...усмотрел многие бессовестные и высочайшие Ея Императорского Величества интересу противные от конюшенной канцелярии и от членов оной поступки, о чем он и рапортовал, на что получил он по прошению Волинского в 1735-м году из Кабинета Ея Императорского Величества указ за подписанием тогдашних господ кабинетных министров о определении для исследования того дела комиссии в которую он о злостных от членов конюшенной канцелярии поступках больше ста пунктов подал и директору оной Волинскому доносил...»⁴⁰. Однако Волинский оставил рапорты Крейдера без внимания; тогда он подал свой рапорт в Кабинет. В свою очередь Волинский представлял в Кабинете, что «...оный Крейдер при конских заводах необычаен, и чтоб его Крейдера от конюшенной службы отставить и определить по его Крейдера прошению в армейскую службу...»⁴¹. Тем не менее, при следствии в 1736 г. все «непорядки», показанные Крейдером, подтвердились, а 38 конюшенных служителей под присягой показали, что «...оного Крейдера пьяным образом во отправлении дела своего никогда они не видали, и на конюшне оной Крейдер был денно и ночью и Ея Императорского Величества служб и в интересе был он Крейдер рачителен, и содержал себя порядочно, и никаких его Крейдера непорядком Ея Императорского Величества дело непренебрежено...»⁴². В результате, на виновных в беспорядках служащих Конюшенной канцелярии были наложены различные наказания, в том числе на самого Волинского штраф в 2000 рублей; Крейдеру, пострадавшему от побоев недобросовестных служащих, было приказано выдать 200 рублей «бесчестья ради», взыскав их с виновных. Тем не менее, в течение 3 лет Волинскому удавалось благополучно тормозить исполнение принятых решений, а когда капитан в очередной раз обратился в Кабинет, Волинский, к тому времени ставший кабинет-министром, при встрече с ним вслух пожалел, что тому в свое время не сломали шею и ноги⁴³.

В 1731 г. бывший казанский губернатор А.П. Волинский оказался под следствием по обвинениям в различных вымогательствах с купцов и

³⁹ РГАДА Ф. 6 Д. 232 Л. 10-11.

⁴⁰ Там же. Л. 10.

⁴¹ Там же. Л. 24.

⁴² Там же. Л. 24.

⁴³ Там же. Л. 8-8 об.

«инородцев» Казанской губернии. Через своего дворецкого Василия Кубанца он собирал неофициальные подати в свою пользу. Так, с каждой «души» кроме государственных сборов бралось еще по несколько копеек в пользу губернатора; взимались также штрафные деньги, с пропущенных в ревизских списках; с татар взимались поборы за увольнение от корабельных работ (хотя по именному указу они были от них освобождены) и «толмаческой повинности» в Персии (а губернатор доносил в Петербург что они к ней неспособны). Всего Волынский собрал с инородцев 14000 рублей. Неудивительно, что в своих челобитных последние писали: «...с начала подданства нашего под Российскую державу ни отцы, ни деды, ни прадеды наши такого разорения не терпели». Волынский пробовал припугнуть челобитчиков, заявив им, что они «тех денег на нем в три года не сыщут». После, он приказал одному из своих дворовых написать за них челобитную, в которой те отказывались от своих обвинений⁴⁴. Тем не менее, следствие нашло новые поборы Волынского. Перепуганный не на шутку губернатор, решается на крайний шаг, «обычный прием подследственных», по характеристике Ю.В. Готье — «...потерпев неудачу и прижатые к стене, они винулись в надежде получить прощение, в чем иногда преуспевали...». Реакция последовала немедленно: «понеже г.-м. Арт. Волынский нам самим всеподданнейше подал на письме повинную в разных взятках, которые он брал в бытность его в Казани губернатором, и в том нашего прощения просил, того ради мы в тех от него самого объявленных взятках его всемилостивейше прощаем и указали оного из-под аресту освободить»⁴⁵. Тем не менее, то обстоятельство, что он принес повинную «только в трех тысячах» по мысли доносителя Андрея Яковлева должно было начать новое следствие⁴⁶. Обвинение в «...самовластном с подданных Ея Императорского Величества немалом денежном зборе и о взятке тех денег себе...» находим мы в официальном «Изображении о преступлениях», там же (п. 52) находится обвинение в том, что Волынский уничтожил свое следственное дело через ассессора Самойлова⁴⁷.

В период следствия над Волынским в 1740 г., решающее значение приобрело дело «о взятии 500 руб. казенных денег из Конюшенной канцелярии дворецким Василием Кубанцем на нужды своего господина». Формальным поводом к началу следствия послужили доносы бывшего

⁴⁴ См.: Дело Салникова // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 3. С. 118-120.

⁴⁵ Готье. Т. 2. 1941. С. 67.

⁴⁶ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 220 Л. 9 об.

⁴⁷ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 208 Л. 23 об., Л. 33

кабинет-секретаря Андрея Яковлева, сообщившего ряд компрометирующих Волынского сведений⁴⁸.

Суть дела заключается в следующем. В 1737 г. перед отъездом Волынского на конгресс в Немиров служащим Конношенной канцелярии прапорщиком Насакиным было выдано 500 руб. дворецкому Василию Кубанцу. Выдача денег не была зафиксирована в «шнуровых книгах», что дало право Волынскому привлечь прапорщика к суду; сам Волынский получение денег отрицал. При следствии Насакин показал, что шнуровых книг на тот момент он не имел и получил их от секретаря Муромцова спустя 2 месяца. Когда Тайная канцелярия попробовала допросить секретаря и Кубанца, Волынский их не выдал⁴⁹. Как показало следствие, Волынский регулярно брал казенные деньги (суммы от 100 до 1000 руб.) под расписку, возвращая через несколько месяцев⁵⁰. Видимо, Волынский постарался воспользоваться неразберихой, и присвоил себе эти деньги, а свалив вину на Насакина, он выгородил «своих» Кубанца и Муромцева. Тем не менее, в апреле 1740 г. ген. А.И. Ушаков объявил, что «о том деле изволит быть известна Ея Императорское Величество и затем по тому пункту [доноса Яковлева – *Н.К.*] рассуждения не было»⁵¹.

Главным же итогом следствия по делу «о казенных 500 рублях» был арест Василия Кубанца, давшего показания не только по уголовным преступлениям своего господина, но, в первую очередь по политическим. Именно этот обвиняемый, ставший свидетелем, сыграл роковую роль в процессе Волынского. Официального же расследования пропажи не проводилось⁵², а позднее Кубанец и Муромцев были амнистированы⁵³.

Уголовное законодательство XVIII в. сурово карало преступления против собственности: за кражу, совершенную при отягчающих обстоятельствах, предусматривалась смертная казнь. Воинский артикул предусматривал ответственность и за недонесение о фактах служебного под-

⁴⁸ См. донос Яковлева: РГАДА Ф. 6 Д. 220. Дело «о казенных 500 рублях»: РГАДА Ф. 6 Д. 254.

⁴⁹ РГАДА Ф. 6 Д. 220 Л. 11–11 об., Д. 254 Л. 1-2.

⁵⁰ Там же. Д. 220 Л. 77

⁵¹ РГАДА Ф. 6 Д. 254 Л. 2.

⁵² «По журналу учрежденной следственной о Волынском комиссии июля 14 дня 1740 году велено: О данных прапорщиком Насакиным на собственные Волынского нужды казенных *денгах* 500 рублях, *произвождением* в комиссии оставить, и с нерешенными не числить, понеже как за таковые *ево* Волынского непорядки, так и за наиважнейшие преступления ему Волынскому смертная казнь учинена». См.: РГАДА Ф. 6 Д. 254 Л. 2об.

⁵³ Муромцев был предварительно наказан батогами за недонесение. См.: Записка об Артемии Волынском... С.167-168.

лога, о неправильных записях в расходных книгах⁵⁴. Казнокрадство в петровскую эпоху считалось настолько важным преступлением, что именным указом Петра I предписывалось доносить лично монарху «о похищении казны» как и о политических преступлениях⁵⁵. Это объясняет, почему обвинения в подобных преступлениях для лиц, состоявших на государственной службе, были весьма серьезными.

Однако в случае с Волынским следует отличать реальные обвинения от голословных. Наиболее «громкие» преступления известны лишь со слов саксонских дипломатов, о достоверности и надежности которых упоминалось выше. В официальное обвинительное заключение вошли только эпизод с похищением казенных 500 рублей в 1737 г. и уничтожение следственного дела о вымогательстве взяток с инородцев Казанской губернии⁵⁶. С другой стороны, официальное обвинение в похищении драгоценной ризы (стоимостью если не в 100 тыс. рублей, а хотя бы в тысячу) усилило бы эффект от «бессовестных» преступлений кабинет-министра. Аналогично обществом были бы восприняты обвинения в развязывании войны после неудачного вымогательства денег у персидского шаха. Таким образом, славе «вора и вымогателя» Артемий Петрович обязан исключительно своим доброжелателям, приукрасившим его преступления. В некоторых преступлениях роль в них Волынского нам до конца непонятна. Так, причастность его к похищению казны в 1711 г. и 1737 г. вызывает сомнение. В первом случае официального расследования не проводилось, сам Артемий Петрович до 1713 г. находился в турецком плену, после чего был повышен в чине до подполковника⁵⁷. В случае же с казенными 500 рублями Волынский, на наш взгляд, непричастен напрямую к их похищению, но приложил усилия для того, чтобы спасти от суда своих доверенных лиц. Однако при следствии в 1740 г. Кубанец и Муромцев дали показания на своего патрона как организатора хищений, а сами избежали наказания. В деле капитана Крейдера Волынский выступает не как расхититель денежных средств, а как руководитель, стремящийся скрыть непорядки во вверенном ему учреждении, тем более что для успешной карьеры это было жизненно необходимо. Так же можно расценивать и его стремление обелить себя, уничтожив

⁵⁴ См.: Российское законодательство... Т. 4. С. 362.

⁵⁵ Указ от 25 января 1715 г. См.: ПСЗ Т. V. №2877.

⁵⁶ См. пп. 48 и 52 «Изображения о государственных безбожных таких преступлениях и злодейственных воровских замыслах Артемья Волынского»: РГАДА. Ф. 6 Оп. 1 Д. 208 Л. 32 об.-33.

⁵⁷ См.: Артемий Петрович Волынский (материалы для его биографии). С. 935.

после официальной повинной свое следственное дело. Снимать ответственность за подобные преступные действия с Волинского нельзя, однако речь здесь идет не о казнокрадстве.

Что же касается практики служебных злоупотреблений, то вплоть до 60-70-х гг. XIX в., по оценкам С.А. Эжштута, к ним «...общественное мнение было более терпимо. Репутацию чиновника могло безнадежно испортить только неприкрытое лихоимство, мздоимство же считалось в порядке вещей»⁵⁸. Артемий Петрович не являлся исключением среди русских администраторов, используя к своей выгоде властный ресурс уже на посту астраханского губернатора. Особенно не сложились у него отношения с местным духовенством. Так, Артемий Петрович насильно взял в Троицком монастыре каменные кельи, где жили старцы, поместил в них канцелярии, велел взять шесть келий кладовых и положил в них свою кладь, приказал сломать монастырские каменные ворота, караульную каменную келью, деревянную конюшню и разбросать монастырские оградные заборы, отрезал монастырскую землю под площадь. Много жалоб поступало в Синод на губернатора и по поводу его покровительства другим конфессиям (скорее всего это служило еще одним источником дохода молодого администратора)⁵⁹.

На новом месте, в Казани, подобная история повторяется, но в других масштабах. Одной из причин конфликта с митрополитом Сильвестром были «обиды» архиерейскому дому и духовным лицам. Так, со слов митрополита, Волинский отнял землю, принадлежавшую архиерейскому дому; материал, приготовленный для построек, взял себе и употребил на постройку своего дома; в архиерейском саду и огороде травил собаками волков и зайцев, молодые деревья выкопал и перенес к себе на загородный двор; дьякона и двух церковнослужителей велел отстегать до полусмерти; велел избить архиерейского домового иконописца и духовной школы «авдигатора»; увидав, во время крестного хода на одном дьяконе стихарь из персидской золотой парчи, велел принести его к себе, распорол, парчу оставил у себя, а оплечье отправил обратно; заставлял работать на себя архиерейских мастеровых людей; потворствовал раскольникам; летом и зимой ездил с многолюдной псовой охотой, топча архиерейский и монастырский хлеб, ночуя по их деревням, разоряя крестьян и т.д. и т.п.⁶⁰ Вместе с тем доносам Сильвестра не стоит доверять полностью. Как справедливо указывал в одном из оправдательных писем

⁵⁸ Эжштут. 2006. С. 42.

⁵⁹ Соловьев. 1993. С. 562; Барсов. 1877. С. 92.

⁶⁰ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 230.

Волынский, митрополит написал их лишь после назначения губернатора следователем по делу, виновным в котором оказывался сам архиерей⁶¹.

Благодаря доносам вышеупомянутого Андрея Яковлева и показаниям дворцового Василия Кубанца, в 1740 г. при следствии вскрылись самые различные прегрешения Волынского, начиная от взятых казенных «щуговых шор» и «хомутов наборных» и заканчивая взятками в особо крупных размерах. Например, Волынский обещал «держат в своей милости» каширского воеводу Якова Баскакова, убившего подьячего Степана Емельянова. Несмотря на это получение сановником крепостного письма в 1 тыс. руб. воевода-убийца был казнен⁶². «Обнадеживал» Волынский и симбирских купцов Герасима Глазова с товарищи, которые попались на том, что вместо выплаты 25000 руб. «на общую городовую пользу» собирали деньги с горожан, отговариваясь бедностью. Естественно, «для того чтоб оной Волынской по делу к ним был благосклонен» «бедные» купцы поднесли ему на Пасху 1739 г. три куса парчи и 2 бочки вина. Сам Волынский передавал им после через секретаря Муромцева «чтоб при людех к нему не ходили»; интересно, что Волынский после визита купцов пожелал ознакомиться с экстрактом из их дела, а в беседе с обер-прокурором Соймоновым, узнав, в чем они замешаны, сказал «надобно их необидеть». Интересно, что купцы вышли на Волынского через посредничество Василия Кубанца и секретаря Волынского Василия Гладкова, которые и закупили подарки Волынскому, получив на расходы 4000 руб., а израсходовав меньше 1000⁶³. Кроме Волынского «подарки» от купцов получили также П.И. Мусин-Пушкин, В.Я. Новосильцев и П.П. Шафиров; впрочем, следствие против купцов продолжало идти своим ходом⁶⁴.

Более интересны факты использования для личных нужд Волынского чиновников и солдат. Так, несколько чиновников конюшенной канцелярии фактически работали на Волынского: советник Александр Наумов надзирал за московским домом и лошадьми Волынского, ассессор Василий Десятов ведал деревнями и московским домом племянницы своего начальника — Елены Васильевны Волынской. Сам Волынский выписывал последнему фиктивные поручения в Москве, чтобы избавить его от поездок. Различные частные поручения Волынского регулярно выполнял и ассессор Петр Богданов⁶⁵. Волынский взял к себе 6 солдат денщиками с

⁶¹ См.: Письмо А.П. Волынского С.А. Салтыкову 30 июня 1730 г.

⁶² РГАДА Ф. 6 Д. 220 Л. 81 об.

⁶³ Там же. Л. 74–76.

⁶⁴ Там же. Л. 76.

⁶⁵ Там же. Л. 79 об.–80.

помощью чиновников военной коллегии, в частности Степана Игнатъева, которые «числили» этих денщиков солдатами; гарнизонного писаря Ерохина держал при себе для своих услуг, а жалованье платил ему как копиисту конюшенной канцелярии (50 рублей в год). С помощью того же Степана Игнатъева Волинский получил гарнизонных столяров для своих услуг на 6 месяцев, пуг вороных лошадей в обмен на присланные тому припасы. Не без помощи кабинет-министра Игнатъев был пожалован генерал-лейтенантом. «Дружба» продолжалась до опалы Волинского⁶⁶.

На казенные деньги (больше 2300 руб.) Волинским был куплен у карлы Луки Честихина возле своего двора через переулоч двор с каменным и деревянным строением. Деревянное строение было вывезено (после покупки) и поставлено в роще возле его загородного двора. Переулок между дворами Волинский «присовокупил», обустроился. Повидимому, деньги были взяты заимообразно, так как главное, что ему ставится в вину – отсутствие разрешения на покупку двора, а пристройка учинена без указа Е.И.В., «по одному своевольному оною Волинского намерению чтоб по постройке всего оной двор достать ему честь»⁶⁷.

Петровское законодательство сурово карало взяточничество в любой форме, предусматривая конфискацию имущества, «жестокое» телесное наказание, шельмование или даже смертную казнь⁶⁸. После смерти Петра ситуация формально не изменилась. Несмотря на то, что при Екатерине I из-за хронической нехватки денежных средств канцелярским служителям разрешили принимать от просителей подношения, данная норма не распространялась на классных чиновников, а взяточничество (тем более вымогательство) по-прежнему уголовно преследовалось⁶⁹. Впрочем, преемники Петра более снисходительно относились к взяточникам из своего окружения. Так, по делу Волинского был допрошен его близкий знакомый сенатор В.Я. Новосильцев, который признался в получении дорогих подарков (сам он их взятками не считал), но поскольку в «заговоре» кабинет-министра он не участвовал, то был прощен императрицей⁷⁰.

Что касается использования Волинским для своих «партикулярных» нужд солдат и чиновников, то законодательство запрещало только неоплачиваемую работу солдат на офицеров, или исполнение ими поручений, «которые к службе солдатской непристойны». Офицер мог по-

⁶⁶ Там же. Л. 80-81.

⁶⁷ Там же. Л. 83.

⁶⁸ Указ от 24 декабря 1714 г. См.: ПСЗ Т. V. №2871.

⁶⁹ Указ от 23 мая 1726 г. См.: ПСЗ Т. VI. №4889.

⁷⁰ См.: «Записка об Артемии Волинском ...» С. 159.

просить солдат о работе на себя только как об услуге – «ради малой и легкой помощи пособления», доложив об этом своему руководству. Как гласило толкование к артикулу 53, «...команда офицерская более не распространяется над салдатами, токмо сколько его величества и его государства польза требует. А что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить»⁷¹. В случае офицерского произвола солдат должен был выполнить распоряжение командира, но после объявить об этом судебным властям. Вопрос о том, насколько выгодней для солдата была работа в офицерском хозяйстве, чем обычная служба, остается открытым. Поставить же в вину Волынскому выполнение чиновниками его частных поручений было нельзя: те делали это добровольно. С другой стороны, подобное нецелевое использование квалифицированных кадров необходимо было доказать, равно как и факты фиктивных командировок и заданий. Сделать это было можно, но... не нужно после казни кабинет-министра⁷².

Оценивая обстоятельства, толкнувшие Волынского на различные служебные злоупотребления, необходимо учитывать не только привычку кормиться от дел чиновников XVIII века, но и его имущественное положение. Волынский считался богатым помещиком, получал большое жалование, но его постоянно преследовали долги, о некоторых из которых, он напишет, в 1739 г. в «Приложении о причинах долгов и прочих убыточных приключений». Так, упоминая о том, что во время посольства в Персию он не дополучил с персидских властей 57000 руб., он заявляет, что был вынужден занять у русских купцов около 10000 руб., «...которых, прибыв сюда, больше половины заплатил своими деньгами...»⁷³. Участие в войне за утверждение на престоле Речи Посполитой Августа III стоило по подсчетам Волынского ему более 2000 рублей⁷⁴.

«Доброжелатели» Волынского также старались «помочь» ему справиться с его долгами. Так, Волынский рассказывает, как, решившись осесть в Москве, построил там дом, надеясь в несколько лет рассчитаться с долгами, т.к. благодаря «столовым запасам» из деревень жизнь в Москве была гораздо дешевле жизни в Петербурге. Однако, переехав по делам службы в Санкт-Петербург, он был вынужден построить «по тогдашней моей пропорции» деревянный дом. Но по проискам своего вра-

⁷¹ См.: Российское законодательство... Т. 4. С. 338.

⁷² Всех чиновников, замешанных в деле Волынского, отпустили сразу после казни главных фигурантов или амнистировали до конца 1740 г. См.: «Записка об Артемии Волынском...» С. 169.

⁷³ См.: РГАДА Ф. 6 Д. 276 Л. 88 об.

⁷⁴ Там же. Л. 89 об.

га Павла Ягужинского, он был вынужден «построить в 7000 руб. слишком и каменный дом»⁷⁵. Естественно, такие чрезвычайные расходы не могло покрыть ни жалование генерал-майора в 1080 руб., ни жалованье генерал-лейтенанта, ни жалование обер-егермейстера в 4000 руб., ни кабинет-министра в 6000 руб., тем более, что каждое служебное повышение требовало нового уровня расходов.

Волынский был вынужден занимать деньги, в том числе прося выдать ему «жалование наперед». Например, он дважды – в марте и мае 1739 г. – обращается с всеподданнейшим прошением к Анне Иоанновне, прося выдать ему 2 и 4 тыс. руб. Таким образом годовое жалование кабинет-министра было израсходовано на придворные торжества по случаю бракосочетания принцессы Анны Леопольдовны⁷⁶. В апреле 1736 г. именным указом Волынскому было пожаловано в долг на пять лет 5 тыс. руб. из Соляной конторы⁷⁷. 21 мая 1737 г. именным указом «в награждение» Волынскому было пожаловано 1000 руб. из наличных денег конюшенной канцелярии, «остаточных за годовыми расходами»⁷⁸. Тем не менее, это явно не спасало положения, и в числе писем, поданных летом 1739 г. Волынский обращается к Анне Иоанновне с «Приложением о причинах долгов и прочих убыточных приключений». Во многом благодаря этому прошению, 6 марта 1740 г. Волынскому было пожаловано 20 тыс. руб. в честь заключения мира с Турцией⁷⁹. Однако денег этих он получить не успел, и после его казни следственная комиссия насчитала на нем 3692 руб. 46 коп. долгов разным лицам⁸⁰.

Подводя итог, отметим, что тема преступлений и различных «прегрешений» Волынского всегда вызывала у его биографов затруднения. «Классическим» стало мнение, что Волынский жил в переходную эпоху, когда веяния Запада прививались на старомосковскую почву, и потому европейская образованность зачастую уживалась с привычкой «кормиться от дел», а мысли о благе Родины расходились с деятельностью на ее благо... Неполный перечень деятелей первой половины XVIII в., казалось бы, подтверждает справедливость подобных утверждений: А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, Д.М. Голицын, А.П. Бестужев-Рюмин оказались под следствием по обвинению в различных злоупотре-

⁷⁵ Там же. Л. 90.

⁷⁶ См.: Сб-к РИО Т. 126. С. 273, 446.

⁷⁷ См. копию с указа в бумагах А.П. Волынского: РГАДА. Ф. 6 Оп. 1. Д. 276. Ч. 1. Л. 76.

⁷⁸ См.: Материалы для биографии А.П. Волынского. С. 279.

⁷⁹ См.: Сб-к РИО Т. 138 С. 177.

⁸⁰ См.: РГАДА Ф. 6 Оп. 1. Д. 228. Л. 51-52 об.

треблениях и подверглись наказанию⁸¹. Однако, масштабы злоупотреблений Артемия Петровича не идут ни в какое сравнение с казнокрадством Меншикова; вспыльчивость Волынского сравнима с взрывным характером Шафирова; размеры взяток, которые получал канцлер Бестужев-Рюмин от английского правительства были известны всем его современникам. Почему же именно Волынский прославился как вор, истязатель, взяточник и вымогатель?

На наш взгляд, самый резонансный политический процесс царствования Анны Иоанновны – дело Волынского – чрезмерно шокировал современников. «Доброжелатели» опального кабинет-министра в условиях информационного вакуума могли смело рассказывать страшные истории о делах злодея-Волынского. Наиболее доверчивыми слушателями стали иностранные дипломаты, а через 100 лет Э. Герман вдохнул в эти истории новую жизнь. Что же касается наших соотечественников, то реабилитация Волынского произошла только 30 лет спустя после этих событий, когда выросло уже новое поколение людей.

Характерен застольный разговор у великого князя Павла Петровича: «...Зашла речь о покойном Волынском, который казнен во владение государыни императрицы Анны Иоанновны. Его превосходительство Никита Иванович [Панин] изволил сказывать, что он недавно читал оное дело и чуть его паралич не убил. Такие мучения претерпел несчастный Волынской и так очевидна его невинность! На сие зачали описывать, какой негодной человек был Волынской и какого зверского нраву. Никита Иванович, хотя признавал, что он был человек свирепый и жестокосердый в партикулярной жизни; однако говорил при том, что имел многие достоинства в жизни публичной, был разумен, в делах весьма знающ, расторопен, бескорыстен, верный сын отечества. Невзирая на сие, еще раза два старание приложено бедного Волынского с худой стороны представить. Великий Князь во все сие вслушивался. Я не мог удержаться, чтоб прямо к нему адресуя речь не сказать, что как всякий человек не без греха, так и Волынский конечно имел пороки, но такие, за которые нигде жизни не лишают, и что несправедное мучение над ним учиненное и жестокая ему казнь должны более возбуждать соболезнование, нежели воспоминание о слабостях его нраву. По сем заведена речь, как жестоки и страшны были времена при государе Петре Великом»⁸².

⁸¹ См. напр., *Павленко*. 1999.

⁸² *Порошин*. 1844. С. 74-75.

Словом, тема прегрешений кабинет-министра на долгие годы стала неактуальной: публику меньше всего волновали какие именно преступления тот совершил в действительности. Вершина идеализации образа Вольтинского была достигнута в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом», после чего для русских читателей неприятным открытием стали опубликованные в середине XIX века документы и исследования о Вольтинском. Контраст был настолько разительным, картины преступлений настолько яркими, что коррупционный ореол стал неперменным атрибутом исторического портрета нашего героя.

С другой стороны, коррупция не является отличительной чертой переходной эпохи. Историки XIX века, очевидно, не желали видеть окружающую действительность или были вынуждены молчать о ней по соображениям цензуры. Коррупционные скандалы сотрясали Россию и в XIX в., и в XX в., часто преступления чиновников становятся известными и в наши дни. При этом характерно, что обвинения в злоупотреблении служебным положением были и остаются стереотипным средством избавления от соперников в борьбе за место под солнцем, всплывая при многих знаменитых опалах и отставках⁸³. Неслучайно Вольтинский, заслуживавший за свои поступки сурового наказания (возможно даже виселицы), был обезглавлен не за них, а за свои неосторожные слова в адрес Анны Иоанновны, Э.И. Бирона и А.И. Остермана, давшие более удобный повод расправиться с ним.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 6. Оп. 1. Д. 208.
Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов; Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., Юридическая литература, 1985-1986.
РГАДА Ф. 6. Оп. 1. Д. 220; Д. 254; Д. 276 Ч. 1.
Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг., изданные под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев, 1898–1915. Т. 1-12 // Сборник имп. Русского исторического общества (далее Сб. РИО). Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.
Дело архимандрита казанского Спасского монастыря Ионы Салникова из первой половины XVIII века // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее ЧОИДР). 1868. Кн. 3. С. 1-125.

⁸³Ссылка А.Д. Меншикова не была оформлена обвинением в конкретных преступлениях, но ранее светлейшего князя спасало только монаршее помилование и прощение. Официальным поводом к устранению П.П. Шафирова и Д.М. Голицына были обвинения в коррупции. Следствие не сумело доказать измену и другие преступления А.П. Бестужева-Рюмина, и тот был сослан по обвинению в оскорблении Е.И.В. См.: Павленко. 2002. С. 137, 546, 708.

- Записка об Артемии Волынском // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). Кн. 2, апрель-июнь 1858.
- Из переписки А.П. Волынского // Памятники новой русской истории. Сб. статей и исторических материалов, изд. В. Кашпиревым. СПб., 1872. Т. 2. С. 195-249.
- Материалы для биографии А.П. Волынского // Старина и новизна. 1903. Кн. 6. С. 243-292.
- Письмо А.П. Волынского С.А. Салтыкову 30 июня 1730 г. // Памятники новой русской истории / изд. В. Кашпиревым. Т. 2. СПб., 1872.
- Барсов Н.И. К биографии А.П. Волынского // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. № 5.
- Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Русский Архив. 1866. №7. С. 1351-1373.
- Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. В 2-х тт. М.-Л., 1940-1941.
- Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977.
- Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк // ДИНР. 1876. № 1. С. 84-96; ДИНР. 1877. № 1. С. 84-96; № 3. С. 289-302; № 5. С. 23-38; № 6. С. 98-114; № 7. С. 214-234; № 8. С. 277-295; № 11. 224-254.
- Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России / Сер.: Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 6. Рязань, 2003. 570 с.
- Павленко Н.И. Анна Иоанновна. (Немцы при дворе). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с.
- Павленко Н.И. Вокруг трона. М.: Мысль, 1999. 864 с.
- Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу российского. СПб., 1844.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1993.
- Третьяковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. 676 с. (Серия «Литературные памятники»).
- Турбин С.И. Артемий Петрович Волынский (материалы для его биографии. 1711–1718) // Русская старина. Т. 5. СПб., январь-июнь 1872.
- Шишкин, Иакинф. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк // Отечественные записки. Т. 128, 129, 130. Ч. 1-4. СПб., 1860.
- Экштут С.А. Мзда не лихва: Безгрешные доходы как феномен русской истории // Родина. 2006. № 8. С. 42–47.
- Ярош К.В. А.П. Волынский // Наблюдатель, 1893. № 11. С. 57-76.
- Крючков Николай Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета
n.n._kryuchkov@mail.ru

И. Р. ЧИКАЛОВА

**«КРЕЩЕНИЕ МОИХ ДЕТЕЙ БЫЛО ДЛЯ МЕНЯ
САМЫМ ТЯЖЕЛЫМ УДАРОМ».
СОПРОТИВЛЕНИЕ И ЭМАНСИПАЦИЯ ЕВРЕЕК
НА ПЕРИФЕРИИ ИМПЕРИИ
(на примере биографий Паулины и Зинаиды Венгеровых)**

На опыте жизненного пути Паулины и Зинаиды Венгеровых, которые принадлежали двум поколениям семьи, подарившей русской культуре ряд выдающихся деятелей, показано, как процессы эмансипации проникали в еврейскую среду. Паулина Венгерова в своих мемуарах свидетельствует, что большая часть евреек, особенно старшего поколения, оказывала упорное сопротивление принятию любых новшеств. Меньшая же их часть, к которой относилась ее дочь Зинаида Венгерова, вовлекалась в процесс двойной – этно-конфессиональной и женской – эмансипации.

Ключевые слова: Паулина Венгерова, Зинаида Венгерова, эмансипация евреев, женская эмансипация, еврейское Просвещение, XIX – начало XX в., мемуары, периодическая печать в России.

Процессы эмансипации в царской России, вовлекавшие в свою орбиту женщин-представительниц титульной нации, не были связаны с ломкой этно-религиозной идентичности. Иначе все проходило в среде еврейства. Эмансипация евреев, интеграция их в европейскую культуру сопровождалась выходом из иудаизма и переходом в христианство. Пioneрами были мужчины. Большая же часть женщин-евреек оказывала упорное сопротивление принятию любых новшеств и до последнего выступала в качестве бережных охранительниц традиций. Другая, меньшая их часть, вовлекалась в процесс двойной – и этно-религиозной, и женской – эмансипации. Это хорошо видно на примере двух женщин – матери и дочери – Паулины (1833–1916) и Зинаиды (1867–1941) из знаменитой семьи Венгеровых.

Паулина родилась в Бобруйске, ее отец – Иегуда Эпштейн – был богатым подрядчиком, затем семья переехала в Брест. Там и прошло детство Паулины. Большую часть времени отец посвящал изучению Талмуда, написал к нему ряд комментариев. В традиционной еврейской среде возможность изучения Талмуда была важнейшим показателем статуса. Для женщин этот путь к социальному признанию был закрыт, однако определенную позицию в обществе они могли занять благодаря достойному браку. Паулина в 1850 г. вышла замуж за Афанасия Венгерова, мужа ей выбрали родители, впервые она увидела его только во

время обручения. Так велела традиция, Паулина же находилась под большим влиянием правоверного отца. В браке Паулина родила троих сыновей и пять дочерей. После нескольких переездов в 1871 г. ее семья обосновалась в Минске в связи с получением мужем должности вице-директора, а вскоре и директора Минского отделения Государственного банка. В Минске Паулина включилась в благотворительность и меценатство, стала одной из основательниц профессионального учебного заведения для детей из низших слоев еврейства.

Через несколько лет после случившейся в 1892 г. смерти мужа, которую она воспринимала как конец собственной жизни, оставшись в Минске одна, Паулина взялась за написание мемуаров. Орывок из них в 1903 г. появился в петербургском журнале «Восход», крупнейшем русско-еврейском периодическом издании, посвященном истории, общественной жизни и литературе евреев. В начале XX в., переехав к сестрам в Германию, она закончила воспоминания, в которых отразила жизнь трех поколений российского еврейства. Под названием «Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в.» они были опубликованы в Берлине на немецком языке¹. Воспоминания были с интересом встречены публикой и неоднократно переиздавались. На русском языке они появились спустя почти сто лет в двух разных переводах, один из которых выполнила ее внучатая племянница Элла Венгерова². Воспоминания Паулины Венгеровой являются уникальным источником для изучения мира восточно-европейского еврейства. При этом, будучи частью корпуса женских еврейских воспоминаний, остаются единственными женскими мемуарами периода еврейского Просвещения XIX века.

Венгерова застала патриархальную еврейскую жизнь, была воспитана в ее традициях, верность им стремилась сохранить в своем доме и с любовью воссоздала ее сцены (домашние занятия и игры, поверья, праздничные обряды, воспитание детей, хедер, свадьбу и т.д.) в своей книге. «Еврейская семейная жизнь в первой половине прошлого века в моем отчем доме, как и в других подобных домах, протекала мирно и чинно, она была очень умно организована. Эта жизнь навечно запечатлелась в памяти моих ровесников. Тогда не было того хаоса нравов, обычаев и систем, который нынче царит в еврейских домах. Наша жизнь в то время была стилистически сбалансирована, в ней присутствовала серьезность и соблюдалось достоинство уникальной еврейской традиции»³. Как и дру-

¹ *Wengeroff*. 1908–1910.

² *Венгерова П.* 2003; *Венгерова П.* 2005.

³ *Венгерова П.* 2003. С. 20.

гие еврейские женщины старшего поколения, она не мыслила своего существования вне религии и обычаев и старалась изо всех сил сберечь традиции хотя бы в своем доме. «Женщины, каждой клеточкой своего существа привязанные к патриархальной традиции, стремились передать ее своим детям, научить соблюдать нравственные законы еврейской религии, чтить субботу и праздники, любить еврейский язык, изучать Библию. <...> Но на все просьбы и упреки женщины всегда получали от своих мужчин один и тот же ответ: “Детям не нужна религия!” <...> Об умеренности молодые еврейские мужчины того времени и слыхом не слыхали, да и не желали ничего слышать. <...> Некоторые требовали от своих жен не только одобрения, но и подчинения, покорности – они требовали от них устранения всего, что еще вчера было святыней»⁴.

В среде еврейства первыми в процесс интеграции в европейскую культуру включились мужчины. Через них в традиционную еврейскую семью стали проникать новые явления. И именно женщины, «местечковые матроны», домоправительницы, носительницы образа еврейского матриархата вставали на защиту старого уклада. В то время как, пишет Венгерова, «мужчины безоглядно отрекались от старого», «старые семейные идеалы исчезали», большинство еврейских женщин «были настолько глубоко проникнуты традицией и религией, что ощущали свою обиду как физическую боль, и им приходилось вести борьбу в самом узком семейном кругу»⁵. Семья стала территорией, через которую пролег религиозно-мировоззренческий и гендерный конфликт. И «в семейной жизни, которая прежде текла так ровно, так патриархально, начались жестокие битвы. Многие женщины вовсе не собирались сдаваться без боя. Они предоставляли мужьям полную свободу вне дома, но в собственном доме требовали соблюдения добрых старых обычаев. Легко понять, что такая двойная жизнь не могла продолжаться долго. В этой борьбе одержал победу дух времени»⁶. И все-таки мужчинам поколения Венгеровой было недостаточно того, что они включены в светскую и ассимилированную публичную жизнь. Они хотели искоренить еврейские традиции и в своем доме и добивались этого самыми жесткими методами: «Пропагандируя в обществе современные идеи вроде свободы, равенства, братства, сами эти молодые люди были величайшими домашними деспотами по отношению к женам, от которых требовали безропотного и безоглядного исполнения своих желаний»⁷.

⁴ Там же. С. 246-247.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Там же. С. 247.

⁷ Там же. С. 247.

Хотя женщины яростно противились деспотическим требованиям своих мужей, стремившихся к изменениям, последние наступали, тем не менее, неотвратимо. Началась хаскала, еврейское Просвещение, когда молодежь к ужасу стариков, наряду с Талмудом, стала открыто читать нараспев Шиллера, в домах стали устраиваться танцевальные вечера, в которых участвовали не только молодежь, но и семейные мужчины и женщины. «...В домах, где были взрослые девушки, стали появляться молодые люди. И в разговорах появилось больше свободы. Священный восторг, с каким прежде воспевали библейскую идеальную жену, эйшес хайиль, уступил место обожанию какой-нибудь опереточной дивы»⁸.

Под нажимом мужей еврейкам пришлось постепенно отказываться от привычных для их пола ролей и ценностей прошлого ради новых приоритетов. Паулина не стала исключением: «У нас в доме все происходило так же, как и в других семьях, где шла борьба за сохранение традиции, где считалось, что муж – кормилец, на нем лежит обязанность содержать семью, у него больше прав, он хозяин дома, он может просить, но имеет право требовать. И мой муж поначалу просил, а когда не добивался своей цели, то требовал исполнения своих желаний. Он становился деспотичным и часто терял всякую меру. <...> Он хотел, чтобы я “реформировала” себя и свой дом»⁹. Особенно натиск со стороны мужа усилился, когда семья жила в Петербурге. Именно в период петербургской жизни под давлением мужа после нескольких лет сопротивления ей пришлось снять парик, который правоверные еврейки носили после замужества, и отказаться от кошерной кухни: «...один за другим из моего дома были изгнаны прекрасные старые обычаи», <...> я со слезами и рыданиями провожала их до самой последней калитки моего дома. Я долго, долго, истекая кровью сердца, глядела им вслед, словно хоронила самое дорогое, что имела. Сколько мне пришлось выстрадать, какие выдержать душевные битвы!»¹⁰.

Развернувшийся процесс ассимиляции, в результате которого часть евреев, как и ее собственные дети, порывали с иудаизмом, она воспринимала трагически: «Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом»¹¹. Но без выхода из иудаизма и крещения, которые открывали для еврейской молодежи возможности образования и карьеры, поступление в университет было затруднительным из-за существо-

⁸ Там же. С. 249.

⁹ Там же. С. 271.

¹⁰ Там же. С. 271-272.

¹¹ Там же. С. 287.

вавших ограничений (наличие золотой медали выпускника гимназии, 10-процентная норма евреев среди студентов). И материнское сердце приняло поступок ее детей – и Шимона, и Владимира, и Семена, и Зинаиды, и Изабеллы, один за другим уходивших из иудаизма: «Постепенно это страдание перестало быть для меня личной драмой. Оно все больше приобретало характер национального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил»¹².

Дочь Паулины Зинаида Венгерова выросла в Минске, ставшем местом окончательного пристанища для ее родителей, в 1881 г. блестяще окончила здесь женскую гимназию, в которой, как и в других, училось много евреек. Два года после ее окончания она жила в Вене, занимаясь изучением иностранных языков и литературы¹³. Затем, как и ее старшие братья, в том числе Семен, будущий известный историк русской литературы, вышла из иудаизма и перешла в православие. В связи с тем, что в Северо-Западном крае высших учебных заведений не было даже для мужчин, переезд в столицу был следующим необходимым шагом для эмансипирующейся еврейки. В отсутствие мужа он символизировал выход из-под родительской опеки, радикальный разрыв с патриархальными устоями провинции. И этот шаг для девушки был намного более сложным, чем для юноши.

И здесь следует остановиться на еще одном структурном слое гендерного неравенства в России. Вопрос о высшем образовании для женщин государством решался однозначно не в пользу последних. В то же время в России, начиная с 1860-х гг., «женский вопрос» становится широко обсуждаемым, превратившись в постоянный пункт общественной дискуссии. Большую роль в его формулировании сыграла серия статей публициста и писателя М.Л. Михайлова в журнале «Современник» в 1859–1861 гг.¹⁴ С тех пор «женская тема» не сходила со страниц журналов. Решение «женского вопроса» стало видеться передовыми слоями разночинной молодежи как составная часть общего процесса демократизации общества. Сочувствующие «женскому вопросу» аргументировали необходимость и полезность использования на нужды общества «свойств и качеств женщины, которые ей даровала сама природа». Таким образом, женщина ими рассматривалась как важный социальный резерв. Правительство, тем не менее, упорствовало. По университетско-

¹² Там же.

¹³ Венгерова З. 1914. С. 135.

¹⁴ Михайлов. 1860а; 1860б; 1861; 1866.

му уставу 1863 г. женщинам разрешалось находиться в аудиториях императорских университетов только в качестве вольнослушательниц. Не случайно россиянки стали массово поступать в европейские, прежде всего швейцарские, университеты. В ответ правительство с тем, чтобы русские женщины, как Софья Ковалевская, не уезжали учиться за границу, согласилось под давлением Н.В. Стасовой, М.В. Трубниковой, А.П. Философовой на открытие в Петербурге высших женских курсов, дававших систематическое университетское образование по программам Петербургского императорского университета. Неофициально курсы стали называться «бестужевскими», а их слушательницы «бестужевками» по имени их учредителя и первого директора К.Н. Бестужева-Рюмина.

Для Зинаиды, которая только что вернулась из Вены, где «занималась изучением иностранных языков и литературы»¹⁵, 1884 год стал моментом выбора дальнейших действий. С одной стороны, принятый в этом году новый университетский Устав в отличие от предыдущего не разрешал девушкам находиться в аудиториях императорских университетов даже в качестве вольнослушательниц. С другой, – «бестужевские» курсы обрели большую популярность в среде разночинной молодежи. Выбор был предопределен объективными обстоятельствами, и Зинаида поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов. Лекции здесь читали лучшие профессора Петербургского университета. Кстати, одним из них впоследствии станет и ее брат – Семен Венгеров. Влияние двух профессоров, читавших лекции, станет для Зинаиды определяющим в ее дальнейшей литературной деятельности, – историка В.Г. Васильевского и историка литературы А.Н. Веселовского. Под влиянием последнего ее особенно стала интересовать английская литература. После окончания в 1887 г. Бестужевских курсов Зинаида, уехала за границу, где слушала лекции по истории английской и французской литератур в Сорбонне и в английских университетах. Получив блестящее европейское образование, Зинаида Венгерова с головой окунулась в работу.

Для многих образованных современниц в то время переводческая работа стала наиболее доступной формой реализации и способом самостоятельного содержания себя. Так и Зинаида, свободно владея несколькими иностранными языками, среди которых были французский, немецкий, английский, занялась переводами и написанием литературоведческих статей. В русских переводах, выполненных З. Венгеровой, вышло более двухсот литературных произведений, в том числе пьесы Б. Шоу, ряд книг по истории искусства и литературы. Ей принадлежит

¹⁵ Венгерова З. 1914. С. 135.

первый русский перевод романа Дж. Мередита «Эгоист» (1894) и романа ирландско-английской писательницы Э.Л. Войнич «Овод» (1898). Она публиковала статьи о русской литературе в зарубежной прессе, вела рубрику о новых явлениях русской литературы в «Saturday Review» (1902–1903) в Англии. Она переводила на иностранные языки русскую литературу. В Англии в ее переводе вышли сочинения Л. Толстого.

Сотрудничая с российскими и европейскими изданиями, Зинаида Венгерова подолгу жила за границей, главным образом в Англии, где пользовалась «обширным материалом, который находился в библиотеке Британского музея»¹⁶. В частности, она была в Лондоне и в 1891, и в 1893, и в 1894 г., откуда писала своей близкой подруге Софье Болоховской-Пети: «Ну-с, с Лондоном уживаюсь понемногу, и была бы довольна, если бы не отчаянная погода. Сегодня с утра непроницаемый туман: завтракала при газе, в British Museum лампы с утра – ужасно больно для глаз. Лондон теперь не осматриваю и ограничиваюсь лишь шлепанием по грязи два раза в день. За то занимаюсь страсть как много, отдыхаю лишь после завтрака и после обеда, и болтая с моими Англичанами. Здесь boarding house'ы устроены более по-домашнему, чаще встречаешься с пенсионерами, за обедом разговоры без конца, чему я очень довольна для языка»¹⁷. Из очередной поездки в Лондон она пишет подруге: «Я уже несколько дней веду очень скромную прелестную жизнь – awfully steady, как говорит моя хозяйка. Уезжаю в город в 9 часов утра, работаю в музее до 5-6, потом хожу куда-нибудь в музей, на какую-нибудь выставку, затем домой»¹⁸. Наиболее длительный период пребывания ее за границей охватил 1905–1913 г., и их она провела в Англии.

Венгерова подчеркивала, что время, проведенное за границей, было важно для нее тем, что она «имела возможность ближе ознакомиться с французским и английским модернизмом»¹⁹. Очарованная символизмом, Зинаида Венгерова избрала для отображения его философии наиболее близкую ей область – литературную критику, а основным объектом – малоизвестные в России западноевропейскую литературу и искусство. В своих многочисленных статьях на примере творчества западных писателей и художников она показывала черты и особенности его мироощущения: «Символизм – это все, что относится к сущему, как знаку невоплощаемого. Символист – это тот, кто не сливается с переживаемым

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ З.А. Венгерова – С.Г. Балаховской-Пети. Лондон, 30.01.1891 г. // *Neginsky*. 1995. P. 212.

¹⁸ З.А. Венгерова – С.Г. Балаховской-Пети. Лондон, 18.07.1894 г. // *Ibid*. P. 229.

¹⁹ *Венгерова* 3. 1914. С. 136.

моментом, не утопает в нем, а воспринимает его, как искание цели, как путь». <...> «Символизм мне казался и продолжает казаться основой модернизма, и в таком смысле я старалась истолковывать его во всех моих работах... Под знаком символизма я воспринимаю все лучшее, что создавало и создает искусство и в минувшем, и в настоящем. Это я считаю основной мыслью, объединяющей все, что я писала»²⁰.

Постоянное сотрудничество у Венгеровой установилось с журналом «Вестник Европы». Дебютировав в нем в 1889 г. статьей «Джон Китс и его поэзия»²¹, печатала на его страницах статьи по зарубежной литературе и с 1893 по 1909 г. вела отдел «Новости иностранной литературы», в котором «старалась, насколько это было возможно при академичности журнала отмечать модернистские течения в текущей западной литературе»²². Видимо, начало тесного сотрудничества со столь авторитетным журналом, каким был «Вестник Европы», в определенной степени связано с рекомендацией ее братом Семеном Венгеровым, а также с тем, что одна из сестер Зинаиды – Фанни – была замужем за Л.З. Слонимским – одним из его редакторов, ответственным за иностранное обозрение. Талант же молодого литературного критика позволил на долгие годы закрепиться в престижном журнале в качестве постоянного автора и открыл двери и в другие издания. К «Вестнику Европы» прибавились «Русская мысль», «Северный курьер», «Мир Божий», «Образование», «Театральные новости», «Северный вестник» и др. Для увлеченной модернизмом Зинаиды Венгеровой недавно учрежденный журнал «Северный вестник» стал наиболее близким ей по духу. Вокруг журнала группировались русские символисты, и среди них – Николай Минский, дружба с которым у нее продлится всю жизнь. В «Северном вестнике» Венгерова опубликовала большое количество статей, посвященных представителям западного символизма, либо тем, кто, в ее понимании, являлся его подвижниками. Тесное сотрудничество с журналом продолжалось вплоть до его закрытия. В год закрытия «Северного вестника» (1899) созданный Дягилевым «Мир искусства» заказал Венгеровой перевод «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера – книги, которая первой знакомила читателей с новыми направлениями в живописи.

Статьи Венгеровой в периодической печати посвящены новым течениям в английском искусстве²³, английскому поэту и драматургу Роберту Браунингу, англо-ирландскому писателю и политику-либералу

²⁰ Там же. С. 137.

²¹ Венгерова 3. 1889.

²² Венгерова 3. 1914. С. 137.

²³ Венгерова 3. 1895а.

Ричарду Шеридану, ведущему писателю викторианской Англии Джорджу Мередиту²⁴, прерафаэлиту Уильяму Моррису²⁵, родоначальнику английского символизма Уильяму Блейку²⁶, писателю, поэту, художнику, теоретику искусства Джону Рескину²⁷ и другим западноевропейским деятелям культуры. По отзыву известного публициста, издателя и редактора Бориса Глинского, статьи Венгеровой написаны с большим знанием дела, вполне литературно, простым и ясным языком. Под общим названием «Литературные характеристики» в 1897, 1905 и 1907 гг. Венгерова издала наиболее значительные критические статьи преимущественно о новейшей литературе отдельными сборниками²⁸. Она являлась автором статей по иностранной литературе в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и в «Истории западной литературы (1800–1910)», изданной под редакцией Ф.Д. Батюшкова²⁹. В том, что модернистские настроения проникли в Россию, была и заслуга Зинаиды Венгеровой.

Она много помогала в работе своему брату, выдающемуся литературоведу Семену Афанасьевичу Венгеру (1855–1920), вместе с ним снабдив примечаниями выпущенные под его редакцией собрания сочинений У. Шекспира и Дж.Г. Байрона, написала предисловие к публикации пьесы Шекспира «Конец всему делу венец»³⁰.

При поддержке брата Зинаида Венгерова начала работать над изданием 10-томного собрания своих сочинений. Опубликованные в российской периодике статьи об английских писателях XIX века легли в основу первого его тома³¹. В связи с его выходом молодой тогда художественный критик А.Я. Левинсон в «Современном мире» писал: «Главная заслуга З.А. Венгеровой в том, что она осуществляла трудную задачу посредничества между литературой Запада и нами с умением, инициативой и выдержкой незаурядными. Ее статьи о новейших литературных школах и отдельных явлениях, знаменательных для современного движения идей, предшествовали не только их широкой у нас известности, но и трудам наших модернистов. Одна из первых (если не первая) она с сочувствием и знанием заговорила о Верлене, французском символизме, английских утопистах и эстетях. <...> Книга русского

²⁴ Венгерова З. 1895б.

²⁵ Венгерова З. 1893; Венгерова З. 1896а.

²⁶ Венгерова З. 1896б.

²⁷ Венгерова З. 1900.

²⁸ Венгерова З. 1897–1910.

²⁹ История западной литературы (1800–1910)...

³⁰ Венгерова З.А. [Предисловие] Шекспир В. Конец всему делу венец... 1903.

³¹ Венгерова З. 1913.

автора об английских писателях весьма полезна; между духом и формой британского художества – и пониманием русского читателя высится какая-то трудная преодолимая преграда»³². Тем не менее, продолжение издания собрания сочинений Венгеровой не состоялось из-за политических катаклизмов в стране.

Зинаида Венгерова целиком интегрировалась в интеллектуальную жизнь российской столицы и с высоты опыта женщины, с юности сознательно вставшей на путь эмансипации, обратилась к ставшей актуальной в европейском обществе проблеме женской субъектности и женской свободы. Первым шагом в этом направлении была подготовка перевода и опубликование в «Северном вестнике» «Исповеди» известной общественной деятельницы Англии Анни Базант³³, отмеченной, как писала Венгерова, «английской критикой теми разноречивыми отзывами, которыми в большинстве случаев встречаются произведения, носящие отпечаток сильной индивидуальности»³⁴. «Исповедь» Базант для русского читателя могла сравниться только с другой известной женской автобиографией – дневником художницы Марии Башкирцевой, который тоже был опубликован «Северным вестником» тремя годами ранее в переводе с французского языка. Следующим шагом в развитие темы женской эмансипации стали две собственные статьи Венгеровой – «Русская женщина»³⁵ и «Феминизм и женская свобода»³⁶, которые она посвятила положению женщины в современном обществе.

В обеих статьях Венгерова, как последовательница философии символизма, подчеркивает необходимость для женщин обладать качествами, стержневыми для сильной и яркой личности. Она показывает, как русской женщине благодаря силе воли, богатому внутреннему миру и особой душе удастся преодолевать трудности и вносить существенный вклад в развитие общества. В то же время, уравнение женщины в правах, утверждает она в статье «Феминизм и женская свобода», недостаточный фактор для ее освобождения: в первую очередь, женщина сама должна стать внутренне свободной и ощущать себя человеком. Закон ничего не может изменить, если ни она сама, ни общество ее таковой не воспринимают. Так, француженка, не стремясь быть личностью и предпочитая оставаться в удобном состоянии придатка мужчины, с общественной

³² Левинсон. 1913. С. 145.

³³ Базант. 1895.

³⁴ Венгерова З. 1895в. С. 218.

³⁵ Wengueroff Z. 1897.

³⁶ Венгерова З. 1898.

точки зрения является элементом, который не только не вносит вклад в общественную жизнь, но элементом даже разрушительным. И в то же время, пишет она, «английская женщина стала свободной, несмотря на обилие общественных предрассудков, существующих в среднем английском обществе. <...> Она всегда чувствует себя собою, не считает никакого дела выходящим из ее женской компетенции и не встречает нигде недоверия к себе, как к женщине». Таким образом, Англия является одним из примеров того, «что женская равноправность перед законом зависит от внутреннего сознания самой женщины»³⁷.

Что касается Зинаиды, свободной она чувствовала себя вполне и не только в профессиональной, но и в личной жизни. Она не была замужем, но ее связывала многолетняя близкая дружба с одним из основоположников русского символизма, поэтом и писателем-мистиком Николаем Минским (его настоящее имя Николай Максимович Виленкин, 1855–1937), с которым была знакома еще с 1890-х годов. Сам Николай Минский происходил из обедневшей еврейской семьи, закончил Минскую мужскую гимназию, юридический факультет Петербургского университета. В молодости вышел из иудаизма и принял православие. Он был женат вторым браком на племяннице Венгеровой – поэтессе и переводчице Людмиле Вилькиной. Венгерова составляла им кампанию во время длительной эмиграции Минского, продлившейся с 1905 по 1913 г. «Тройственный союз» с периодами совместного проживания продолжался вплоть до смерти Вилькиной.

В 1925 г. после почти сорокалетней «дружбы» 70-летний Николай Минский и 58-летняя Зинаида Венгерова в Англии, куда она переехала в 1923 г. с помощью писателя Хью Вальполя, заключили официальный брак. О своих занятиях этого периода жизни в Англии она писала: «Моя печаль в том, что необходимость “жить” заставляет меня отдавать значительную часть времени... на работу очень прозаическую и далекую от моих дум, т.е. пользуясь знанием языков и литературным опытом, редактировать экономические статьи, переводить с английского и на английский разный объективно экономический, осведомительный материал в здешних изданиях... А в свободные от этой работы часы я работаю “для себя” – приготовила литературные лекции о новой русской литературе, читала несколько лекций, в дальнейшем предстоят лекции в Шотландии... Уже после Рождества лекция для здешнего Шекспировского общества при университете. Тема моя... «Гамлет в русском восприятии»³⁸.

³⁷ Там же. С. 75.

³⁸ *Нежинская*. 1997.

В 1927 г. Венгерова с мужем переселилась в Париж. Она не имела детей и после смерти Николая Минского в 1937 г. переехала жить в Нью-Йорк к любимой сестре – пианистке Изабелле Венгеровой, спустя три года завершив там жизненный путь.

Ее мать Паулина Венгерова незадолго перед смертью вернулась в Минск, где в 1916 г., в разгар войны, ушла из жизни. В 70-летнем возрасте она оставила после себя единственную книгу, с восторгом принятую в Германии, но надолго забытую потом. Была ли она свободна в том смысле, как воспринимала свободу ее дочь Зинаида? Наверное, да, если под этим понимать особое внутреннее состояние, основанное на глубоких персональных убеждениях сильной личности. В ее случае они состояли в том, чтобы быть не прогрессивной, но консервативной, в готовности не ломать, но отстаивать традиции, сохранение и служение которым является высшей добродетелью «местечковой матроны» – типичной носительницы образа еврейского матриархата имперской окраины.

Зинаида Венгерова была автором множества статей и переводов, в период творческого расцвета ее имя было известно всем в России. После революции оно полностью исчезло со страниц журналов и газет и растворилось в безвестности. Интерес к ее личности заслуженно возвращается. Множество документов, относящихся к ее жизни и творчеству, сохранились, например, в РГАЛИ, где в разных фондах встречаются ее письма, в том числе адресованные ее брату Семену Венгеру. Огромный личный фонд Зинаиды Афанасьевны Венгеровой вместе с личным фондом Николая Максимовича Минского хранится в рукописном отделе ИРЛИ РАН. В нем, помимо стихов, переводов, статей, рецензий – дневник и записные книжки Зинаиды Венгеровой, письма к ней выдающихся деятелей русской культуры, а также воспоминания и переписка с родными ее матери – Паулины Венгеровой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базант, Анни.* Исповедь // Северный вестник. 1895. № 1. С. 215-241; № 2. С. 229-247; № 3. С. 222-262; № 4. С. 209-238.
- Башкирцева М.* Дневник Марии Башкирцевой. Перевод в франц. // Северный вестник. 1892. № 10. С. 145-176.
- Венгерова З.* Автобиографическая справка // Русская литература XX века: 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. I. Кн. 2. [Синтетический модернизм и богоискательство. Начало XX века]. М.: Изд. Т-ва «Мир», 1914. С. 135-138.
- Венгерова З.А.* // Русская интеллигенция; под редакцией [и с вступительной статьей, с. 3–21] В.А. Мыслякова: автобиографии и биографические документы в собрании С.А. Венгерова: аннотированный указатель: в 2 т. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб.: Наука, 2001–. Т. 1.
- Венгерова З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Лондон, 30.01.1891 г. // *Neginsky*. 1995. С. 212.

- Венгерова З.А. – Балаховской-Пети С.Г. Лондон, 18.07.1894 г. // *Neginsky*. 1995. С. 229.
- З.В. [Венгерова З.А.] Джон Китс и его поэзия: (Из истории английской литературы) // Вестник Европы. 1889. Кн. 10. С. 539-573; Кн. 11. С. 62-88.
- Венгерова З.А. Новые течения в английском искусстве // Вестник Европы. 1895а. Кн. 5. С. 192-235.
- Венгерова З.А. Джордж Мередит: Критический очерк // Вестник Европы. 1895б. Кн. 7. С. 155-176.
- Венгерова З.А. Новая Утопия (Вильям Морис и его последняя книга) // Северный вестник. 1893. № 7. С. 249-256.
- Венгерова З. Вильям Морис, певец «земного рая» // Северный вестник. 1896а. № 11. С. 155-163.
- Венгерова Зин. Родоначальник английского символизма // Северный вестник. 1896б. № 9. С. 81-99.
- Венгерова З.А. Джон Рёскин, 1819–1900 гг. // Вестник Европы. 1900. Кн. 6. С. 674-692.
- Венгерова З.А. [Предисловие] Конец всему делу венец // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. Т. 1–5. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 248-253.
- Венгерова З.А. Собрание сочинений. Т. 1. Английские писатели XIX века. СПб.: Кнво «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. 191 с.
- Венгерова З. Предисловие: Анни Базант. Исповедь // Северный вестник. 1895. № 1. С. 218.
- Венгерова З. Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5–6. С. 73-90.
- Венгерова З.А. Литературные характеристики: Кн. [1]–3. СПб.: Типо-лит. А.Э. Винке, 1897–1910.
- Венгерова П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века / перевод с англ. Э. Венгеровой; послесловие Г. Зелениной. Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2003. 350 с.
- Венгерова П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века / перевод с англ. Л. Высоцкого и И. Нахмансона; послесловие Б. Купермана. СПб.: Академический проект, 2005. 272 с.
- Вестник Европы: Журнал науки, политики, литературы, основанный М.М. Стасюлевичем в 1866 году. СПб. (Пг.), 1889–1918.
- История западной литературы (1800–1910): В 4 т. / под ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. М.: Тов-во «Мир», 1912–1917.
- Левинсон А. [Рецензия]: З.А. Венгерова. Собрание сочинений. Т. I. Английские писатели XIX века // Современный мир. 1913. № 2. С. 145.
- Мир Божий: Ежемесячный политический, литературный и научно-популярный журнал для самообразования. СПб., 1892–1906. Начиная с № 9 за 1906 г.: «Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал». СПб., 1906–1917.
- Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860а. № 4. С. 473-499; № 5. С. 89-106; № 8. С. 335-350.
- Михайлов М.Л. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860б. № 11. С. 221-250.
- Михайлов М.Л. Женщины в университете // Современник. 1861. № 4. С. 499-507.
- Михайлов М.Л. Уважение к женщинам // Современник. 1866. № 2. С. 275-319; № 3. С. 92-129.

Нежинская Р. Венгерова Зинаида Афанасьевна // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. С. 203-205.

Образование: Журнал литературный, популярно-научный и общественно-политический. СПб., 1891–1909.

Русская интеллигенция; под редакцией [и с вступ. статьей, с. 3–21] В.А. Мыслякова: автобиографии и биографические документы в собрании С.А. Венгерова: аннотированный указатель: в 2 т. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб.: Наука, 2001–. Т. 1: А – Л. 638 с.; Т. 2: М – Я, 2010. 762 с.

Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. М.; СПб., 1891–1918.

Рютерс М. Дочери Тевье: жизненные устремления еврейских женщин на рубеже веков / перевод Е.Л. Панковец // Женщины на краю Европы: сборник ст. Минск: ЕГУ, 2003. С. 105–117.

Северный вестник: Журнал литературно-научный и политический. СПб., 1885–1898.
Neginsky R. Zinaida Vengerova: in search of beauty: a literary ambassador between East and West / Rosina Neginsky. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 225 с.

Neginsky R. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети // Revue des études slaves, Tome 67, fascicule 1, 1995. P. 187-236.

Wengeroff, Pauline. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Uden Russlands im 19 Jahrhundert. Band 1-2. Berlin, 1908-1910.

Wengueroff, Zinaida. La femme russe // Revue Mondiale. 1897. Septembre. P. 489-499.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Новой и Новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка; irina_chikalova@mail.ru

С. В. ЗАНИН, О. Е. КОШЕЛЕВА

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ТЕКСТОВ ДИДРО МОРАЛЬНЫЙ КАТЕХИЗИС ДЛЯ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Публикуемый текст представляет новую архивную находку – Записку Дидро Екатерине II, а также ее перевод на русский язык.

Ключевые слова: письмо Дидро, Екатерина II, «моральный катехизис».

Записка Дидро Екатерине II и ее перевод

Обширное творческое наследие Дени Дидро хорошо известно и давно введено в научный оборот, однако, как показывает наше исследование, новые архивные находки еще возможны. Письмо Дидро Екатерине Великой, написанное из Гааги, обнаружено в фондах Российского государственного архива древних актов¹. В описи оно не атрибутировано и неточно озаглавлено («катехизис»), отчего и не привлекало внимания исследователей Просвещения. В наши руки оно попало совершенно случайно. Содержание письма отражает намерение Дидро оказать помощь Екатерине II в создании «национальной религии».

Текст письма (фото 1) таков:

Pour Sa Maj. Imp.

Ébauche

D'un Catéchisme moral.

Si Sa Maj. Imp. veut se donner la peine d'intercaler dans ce petit ouvrage, quelques articles très courts de la religion nationale, avec l'oraison dominicale et le symbole des apôtres, je crois que son projet sera rempli.

Il ne sera plus question que de mettre le tout en Russe et que de le faire approuver du Clergé.

peut-être faudroit-il² encore rédiger ce catéchisme par demandes et par Réponses.

Si Sa Maj. Imp. me l'ordonnoit et qu'elle m'en crût capable, j'obéirois ; car je serai toute ma vie dévoué à ses ordres.

Il faudroit seulement m'envoyer le petit catéchisme Russe traduit en françois.

ce seroit une occupation fort agréable pour moi, tandis que je suis à la Haye.³

¹ РГАДА, Ф. 17, № 224. Л.1. Авторы благодарят С.Я. Карпа за ценные замечания о рукописи статьи, часть их авторы внесли в текст.

² Первоначальное прочтение исправлено в соответствии с замечаниями международной редколлегии издания Полного собрания сочинений Д. Дидро, переданными авторам статьи С.Я. Карпом.

Перевод:

*Набросок нравственного катехизиса
Для ее императорского величества.*

Если ее Императорское Величество пожелает взять на себя труд вставить в это маленькое произведение несколько очень коротких догматов, касающихся национальной религии вместе с Молитвой Господней⁴ и Символом Веры, я счел бы, что ее план осуществлен.

Останется только перевести все на русский и побудить духовенство одобрить его.

Возможно, следовало бы составить этот катехизис в форме вопросов и ответов.

Если ее императорское величество мне это прикажет и считает меня на это способным, я повинуюсь, ибо на всю мою жизнь я останусь преданным ее повелениям.

Только необходимо мне прислать малый катехизис по-русски, переведенный на французский.

Это занятие будет для меня весьма приятным, пока я нахожусь в Гааге.

*Таким образом, в записке идет речь о создании катехизиса, способного оказать влияние на народную религиозность. Автор предполагал воспользоваться текстом молитвы «Отче Наш», отрывками из православного катехизиса (который он просил перевести на французский язык) и, вставив в то, и другое в присланное Екатерине II «маленькое произведение», составить небольшой катехизис в форме вопросов и ответов (*rédiger ce catéchisme par demandes et par réponses*). Составленное произведение должно быть одобрено православным духовенством (*faire approuver du clergé*), и, таким образом, предначертания государыни оказались бы исполнены.*

Атрибуция текста

Письмо не подписано Дидро, однако проведенный нами палеографический анализ (сличение почерка и бумаги), а также указание на пребывание в Гааге позволяет предположить авторство Дидро (фото 2).

Но наиболее убедительные аргументы в пользу авторства Дидро можно привести, ссылаясь на его переписку с И.И. Бецким в письме, адресованном из Гааги от 9 июня 1774 года, где он, в частности, писал: «я отправил Вам небольшую книжицу, все разделы которой могут войти в моральный катехизис, который желает иметь ее Императорское Величество»⁵. Надо думать, что «небольшое произведение» и «книжица», о которой речь идет в письме И.И. Бецкому – одно и то же сочинение.

³ Орфография оригинала сохранена.

⁴ Молитва «Отче наш».

⁵ Je vous ai envoyé un petit livret dont tous les paragraphes peuvent entrer dans le catéchisme moral que Sa Majesté Impériale désire. (Diderot. *Œuvres complètes*, t. XI, p. 1017), Дидро с похвалой отзывается об этом сочинении и в письме Екатерине II от 12 сентября 1774 г. (*ibid.*, p. 1052). Отметим, что «Записки для Екатерины II» издавались не раз и всякий раз дополнялись. Последнее по времени издание этого текста, на которое чаще

Как установил Жак Доменек, эта «книжица» – сочинение французского просветителя Барбё-Дюбура «Малый кодекс человеческого разума, или краткое изложение того, что разум внушает всем людям, дабы прояснить то, как себя вести и обеспечить их счастье». Исследователь правильно связал эти строки с тем разделом «Записок для Екатерины II», который касался «нравственности королей»⁶.

Обнаруженный фрагмент – часть обширного рукописного наследия Дидро, созданного в период общения с Екатериной II. Записка написана не рукой Дидро, о чем свидетельствует сличение почерка нумерации страниц в рукописи. Страницы проставлены внизу по центру, но почерк, которым сделана их нумерация на нашем отрывке, сильно напоминает почерк на копии, снятой с части записок, оригинал которых был подарен Гёте⁷ (фото 3). Очевидно, что тот, кто классифицировал эти рукописи и пронумеровал найденный нами листок (по мнению С.И. Кузьмина, это был сотрудник архива МИДа), уже в середине XIX в. считал его частью рукописного наследия Дидро, которое входило в ансамбль записок, составленных для Екатерины II. Поэтому найденный нами фрагмент Дидро должен по праву занять свое место в ряду сочинений, написанных для российской императрицы. Ведь в «Записках для Екатерины II» Дидро прямо говорит о необходимости связать «кодекс морали» и «религиозный катехизис» с целью создания в России национальной религии, способной объединить религиозную веру и нравственное воспитание граждан⁸.

Датировка найденного нами текста не вызывает сомнений. Очевидно, он был написан в июне 1774 года и вложен в «книжицу» Барбё-Дюбура (фото 4), присланную Екатерине II.

всего ссылаются исследователи, принадлежит Лорану Версини. Жорж Дюлак, видный специалист по изданию рукописей Дидро, неоднократно выступал с критикой этого издания. Ссылки на него даны особо: (*Euvres de Diderot*, 1995, t. III [далее – ODV].

⁶ Domenech. 1989, p. 253. См.: Barbeau-Dubourg. 1774.

⁷ Кузьмин. 1952. Т. 58. С. 930-931. «Судя по рукописи, – пишет С.И. Кузьмин, – листки бесед Дидро передавал Екатерине после каждой беседы. Переплетчик переплел их потом в одну тетрадь. Интересно отметить, что до переплета одна из глав – «Листок о способе извлечь пользу из религии и сделать ее к чему-нибудь пригодной» – была изъята и заменена копией. На полях этой копии рукою неустановленного лица сделана помета: “J’ai fait présent de l’original à Goethe” <“Оригинал подарен мною Гёте”>». Исследователь отмечает, что установить то, кем была сделана копия и кто изъял оригинал нескольких страниц рукописи, не представляется возможным. Саму же рукопись «Записок» приобрел русский коллекционер Норов и затем перedal ее на хранение в Архив МИД в 50-е годы XIX века.

⁸ Ссылка на эту «книжицу» содержится в «Записках для Екатерины II». Дидро говорит о ней как об издании, которое готовится и будет печататься в типографии Рея. (ODV, t. III, p. 350).

Некоторые черты учения Дидро о роли религии в обществе

Вопрос о нравственном катехизисе в творческом наследии Дидро занимает особое место. Анализируя произведения, помещенные в Полном собрании сочинений мыслителя, можно выделить несколько этапов развития его взглядов на интересующую нас проблематику.

Период 40-х – начала 60-х гг. XVIII в.: статьи в «Энциклопедии» и обсуждение этого вопроса в Грандвале, поместье Гольбаха (конец 50-х – начало 60-х гг.). Отзвуки споров в письмах к Софи Волан и сочинении Поля Гольбаха, которое посмертно опубликовал Нэжон под заголовком «Составные части всеобщей нравственности, или катехизис Природы» (1790), приписывая его Дидро⁹.

Еще в вольном изложении учения Шефтсбери о заслуге и добродетели Дидро писал о том, что «просвещенные преподаватели» должны научить основам нравственности¹⁰. Найти таких преподавателей во Франции эпохи «Старого порядка» представлялось затруднительным, поэтому уже в первых томах «Энциклопедии» Дидро обращается к вопросу о роли христианских священников в нравственном и гражданском воспитании, о чем свидетельствует его статья «Московитские Библии». В ней Дидро, в частности, писал, что «теолог должен познать обязанности всех сословий: именно он отличает границы, отделяющие дозволенное от запрещенного»¹¹. Одним словом, священник не является членом общества, чуждым ему, неким сословием, чуждым иным сословиям общества. Это суждение Дидро вполне вписывалось в дебаты, разгоревшиеся на рубеже 1740–50-х гг. вокруг порядка применения буллы «Единорожденный сын Господень» (изд. в 1713 г.), во время которых высший судебный орган Франции – Парижский парламент, издавая акты, направленные против Католической Церкви, обязывал священников подчиняться законам, общеобязательным, по его мнению, для всех сословий¹². Дидро солидаризируется с идеями, высказанными Полем Гольбахом в статье «Христианство», где, со ссылкой на авторитет Монтескье (в особенности, на XXIV кн. «Духа законов», где коротко, и часто в форме афоризма, высказана точка зрения на взаимоотношения церкви

⁹ *Éléments de la morale universelle ou le catéchisme de la Nature.*

¹⁰ Diderot. *Œuvres complètes* [далее – *OC*], t. I, p. 12.

¹¹ Un théologien doit connaître les devoirs de tous les états; c'est à lui à discerner les limites qui séparent ce qui est permis d'avec ce qui est défendu : lorsqu'il parle des devoirs de notre religion, son éloquence doit être un tonnerre qui foudroie nos passions et en arrête le cours, ou doit avoir cette douceur qui fait entrer imperceptiblement dans notre âme des vérités contraires à nos penchants. (Diderot, Mallet, «Bibles moscovites», *OC*, t. XIII, p. 435).

¹² *Carcassonne.* 1978, chap. III.

и государства), хозяин Грандвала выражает свою мысль в еще более отчетливой форме. «Та религия является наилучшей в государстве, которая наилучшим образом сохраняет нравы: у христианства есть преимущество перед остальными религиями: не принять в этом отношении меры предосторожности, которые требует человеческая осмотрительность, означало бы совершить грех по отношению к разумной политике»¹³.

Новым витком в развитии мысли Дидро стало прочтение «Исповедания веры Савойского викария» Руссо. В письме к Софи Волан, характеризуя это произведение как «галиматью», он, в частности, упоминает о спорах, которые оно вызвало в окружении Гольбаха, собиравшемся в Грандвале: «мы пережевываем наш катехизис», размышляя о политике и религии¹⁴. Очевидно, что рассуждения Гольбаха в упомянутом ранее произведении, как и многие идеи, высказанные им в произведениях, написанных в 70-е и 80-е годы XVIII в., оформились именно в этих беседах¹⁵. В рамках настоящей работы было бы неуместно останавливаться на характеристике идей Дидро, использованных Гольбахом в его работе¹⁶. Эта тема представляет самостоятельный интерес. Здесь же целесообразно остановиться на анализе тех идей, которые высказал сам Дидро в письмах, адресованных Фальконе.

В конце 1760-х гг. заметно оживление интереса философа к вопросу о взаимоотношениях между религией и политикой. Поводом послужила его переписка с Этьеном-Морисом Фальконе, в которой уже в сентябре 1766 г. появилось (в связи с нравственным воспитанием ребенка) выражение «catéchisme du patriote»¹⁷. В рассуждениях Дидро заметно противопоставление этого «катехизиса» катехизису христианскому.

¹³ «La meilleure religion, pour un État, est celle qui conserve le mieux les moeurs : or, puisque le christianisme a cet avantage sur toutes les religions, ce serait pécher contre la saine politique que de ne pas employer, pour favoriser ses progrès, tous les ménagements que suggère l'humaine prudence ». (OC, t. XIV, p. 159). Эта статья ошибочно приписывалась Морисом Турне Дидро (Proust, 1962, p. 538). Но согласие с точкой зрения Гольбаха прослеживается в статье Дидро «Иисус Христос», в которой содержится прямая ссылка на статью «Христианство» (Encyclopédie... 1754, t. 3, p. 381).

¹⁴ Le texte courant de nos causeries, c'est tantôt la politique, tantôt la religion; nous rabâchons notre catéchisme (OC, t. XIX, p. 82).

¹⁵ Hubert, 1928.

¹⁶ Следы этих бесед и мнения, высказанные Дидро, можно обнаружить в его переписке с Софи Волан, в частности в письме от 30 октября 1759 года. В нем философ отмечал, что «просвещение никогда не проникнет к пригороды», а единственный способ водворить толерантность в обществе – «придать статус граждан лицам божественного права». (OC, t. XVIII, p. 425).

¹⁷ Lettre à Falconet, septembre 1766 (OC, XVIII, p. 145-146).

В мае 1768 г., в письме, которое, по нашему мнению, в рукописях ошибочно датировано самим Фальконе, Дидро, выступая в защиту взглядов известного физиократа Ле Мерсье де Ля Ривьера против скульптора, высказался более определенно: если политический катехизис распространить в народе в той же мере, что и катехизис религиозный, нарушать первый из них оказалось бы столь же опасно, как и второй¹⁸. Хотя конфликт между двумя катехизисами неизбежен, «именно непосредственная выгода в этой жизни имеет решающее значение» (*je vois que c'est l'intérêt de la vie présente qui fait tout*). Дидро еще раз вернулся к этой теме 6 сентября 1768 г. в письме Фальконе, которое содержит апологию взглядов физиократов на «очевидность». В этом письме Дидро изобличал ошибки тех, кто не признавал принцип «очевидности», и доказывал, что именно собственники являются подлинными хозяевами в государстве, «где существует десяток тысяч людей достаточно грамотных и свободных, чтобы обнародовать свои мысли», и допускал, будто «бесстрашный» деспот может запретить публичное отправление культа. Эти люди, по мысли Дидро, «не имеют даже самого простого представления о нации, которая выпитала с молоком матери подлинный политический катехизис»¹⁹.

Переписка Дидро с Фальконе позволяет очертить горизонт мысли великого просветителя к моменту создания «Записок для Екатерины II». Дидро допускает, во-первых, возможность мирного сосуществования религиозного и гражданского (иными словами, политического) катехизисов, отмечая, что в истории всегда существовал конфликт между ними. Причем первый из них должен быть непременно христианским. Препятствием к тому, чтобы эти кодексы могли сосуществовать, является «тупость и неграмотность», а также отсутствие возможности свободного пользования собственностью и невозможность свободно высказывать мысли. Очевидно, что вопрос о том, каким образом преодолевается этот

¹⁸ Lettre à Falconet, mai 1768, *OC*, XVIII, p. 262 «Or, jugeons de la frayeur qu'ils ont de la vérité par les efforts qu'ils ont faits de tout temps pour l'étouffer, et jeter les peuples dans l'état d'ignorance et de stupidité. Ne dirait-on pas qu'un catéchisme politique et moral fût plus difficile à apprendre qu'un catéchisme religieux? Ne dirait-on pas que si l'un était aussi populaire que l'autre, il n'y eût pas autant de danger à enfreindre l'un que l'autre?».

¹⁹ Lettre à Falconet. 6 septembre 1768, *OC*, t XVIII 275. «Ils ne savent ce que c'est que la force d'un corps de propriétaires maîtres de la subsistance d'un État et d'une nation où il y aurait seulement dix mille hommes assez instruits et assez libres de publier leurs pensées, pour tirer cette dernière conséquence toujours réelle d'un mauvais édit : Donc tu nous ordonnes d'arracher nos vignes et de briller nos moissons. Que le plus intrépide des despotes ordonne seulement la suspension des exercices publics religieux! Ils n'ont pas la première idée d'une nation à qui l'on aurait fait sucer avec le lait le vrai catéchisme politique. Ce sont des aveugles qui parlent de la lumière, comme les esclaves de la liberté».

конфликт, у Дидро решался на путях создания «национальной религии», о чем речь пойдет в «Записках для Екатерины II».

Прежде чем изучить место записки, обнаруженной нами, в совокупности сочинений, написанных для Екатерины II, следует обратить внимание на то, каково значение вопроса о «национальной религии» в политической мысли Просвещения, в частности, в том, что касается отношений между Дидро и Руссо. Последний недвусмысленно высказывался против национальной религии в трактате «Об общественном договоре»: «Теперь, когда не может существовать национальная религия...» (кн. IV, гл. 8 «О гражданской религии»), единственно возможной религией является религия гражданская. Напротив, в «Записках для Екатерины II», Дидро отмечает: «Не следует терпимо относиться ко всему тому, что может сблизить Православную религию с римским вероисповеданием»²⁰. Другими словами, следует создать национальную религию на основе православия, избегая смешения с католицизмом, ибо православие является в глазах Дидро традиционной религией русских. Это расхождение во взглядах между Дидро и Руссо является основополагающим как для понимания идейного конфликта между ними, так и для анализа тенденций в развитии мысли Просвещения. Если вопрос о «гражданской религии» Руссо достаточно хорошо изучен в современной литературе, то идею «национальной религии» в творчестве Дидро еще только предстоит изучить. Найденный фрагмент позволяет пролить дополнительный свет на этот вопрос. Что же касается идейного конфликта между мыслителями, то совершенно очевидно, что, в 1760-е гг. он углублялся. Межличностный конфликт «братьев-врагов» перерос в конфликт не только мировоззренческий, но и в конфликт двух политических воззрений.

Повод высказаться: российский контекст

По прибытии в Голландию, Дидро остановился в Гааге в доме своего друга – русского посла кн. Дмитрия Алексеевича Голицына. Дидро записал впечатления, увидев в этой стране «учеников Жан-Жака», т.е. подданных толерантных и верующих и «внимательно следящих за своим поведением»²¹. Дидро тогда же, как уже отмечалось ранее, поддерживал активную переписку с И.И. Бецким и Екатериной II, и в ней вопрос о «национальной религии» занимал центральное место.

²⁰ Diderot D., *Plan d'une université*, ODV, t. III, p. 483.

²¹ Les protestants s'observent plus en France qu'en Hollande, et par la même raison, les catholiques romains s'observent plus en Hollande qu'ici, quelque sens que l'on attache au mot s'observer. Les villes, les bourgs, les villages sont, pendant le service divin, comme des espèces de solitudes. ("Voyage en Hollande" OC, t. XVII, p. 437).

В «Записках для Екатерины II» Дидро развил ранее высказанные им мысли о месте и роли религии и священника в обществе и подчеркивал, что положение при котором «священник то объединяется с народом против суверена, то с сувереном против народа» недопустимо в государстве²². Вместе с тем священник наделен «государственными полномочиями» (*fonctions publiques*) в том, что касается причастия, служб, проповедей и т.п.²³ Для государства особенно важно, чтобы отправление культа не стало поводом для распрей. Поэтому следовало бы «сохранить попов», дабы избежать еще больших возможных ошибок в толковании догматов и в отправлении культа, которые могут стать поводом для конфликтов внутри общества²⁴. Ведь «священник проявляет нетерпимость в силу своего общественного положения... [и] всякие представления о морали в его голове зиждутся на религии»²⁵.

Итак, в «Записках для Екатерины II» Дидро уточнил задачу, решение которой он взял на себя. Она, по его мнению, носила двоякий характер, а именно, сделать так, чтобы религия не стала поводом для раздоров в народе и, кроме того, чтобы верования священников, т.е. основание их нравственных убеждений, служили вместе с тем опорой их гражданственности. Если попытаться выразить эту проблему в понятиях, разработанных мыслителями Просвещения, то, хотя Дидро в данном контексте и не использует термин «способность к общению» (*sociabilité* – социабельность), тем не менее, речь идет, по нашему мнению, именно о ней. И народ, и священники должны обладать этим социальным качеством – способностью к общению в гражданском союзе.

Проблема, однако же, заключалась в том, что, согласно Дидро, никакой нравственности, «заклученной в священных книгах», просто не существует, если под нравственностью понимать нравственность «естественную», основанную на принципе, согласно которому «имеет место только одно долженствование, то есть долженствование быть счастливым»²⁶. Здесь Дидро предлагает весьма оригинальное ее решение как с точки зрения институциональной, так и с точки зрения социальной.

Согласно первой из этих точек зрения (ее высказал Ф.-М. Гримм, который, как и Дидро, изучал вопрос о возможностях развития высшего образования в России), необходимо, чтобы в школах, где жители страны обучаются основам грамотности, в дополнение к преподаванию тради-

²² Diderot D., *Plan d'une université*, ODV, t. III, p. 480.

²³ *Ibid.*, p. 482.

²⁴ *Ibid.*, p. 486.

²⁵ Diderot D. *Mélanges pour Catherine II*, ODV, t. III, p. 319.

²⁶ *Ibid.*, p. 242 et 348.

ционного православного катехизиса, преподавали «нравственный и политический катехизис, то есть составили книжицы, содержащие основные законы страны, понятия о долге гражданина, и их изучение было бы предписано в образовании народа, и они имели бы хождение в нем, а также своего рода повседневный катехизис, который содержал бы наиболее общие понятия о гражданской жизни в кратком и ясном виде»²⁷. «Одним словом», как выразился Дидро, «учитель в школе по праву должен являться адъютантом у священника». Очевидно, что об этом последнем катехизисе речь и идет в записке, обнаруженной нами в РГАДА.

Следует указать и на иное средство воспитать способность к гражданскому общению в мирской среде и в священстве, которое предлагал Дидро. Речь идет о том, чтобы религиозная заповедь превратилась в национальный обычай. Таким способом религиозные танцы мусульман превратились бы в уличные танцы для всего народа, а православные священники, в свою очередь, могли бы, как пишет Дидро не без доли юмора и эпатажа, проповедовать «святость бани». Именно в попытке соединить религиозную и гражданственную мораль заключен смысл текста из «Записок для Екатерины II», который неоднократно переводился на русский язык под заголовком, данным самим Дидро, а именно: «Как можно извлечь пользу из религии и сделать ее на что-нибудь годной?» В нем Дидро употребил выражение «*netteté nationale*», которое в десятитомном Собрании сочинений мыслителя неверно передано выражением «национальная честность». Этот перевод нам представляется не вполне корректным. Термин «*netteté*» встречается в статьях Дидро, помещенных в «Энциклопедии», довольно часто. Например, рассуждая о достоинствах английской стали, он писал, что она быстро сплавляется, является мелкозернистой и «обладает хорошей очисткой (*netteté*)»²⁸. Точно так же и прекрасная живопись вызывает ощущение гармонии и отчетливости рисунка (*netteté du dessin*).²⁹ Речь идет, вне всякого сомнения, о «национальной определенности», «гармонии» и, так сказать, «однородности» общества. Или, говоря современным языком, о национальной идентичности.

²⁷ Frédéric-Mélchoir Grimm, *Essais sur les études en Russie*, OC, t. III, p. 418. (О работах Дидро над планом организации высшего образования в России см.: *Didier*. 1995. pp. 81-91). «Il serait à désirer qu'on eût aussi des catéchismes de morale et de politique, c'est-à-dire des livrets où les premières notions des lois du pays, des devoirs des citoyens, fussent consignées pour l'instruction et l'usage du peuple; et une espèce de catechisme usuel, qui donât une idée courte et claire des choses les plus communes de la vie civile».

²⁸ Denis Diderot, «Acier», OC, t. XII, p. 209.

²⁹ Denis Diderot, *Salon de 1767*, OC, t. XI, p. 167.

Итак, «нравственный и политический катехизис», о котором идет речь в обнаруженной нами записке, должен был сыграть двоякую роль. Во-первых, содействовать формированию национальной идентичности. Во-вторых, воспитанию «способности к общению» внутри российского общества. Вопросы, которые и поныне активно обсуждаются в политической публицистике нашей страны.

Любопытна в публикуемой нами записке ссылка Дидро на молитву «Отче наш». В чем значение этой молитвы? За несколько лет до Дидро, Руссо в 4 письме «Писем с Горы», полемизируя с женевскими пасторами писал о том, что «эта молитва – “Вот я, Господи, чтобы исполнить Волю Твою” – самая простая, смиренная и выражающая самую суть веры»³⁰. Эта молитва чужда всякому догматизму, религиозному начетничеству и никогда не даст повода для религиозных споров. Очевидно, что Дидро вполне соглашался с подобной оценкой, добавляя к этому, что атеизм «может быть учением, разделяемым небольшой группой последователей, но не учением большого количества граждан? и в еще меньшей мере учением, разделяемым малокультурной нацией»³¹. Будучи сам атеистом, он никогда не выходил за пределы той самой толерантности, которую он проповедовал в обществе. «Я не люблю религию, но не питаю к ней такой ненависти, чтобы счесть эту ненависть оправданной», – признавался он³².

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что переписка Дидро с Екатериной II и беседы с ней, суть которых нашла свое отражение в его произведениях, написанных для России и ее монарха, представляет собой заключительный этап развития взглядов мыслителя на роль религии в обществе. По сути дела, идея создания национальной религии, выражающей «национальную идентичность», впервые и в полной мере нашла свое выражение в произведениях «российского периода» его творчества. Но нет сомнения, что та «национальная религия», о которой идет речь в сочинениях Дидро и, в особенности, в обнаруженной нами записке, не имеет ничего общего с традиционным православием, поскольку речь идет о том, что «религия», по его мысли, представляет собой освященные культом национальные обычаи, частью которых является недогматизированное христианство.

³⁰ Руссо. 2013. С. 334.

³¹ Diderot D., *Plan d'une université*, ODV, t. III, p. 486.

³² Diderot D. Les lettres d'Amabed, etc. traduites par l'abbé Tamponet (1769), OC, t. V, p. 367. « Je n'aime pas la religion; mais je ne la hais pas assez pour trouver cela bon.»

Pour la maj. Imp. 48
 2
 Change
 D'un Catechisme moral.
 Si la maj. Imp. veut se donner
 la peine d'interroger dans ce sens
 ouvrages, quelques articles bon cours
 de la religion nationale, avec l'air
 dominicale et le trouble des
 apôtres, de voir que son projet
 sera rempli.
 Il ne sera plus question que de
 mettre le tout en russe et que de
 le faire approuver du clergé.
 puis on s'en ira demander par
 ce cathédrale par demande et par
 réponse.
 Si la maj. Imp. me l'ordonne et
 qu'elle m'en soit capable, j'obéis;
 car de tout le reste ma vie devient
 à ses ordres.
 et s'en ira seulement en envoyer
 le petit catechisme russe traduit en
 français.
 ce sera une occupation fort agréable
 pour moi, tandis que le lui à la page

Фото 1. РГАДА, Ф. 17, № 224. Л. 1.

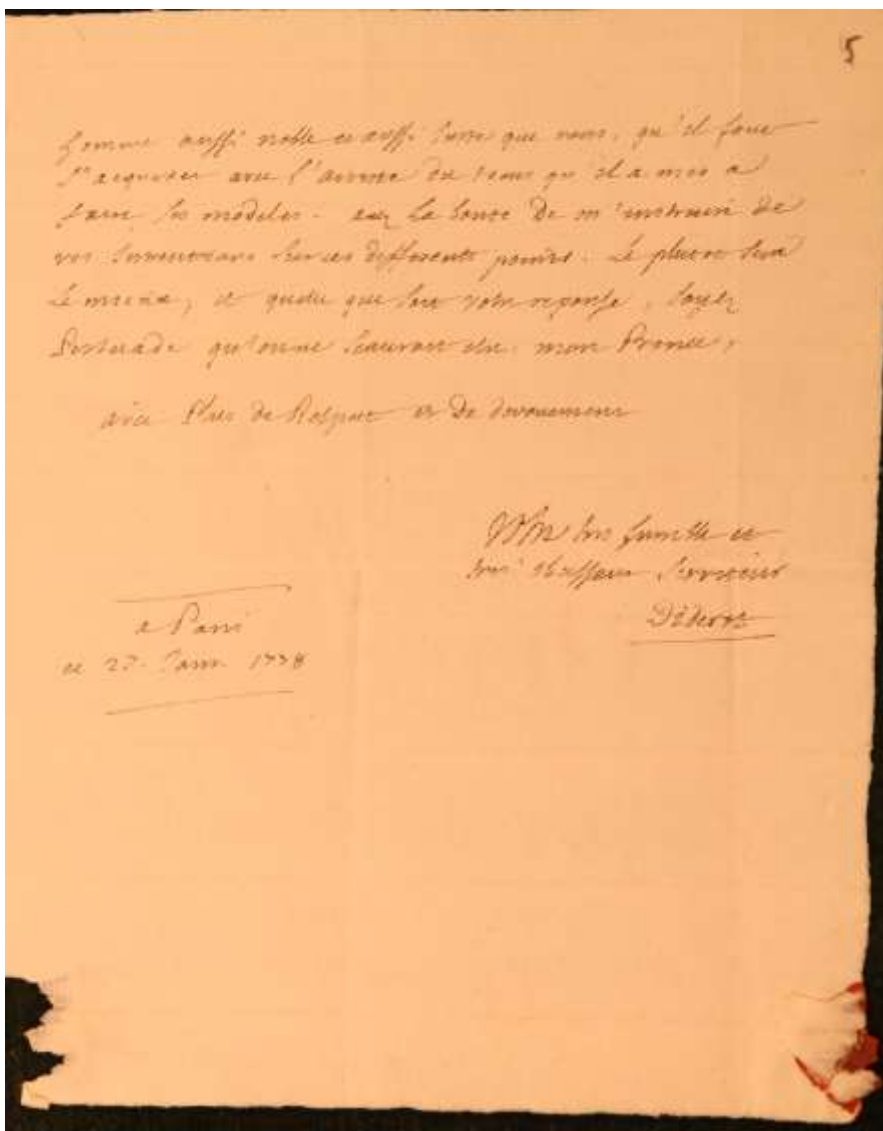

Фото 2. Фрагмент письма Д. Дидро князю Д. А. Голицыну
(РГАДА, Ф. 1263 оп. 1. 1243а)

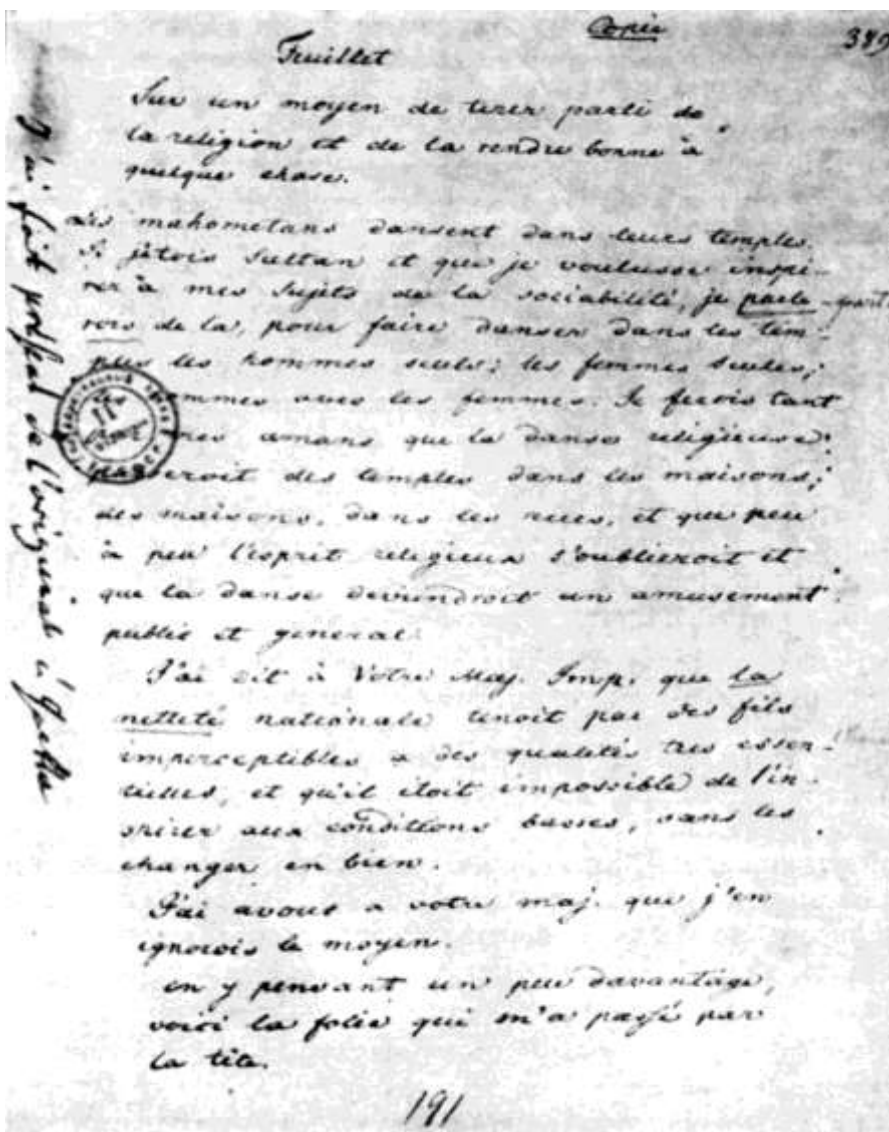

Фото 3. Копия отрывка, “подаренного Гете”, ГИА № 728

PETIT CODE
DE LA
RAISON HUMAINE,
OU
EXPOSITION SUCCINTE
DE CE QUE
LA RAISON DICTE A TOUS
LES HOMMES,
POUR éclairer leur conduite &
affurer leur bonheur.

Par M. B. D.

M. DCC. LXXXIX.

Фото 4. Обложка «книжицы» Барбё-Дюбура «Малый кодекс человеческого разума, или краткое изложение того, что разум внушает всем людям, дабы прояснить то, как себя вести и обеспечить их счастье». Второе издание 1789 года, подписанное инициалами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Diderot, Denis, *Œuvres complètes*. Éd. Assezat et Tourneux, Paris, Garnier, 1875–1877.
Œuvres de Diderot, Paris, Bouquins, 1995, t. III.
Encyclopédie, ou le Dictionnaire raisonné des sciences des arts et des métiers, par Denis Diderot et Jean d’Alembert, puis par la Société des Gens des Lettres, Paris, Briasson, David, Le Breton, Durand, 1754, t. 3
- Barbeau-Dubourg, *Petit code de la raison humaine, ou exposition succincte de ce que la raison dicte à tous les hommes, pour éclairer leur conduite et assurer leur bonheur*, Londres [Amsterdam], 1774.
- Carcassonne, Elie. *Montesquieu et le problème de la constitution française au XVIIIe siècle*, Genève, Slatkine, 1978
- Didier, Béatrice. « Quand Diderot faisait le plan d’une université », in: *Recherches sur Diderot et sur l’Encyclopédie*, numéro 18-19, 1995.
- Domenech, Jacques. *Fondements de la morale dans la philosophie française au XVIIIe siècle*, Paris, Vrin, 1989, p. 253.
- Hubert, René. *D’Holbach et ses amis*, Paris, Chez A. Depeuch, 1928.
- Proust J. *Diderot et « l’Encyclopédie »*, Paris, Armand Collin, 1962.
- Кузьмин С.И. Забытая рукопись Дидро (Беседы Дидро с Екатериной II) // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 930-931.
- Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Пер. С.В. Занина. СПб, 2013.
- Занин Сергей Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Самарского государственного медицинского университета; zansamara@mail.ru
- Кошелева Ольга Евгеньевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; okosheleva61@gmail.com

ЧИТАЯ КНИГИ

А. Б. СОКОЛОВ

ИСТОРИК ЗА КАФЕДРОЙ КНИГА АЛАНА БУТА О ТОМ, КАК ЛУЧШЕ ПРЕПОДАВАТЬ ИСТОРИЮ

Рец. на кн.: *Booth A. History teaching at its best. Historians talk about what matters, what works and what makes a difference. Nottingham: Rippleround Publishing, 2014. 230 p.*

Ключевые слова: историческое образование, высшая школа, преподавание.

Толчком к написанию этой рецензии является желание рассказать читателю об активно и успешно развивающемся на Западе направлении исследований, объединившем многих университетских преподавателей различных дисциплин. Оно носит название *Scholarship of Teaching and Learning (SOTL)*, что непросто перевести на русский язык, ибо слово «учить» отражает оба смысла: «преподавать» и «учиться». Вероятно, в этом проявилась некая культурная специфика. Впрочем, чтобы не отвлекаться, отметим: именно в международном сообществе историков сформировались влиятельные региональные группы, разрабатывающие данную тематику. В них объединились те, кто задумывается о целях исторического образования в высшей школе, о критериях его содержания, о выборе способов и ресурсов решения поставленных задач. Это те, кто считает, что преподавание составляет важнейшую и недооцениваемую, по сравнению с научной деятельностью, часть работы вузовского сотрудника любой категории, от профессора до ассистента. В отличие от традиционной вузовской дидактики, представляющей, в основном, взгляд педагогов и психологов, *H(istory)SOTL* объединяет практиков, тех, кто на собственном опыте ощутил вызовы современного исторического образования и важность научной коммуникации для обмена идеями и опытом в этой области. Зародившись в Северной Америке, *HSOTL* нашел многочисленных сторонников и участников в разных европейских странах. По моим наблюдениям, работающие в университетах российские историки, хоть и вынуждены в большинстве своем отводить львиную долю рабочего времени не науке, а проведению занятий, мало склонны к рефлексии по поводу того, как они работают со студентами. В то же время усиливающаяся регламентация и формализация образова-

тельного процесса настоятельно требует, на мой взгляд, такого рода рефлексии, а также представления о проблемах, трудностях и тенденциях, существующих в университетском обучении истории за рубежом.

Известный британский историк, специалист по социальной истории, профессор Ноттингемского университета Алан Бут в последние годы опубликовал ряд трудов, посвященных проблемам профессиональной подготовки историков в университетах¹. Его новая книга, несомненно, привлечет любого вузовского преподавателя истории, равнодушного к своей деятельности, стремящегося вызвать у студентов интерес к познанию истории. Российскому историку небезынтересно сравнить ситуацию с преподаванием истории в британских университетах с той, что сложилась в нашей стране. Удивительно, но оказывается, что общего гораздо больше, чем можно было ожидать.

Книга Бута основана на глубоком изучении разнообразной, относящейся к рассматриваемой теме литературе (библиографический список включает более трехсот наименований), однако особую яркость придает ей использование материалов осуществленного автором книги проекта по анкетированию и интервьюированию представителей университетского исторического сообщества (в основном из Великобритании). Эти интервью (по крайней мере, некоторые из них, «выложены» в Интернете), которые Бут использовал систематично, «к месту» и тактично, явились основным источником рецензируемого труда. Ссылаясь на мнение исследователей, что «много написано об истории истории, но мало о самих историках», а опыт историков как профессионалов, работающих в высшем образовании, и вовсе не исследовался (с. 2), Бут пишет, что его книга «сфокусирована на описаниях историками своих жизней в качестве учителей» (с. 4). Для анализа Бут имел 205 заполненных анкет из 78 учреждений высшего образования от лиц, занимающих разные должности и имеющих разный стаж работы. По его подсчетам, это составило примерно 10% от числа тех, кто преподает историю на исторических факультетах страны. Как заметил Бут, «вместе анкеты и видео-интервью не только полно отразили непростой опыт обучения истории в личностном аспекте, но и показали устремления, идеалы, надежды и страхи в более широком контексте» (с. 10). Другим источником были веб-сайты исторических факультетов. Бут оговаривается: в проекте, ориентированном на рассмотрение личного опыта преподавателей, опросы студентов не проводились, хотя изучение мнения студен-

¹ Booth, Hyland. (eds). 1996; Booth. 2003; Booth. (ed.). 2010.

тов могло помочь понять, насколько теории и взгляды преподавателей корреспондируют с их реальным преподаванием.

Я бы определил жанр рецензируемой книги как «научно-педагогическая монография и пособие». О научной основе исследования уже сказано. Что касается книги Бута как пособия, то здесь имеется в виду не только «диалоговый стиль», дающий возможность услышать голоса многих, мнения по актуальным для любого университетского преподавателя вопросам, но и наличие после каждой главы вопросника для читателя, помогающего осуществить саморефлексию, связанную с аналогичными проблемами. Отмечу еще одну любопытную черту. Каждый раздел автор предваряет выдержкой из старой книги, пособия Дж. Фитча «Лекции о преподавании», вышедшего в Кембридже в 1902 г. Умело подобранная цитата стимулирует мысль читателя-историка, заставляя посмотреть на проблему в историческом контексте и ответить на вопрос: действительно ли представления о назначении университетского образования существенно изменились за прошедшие сто лет; и, если да, каким образом.

Книга делится на семь разделов, из которых в первом, вступительном, разъяснены цели исследования и его основные методы. Через второй раздел «Историки как преподаватели» стержнем проходит вопрос о соотношении научного исследования и преподавания при работе в университете. Ссылаясь на недавние исследования, Бут указывает: для вузовского историка на первом месте в плане самоидентификации стоит его принадлежность к профессии историка и лишь затем принадлежность к преподавательскому сообществу факультета или кафедры. Только с 1990-х гг. в силу ряда причин статус преподавания в оценивании и самооценке деятельности несколько вырос в сравнении с научным исследованием. Рассмотрев условия работы преподавателей в историческом контексте, Бут остановился на главных изменениях, произошедших в содержании и программах обучения в английских университетах. Первый этап он датировал 1870–1950 гг. Степень по истории была впервые учреждена в Оксфорде в 1872 г. На протяжении этих десятилетий сохранялась модель, оформившаяся еще в XIX в. Историческое образование рассматривалось как формирующее личность, ее моральные и интеллектуальные качества, патриотизм и как поиск исторической истины. Уже тогда сложилось представление, что «великий ученый» благодаря достижениям в своих исследованиях *a priori* лучший преподаватель. На втором этапе, в 1950–1980 гг., произошел гигантский рост профессии. В 1960-х гг. число студентов увеличилось вдвое. В конце 1970-х гг. 41 из 47 университетов королевства присуждали степени по истории. Кроме того, историков выпускали политехнические институты и колледжи. Ис-

тория привлекала студентов, и господствовало убеждение, что образование в области истории ценно само по себе. В педагогическом плане акценты сместились с морального поучения к критическому мышлению, развитию навыков исторического исследования, которые рассматривались и как навыки, имеющие ценность в реальной жизни. В программах отмечался отход от господства политической истории к социальной истории, привлечение теорий из таких наук, как социология, а также расширение пространственных рамок истории за счет Африки и Латинской Америки. Господствующей формой обучения оставалась лекция, хотя в некоторых случаях применялись инновационные методы, *workshops* или проекты. В дискурсе о преподавании появилась критика идеи о том, будто высокие достижения в научно-исследовательской деятельности сами по себе – гарантия хорошего преподавания. Обучение начало как бы отделяться от научного исследования.

Новый период, 1980–2000 гг., характеризовался кризисом истории как университетской дисциплины и началом нового педагогического мышления и новых практик обучения. Эти тенденции были в большой мере вызваны изменениями в правительственной политике, сокращением расходов на образование, начало чему было положено М. Тэтчер. Возникли опасения по поводу потребности в выпускниках-историках, особенно на фоне падавшего в 1980-х гг. интереса к истории в школах. Озаботившись качеством образования, правительства все чаще заявляли о высшем образовании, ориентированном на рынок, результаты и потребителей. «Государственная риторика о «разумных» инвестициях в образование, «эффективности» и «инновациях» совпала с дискурсом в педагогике, в котором прежний подход, рассматривавший подготовку специалиста как процесс, направленный на достижение единых образовательных целей и предполагавший самостоятельность учителя, теперь изображался как ограниченный, не соответствующим современным потребностям общества и экономики, столкнувшейся с нарастанием глобальной конкуренции», – замечает Бут (с. 24). В то же время правительственная «бизнес-программа» в сфере высшего образования открыла некоторым преподавателям путь к концепции «передаваемых компетенций» и предоставила возможность получать средства за счет правительственных фондов на достижение таких «профессиональных компетенций» для студентов, которые сделали бы историческое образование шире применимым (с. 24). В методологическом отношении на фоне коллапса таких мега-категорий, как класс или модернизация, упадка идеи причинно-следственных связей историки больше концентрировались на языке, идентичностях, гендерных отношениях и культурной

истории. Отсюда прокладывался путь к «популярной истории», устной истории, публичной истории или другим областям, связанным с «историческим наследием». Отражением этих тенденций стало появление новых практик обучения, «рефлексивных» и «само-рефлексивных» методов, акцентировавших значение личного опыта, стимулировавших студентов к «прочтению» истории в русле социальной и политической эмансипирующей программы. Использование информационных технологий привело к громадному расширению ресурсов для обучения. В учебной аудитории все шире использовались групповые, основанные на сотрудничестве, проекты; ролевые игры; семинары, проводимые самими студентами. Как эти, так и другие технологии активного обучения к началу нашего тысячелетия стали основными в образовательном процессе в университете. В риторике «студенто-центричного» обучения преподаватель из «инструктора» стал «помощником», а сам студент объявлен «со-творцом» образовательных результатов. В то же время итоговая письменная научная работа продолжала оставаться главным критерием оценивания результатов обучения.

В последнее двадцатилетие ушедшего века соотношение между научной и преподавательской деятельностью начало меняться: «преподавание начало медленно выходить из тени. Возвышение в политике в области высшего образования пункта о стандартах привело к попыткам сделать процесс преподавания доступным подсчетам, это же породило инициативы, направленные на поддержку инноваций в образовании и на признание и вознаграждение “отличного” обучения. Преподавание стало более прозрачным и публичным делом, особенно с распространением модульного обучения с его требованием специфически определять образовательные результаты, а также с распространением в 1990-х гг. системы формального оценивания преподавательской деятельности со стороны коллег по образовательному учреждению» (с. 28-29). В течение последних двадцати лет преподавание стало более открытым для наблюдения и серьезного обсуждения. Как оценивают происходившие на протяжении последних 60-70 лет сдвиги в сфере высшего образования респонденты Бута? Послевоенное время воспринимается как «золотой век» университетского историка, как время, когда «дон» (так называли профессоров в Оксфорде) был спутником и советником политика с Уайтхолла. Те, кто помнит 1960–70-е гг., называют их счастливым временем, когда классы были маленькими, студенты серьезными и увлеченными предметом, а лектор в значительной мере был свободен в определении содержания и методов обучения.

Начиная с 1980-х гг., происходило «усиление бюрократизма в оценивании научной и преподавательской активности, увеличение числа затратных по времени административных заданий, приход иных, более слабых по подготовленности студентов, нарастание требований со стороны правительства и руководства университетов к “высокому качеству” и “эффективности” учебных результатов. В условиях сокращения финансирования все это вызывает глубокую озабоченность в академической среде» (с. 31-32). К началу века выявилось, что профессия университетского преподавателя в Англии становилась все менее престижной – его доходы падали, статус снижался, как и перспективы, самостоятельность и безопасность положения. Лишь очень немногие из респондентов выразили убеждение, что лица, принимающие решения, как в правительстве, так и в университетах, готовы прислушаться к их взглядам или принять их во внимание. Это чувство «исключенности» из принятия решений возрастает в старших возрастных группах. Как заметил один респондент, «сегодня университеты управляются так, чтобы осложнить работу, насколько это возможно, осуществляя давление и ожидая получить все больше и больше из ничего» (с. 34). В целом, комментарии свидетельствуют о недовольстве возникновением в сфере высшего образования «культуры акционеров», капитализирующей его. Преобладающими являются сожаления по поводу ограниченности студенческих интересов, концентрированности на экзаменах, оценках и баллах, недостатка углубленного чтения, ориентации на «факты», недостаточного знания историографии, неспособности к критическому чтению и самостоятельному исследованию, отсутствия критического умения при написании письменных работ. Что касается оптимистических оценок сложившейся ситуации, то они более всего относятся к возможностям внедрения педагогических новаций, повышению статуса преподавания в структуре деятельности университетского лектора.

Третий раздел «Возможности предмета: любовь, энтузиазм, мотивация» автор начинает с напоминания о состоявшейся в конце 1990-х гг. среди британских преподавателей дискуссии о проекте стандарта подготовки бакалавра. Многие участники дебатов отвергли продукт «безликих бюрократов», говоря о неприемлемости такого отношения к высшему образованию, при котором студент рассматривается как «потребитель образовательных услуг». В желании утвердить стандарты политики игнорировали вопросы мотивации учительского труда, фундаментальные ценности профессии. В лексиконе менеджеров образования преобладают такие слова, как «стандарт», «эффективность», «занятость», «прозрачность», «отчетность». Представители академической

среды предпочитают использовать такие термины, как «любовь» (к предмету и работе), «увлеченность», «энтузиазм», «забота», «самостоятельность» (с. 43-44). Все участники исследования разделяют убеждение, что «побудить студентов любить свой предмет – одновременно основополагающая цель и мощный инструмент для реализации их потенциала как историков и обучающихся» (с. 44-45). Среди возможностей, которые открывает предмет, преподаватели истории отмечают рассказ о людях; вызов принятым представлениям; развитие особого вида критического мышления «во времени»; понимание людей через понимание себя, других и общества; стимулирование детального и целостного восприятия прошлых событий; формирования представлений о будущем. В среде историков отсутствует точное определение, каким именно должно быть содержание исторического образования, и вытекающая из этого свобода и гибкость воспринимается как значительное преимущество в процессе обучения.

На основании собранных материалов Бут выделяет следующие факторы, определяющие любовь к «своему» предмету. Во-первых, это возможность соединить собственное научное исследование с преподаванием. Во-вторых, обучение истории позволяет установить особый контакт со студентами, избежать антитезы «эксперт-начинающий», «учитель-ученик» и сопровождающих ее страхов (с. 53). В педагогических трудах, на которые ссылается Бут, установлено: равнодушное отношение преподавателя к своему предмету привлекает и стимулирует студентов. Лучшие преподаватели прислушиваются к потребностям своих студентов и учитывают их в преподавании. В-третьих, университетские преподаватели любят в своей работе то, что могут видеть, как происходит момент «озарения», как студенты, которые воспринимали историю как набор фактов или тем, начинают «мыслить как историки». Один респондент сравнил это с эффектом вспышки. В-четвертых, подавляющее большинство информантов было мотивировано своими учителями, школьными или университетскими. Что именно запомнилось? Это могли быть захватывающие рассказы или интересные вопросы, порождавшие мысль; дискуссии или игры; строгий анализ источника или творческая внешкольная работа. В заключение раздела Бут отмечает: слова «любовь» и «энтузиазм» сегодня снова появляются в педагогических трудах. Критики современной политики в области высшего образования указывают на необходимость утверждения целей и ценностей, которые поднимаются над ограниченными техническими дискуссиями о значении навыков или компетенций (с. 68-69).

В четвертом разделе «Что имеет значение: надежды и результаты для студентов» исследуются представления университетских преподавателей о том, что дает история их выпускникам. Бут замечает, что почти все респонденты говорят о важности «заразить» студентов энтузиазмом в отношении к истории, но чаще всего результаты обучения связываются с достижениями последних в каких-то областях истории. По мнению автора, это связано отчасти с сохраняющейся неопределенностью самого содержания исторического образования, а отчасти с обсуждением целей высшего исторического образования и вытекающим из него сдвигом в пользу «умений» за счет «знаний». Не все респонденты вышли за рамки обобщения, что «история способствует пониманию», указав более конкретно на то, в чем видится польза исторического образования. В то же время многие отметили развитие у студентов исторического мышления как результат обучения. Ссылаясь на Сайпресса и Фолкера, Бут понимает под таким мышлением «овладение сложными умственными операциями», позволяющими «в полной мере участвовать в основанном на источниках аргументативном дискурсе о прошлом человечества» (с. 75). Другой результат обучения респонденты увидели в развитии критического мышления, включающего многие умственные процессы, в том числе концентрирование внимания, категоризацию, отбор и суждение (с. 77). Обобщая идеи, высказанные по этому поводу в анкетах и интервью, Бут говорит: история, преподаваемая в лучшем виде, видится как средство формирования способности ничему не доверять просто так, и все ставить под вопрос. При этом, в первую очередь, подчеркивается важность формирования умения задавать вопросы и формулировать ясные непротиворечивые аргументы по поводу событий и людей.

Обучение истории также способствует выработке самостоятельности, формированию независимо мыслящей личности. Как выразился один из респондентов, «из хорошего обучения истории вытекает то, что студенты становятся независимо мыслящими и могут видеть за пределами непосредственных обстоятельств и утверждений; они становятся способными творчески решать проблемы, что исключительно полезно в нашем обществе и нашей экономике» (с. 79). В психологическом отношении результатами «хорошего» исторического образования является развитие самосознания и способности к самопознанию. В социальном отношении историческое образование формирует чувство социальной ответственности и принадлежности к «единому человечеству». Изучая историю, студент сталкивается с явлениями миров, во многом отличных

от его собственного мира. Понимая, что концепции, намерения и идеалы не универсальны, выпускник-историк воспринимает и легче принимает «других» XXI века. По мнению учителей истории, их выпускники лучше информированы и более активны как члены гражданского общества. «Чаще всего артикулируемая концепция гражданственности далека от усилий укрепить национальный нарратив, риторику патриотических чувств или конформистское представление о “гражданских ценностях”, которое лежит в основе постоянных правительственных инициатив последних десятилетий, направленных на то, чтобы переупаковать историю в школьных программах», – замечает Бут (с. 90). Преподаватели довольно единодушны в том, что историческое образование позволяет выпускникам преуспеть и найти «хорошую работу» на быстро меняющемся современном рынке труда. Преподаватели считают, что получив историческое образование, выпускник способен занимать высокие должности, требующие принятия решений, в том числе стратегических.

В пятом разделе «Что делают лучшие учителя: история в классной комнате» Бут характеризует тенденции, связанные с внедрением в университетское образование новых методов обучения. Ознакомление с этой главой свидетельствует о многообразии форм учебной деятельности, применяющихся сегодня в практике университетского исторического образования в Англии. Тем не менее, главная идея, проходящая через анкеты и интервью, это идея разнообразия. Вариативность – это то, что делает процесс преподавания успешным, убеждены британские специалисты. Хотя основной формой является работа на семинарах, Бут указывает на мнение о полезности лекций, проводимых с использованием интерактивных методов. Подчеркивается значимость самооценки студентами собственных результатов, что может включать критическую рефлексию, ведение журналов, веб-дневников и др. Новые электронные технологии, безусловно, рассматриваются как эффективный инструмент исторического образования. Как показал Бут, наблюдается активное внедрение различных основанных на сотрудничестве исследовательских форм деятельности, примерами чего могут служить групповые исследовательские проекты, исторические реконструкции, семинары, проводимые студентами, полевые исследования за пределами аудитории. Осуществляются проекты в местных сообществах; в итоге создается публичная история фабрик, мельниц, учреждений и т.д. Студенты ведут работу по устной истории, снимают и монтируют фильмы, создают ресурсы для музеев и школ. Как пишет Бут, хотя постмодернизм существенно поколебал традиционную эпистемологию истории, работа с

первичными источниками/следами прошлого остается интегрирующей частью программ по истории (с. 119). Однако они представлены сегодня в обучении гораздо шире и разнообразнее, чем когда-либо раньше. Кроме традиционных письменных источников широко используется литература, фильмы, предметы массовой культуры и т.д.

В разделе шестом «Развиваясь как учитель» автор передает убежденность британских преподавателей в том, что их труд требует рефлексии, стремления к совершенствованию, постоянного внимания к нуждам студентов. Только в этом случае преподаватель будет уверен в правильности того, что он делает. Бут называет главные пути, на которых университетский преподаватель совершенствует свое мастерство. Первый путь – это совершенствование на основе собственного опыта. Убежденность в том, что это основной источник их развития, высказывают преподаватели всех возрастных групп. Он включает не только непосредственно работу в университете, но и предшествующую работу в школе, музее, бизнесе или иных сферах. Тем не менее, доминирующее значение имеет опыт обучения студентов. Как отметил один респондент, «в то время как теории обучения были полезны в том, чтобы посмотреть критически на некоторые из моих методов, гораздо большему я научился, непосредственно работая со студентами в классе» (с. 149). Второй отмеченный респондентами путь – учиться у студентов. Отзывы студентов влияют не только на выбор методов, но и на отбор содержания курсов. Например, некоторые отмечали, что они приняли во внимание предпочтения студентов изучать социальную и культурную историю. «Вера студентов в меня как учителя всегда была исключительно важна для моего профессионального развития», - отмечалось в одной из анкет (с. 154). Третий путь – учиться у коллег. Такое влияние происходит формально и неформально, в том числе в ходе ежедневного общения. В некоторых университетах есть практика назначения наставника к начинающим преподавателям. Однако иногда наставники из числа самых опытных профессоров с большим стажем не очень склонны поддерживать применение в преподавании нетрадиционных методов. Наконец, четвертый путь – через формальное обучение и изучение литературы, но об этом респонденты упоминали гораздо реже.

Седьмой, заключительный раздел книги называется «Становиться лучше: обобщенные советы и выводы для лекторов и департаментов». Бут оговаривается: речь идет не о своде правил, а только о знаках, помогающих отдельным преподавателям и департаментам обдумать свои взгляды и найти собственные ответы. Разумеется, Бут лишь обобщил

рекомендации, данные его респондентами. Надо сохранять уверенность в себе, не впадая в разочарование и отчаяние. Идеалы, целостность и энтузиазм – вот что ценят студенты в своих преподавателях. Не стоит бояться признаться студентам, что не знаешь ответа на какой-то вопрос. Важно спланировать свою работу, особенно приступая к новому курсу, но излишняя приверженность плану может сослужить плохую службу: нужно быть и целенаправленным, и гибким. Преподаватель должен уметь слушать студента, что особенно важно в наши дни, когда студент стал центральной фигурой в образовательном процессе в большей степени, чем когда-либо раньше. Нужно учесть, что студенты ценят, что вызывает у них страх или беспокойство. Многие респонденты подчеркивали: важно вовремя похвалить студента, воодушевить на достижения. Бут замечает: «Чтобы побудить желание учиться и формировать уверенность в себе, похвала так же важна, как и конструктивная критика» (с. 179). Британские педагоги отмечали необходимость совершенствования, как в своем предмете, так и в мастерстве. Немаловажное значение имеет контекст, в котором осуществляется педагогическая деятельность, культура преподавания, сложившаяся на факультете. Обобщая соответствующие мнения, Бут пишет: успех в обучении достигается путем открытых дискуссий и на основе совместных решений; педагогическая культура историка основывается «на влюбленности в свой предмет и приверженности гуманистической миссии, на личностном подходе и принятии различий, на товарищеском доверии и уважении, на готовности экспериментировать и рисковать, признании необходимости непрерывной рефлексии и самооценки. Создание такого контекста – не простое и не быстрое дело. Оно основывается на совместных усилиях при ясном понимании целей» (с. 187-188). Исходя из такого понимания общих задач, Бут показывает отношение участников его проекта к фигуре руководителя факультета (департамента). Исследование показало, что видимый преподавателями идеал далеко не всегда находит отражение в конкретных условиях их деятельности.

Главный вопрос, который возникает после прочтения книги, можно сформулировать так: являются ли высказанные преподавателями университетов взгляды адекватным отражением происходящих в высшем образовании процессов, не слишком ли они далеки от реальности? Кажется, что Бут признает правомерность этого вопроса, подчеркнув и в заглавии, и на многих страницах фразу *teaching at best*, то есть обучение в лучшем, идеальном варианте. Труд Бута о том, как *хотят* сегодня работать университетские преподаватели истории в Англии, и в мень-

шей степени о том, что из этого получается. Потому в нем и не слышны голоса студентов или администраторов. Однако это не лишает книгу привлекательности. Она дает полное представление о профессиональной культуре преподавателя истории в британских университетах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Booth A. History teaching at its best. Historians talk about what matters, what works and what makes a difference. Nottingham: Rippleround Publishing, 2014. 230 p.

Booth A. Teaching History at Universities: Enhancing Learning and Understanding. L.: Routledge 2003.

Booth A. (ed.) What Do We Want Our Students to Be? / Higher Education Lecture Series. Nottingham: Centre for Integrative Learning, University of Nottingham, 2010.

Booth A., Hyland P. (eds). History in Higher Education: new directions in teaching and learning. L. 1996.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, *sokolov_1457@mail.ru*

Д. В. МИХЕЛЬ

ФЕНОМЕН МЕДИЕВИСТИКИ В САРАТОВЕ

Рец. на кн.: *Девятайкина Н. И.* С. М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском городе Саратове. Саратов: Научная книга, 2013. – 216 с.

Ключевые слова: *С. М. Стам, Саратовский университет, медиевистика.*

На тыльной стороне обложки – знакомая с давних пор фотография. На ней слева направо в первом ряду – В.А. Ермолаев, С.М. Стам, М.М. Яброва, А.И. Озолин, Т.Д. Никитина, во втором – Т.М. Негуляева, М.Е. Карпачева-Беляева, Н.И. Девятайкина. Она была сделана в 1985 г. и потом многие годы висела на стене кафедры истории средних веков, в знаменитом на весь город 4-м учебном корпусе Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, на улице Радищева, дом 41. Впервые я увидел ее в том же году, как и тех людей, что были на ней изображены. Сегодня тех, кто сидел тогда в первом ряду, уже не осталось в живых, но, к счастью, живы те, кто стоял во втором, однако уже не молоды. Крайняя справа во втором ряду – самая молодая среди тех, кого запечатлел фотограф, – ныне доктор исторических наук, профессор Н.И. Девятайкина. Теперь память об этих людях воплощена не только на черно-белом снимке, но и в недавно появившейся книге Нины Ивановны Девятайкиной. Эта книга о создателе кафедры истории средних веков в Саратове профессоре Соломоне Моисеевиче Стаме и его знаменитой на всю страну саратовской научной школе медиевистов.

Я прекрасно знаю автора книги. Мне довелось слушать ее лекции во второй половине 1980-х гг. и посещать ее семинар по средневековой истории. Многие из работ автора мне также знакомы. Но эта книга тронула с первых же страниц и держала в напряжении до самого последнего абзаца. Книга, бесспорно, удалась. И своим языком, и формой, и содержанием. Она будет интересна и вызовет много эмоций у тех, кто будет ее читать. Однако основная аудитория книги – это, конечно же, саратовцы и обширное сообщество историков-медиевистов, что разбросано по всем университетским городам России, Израиля и Украины, где существуют исторические факультеты. Будем надеяться, что ее ограниченный тираж – всего 200 экз. – не станет преградой для тех, кто захочет ее прочитать и поделиться с другими людьми.

Чем же важна эта книга? В первую очередь тем, тем, что она вновь открывает нам мир гуманитарно-научной культуры советской эпохи.

Для тех, кто слабо знаком с этим явлением, книга напомнит о том, что в СССР кроме наук общественных, крайне идеологизированных, существовали и гуманитарные, прежде всего история. В особенности это верно для истории всемирной, зарубежной, и в первую очередь – для истории Древнего мира и медиевистики. Как справедливо показано в книге, именно эта сфера гуманитарно-научной культуры притягивала к себе самых неординарных и оригинально мыслящих личностей, жаждущих знания и способных избегать идеологических штампов и стереотипов. Представители этой формы культуры были людьми в высшей степени образованными и непохожими не только на большинство обывателей, но и на большую часть университетской публики. Историки-античники и медиевисты были знатоками классических языков – греческого и латыни, а также хорошо владели целым рядом современных западных. На кафедре истории средних веков в Саратове преподаватели читали сами и прививали студентам потребность в чтении оригинальных текстов на латыни, итальянском, чешском, старофранцузском, староанглийском, средненевернемецком и т.д. Сегодня, в век Интернета и всевозможных компьютерных программ-переводчиков эта лингвистическая продвинутость уже не настолько значима, но более четверти века назад она была чрезвычайно важна и, в какой-то степени, даже невероятна. В Саратове как городе, где университет появился еще в 1909 г., традиции гуманитарного образования были достаточно давними. Однако лишь после войны в этой сфере начался качественно новый этап. Он наступил в связи с появлением небольшой группы историков, которая пришла работать на факультет в эти годы и сделала истфак одним из лучших факультетов страны. Был в числе этих историков и молодой тогда С.М. Стам, московский ученик академика С.Д. Сказкина.

Книга Н.И. Девятайкиной – о роли великой личности в истории. Таковой, безусловно, была личность С.М. Стама. Мне довелось видеть и слышать этого человека, и это было ярким событием в моей жизни. Но лишь прочитав эту книгу, мне удалось осознать, с кем и с чем посчастливилось мне столкнуться. Профессор Стам, автор «Корифеев Возрождения», которых читал чуть не весь Саратов, сам был корифеем. В том числе в древнем смысле этого слова – предводителем целой группы талантливых специалистов, которую ему удалось собрать, вырастить и вывести на передний край гуманитарной науки. Такое удается только личностям с большой буквы. Как историк-медиевист Стам был убежденным марксистом и оставался им до конца жизни. Но его марксизм не был формальным, бездушным учением, с которым жило и мучилось целое поколение студентов-историков 1950–1980-х гг. Стам жил в марксизме и

филигранно пользовался им как средневековый мастер, которому пришлось из грубого материала изготавливать шедевры. Он талантливо применил марксизм, «изготовив» свою знаменитую концепцию происхождения раннесредневекового города, а также в целом ряде других ситуаций, связанных с решением непростых задач средневековой истории.

Книга также о том, что можно назвать феноменом существовавшим, но, увы, исчезнувшим. С.М. Стам прибыл в Саратов в 1949 г. молодым человеком и сразу же возглавил кафедру истории средних веков, которой, в сущности, еще не было. Он создал эту кафедру с нуля и затем возглавлял ее более сорока лет, а когда в силу возраста покинул кафедру, то передал ее своей непосредственной ученице Н.И. Девятайкиной и после этого постепенно перебрался в Москву, где и провел остаток жизни до 2010 г. Как показано в книге, Стам всегда был на кафедре, с кафедрой и для кафедры. Кафедра была его детищем, его жизнью, а он был ее душой, сердцем и интеллектом. Через руки Стама прошли сотни талантливых студентов, из которых выросли очень неплохие историки, а самые трудолюбивые из его учеников сами стали прекрасными учителями. Мне удалось слышать лекции всех учеников Стама в 1980-е гг. В пространстве университетской жизни кафедра – это особая корпорация, обитель для посвященных. Но, как верно показано в книге, С.М. Стаму удалось «разомкнуть» мир этой кафедры, сделав ее явлением общеуниверситетским, региональным и даже национальным. Кафедра Стама стала одним из важнейших центров отечественной медиевистики, и ее с 1970-х гг. регулярно посещали видные медиевисты со всей страны, а также многочисленные студенты-историки различных вузов. Созданный С.М. Стамом научный коллектив, в котором преобладали историки-женщины, оказался настолько сильным и продуктивным, что, оставляя свое наследие в руках учеников, Стам мог быть совершенно уверен, что его дело будет продолжено. Во многом, так оно и случилось. Однако в 2006 г., когда в силу реформ, начатых новым руководством Саратовского государственного университета, истфак стал объектом административного произвола, именно кафедра средневековой истории выступила самым сильным бойцом истфакского сопротивления. Эта борьба – за университетские свободы, за право участвовать в принятии важных для всего университета решений – продолжалась около трех лет (!). Значительная часть сыновей и дочерей истфака была вынуждена оставить свою Alma mater. Школа С.М. Стама как культурный феномен прекратила существование – во всяком случае, в стенах университета. Замечу, что читатель не найдет в книге упоминания об этих событиях, поскольку они выходят за пределы предмета повествования.

Книга Н.И. Девятайкиной о профессоре Стаме и его школе написана с использованием богатого источникового материала – протоколов заседаний кафедры средневековой истории за несколько десятилетий, писем, воспоминаний, научных трудов. Весь этот материал позволяет рассматривать феномен саратовской медиевистики объективно и беспристрастно. Читая книгу, мы можем видеть, что С.М. Стам и окружавшие его люди были детьми своего времени: кафедральные заседания с непременно обсуждением «общественно-воспитательных вопросов», партийные собрания, лекции по политическому просвещению населения, и очень скромный быт. Но при этом из книги видно, как много и упорно трудились С.М. Стам и его коллеги. Бесконечная работа по обучению студентов, спецкурсы, спецсеминары, конференции, переводы средневековых текстов и их публикация, организация и реализация такого важного печатного проекта, как «Средневековый город». Из книги видна вся «кухня» стамовской научной школы. И это очень полезно для современного читателя, особенно для тех, кто учится в университетах, и для тех, кто преподает. В школе Стама есть чему поучиться.

В заключение, один очень памятный урок из истории Средневековья по С.М. Стаму. «Воздух города делает человека свободным». Эту формулу помнят все поколения историков, которые учились у Стама и его учеников. Когда студентам-историкам объясняли, как возник ранний средневековый город и как появилась вся последующая европейская цивилизация, лектор начинал свой рассказ с упоминания о громком топоте бесчисленных ног крестьян, которые бежали от своего феодального господина. Городские свободы, ремесла, цеховая жизнь, университетское образование, наука родились из этого громкого топота. В стамовской медиевистике этому всегда уделялось большое внимание. Настало время уделить внимание истоку этих идей – С.М. Стаму и его научной школе. Надеемся, что Н.И. Девятайкина и ее молодые коллеги смогут также воплотить свой замысел публикации четырехтомного собрания сочинений профессора С.М. Стама с обширными комментариями к работам великого историка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Девятайкина Н. И. С. М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском городе Саратове. Саратов: Научная книга, 2013. – 216 с.

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, декан социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина; dmitrymikhel@mail.ru

В. М. ЯКОВЛЕВ

МОЛЧАЛИВЫЕ СТРАЖИ И СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ

Рец. на кн.: Муртузалиев С. И., Шрестха К. П. От кавказских вершин до гималайских высей (социоэкономические и этнокультурные перемены в Дагестане и Непале на рубеже XX–XXI столетий) / Под общ. ред. проф. С.И. Муртузалиева. Москва–Катманду: ООО «Изд-во МБА», 2012. 304 с.: ил., карты.

Ключевые слова: Дагестан, Непал, конфессиональные проблемы, полиэтнизм.

Посвященная изучению актуальных и острых проблем современного развития горных территорий на примере отделенных друг от друга расстояниями Республики Дагестан и Федеративной Демократической Республики Непал монография принадлежит перу двух представителей разных по историческому опыту, но неожиданно оказывающихся поставленными перед сходными во многих отношениях вызовами, культур – доктора исторических наук, профессора Сергея Ибрагимовича Муртузалиева и востоковеда, журналиста, писателя Кришны Пракаша Шрестхи. Вершины гор, высящиеся в разных концах света, словно соединяются авторами векторной прямой, преодолевающей пространство и подобной струне, в звучании которой угадывается биение времени.

Авторы определили жанр книги как «научно-публицистический» (С. 32). На наш взгляд, «Предисловие» и «Введение» (С. 13–32) позволяют рассматривать рецензируемую монографию и как историко-географическое исследование, как продолжение развивавшейся на протяжении многих лет Л.Н. Гумилевым темы «этнос и ландшафт»¹.

Две части книги, отведенные одна Дагестану (четыре главы) и другая Непалу (две главы и эпилог), неравнозначны по объему, но соответствуют друг другу по содержанию. В обеих республиках наблюдаются сходные внутренние миграционные процессы — сокращение численности населения в горах и связанный с этим ее рост в низинных регионах. Причины здесь главным образом экономические и социальные: урбанизация, углубление различий в уровне жизни, острота проблем занятости населения, наличие или отсутствие коммуникационных систем и путей сообщения. Тем не менее, именно в горах сохраняются традиционные формы хозяйствования, ремесла, уникальные виды деятельности.

¹ Ср.: Гумилев. 1968. Вып. 3. С. 193–202.

Чтобы сберечь ценности, создаваемые на протяжении веков, необходима в современных условиях поддержка таких регионов со стороны государства. Существенное внимание в монографии уделяется политическому устройству и территориально-административному управлению двух горных республик. Хотя одна из них (Дагестан), будучи субъектом федерации, входит в состав федеративного государства, другая же является самостоятельным федеративным образованием, противоречия, тем не менее, возникают, проблемы существуют, поиски решений ведутся там и там. Несомненно, что принципиальную роль при этом исполняет законодательство.

Обсуждению правовых документов, их цитированию, анализу их ключевых положений профессор С.И. Муртузалиев уделяет в первой части монографии немало места. Что касается Непала, здесь непрерывно происходящие процессы политического плана и общественные перемены еще не уложились в устойчивые правовые формы. Работа над основным законом – конституцией – все еще продолжается. Зато мы получаем редкую возможность познакомиться с описанием непосредственно происходящих на политической сцене событий и скрупулезными полевыми наблюдениями опытного журналиста (каковым является К.П. Шрестха), следящего за общей картиной расклада политических сил и ее развитием в своей стране. Подобного рода наблюдения обильно представлены и в первой части книги.

Полиэтнизм. В той и другой части монографии особо выделена тема полиэтнизма и многонациональности. Культурно-историческую целостность Дагестана обеспечивают более тридцати коренных этносов. В республике проживают представители более чем 120-и национальностей и народностей, говорящих на различных языках и наречиях северокавказской, алтайской и индоевропейской семей. Еще более пестрая этноязыковая картина в Непале усложняется в силу наличия элементов кастовой системы в социальной ткани непальского общества.

Конфессионализм. Вероисповедание – одна из наиболее животрепещущих тем, затронутых в монографии. Преобладающей по числу верующих религией в Дагестане является ислам, переживавший в период перестройки и позже своего рода «ренессанс». Одновременно с ростом влияния ислама наблюдается процесс его политизации. Возрастает активность мусульманских общин, объединений и духовенства в государственном управлении и местном самоуправлении, в решении на основе шариата земельных и имущественных споров. Однако снижению накала политических страстей здесь способствует как раз полиэтнизм (С. 72).

Противостояния между исламом и христианством в Дагестане нет хотя бы потому, что число христианских объединений здесь многократно (более чем в 50 раз) уступает количеству мусульманских объединений (С. 74). Тем не менее среди значительной части приверженцев ислама немало противников секуляризма и принципа отделения церкви от государства. Тоталитарные тенденции, особенности авторитарного сознания, свойственные не только последователям ислама, но и ряда других вероисповеданий в современном мире, лежат в основе возможного их противостояния светским социальным институтам и ценностям.

Конфессиональные проблемы на Северном Кавказе представляют наиболее острыми. Непал же в отношении религии в 2006 г. провозгласил себя светским, отказавшись от статуса единственного в мире индуистского государства (С. 250). Тем не менее в обязанности его главы входит осуществление и сакральных функций, присутствие на наиболее важных религиозных церемониях, как индуистских, так и буддийских.

Против светской власти иногда раздаются голоса наиболее неумных приверженцев индуизма, но веротерпимость, присущая народу Непала в целом и поддерживаемая вековыми традициями, преобладает. Ислам в этой стране насчитывает 500-летнюю историю, также христианство существует здесь уже три с половиной столетия.

Немало места в монографии уделяется культурной жизни Дагестана и Непала. Тема эта, однако, неисчерпаема. Здесь особенно велика роль традиций, и поскольку сфера культуры обладает особой исторической спецификой, не всегда бывает возможно выделить критерии для сопоставления. В частности, это касается фольклора. Тем не менее трудно переоценить значение традиционной культуры в жизни даже современного общества. Культура образует нравственную его основу. Есть при этом здесь и экономическая составляющая: доходы, которые приносит туризм. Эта область весьма интенсивно развивается и, очевидно, имеет большие перспективы.

Величайшую ценность представляет духовная культура, которую, соприкасаясь с ней, можно вновь и вновь открывать для себя (и для всех, кто готов ее воспринять), как это делает знаменитый поэт (и не только родного Дагестана) Расул Гамзатов. Его поэмы, посвященные Непалу, открывают настоящий и глубокий диалог культур — с широким диапазоном участия в нем. К.П. Шрестха отводит в своей части монографии фольклору Непала, истории его изучения, а также разбору переведенных им на непали поэм Р.Г. Гамзатова отдельный параграф (С. 261–269).

Таким образом, как нам представляется, рецензируемую монографию вполне можно отнести к энциклопедическому жанру.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гумилев Л.Н. Историческая география как народоведение // Доклады Географического общества СССР. 1968. Вып. 3. С. 193-202.

Муртузалиев С.И., Шрестха К.П. От кавказских вершин до гималайских высей (социоэкономические и этнокультурные перемены в Дагестане и Непале на рубеже XX–XXI столетий) / Под общ. ред. проф. С.И. Муртузалиева. Москва–Катманду: ООО «Изд-во МБА», 2012. 304 с.: ил., карты.

Яковлев Виктор Михайлович, кандидат философских наук, *vm.yakovlev1@gmail.com*

SUMMARIES

***O.S. Nagornaya* Humanitarian tendencies out of the ashes of the Great War. Transnational dimension of the repatriation of prisoners of war in Europe**

The article is focused on the repatriation of prisoners of war (POWs) on the Eastern Front of WWI. It reconstructs the specific transnational experience first industrial war: ideological potential, norms and institutions of international humanitarian law, the transformation of supranational charities, securing new diplomatic practices, the emergence of a special type of international mediators, and, in general, the birth of modern international humanitarian discourse.

Keywords: First World War, international humanitarian law, the repatriation of prisoners of war, transnational history, history of ideas, the history of international organizations

Oxana S. Nagornaya, Dr., Professor, Pro-rector for Research - South Ural Institute of Management and Economics (Chelyabinsk), nagornja.oxana@mail.ru.

***Z.A. Chekantseva.* Between the Sphinx and the Phoenix: Historical event in the context of reflexive turn in France**

The author examines the transformation of the *event* in the French historiography of the past decades. The event, being a key notion in historiography, is the matter a historian deals with. However, history being shaped as a social science, constituted its specificity against the event. Nevertheless, the event always came back. A new interest to the event in historiography, caused by both the change in historicity mode and the necessity to understand the modern world, made the historians rethink the content of historical time. This allowed the historians to determine the correlation among the event, structure and system. Some indeterminacy of the historical actor involved in the action began to play a bigger role in the study of the event. The analysis of such an action allows to better describe the correlation between this indeterminacy and the possibilities hidden in the inescapable mystery of the event. In addition, the event analysis helps to render the complex interweaving of time and world of action.

Keywords: event, reflexive turn, the regime of historicity, epistemologically oriented historiography, narrative, time of event.

Zinaida A. Chekantseva, PhD in History, Professor, Senior Research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru

***O.V. Vorobieva.* On the event and eventfulness in historical cognition.**

The article describes an attempt to comprehend the event as a category of modern scientific and philosophical analysis. Starting from philosophical interpretation of this concept, the author tries to understand specific features of its use in contemporary historical science, and comes to the conclusion that «the renaissance of events», proclaimed today is mediated by deep shift in the field of non-classical and post-classical rationality. The event, its experience and conceptualization, starts being comprehended as a focus in which the different types of temporality, embodying different human experience, including experience and actions of historians are interpreted to an increasing extent.

Keywords: historical event, categories of contemporary historical science.

Olga V. Vorobieva, Dr. (PhD in History), Associate Professor, Head of the Centre for Comparative History and Theory of Civilizations, Institute of World History, Russian Academy of Science, e-mail: vorobushek1@yandex.ru

A.S. Mokhov. Studies of the Byzantine army: theory and terminology.

The article analyses the 18th–19th c. historiography of the Byzantine art of war and military organization. The author demonstrates that for a long time the Byzantine military-administrative system was thought to be extremely conservative. However, contemporary scholars reject these views because they do not do justice to the realities of Byzantine history. Besides, the article considers the problem of the use of contemporary military terminology in the studies of the history of the Byzantine armed forces. The author concludes that the modernization of the terminology is unjustified and does not help create an overview of Byzantine military history.

Keywords: Byzantine, Byzantine military history, military art, historiography, terminology.

A.S. Mokhov, Dr., Assistant Professor, Ural Federal University (Ekaterinburg), Institute of Humanities and Arts, Faculty of History, head of the department of Ancient and Medieval Studies, Professor, rkb2004@yandex.ru

L.V. Liakhovich. The problem of absolutism in post-Soviet historiography: conceptual aspects and terminology

The problem of absolutism remains one of the most controversial in the field of Modern History. The article identifies the causes of the situation and offers suggestions for its evaluation and resolution. Particular attention is paid to contemporary interpretations of the concept of "absolutism"; criteria for its definition and terminological number of analogues are proposed.

Keywords: historiography, methodology, concepts, terminology, Modern History Studies, absolute monarchy, absolutism, the Ancient regime.

L.V. Liakhovich, Ph. D., Associate Professor of Belorussian History and Museology in Belarusian State University of Culture and Arts. Minsk, Belarus. E-mail: larisa-hist@mail.ru

V.V. Vysokova 'Secular' and 'Ecclesiastical' history in Britain of the Enlightenment period: the rationalization of religion and the secularization of history writing.

As a result of the Scientific revolution of the 17th -18th cc. a question of the reliability of historical and scientific information provided by the Bible. The British intellectuals were divided into three main groups: orthodox members of the Church of England; 'free-thinkers' or deists; those who differentiated between the Bible as a historical source and the ethical message of the Bible. The author concludes that the debates that ensued helped shape the rationalist approach to religion and the Church, and the secularization of history writing took place.

Keywords: Bangorian Controversy, Gilbert Burnet, British Enlightenment, Conyers Middleton, secularization of historical writing.

V.V. Vysokova, Ph.D., assistant professor of modern and contemporary history of the Ural Federal University (Ekaterinburg). vyssokova@mail.ru.

L.E. Margaryan. The place of Roman history in the interpretation of gender by the British philosophers of the 18th c.

The article analyses the place of Roman history in the views of the 18th–century British philosophers on gender. The author presents a gender analysis of the ‘Decline and Fall of the British Empire’ by Edward Gibbon, as well as of the ‘Memoirs of Agrippine’ by Elizabeth Hamilton, written in polemics with the work by Gibbon.

Keywords: Edward Gibbon, Elizabeth Hamilton, the Enlightenment, civilization and barbarity, Roman matron, Roman law, German tribes, Christians.

L.E. Margaryan, post-graduate student, Department of the theory and history of humanities, the institute of philosophy and history, the Russian State University of Humanities; lyusya-margar@mail.ru

O.N. Shevtsova. The composition of a work on the early Modern history of Russia written in the second quarter of the 19th c.: the "History of the reign of Peter the Great" by N.G. Ustryalov

Article contains the analysis of the "History of the reign of Peter the Great" by N.G. Ustryalov as a literary work in it, and is focused on composition. The composition of work corresponds to views of the historian of Peter I and his activity. The special place within the work is given to the image of Tsarevna Sophia and the affair of Tsarevitch Alexey.

Keywords: composition, N.G. Ustryalov, Peter the Great, plot, culmination, cultural and historical tradition, demonizing, Tsarevna Sophia; Tsarevitch Alexey.

O.N. Shevtsova, Dr. (PhD in philology), South Federal university, associate professor, department of speech communications and publishing

M.P. Walz. The «Logic» by W. Wundt and the theory of A.S. Lappo-Danilevsky

The article analyzes the transformation of the W. Wundt’s concept in the «Methodology of history» by A.S. Lappo-Danilevsky. The author considers the reception of the ideas of Wundt’s «Logic: an investigation into the principles of knowledge and the methods of scientific research» in both humanitarian and natural sciences. Similarities and differences of the methods of natural sciences and humanities are presented. The possibility of using the methods from other fields of knowledge in the field of history and their transformation are revealed. The main focus is on such key problems as interpretation, comparative method, critic as well as their use in scholarship in general and particularly in the field of history.

Keywords: reception, interpretation, A.S. Lappo-Danilevsky, W. Wundt, methodology of history, «Logic», historical critic, comparative method.

M. P. Walz, post-graduate student, department of the theory and history of humanities, Institute of philology and history, Russian state university for the humanities; m_walz@outlook.com

Yu.S. Nikiforov. Communicative culture of the Russian historians of the late 19th – early 20th centuries: interaction and conflicts in the University environment

The article studies the communicative level of the culture of the Russian historian. The author presents a detailed analysis of the communication inside the historical community, as well as the peculiarities of interaction between historians with officials and students in the late 19th – early 20th cc.

Keywords: culture, communication, community of historians, conflict, letter, «the Russian historical school», N.I. Kareyev, M.M. Kovalevsky, I.V. Luchicky, P.G. Vinogradov, M.S. Korelin.

Yu.S. Nikiforov, Dr (PhD in history) Assistant Professor, Department of Russian history, Yaroslavl state pedagogical university; Nikifor2108@yandex.ru

A.E. Zagrebin, O.M. Melnikova. Constructing the national history of Udmurtia: from oral to written history (1920s - early 1930s)

The article discusses the emergence of the history of the Udmurt Republic as an academic discipline in the context of the shaping of the Udmurt nation. The authors suggest that the social orientation of the history of Udmurtia appeared in its subject: ethnic history that focused on the development of archaeological and ethnographic research in the region. The article discusses the research approaches and projects implemented in the 1920s and early 1930s.

Keywords: ethnic history, Udmurts, images of historical memory, historians and authority, ethnic identity.

A.E. Zagrebin, Dr., Director, the Udmurt Institute of History and Literature, Ural Division of the Russian Academy of sciences; adm@udnii.ru

O.M. Melnikova, Dr, Professor, Department of ethnology and history of Udmurtia, Udmurt State University;

S.S. Lazaryan. The educational system of the Russian Empire at the Caucasus in the 1840-50s: tasks and methods

The article analyses the policies of the viceroy M.S. Vorontsov, that aimed to incorporate the Caucasian region into the social and cultural space of the Russian Empire as fast as possible. The most important and effective means to reach this goal were educational institutions of various status and profile.

Keywords: imperial authorities, Caucasus, viceroy, system of education, educational institutions, adaptation, peoples of the Caucasus.

S.S. Lazaryan, PhD in History, associate professor of the Department of the History and Law of Russia and Foreign Countries, Pyatigorsk State Linguistic University, aflost@yandex.ru

S.Ch. Lim. The emergence of the Japanese students in the Meiji Era

The Meiji period (1868–1912) in Japan was the first and crucial period in the development of Japanese students as a significant factor in Japan's rapid modernization. Progressive samurai's youth did not want to put up with the dependent status of Japan. They recognized the importance of overseas study, and went at

their own risk. Young patriots were founders and participants in the construction of the higher education system, which determined the elitism and pragmatism of Japanese students in the Meiji period.

Keywords: the Meiji Era, academic freedom, Imperial University, Japan's students, westernization, Freedom and People's Rights Movement, political elite, social structure, patriotism, nationalism, ideology of "tennosei".

S.Ch. Lim, Dr (PhD in history), Professor, Department of World History, archaeology and anthropology, Far Eastern Federal University, Lcsofia@yandex.ru

E.M. Rosenblum. The 'Acts of Carpus, Papyrus and Agaphonica' as a source for the history of the Montanist Controversy

The article presents a new reading of the "Acts of Carpus" in the light of Buschmann's hypothesis of polemical purpose of the Acta Martyrum as a genre. The author addresses two versions of the "Acts of Carpus", i.e. the Greek and the Latin one. The distinctions between these two versions are not many, but they have theological significance. The Greek version contains Montanist features that were completely wiped out from the Latin one. Understanding the two versions of the "Acts of Carpus" as two literary monuments that belong to two different Christian schools allows us to clarify their role in development of the genre and also solve the problem of their dating.

Keyword: Montanism, Acta martyrum, "Acts of Carpus", persecution, voluntary martyrdom, late antiquity, early Christianity.

E.M. Rosenblum, Dr (PhD in history), Department of World History, the Russian State University for the Humanities (Moscow), lecturer in the History of the Catholic Church, Roman-Catholic Major Seminary "Mary – Queen of Apostles" (Saint-Petersburg). Eugene.rosenblum@gmail.com

E.P. Telmenko. Epistolary controversy of 1496 on the prophetic mission of Girolamo Savonarola

The specific features of the Dominican monk image formed in the views of his opponents and apologists are reviled in the article basing on the analysis of the key issues presented in the controversy broken out among the Italian clergy about the Florentine prophet and reformer Girolamo Savonarola in 1495-1496.

Keywords: the History of the Church, Italy, Florence, Girolamo Savonarola, prophecy.

E.P. Telmenko, Dr., Assistant Professor of Archaeology and World History, Faculty of History, Philosophy and Arts. North-Caucasus Federal University.

A.L. Beglov. "Community, institution, brotherhood..." The quest for identity in the Orthodox parish: the projects and discussions of late XIX-early XX centuries

The article looks at the different concepts of the Orthodox parish that existed among different religious and social groups of the Russian Empire in the late XIX - early XX century. The controversy over the parish question is treated by the author in the context of the state policy concerning the institute of the church-

wardens during the nineteenth century, and also – in the context of social transformation of the post-reform period. The author identifies three main semantic fields of the concept of the parish in the period under review. The author concludes that by the end of the Imperial period the Russian society was far from a consensus about the parish. As a result, the understanding of the identity of the parish was not settled during the discussions and legislative action, but in the course of social transformations of the early Soviet period.

Keywords: historical semantics, Church reform, Orthodox parish, parish institutions, peasant community, parish community, institution of the Church, the brotherhood, Slavophiles, Zemstvo.

A.L. Beglov, Dr (PhD in history). Senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; *beglov.al@yandex.ru*

A.V. Mendyukov. Russian Orthodox Church and its parishioners in Soviet Russia and the emerging totalitarianism

The article analyses the causes and the essence of the religious policies of the Soviet state towards the Orthodox Church as the main confession in the context of emerging totalitarian tendencies in the political life of the country. The author discusses the transition from religious views of the masses to atheism. Archival documents are used to demonstrate the repressive policy of the state towards the Russian Orthodox Church and its parishioners.

Keywords: Orthodoxy, believers, religious policy, militant atheism, folk Christianity, totalitarianism

A.V. Mendyukov, Dr. (PhD in history) Associate Professor, department of social and political sciences, Samara state medical university; *mendyukoff@yandex.ru*

G.D. Selyaninova. The Perm Dialogues of N.V. Ustryalov and D.V. Boldyrev, 1918-1919

The article discusses the ideas that were developed by N.V. Ustryalov and D.V. Boldyrev when they taught at the Perm University in 1918–1919. They overcame the problems of the military communism period, debating the historical path of Russia. Later they worked together as directors of Russian Press Bureau of the Omsk government of A.V. Kolchak.

Keywords: Bolshevism, military communism, revolution, statism, White Movement, National Bolshevism, Smenovekhovtstvo

G.D. Selyaninova Dr. (Phd in history), Associate Professor, Department of Modern Russian History, Perm State Humanitarian Pedagogical University, *gsina@mail.ru*

A.V. Yakovlev. Daily life of ‘not-so-ordinary’ people. New approaches to the history of everyday life

The article presents a new approach to the history of everyday life. The article is focused on the daily life of intellectuals (writers, scholars, artists) of Petrograd at the critical stage of its history. The author pays a good deal of attention to such aspects of everyday life as food, cloths, city services.

Keywords: history of everyday life, history of private life, micro-history, Petrograd, intellectuals, intellectual culture.

A.A. Yakovlev, post-graduate student, department of theory and history of the humanities, institute of philology and history, Russian State University for the humanities ; yakovlevlesha@mail.ru

N.N. Kryuchkov. A.P. Volynsky: real and imaginary crimes

The author examines the criminal charges that accompanied cabinet minister A.P. Volynsky throughout his public career. Not all of the crimes attributed to Volynsky have been proven. Many accusations were voiced in moments of disgrace to discredit rival in the struggle for power and the proximity to the monarch.

Keywords: A.P. Volynsky, Governmental career, bureaucracy, charges of corruption, embezzlement, assault.

Nickolay N. Kryuchkov, Dr. (PhD in history), Associate Professor, department of History and Philosophy, Ryazan State Radio-Engineering University; n.n._kryuchkov@mail.ru

I.R. Chikalova. “Christening of my Children was the Heaviest Blow”: Resistance and Emancipation of Jewesses on the Periphery of the Empire (the case of Paulina and Zinaida Vengerov)

The article is based on the lives of Paulina and Zinaida Vengerov who belonged to the two generations of a family that gave Russian culture a number of outstanding figures. The author demonstrates in which way the emancipation processes have been getting into the Jewish circles. In her memoirs, Paulina Vengerov shows that the majority of Jewish women, especially the elderly ones, resisted any modern trends vigorously. At the same time, the minority, to which her daughter Zinaida Vengerov, belonged had been incorporated into the double process of the ethno-religious and women’s emancipation.

Keywords: Paulina Vengerova, Zinaida Vengerova, emancipation of Jews, women’s emancipation, Jews’ Enlightenment, the 19th – the early 20th centuries, memoirs, periodicals in Russia.

I.R. Chikalova, Dr. Professor, Department of Modern and Contemporary History, Belarussian State pedagogical University; irina_chikalova@mail.ru

S.V. Zanin, O.E. Kosheleva A recently discovered text by Diderot: the ‘Moral Catechism’ for Catherine the Great

A text recently found in archives – a memorial by Diderot addressed to Catherine II, and its Russian translation are published.

Keywords: letter of Diderot, Catherine II, ‘moral catechism’.

S.V. Zanin, Dr., Professor, Department of social sciences and humanities, Samara State Medical University; zansamara@mail.ru

O.E. Kosheleva, Dr., senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; okosheleva61@gmail.com

A.B. Sokolov. A historian ex cathedra: a book by Alan Booth on the best way of teaching history

Review: *Booth A.* History teaching at its best. Historians talk about what matters, what works and what makes a difference. Nottingham: Rippleround Publ., 2014. 230 p.

Keywords: Historical education, higher school, teaching.

A.B. Sokolov, Dr., Professor, Dean, Yaroslavl State Pedagogical University, sokolov_1457@mail.ru

D.V. Mikhel. The phenomenon of Medieval studies in Saratov

Review: *Девятайкина Н. И.* С. М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском городе Саратове. Саратов: Научная книга, 2013. 216 с.

Keywords: S.M. Stam, Saratov University, Medieval Studies.

D.V. Mikhel, Dr., Professor, Dean, Faculty of social sciences and humanities, Saratov State technical University; dmitrymikhel@mail.ru

V.M. Yakovlev. Silent guards and witnesses of history

Review: Муртузалиев С.И., Шрестха К.П. От кавказских вершин до гималайских высей (социоэкономические и этнокультурные перемены в Дагестане и Непале на рубеже XX–XXI столетий) / Под общ. ред. проф. С.И. Муртузалиева. Москва–Катманду: ООО «Изд-во МБА», 2012. 304 с.: ил., карты.

V.M. Yakovlev, Dr. (PhD in Philosophy), vm.yakovlev1@gmail.com

CONTENTS

<i>In Memory of B.G. Mogilnitsky</i>	5
<i>The History of the Great War</i>	
<i>O.S. Nagornaya</i> Humanitarian tendencies out of the ashes of the Great War. Transnational dimension of the repatriation of prisoners of war in Europe...	7
<i>History and theory</i>	
<i>Z.A. Chekantseva</i> Between the Sphinx and the Phoenix: Historical event in the context of reflexive turn in France.....	16
<i>O.V. Vorobieva</i> On the event and eventfulness in historical cognition.....	31
<i>Problems of terminology</i>	
<i>A.S. Mokhov</i> Studies of the Byzantine army: theory and terminology.....	45
<i>L.V. Liakhovich</i> The problem of absolutism in post-Soviet historiography: conceptual aspects and terminology.....	59
<i>Intellectual History today</i>	
<i>V.V. Vysokova</i> ‘Secular’ and ‘Ecclesiastical’ history in Britain of the Enlightenment period: rationalization of religion and secularization of history writing.....	76
<i>L.E. Margaryan</i> The place of Roman History in the interpretation of gender by the British Philosophers of the 18 th c.....	95
<i>O.N. Shevtsova</i> The composition of a work on the early Modern history of Russia written in the second quarter of the 19 th c.: the “History of the reign of Peter the Great” by N.G. Ustryalov.....	110
<i>M.P. Walz</i> The «Logic» by W. Wundt and the theory of A.S. Lappo-Danilevsky.....	124
<i>Yu.S. Nikiforov</i> Communicative culture of the Russian historians of the late 19 th – early 20 th centuries: interaction and conflicts in the University environment.....	138
<i>A.E. Zagrebin, O.M. Melnikova</i> Constructing the national history of Udmurtia: from oral to written history (1920s – early 1930s).....	165

History of education

S.S. Lazaryan

The educational system of the Russian Empire
at the Caucasus in the 1840-50s: tasks and methods..... 181

S.Ch. Lim

The emergence of the Japanese students in the Meiji Era..... 194

History of religion and the church

E.M. Rosenblum

The ‘Acts of Carpus, Papylus and Agaphonica’ as a source
for the history of the Montanist Controversy..... 216

E.P. Telmenko

Epistolary controversy of 1496
on the prophetic mission of Girolamo Savonarola..... 225

A.L. Beglov

“Community, institution, brotherhood...”
The quest for identity in the Orthodox parish:
the projects and discussions of late XIX – early XX centuries..... 241

A.V. Mendyukov

Russian Orthodox Church and its parishioners in Soviet Russia
and the emerging totalitarianism..... 265

History of Russian intelligentsia

G.D. Selyaninova

The Perm Dialogues of N.V. Ustryalov and D.V. Boldyrev, 1918-1919.... 276

A.V. Yakovlev

Daily life of ‘not-so-ordinary’ people.
New approaches to the history of everyday life..... 292

History through personality

N.N. Kryuchkov

A.P. Volynsky: real and imaginary crimes..... 309

I.R. Chikalova

“Christening of my Children was the Heaviest Blow”:
Resistance and Emancipation of Jewesses
on the Periphery of the Empire
(the case of Paulina and Zinaida Vengerov)..... 333

Publications and translations

S.V. Zanin, O.E. Kosheleva

A recently discovered text by Diderot:
the ‘Moral Catechism’ for Catherine the Great..... 347

Reading books*A.B. Sokolov*

A historian ex cathedra: a book by Alan Booth
on the best way of teaching history..... 362

D.V. Mikhel

The phenomenon of Medieval studies in Saratov..... 374

V.M. Yakovlev

Silent guards and witnesses of history..... 378

SUMMARIES..... 382

СОДЕРЖАНИЕ..... 393

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Памяти Б.Г. Могильницкого</i>	5
<i>Из истории Великой войны</i>	
<i>О.С. Нагорная</i> Гуманитарные устремления на пепелище Великой войны: транснациональное измерение европейского опыта репатриации военнопленных.....	7
<i>История и теория</i>	
<i>З.А. Чеканцева</i> Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски.....	16
<i>О.В. Воробьева</i> О событии и событийности в историческом познании.....	31
<i>Проблемы терминологии</i>	
<i>А.С. Мохов</i> Исследования по истории византийской армии: теория и терминология.....	45
<i>Л.В. Ляхович</i> Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты.....	59
<i>Интеллектуальная история сегодня</i>	
<i>В.В. Высокова</i> «Светская» и «духовная» история в Британии в эпоху Просвещения: рационализация религии и секуляризация исторического письма.....	76
<i>Л.Е. Маргарян</i> Место Римской истории в гендерных воззрениях британских просветителей XVIII века.....	95
<i>О.Н. Шевцова</i> Композиция произведения по новой русской истории второй четверти XIX в.: труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого».....	110
<i>М.П. Вальц</i> «Логика» В. Вундта в концепции А.С. Лаппо-Данилевского.....	124
<i>Ю.С. Никифоров</i> Коммуникативная культура российских историков конца XIX в. – начала XX в.: взаимодействие и конфликты в университетской среде.....	138
<i>А.Е. Загребин, О.М. Мельникова</i> Конструирование национальной истории Удмуртии: от устной исто- рической прозы к письменной истории (1920-е – начало 1930-х гг.).....	165

Из истории образования

С.С. Лазарян

Имперская образовательная система на Кавказе
в 40-50-е годы XIX века: задачи и пути развития..... 181

С.Ч. Лим

Особенности становления японского студенчества в период Мэйдзи.... 194

История религии и церкви

Е.М. Розенблюм

“Акты Карпа, Папилия и Агафоники” как источник
по истории православно-монтанистской полемики..... 216

Е.П. Тельменко

Эпистолярная полемика 1496 г.
о пророческой миссии Джироламо Савонаролы..... 225

А.Л. Беглов

«Община, учреждение, братство...».
Поиск идентичности православного прихода
проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX в..... 241

А.В. Мендюков

Русская православная церковь и верующие в Советской России
в условиях формирующегося тоталитаризма..... 265

История российской интеллигенции

Г.Д. Селянинова

Пермские диалоги Н.В. Устрялова и Д.В. Болдырева, 1918–1919 гг... 276

А.В. Яковлев

Повседневная жизнь «не–маленьких людей».
Новые подходы к истории повседневности..... 292

История через личность

Н.Н. Крючков

Артемий Петрович Волынский: преступления мнимые и подлинные.... 309

И.Р. Чикалова

«Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом»:
сопротивление и эмансипация евреек
на периферии Империи
(на примере биографий Паулины и Зинаиды Венгерových)..... 333

Публикации и переводы

С.В. Занин, О.Е. Кошелева

Новые открытия текстов Дидро:
моральный катехизис для Екатерины Великой..... 347

Читая книги...*А.Б. Соколов*

Историк за кафедрой: книга Алана Бута
о том, как лучше преподавать историю..... 362

Д.В. Михель

Феномен медиевистики в Саратове..... 374

В.М. Яковлев

Молчаливые стражи и свидетели истории..... 378

SUMMARIES..... 382

CONTENTS..... 390

ИДЕИ И ЛЮДИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Под редакцией
Лорины Петровны РЕПИНОЙ

В книге рассмотрены исторические изменения в условиях, формах и содержании деятельности интеллектуалов по распространению идей и инноваций. Показано, какое воздействие на формирование интеллектуальных сообществ раннего Нового времени оказывали конфессиональный и гендерный факторы; каковы были принципы организации и производства естественнонаучного знания в XVII – XVIII вв., каким образом в XVIII – начале XX века распространялись и взаимодействовали социально-политические и научные идеи разного толка, каковы были типы научных школ и средства трансляции гуманитарного знания, как культурное наследие Нового времени трансформировалось перед лицом вызовов XX века.

ИДЕИ И ЛЮДИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА ЕВРОПЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ
/ Под ред. Л. П. Репиной — М.: Аквилон, —
2014. — 848 с. — (Образы истории).

А К В И Л О Н

ISBN 978–5–906578–01–3

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ответственный редактор
академик Александр Оганович ЧУБАРЬЯН

Изменение терминологии исторической науки – закономерное следствие ее развития, процесс теоретического переоснащения научного знания включает ввод новых терминов и семантическую трансформацию старых. Содержание словаря составляют статьи четырех уровней, отражающих базовые понятия и категории, теории и концепции исторической науки; подходы и методы исторического исследования; структуру исторического знания. Включены также термины, обозначающие кросскультурные институты и явления всемирной истории, упоминаемые в статьях основных разделов.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ. Терминологический словарь /
Отв. ред. А. О. ЧУБАРЬЯН — М.: Аквилон,
2014. — 576 с. — (Образы истории: изд. с 2004 г. /
Отв. ред. серии Л. П. РЕПИНА).

ISBN 978–5–906578–03–7

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Ответственный редактор
Майя Станиславовна ПЕТРОВА

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам изучения истории идей в разные эпохи. На обширном тематическом материале (идеология и культура, идеи и понятия, текст и образ) авторы демонстрируют, как сосуществовали и влияли друг на друга самые разные традиции, как они усваивались, трансформировались и видоизменялись.

Вып. 1 / Отв. ред. М. С. Петрова —
М.: ИВИ РАН, 2014. — 288 с. М.:
Аквилон, 2014. — 288 с.

(Электронное издание)

<http://roii.ru/publications/intellectual-tradition>

Российское общество интеллектуальной истории
[http://iph.ras.ru/uplfile/histsc/publications/IntTrad_1 -
web_2014.pdf](http://iph.ras.ru/uplfile/histsc/publications/IntTrad_1_web_2014.pdf) <http://iph.ras.ru/campas.htm>

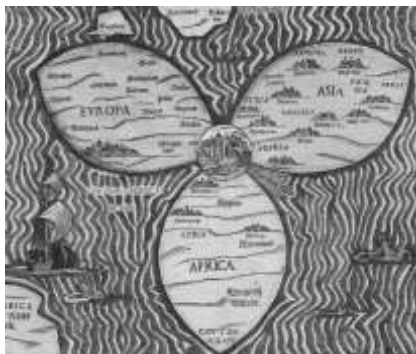
Центр античной и средневековой философии и
науки, Институт философии РАН

Вып. 2 / Отв. ред. М. С. Петрова —
М.: Аквилон, 2014. — 376 с.

Эл № ФС77-54409
ISSN 2307-8189

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ. Том 1 / Отв. ред.
И. Г. Коновалова. — М.: Кругъ,
2012. — 576 с.

ISBN 978–5–7396–0245–9
ISSN 2307–8200

В первом томе помещены статьи, отражающие широкий хронологический спектр и проблемный репертуар современной исторической географии, а также ее источниковедческие ресурсы и методики. В статьях представлены историко-географические реконструкции в контексте археологии, ономастики, исторического источниковедения, этнографии и устной истории, исследованы географические образы различных регионов и общественно-политический потенциал геопространственных конструктов, рассмотрены вопросы методики и преподавания исторической географии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ. Том 2 / Отв.
ред. И.Г. Коновалова. — М.:
Аквилон, 2014. — 560 с.

ISBN 978–5–906578–02–0
ISSN 2307–8200

Во втором томе помещены исследования, посвященные исторической географии путей сообщения и землевладения Древней Руси; географическим образам стран и регионов; истории картографии XVI – начала XVII века; новым архивным источникам по истории землепользования и лесного дела; исторической топонимике; роли геонисторических конструктов в современной внешнеполитической мысли.

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

48 / 2014

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 27. 06. 2014
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624